

T.ME/ANONYMOUSBOOKCLUB

СЕРДЦЕ ДАИВБЕРА

Автор Международных Бестселлеров

К. А. НАЙТ

Когда я впервые встретила Тайлера Лукаса, мне было семнадцать. Мне хватило одного лета, чтобы влюбиться в него... и я влюбилась сильно, слишком сильно, и не только в него...

Черeda неудачных решений и поступков вынуждает меня покинуть его и нашу семью. Мне нужно снова обрести себя, и для этого необходимо глубоко погрузиться.

В свои двадцать четыре года я — первоклассный дайвер и исследователь, один из лучших. Но когда моя новая работа сталкивается с моим прошлым, удастся ли нам работать вместе, особенно когда ставки так высоки?

Под водой все может пойти не по плану, и когда это произойдет, у нас будет только два варианта — работать вместе, чтобы выжить, или развалиться на части и умереть.

Мы опустимся вниз, прямиком в пропасть.

К. А. Найт

Сердце Дайвера

Перевод выполнен: tg. клуб анонимных читателей / t.me/anonymousbookclub

Некоторые места лучше никогда не исследовать...

ВВЕДЕНИЕ

Когда я впервые встретила Тайлера Лукаса, мое сердце пропустило удар. Мне было семнадцать лет. Ему было двадцать три, метр девяносто и сто четыре килограмма олицетворения настоящего секса. Его загорелая кожа блестела от воды, когда он переваливался через борт лодки моего отца. Когда он блеснул своими жемчужно-белыми зубами в высокомерной ухмылке, я влюбилась. Сильно влюбилась.

Потребовалось всего одно лето, чтобы я влюбилась в него, совершенно бесповоротно полюбила. По словам моего отца, такую любовь редко встретишь. Мы провели лето, исследуя мир вместе с моим отцом, изучая все вокруг. Тайлер был опытным дайвером, но нуждался в совете по созданию собственной компании вместе со своим братом и друзьями, и мой отец с радостью оказал помощь. Мы проводили дни в воде, а ночью сворачивались калачиком на крошечных кроватях под палубой. Время пролетело слишком быстро, и вскоре лето закончилось, и он был готов уехать... чтобы заняться своим будущим. Но он взял меня с собой, к радости и печали моего отца.

Он заглянул в мои глаза и сказал, что настало время для моих собственных приключений.

Я была так взволнована... но когда я встретила брата Тайлера, мой желудок опустился, а сердце бешено заколотилось от его присутствия.

А когда я встретила с двумя их друзьями? Я ненавидела себя. Мне приходилось скрывать это. Я любила Тайлера... только Тайлера, верно? Так почему же мое сердце так колотилось рядом с ними? Чем больше времени мы проводили вместе, сближаясь все больше, я поняла, что у меня есть проблема.

Наша жизнь представляла собой постоянное приключение с поворотами и препятствиями, подобно пещерам, которые мы исследовали, но когда наступил критический момент...

Я сделала то, чего, как мне казалось, никогда не сделаю. Я ушла. Оставила свою семью, чтобы защитить их, чтобы спасти. Я оставила свое сердце на нашей лодке и потеряла себя в глубоком синем океане этого мира.

И вновь отправилась на поиски самой себя.

Это наша история.

Это мое сердце дайвера.

ПЕЙТОН

Четыре года спустя...

Тайлер что-то замышляет. Я знаю это.

Когда я вынырываю на поверхность и снимаю маску, я оглядываю почти пустую лодку. Где все? Я забираюсь на надводный борт, откидываю волосы назад, очищаю нос и глаза от воды, подтягиваю уставшие ноги и снимаю ласты. Поднявшись на усталые ноги, я затаскиваю снаряжение на палубу, сажусь на край, отстегиваю баллоны и опустошаю их. Я убираю все на место, собираюсь проверить позже, и расстегиваю молнию на гидрокостюме, спуская его до талии. Я вытираю мокрые волосы, пока средиземноморское солнце начинает садиться, но на улице по-прежнему тепло. Вода стекает по моей коже, когда я ступаю на палубу арендованного судна.

Очередной богач, ищущий какую-то цель. Вот кто финансирует нас сейчас.

Однако это выгодно для нас, и на сей раз речь идет о поисках сокровищ. Мы искали почти три года, и сегодня? Сегодня мы, блять, нашли их, так что мы должны праздновать... радоваться.

Так где все?

— Тай? — зову я, оглядываясь по сторонам. Может, они внутри или внизу?

— Кален? — кричу я, мой язык заплетается на имени человека, которого я, вероятно, не должна звать. — Риггс? Фин?

Тишина. Даже волны, разбивающиеся о борт лодки, не шумят с того места, где мы пришвартовались у берегов какого-то неизведанного острова. Сокровища находятся под его поверхностью, доступ к ним возможен только через систему пещер, которую мы нашли, нанесли на карту, а вчера проникли в сокровищницу.

Прикусив губу, я морщу брови, просовывая голову через раздвижную стеклянную дверь на камбуз яхты, на которой мы находимся. Серьезно, где они? Обычно Риггс сидит здесь за компьютерами, работая над своим программным обеспечением для составления карт, но даже мониторы выключены. Фин не у штурвала, Калена нигде не видно, и где, черт возьми, Тайлер? Он должен был встретить меня на палубе после того, как поднялся первым,

запустив свои декомпрессионные остановки¹ раньше меня.

Я впадаю в панику. Дерьмо, а вдруг что-то пошло не так? Я выбрала довольно длинный путь назад, исследуя риф, когда увидела, что он находится около лодки.

— Тай? — едва не кричу я. — Тай?

Наверху раздается шум, я хватаюсь за металлическую перекладину рядом с лестницей и быстро поднимаюсь на палубу, чуть не свалившись на пол. Но когда я добираюсь наверх, я замираю, мои глаза расширяются, а грудь сильно сдавливает.

В желудке поднимается тошнота, и мне трудно дышать. Он улыбается мне, полагая, что это просто шок... а не чувство вины и паники.

Он опускается на одно колено в сердце, сделанном из ракушек. Ракушек, которые мы вместе собирали по всему миру. Его черные волосы зачесаны назад, по-прежнему влажные. Его голубые глаза широко раскрыты и полны счастья, а губы, которые я так люблю, разошлись в трепетной улыбке. Его грудь, как всегда, обнажена, демонстрируя впечатляющие мышцы, нижняя часть обтянута шортами, а ступни голые.

В его руке — кольцо.

— Пейтон Эндрюс, я люблю тебя с первого момента нашей встречи, и с каждым днем я влюбляюсь в тебя все сильнее, — я сглатываю, когда на глаза наворачиваются слезы. Я хочу сбежать, хочу притвориться, будто этого не происходит. — Ты мой лучший друг, моя семья... так почему бы не сделать это официально? Детка, жить без тебя — это как нырять без баллона — бесполезно и лишено воздуха.

— Тай... — начинаю я, пытаюсь остановить его.

Как Кален мог допустить это?

Как я могла?

О Боже! Все возвращается. Все, что я пыталась похоронить так глубоко, и мне приходится сглатывать желчь. Чувствую слабость и дрожь, кажется, что я могу свалиться за борт — по крайней мере, так было бы легче.

— Пейтон... я спрашивал твоего отца до... до того, как он умер, потому что я знал, что ты — единственная, с кем я хочу провести остаток жизни, исследуя мир. Ты выйдешь за меня замуж?

Я не могу говорить.

Он поджимает губы, и в его глазах появляется беспокойство.

— Детка, ты в порядке?

— Я... — я тяжело сглатываю, слезы свободно стекают по моему лицу, пока я пытаюсь не закричать от несправедливости происходящего. Я люблю этого мужчину, и когда-то все это было моей мечтой... но я не могу. Я не могу этого сделать. Не могу причинить ему такую боль, ведь рано или поздно он узнает правду и возненавидит меня. Я этого не вынесу.

Это разрушит нашу семью.

Я не могу этого допустить, даже если это означает разбить его сердце прямо сейчас. Даже если это означает бросить самое лучшее, что когда-либо случилось со мной.

— Я... Тай, я не могу.

Он моргает, медленно опуская руку.

— Что? Пейтон, ты говоришь «нет»? — недоверчиво спрашивает он.

Я киваю и качаю головой, и он поднимается на ноги, прежде чем броситься ко мне. Он обхватывает мои щеки, пытаюсь заглянуть мне в глаза.

— Детка, что случилось? Я думал... думал, ты любишь меня? — он звучит так

растерянно. Боже, как бы я хотела забрать свои слова. Он приложил столько усилий ради этого... Черт, я ужасный человек.

— Я хочу, — задыхаюсь я, рыдания сотрясают мое тело. — Хочу, Тай, правда хочу, но я не могу. Прости, я не могу выйти за тебя...

Он пятится назад, отвернувшись, и я замечаю блеск в его глазах и дрожь в конечностях, когда солнце садится.

— Хорошо. Я... ага, ладно. Сейчас не время, ты не готова. Я понимаю...

О Боже, даже сейчас он пытается защитить меня и сделать так, чтобы со мной все было в порядке, как всегда. Словно в тот раз, когда мы оказались окружены акулами, и он нырнул под воду, чтобы спасти меня. Или когда в моем баллоне закончился запас воздуха, и мы попали в отстойник², а он остался дышать вместе со мной, подвергая свою жизнь риску. Он всегда защищал меня, любил меня. Боже, он заслуживает гораздо большего, чем женщина, которая вожделеет других. Вожделеет его семью.

Я знаю, что должна сделать. В этот раз я должна защитить его. От меня.

— Тайлер, нет, я больше так не могу.

Он поворачивается ко мне, сбитый с толку.

— Детка, что ты...

— Все кончено, — выпалила я. — Прости, я больше не могу быть с тобой.

Слова срываются с моих губ, и он отшатывается назад, словно я ударила его. Его сердце разбивается прямо на моих глазах. Он тянется ко мне, браслеты, которые я сделала для него, обвивают его запястье вплоть до предплечья, по одному на каждую пещеру, в которой мы побывали.

— Пей...

Я качаю головой и отступаю назад, ударяясь о ступеньки.

— Мне жаль, Тай. Все кончено, я не могу этого сделать. Пожалуйста, отпусти меня, — затем я разворачиваюсь, как цыпленок, не в силах выдержать растерянность и душевную боль, написанные на каждой красивой линии его лица и сокрушенного тела. Я сползаю вниз по лестнице, как в тумане. Я слышу, как он кричит, а потом начинает плакать. Мои собственные слезы текут с новой силой.

Я возвращаюсь в свою каюту и оглядываю пространство, которое мы разделяли. Повернувшись, я хватаю рюкзак и запикиваю туда свою одежду и вещи, замешкавшись у приклеенной на стене фотографии, на которой изображены мы с отцом. Мы оба в снаряжении и улыбаемся под лучами солнца. Это был наш первый совместный выход в море... тот, где я встретила Тайлера.

Я целую снимок.

— Прости меня, папочка. Я так сильно облажалась в этот раз. Дыханием тут не поможешь. Я не думаю, что это можно исправить, — я почти слышу его вздох, когда он говорит мне, что все поправимо. Но не это.

Только не с его сердцем.

Не с моим.

Я застегиваю рюкзак, и когда я поворачиваюсь, то вижу, что Кален стоит у двери. Его темные глаза смотрят на меня, и что самое страшное? В них — осознание, разочарование. Он знает, что и почему я делаю, и возненавидит меня за это.

Они все возненавидят меня.

Он открывает рот, потом качает головой и отступает назад, не загораживая дверь. Не

останавливая меня. Я спешу мимо, и с каждым шагом мое сердце разбивается все сильнее.

— Надеюсь, ты знаешь, что только что выбросила, — шепчет он позади меня.

Я знаю, но это никогда не было проблемой. Я выбросила свою жизнь и единственного мужчину, который когда-либо любил меня. Всю мою семью. Я разбила ее, но это лучше, чем разрушить ее полностью.

Это лучше, чем я разрушу ее.

Лучше пусть они ненавидят меня, а не друг друга.

Я слышу, как Риггс и Фин пытаются успокоить Тая, спрашивая, что случилось, пока я добираюсь до задней площадки и подбираю ботинки. Я бросаю свой рюкзак в надувную лодку. Не смотрю ни вверх, ни назад, — не могу, иначе рухну на колени и начну умолять их понять. Не ненавидеть меня.

Трясущимися, непослушными пальцами я отвязываю лодку и запрыгиваю на нее. И тут я слышу его.

— Пейтон! — кричит он.

Я поднимаю голову и встречаю взгляд голубых глаз с разбитым сердцем: он стоит у лестницы, грудь вздымается. Я ясно вижу по лицу, он умоляет меня не делать этого. Не оставлять его.

Не оставлять их.

Не разбивать его сердце на тысячу осколков и не топить в глубинах под землей.

Я смотрю на него, запоминая. Руки, которые держали меня во время моих кошмаров. Глаза, в которых заключены все наши надежды и мечты. Губы, которые шептали мне столь ласковые слова, когда я думала, что не смогу больше жить. Сердце, в котором он бережно хранил мое, и которое он так легко отдал мне. Бескорыстно. Я знаю каждый сантиметр этого мужчины, знаю его мечты. Его надежды.

Его боль и страхи.

И я все равно отворачиваюсь и завожу двигатель, сидя на скамейке, и смотрю в противоположную сторону от него. Я не в силах вынести этого, не в силах вынести раздавленного выражения его лица, пока я вырываю его сердце, измельчаю в своих руках и оставляю его там, на палубе, где всего несколько часов назад мы смеялись и целовались.

Я мчусь прочь, рассекая волны, рыдания разрывают мою грудь, а слезы застилают глаза. Но я слаба, так чертовски слаба. Я оглядываюсь назад, и они стоят там, все четверо. Их силуэты освещены лучами заходящего солнца, все они стоят на палубе и наблюдают за моим бегством, наблюдают, как я убегаю от всего, чем мы являемся.

Наблюдают, как я покидаю их.

Это к лучшему, хочу крикнуть я, но не делаю этого. Вместо этого я разворачиваюсь и оставляю свое сердце там, у четырех мужчин, которые завладели им, даже не подозревая об этом.

Все сделано.

Все кончено...

ПЕЙТОН

Три года спустя...

— Ты слышишь меня, Минноу³?

Отгоняя воспоминания, я прячу жемчужное ожерелье обратно под костюм и застегиваю молнию. Голос Майкла пробивается сквозь мою маску. Обычно я надеваю черную маску поменьше, но так легче общаться, когда он остается на лодке, а я ныряю.

— Я слышу тебя, — говорю я ему. — Я возвращаюсь. Все уже нанесено на карту и готово к завтрашним раскопкам.

— Давно пора, не могу дождаться, когда мы закончим с этой пещерой, — она чертовски страшная. Она будет снится мне в кошмарах, — солнце сюда не проникает, фонарь на моем шлеме — единственный способ видеть, освещая темные глубины.

Что-то в том, что я здесь, внизу, первый человек, который когда-либо исследовал это место, вызывает у меня головокружение, как и всегда. Мне нравится исследовать удивительную природу этой планеты и то, что она может предложить, но так много осталось неизведанного. Когда я ныряю, когда оказываюсь одна в темных водах и вижу то, что никогда не было видно человеческому глазу, я чувствую себя целостной.

Только в такие моменты.

Я смеюсь, выдувая пузырьки обратно, когда мягкими толчками ног выталкиваю себя из отверстия тенистой пещеры в темную синеву открытых вод. Постепенно я поднимаюсь на поверхность. Здесь не слишком глубоко, так что нет необходимости декомпрессировать или беспокоиться о поворотах, но повсюду ил, из-за которого трудно видеть даже с моими слабыми движениями.

Чем выше я поднимаюсь, тем прозрачнее и ярче становится вода, ее озаряет солнце. Я замечаю основание лодки и нацеливаюсь на заднюю часть. Когда всплываю на поверхность, снимаю маску и протираю глаза, откидывая волосы назад, чтобы посмотреть на Майкла. Он сидит на бортике в тени, его серая шляпа сдвинута назад, пряди светлых и седых волос выбиваются из-под нее. Его крепкое тело слегка полновато от старости, не то чтобы я когда-либо говорила ему об этом, а его кожа смуглая в результате пребывания под открытым солнцем и многих часов, которые мы провели под ним в последнее время.

Его морская татуировка видна из-под обрезанной майки, которая заправлена в шорты цвета хаки, а ноги у него босые. На шее у него висит золотая цепочка, отражающая солнечные лучи. Он протягивает мне свою покрытую шрамами руку, и я сжимаю ее, когда он подтягивает меня к себе.

Усевшись на палубу, я позволяю ему помочь мне снять с себя снаряжение. Раздевшись, я снимаю костюм и хватаю полотенце, которое он бросает мне. Я промокаю волосы, прежде чем накинуть полотенце на плечи.

— Ну что, зверь наконец-то готов? — он смеется, открывает пиво и передает мне.

Я отпиваю, отрывая, прежде чем вытереть рот. Нет необходимости быть женственной рядом с ним. К тому же, после того, как я всю жизнь прожила в тесном контакте с мужчинами, у меня появились дурные привычки.

— Спасибо, черт возьми, — отвечаю я, потрепав волосы, пока на руке скапливается конденсат от бутылки. — Передай им по рации. Сегодня вечером мы причалим, а завтра уберемся отсюда к чертовой матери. Не могу дождаться, когда наконец это место останется позади.

— Мы с тобой вместе, малыш, — он хлопает меня по плечу, заставляя меня покачнуться вперед, и смеется. — К следующему приключению.

— Всегда, — киваю, откидываясь на спинку сиденья и закрывая глаза, позволяя солнцу согреть мою кожу и высушить меня. Потягивая пиво, я расслабляю свои уставшие мышцы. Я слишком много часов провела под водой, и это дало о себе знать, но я хотела покончить с этим зверем. Майкл прав — это было сучье погружение, и я не могла дождаться, чтобы закончить с этой работой.

Когда лодка оживает, я слышу его голос по радио, что заставляет меня открыть глаза и со вздохом выпрямиться. Мой пресс напрягается от движения, выставляя напоказ мои шесть кубиков. Это, мать его, заработано тяжелым трудом, но быть дайвером и заниматься исследованиями подразумевает, что ты должен быть сильным. Черт, да у меня такие мышцы рук, каких нет даже у мужчин. Я могу поднять около ста десяти килограммов благодаря многолетней работе по поднятию баллонов и оборудования.

Мои длинные светлые волосы прилипли к спине, заставив меня вздохнуть. Мне нужно их подстричь, но это означает, что придется взять перерыв в работе, чтобы сходить к парикмахеру. У меня такие же глаза, как у моего отца, ярко-зеленые — изумрудные, говорил он мне. Черт, как-то раз он даже держал рядом с ними изумруд, который мы нашли, чтобы доказать это.

У меня также его рост, все метр семьдесят пять сантиметров, но у меня мамины формы. Никакие тренировки и занятия спортом не помогают избавиться от них. Моя левая нога покрыта татуировками от бедра до лодыжки. Лодки, сокровища, черепа, море и прочее. На правом бедре красуется укус белой акулы, и я улыбаюсь, вспоминая тот день, когда это случилось.

Но от воспоминаний меня отрывает оклик Майкла.

— Что? — огрызаюсь я, поднимаясь, отпивая пива и направляясь в крошечный камбуз, где он стоит у штурвала. — В чем дело, старик?

— Звонок, — он протягивает телефон, и я делаю глоток пива, прежде чем взять его.

— Да?

— Пейтон, это мистер Роджерс, — я моргаю и искренне улыбаюсь, моя бутылка с пивом болтается в одной руке, которую Майкл притворно пытается украсть, поэтому я

отпихиваю его.

— Стив, как дела? — непринужденно спрашиваю я. Поскольку он один из тех богатых мужчин, которые мне действительно приятны, я прилагаю искренние усилия, а не играю в любезность ради погружения или финансирования.

Он смеется, зная, что я ненавижу светские беседы.

— Я в полном порядке, а ты сама как, Пейтон?

— Хорошо.

— Я знаю, что ты работаешь... — он прерывается, шелестя бумагами, пока я прислоняюсь к стене кабины.

— На самом деле как раз закончила, — отвечаю я.

— Прекрасно! У меня для тебя есть одна работа, если тебе интересно. Двойная оплата.

— Почему двойная? — обычно это означает, что задание более опасное... или что оно мне не понравится.

— У меня уже есть команда, и они давно готовы, но мне нужен кто-то, на кого я могу положиться, кто сможет контролировать и отчитываться. Не говоря уже о том, что... ты — лучшая.

— Вторая лучшая, — автоматически поправляю я. Есть только один человек, который лучше меня разбирается в том, чем мы занимаемся, в основном потому, что мой отец обучил его — Тайлер. Я встряхиваюсь и опускаю руку, когда понимаю, что играю со своим ожерельем. — Что за исследование?

— Новая система пещер глубоко в джунглях у побережья Южной Америки. Ты же знаешь, мне нравится быть первым человеком, который ступает в подобные места. В ближайшие несколько месяцев прибудет съемочная группа, и мне нужно, чтобы к тому времени это место было картографировано и максимально обезопасено.

— Поняла, — киваю я. — Ты думаешь, там есть что-то интересное?

— Не знаю, на него наткнулись после урагана, и это меня заинтересовало.

О, не сомневаюсь. Стив — человек, у которого есть деньги, и он их прожигает. Не то чтобы я жаловалась, поскольку он поддерживает мой бизнес и исследует мир в тех местах, где большинство других остановились. Другие стремятся к звездам, а я стремлюсь к неизведанным глубинам нашей планеты. Это звучит интересно. Неизведанные пещеры — это весело, множество погружений и составление карт, что является моей любимой частью, а не охота за сокровищами, чем я занимаюсь сейчас. Мне искренне нравится совершать открытия и работать на благо.

— Я в деле. Я смогу быть там через несколько дней.

— Хорошо, к тому времени они будут готовы. Я сообщу им о твоём участии.

— Им это может не понравиться.

— Может и нет, но это мои деньги, так что они согласятся.

Я хмыкаю, поглядывая на часы на пульте управления. Черт, уже поздно. Если мы хотим вернуться и пополнить запасы до утра и отправиться на встречу через пару дней, нам нужно выдвигаться сейчас.

— Могу сказать, что тебе не терпится поскорее приступить к делу. Увидимся через несколько дней на брифинге на объекте.

— О, я знаю их, команду? — с любопытством спрашиваю я. Таких, как мы, не так уж много, и я знаю некоторых из них. Некоторые — мошенники и ничтожества, и мне нужно убедиться, что они не такие.

— Я так не думаю, но я вас познакомлю. Я также отправлю информацию и координаты, свяжись с Мэри, как всегда, — уклончиво предлагает он. — Увидимся там! Удачного пути, — говорит он, прежде чем повесить трубку.

Пожав плечами, я смотрю на Майкла.

— Эй, у нас тут дело. Давай вернемся, сдадим лодку и пополним запасы. Мы вылетаем ближайшим рейсом.

Время для нового приключения.

Новый день, новое погружение.

ПЕЙТОН

Нам не приходится долго ждать рейса, всего двенадцать часов, учитывая, что наше последнее погружение было исключительно в морские пещеры без декомпрессионных остановок. Это дает нам время вернуть лодку и подвести итоги нашей работы с довольным клиентом. Он сообщает нам, что передаст сокровища в музей, что вызывает у меня улыбку. Именно там они и должны быть, а не храниться как реликвии у богачей.

После этого мы едим и расслабляемся, обзванивая компании, чтобы заказать снаряжение, которое нам понадобится. Мы всегда все делаем сами — никогда не поручайте другому заниматься вашим снаряжением, доверяйте только себе. Я связываюсь с Мэри по этому поводу и уточняю местоположение, чтобы нам прислали кое-какое снаряжение, а также убеждаюсь, что у них есть все, что нам понадобится. У них все есть, даже такое причудливое оборудование, как гидролокаторы. Похоже, они не жалеют средств.

Я не слишком беспокоюсь об оборудовании, так как Майкл сам выбирает его, чтобы убедиться, что мы получаем правильное снаряжение — лучшие компьютеры и оборудование — от некоторых компаний, которым мы доверяем. У каждого дайвера есть свой тип снаряжения, который он предпочитает, и я не отличаюсь от других. Однако я всегда беру с собой свой верный компас, который отец подарил мне во время моего первого погружения.

Мы также немного вздремнули, прежде чем отправиться в крошечный аэропорт на острове. Полет довольно длительный, но я уже привыкла к ним, и сплю почти весь путь, прежде чем просматриваю распечатку электронных писем о том, куда мы отправляемся.

Место захватывающее. Кажется, что это глубокая подводная пещера с отстойниками и неисследованными ходами. Туда еще практически не спускались, и мы будем первыми. Это наполняет меня адреналином и волнением, которых я так жажду.

Единственные вещи, которые я теперь чувствую.

Каждое новое погружение труднее предыдущего, так как я стараюсь почувствовать себя живой. Я понимаю, что тереблю свое ожерелье, и отпускаю его, заставляя себя расслабиться. У нас впереди много работы, так что, возможно, это последний раз, когда я могу расслабиться в ближайшее время.

Но усталость — часть работы, и в конце концов, это только придает ей смысл.

Когда мы приземляемся, наше снаряжение уже ждет в отеле. Я осматриваю его, удостоверяясь, что все в порядке и учтено. Ваше снаряжение — ваша безопасность во время погружений в пещеры, и вы должны относиться к нему с уважением и регулярно проверять его. Мои ласты выглядят как новые и хорошего качества, так же как мокрый и сухой гидрокостюмы⁴. Полнолицевая маска — новейшая разработка, в нее встроены средства связи и освещения. У меня есть мои баллоны, упряжь⁵, основной и дополнительный фонари. Мой нож, компьютеры⁶, компенсатор плавучести⁷, регуляторы⁸, баллоны и альпинистское снаряжение уже отправлены на объект, также как и деко, страховочные баллоны и мое дополнительное снаряжение. Мы не можем взять все это с собой, поэтому пещерные дайверы учатся путешествовать налегке и не брать с собой ненужные вещи, но всегда иметь с собой дополнительное снаряжение. Там, внизу, что угодно может пойти не так, поэтому нужно быть готовым к неожиданностям.

У меня есть термобелье, которое я надеваю под костюм, и пара комплектов одежды и предметов первой необходимости в рюкзаке. Я прихватываю свою бандану и сумку, — и вот мы готовы к путешествию. В тот вечер мы ужинаем в отеле, прежде чем сесть на другой самолет, после чего летим на морском самолете, добираясь до лодки для дайвинга.

Мы оба устали, поэтому спим несколько часов, пока солнце все еще не встало и рассекает волны на пути к острову. Туда можно добраться только на лодке или вертолете с корабля. Корабль доставляет последнее снаряжение, склад, заполненный баллонами, тросами, запасами продовольствия, водой, фонарями, скутеры DPV⁹ и многое другое. Это впечатляет.

Мне не терпится поиграться со всем этим оборудованием.

Когда восходит солнце, я уже проснулась и стою на палубе, потягивая кофе из кружки. Ярко-синяя вода разбивается о борт лодки, и я замечаю, что приливы и отливы сегодня довольно сильные, что заставляет меня усмехнуться.

Затем мы подплываем к острову, и я замираю в благоговении. Черт, я люблю исследовать новые места. Видеть их, гадать, какие еще секреты они могут скрывать. Остров возвышается над океаном, как необузданный зверь, бросая вызов нам, чтобы мы покорили и исследовали его.

С нашей стороны в небо уходят огромные скалы, поросшие деревьями и листвой. Майкл присоединяется ко мне на палубе, пока мы смотрим на вид.

— По словам капитана, мы причалим у края скалы, а потом нам придется карабкаться вверх по утесу. До базового лагеря две мили¹⁰. Когда будешь там, сообщи им, что корабль ждет, чтобы они могли перетащить снаряжение наверх.

— Да, черт возьми, — бормочу я, допиваю кофе и спешу внутрь, чтобы натянуть гидрокостюм поверх шорт и майки. Я заправляю ожерелье и собираю волосы в хвост, а затем беру маску. — Мы собираемся совершить свободное погружение¹¹ в это дерьмо, — говорю я ему, пока он ругается и влезает в свой костюм. Я хватаю рюкзак, накидываю на спину, и жду в задней части лодки.

Когда двигатель выключается и якорь опускается, я оглядываюсь назад и показываю большой палец вверх капитану, а Майкл встает рядом со мной.

— Наперегонки, старина.

— Гребаная Минноу, ты знаешь, что выиграешь, — бормочет он, когда я поворачиваюсь

и ступаю на надводный борт.

— Не моя вина, что мой рекорд по задержке дыхания — одиннадцать минут, — поддразниваю я и, повернувшись, ныряю в прохладную воду.

Я первой добираюсь до обрыва и взбираюсь на выступ возле подножия. Сняв маску, я закрепляю ее на бедре и беру мел, покрывая им ладони, чтобы облегчить подъем. Здесь уже есть спусковой крюк, веревки и скобы. Я хватаю одну из касок, лежавших на ящике с припасами, и натягиваю ее.

Безопасность превыше всего.

Я закрепляю себя на веревке, но вместо того, чтобы использовать ее для подтягивания, я начинаю карабкаться. Используя небольшие камни и выступы, я упираюсь пальцами ног и рук, подтягиваясь и отталкиваясь ногами. На полпути вверх по стене я слышу Майкла внизу. Ухмыляясь, я ищу следующую опору для рук и нахожу одну поперек стены. Я перепрыгиваю к следующей опоре, раскачиваясь, и пытаюсь найти опору для ног.

Я слышу, как Майкл кричит, и когда надежно закрепляюсь, смотрю вниз и вижу, как он смотрит на меня.

— Да ладно, старик, что за жизнь без небольшого риска? — подмигнув, я начинаю подниматься к краю обрыва, двигаясь быстро и легко. Подтянувшись на вершину, я отвязываюсь и смотрю вниз на Майкла, который двигается медленно, но уверенно. Сняв шлем, я раздеваюсь, складываю костюм и убираю его в специальный мешок, после чего надеваю солнцезащитные очки и оглядываю лес, раскинувшийся перед нами.

К участку ведет расчищенная тропинка, и я не могу дождаться, когда доберусь туда и приступлю к работе. Волнение переполняет меня, и я почти подпрыгиваю на месте в ожидании Майкла. Я оглядываюсь на океан, замечая лодку, которая отсюда кажется просто точкой, и бескрайнюю синеву, простирающуюся вдаль, докуда я могу видеть.

В этом мире еще так много интересного — невиданные места, непройденные тропинки, скалы, на которые никогда не забирались, пещеры, куда никогда не ныряли... и я планирую отыскать их все. Начиная отсюда. Это погружение — то самое, которое положит начало всей моей карьере, я чувствую это.

Когда Майкл поднимается на вершину, я с улыбкой поворачиваюсь к тропе.

— Давай сделаем это, — я подмигиваю ему, и он улыбается, качая головой.

— К следующему приключению.

— Всегда, — соглашаюсь я, когда мы углубляемся в лес.

ПЕЙТОН

Мои ноги горят, а пот стекает по лбу и спине. Мне это нравится, боль лишь заставляет меня двигаться дальше. Это не самый длинный поход, но пробираться через тропический лес после двух недель постоянных погружений — тоже нелегко. Местность неровная и холмистая, и хотя они прорубили дорогу сквозь листву, нам все равно приходится карабкаться, пригибаться, преодолевать воду, взбираться на небольшую гору и спускаться с нее.

Майкл пыхтит позади меня, когда мы достигаем нижней точки и преодолеваем последнюю милю¹² между нами и лагерем. Секунда — и мы в лесу, над нами воркуют обезьяны и снуют змеи, а в следующую секунду мы уже вышли на поляну.

К лагерю.

Это удивительно, и вы определенно можете сказать, что Стив богат. Палатки установлены по периметру с предупреждающими устройствами от хищников. Место для погружения огорожено, рядом с ним находятся припасы, ожидающие своего часа. Здесь есть костры, подготовленные к розжигу, посадочная площадка для вертолетов, один из которых находится прямо здесь, и вокруг суетятся люди, несущие оборудование, поднимающиеся из пещеры и помогающие обустроиться.

Это невероятно, одно из лучших мест, в которых я когда-либо была.

— Господи, малыш, ты только посмотри на это. По сравнению с этим наша последняя лодка держалась на скотче, — Майкл смеется, обхватывая меня за плечи. — Наконец-то у нас все получилось, малыш, как ты того и заслуживаешь.

— Не становись таким мягким со мной, старик. Пойдем, представимся и начнем, — я ухмыляюсь, отстраняясь.

— Просто не терпится туда спуститься, а? — бросает он и смеется, следуя за мной. Мне улыбаются и быстро здороваются, пока я двигаюсь по лагерю. Я замечаю Стива, разговаривающего с огромным чернокожим мужчиной со свирепым видом, но когда он замечает меня, он отпускает его и поворачивается с ухмылкой, широко раскинув руки, показывая лагерь.

— Ты здесь! — я встречаю его на полпути, чтобы обнять. Когда он отпускает меня, я

бросаю свое снаряжение на землю и осматриваюсь.

— Это впечатляет, — говорю я ему, и он улыбается еще шире.

— Это так, не правда ли? Не могу дождаться, когда ты увидишь саму пещеру. Мы почти ничего не делали, только планировали наш поход, но об этом мы можем поговорить позже, во время брифинга. Я уверен, что вы устали. Позволь мне проводить тебя в твою палатку, прежде чем ты встретишься с командой.

— Спасибо, — киваю я, хватая свой рюкзак и закидывая его на плечо. — И еще, сообщите им, что корабль уже здесь и ждет разгрузки.

Он кивает и зовет кого-то, пока я снова оглядываюсь вокруг, замечая огромную дыру в земле, вокруг которой построен лагерь. Очевидно, это спуск в пещеру и вход в камеру. Мне не терпится спуститься по ней и посмотреть, что приготовила для нас мать-природа.

Стив оборачивается и направляет нас через лагерь, по ходу болтая, — его голос наполнен спешкой и волнением. Это еще одна вещь, которая мне в нем нравится: у него душа авантюриста, просто он слишком поздно включился в игру, чтобы заниматься дайвингом и исследованием. Вместо этого он финансирует других, чтобы каждый мог увидеть, что может предложить мир.

Он мог бы потратить свое огромное состояние на что угодно, но он выбрал это, и за это я его уважаю. Он делает это не ради прибыли, хотя это и способствует, а потому что хочет вдохновить и доказать, что наш мир невероятен и по-прежнему остается таким неизведанным.

— У нас здесь всегда находится команда, включая экипаж, который доставит дополнительное оборудование и пайки, если понадобится, и, конечно, экстренную помощь. Здесь установлен коммуникатор и ретранслятор, так что в конце каждого дня ты сможешь отправлять информацию о том, что удалось найти. У нас есть медики и специалисты, но это будет твоей миссией и миссией моей команды. Ты будешь руководить совместно с другой командой, и ты будешь оставаться внизу, пока мы будем наверху.

Я киваю, пока он объясняет все детали.

— О, а вот и она, — он указывает на одну небольшую палатку. Я закидываю свои вещи внутрь и разминаю мышцы, пока он ухмыляется. — Ну что, готова посмотреть?

— Да, черт возьми! Я думала, ты никогда не спросишь.

Он ухмыляется и ведет меня обратно к дыре. Я иду по краю, держась на безопасном расстоянии и заглядывая внутрь. Но там темно, крошечная чернота и большая глубина.

— Какая глубина?

— Сорок метров, — отвечает он, заставляя меня присвистнуть.

— И ничего еще не нанесено на карту? — спрашиваю я, когда мы возвращаемся в лагерь.

— Не совсем, с момента, когда мы начали спускать оборудование, нанесли лишь первый туннель, — я киваю, пока Майкл отходит в сторону, чтобы проверить наше оборудование, которое должно быть здесь.

— А что насчет твоей команды? — спрашиваю я, оглядываясь вокруг. Любопытно познакомиться с ними. Они должны быть хорошими, чтобы погружаться и разбираться во всем этом. Не могу дождаться, когда приступлю к работе с ними. Надеюсь, они не разозлятся, что Стив привлек меня, но мы все взрослые люди.

— Внизу... о, подожди, я думаю, они поднимаются, — говорит он мне, я киваю и осматриваю окружающий нас лес, гадая, что еще там скрывается и как далеко под

поверхностью простирается система пещер. Черт, интересно, доходит ли она до океана... Разве это не здорово?

— Пейтон, позволь мне представить тебя команде. Они только что вернулись после того, как спустили еще больше оборудования, — объясняет Стив, и я поворачиваюсь с вежливой улыбкой на лице, но замираю. Мое сердце останавливается, легкие кричат, а желудок опускается.

— Пейтон, это...

Но его слова стихают для меня, когда я смотрю на мужчин, отстегивающих веревки и разговаривающих между собой, совершенно не обращая внимания на мое присутствие в шумном лагере.

Это они.

Тайлер.

Кален.

Риггс.

Фин.

Все четверо мужчин, которых я любила... и покинула.

Они здесь, стоят на краю моей новой работы, расстегивают ремни и смеются между собой. Я стою неподвижно, не зная, что делать. Паника пронизывает меня насквозь, сковывая на месте. О блять, о блять.

Но тут Стив свистит и привлекает внимание Тайлера. Он прикрывает глаза рукой и оглядывается.

— Тайлер, познакомься с Пейтон, дайвером, о котором я тебе рассказывал! — зовет он.

Тайлер замирает, его взгляд переходит на меня. Наши глаза сталкиваются и остаются прикованными друг к другу на расстоянии фута¹³, никто из нас не говорит и не двигается. Я впитываю его, не в силах удержаться. Даже спустя столько времени он все еще заставляет мое сердце бешено колотиться, а желудок сжиматься.

Он красивее, чем когда-либо.

Он изменился. Он стал крупнее, мускулистее, у него более темная кожа. У него также появилось больше татуировок, насколько я могу судить, но именно его лицо заставляет меня вздрагивать — более жесткое, холодное и мрачное.

Тайлер, которого я знала, был милым и добрым, сострадательным и мог сместить меня часами. У него были надежды, мечты и дух искателя приключений. Это не мой Тайлер. Я не знаю этого человека с каменным лицом, который так легко отдавал команды. Я знала, что когда оставлю его, это убьет часть его самого... разобьет его сердце. Я думала, что смогу справиться с этим, если это будет равносильно тому, что он никогда не узнает правду. Увидев его сейчас, увидев, как сильно я его изменила, я понимаю, что была не права... это заставляет меня сомневаться, стоило ли вообще так поступать.

После всех этих лет и расстояния между нами, когда мы не разговаривали и не виделись, рана по-прежнему свежа и легко вскрывается. И, уже не в первый раз, я начинаю сожалеть о своем решении уйти. На мгновение мне кажется, что он чувствует то же самое,

что и я. Каменный фасад падает и под ним открывается человек, которого я любила.

Но потом он исчезает.

Словно он не был моим миром.

Теперь он смотрит на меня так, будто между нами ничего не было, будто я не была девушкой, которая разбила его сердце и разрушила свое собственное. Его глаза холодные, непрощающие, и, не говоря ни слова, он отворачивается, выкрикивая кому-то распоряжения, освобождая тем самым меня из ловушки своего взгляда, но уже слишком поздно.

Остальные оглядываются.

Они все застывают.

У Риггса от шока отвисает челюсть, на его лице вспыхивает надежда, а затем сменяется грустью, и я вздрагиваю. Из всех нас он всегда был самым мягким. Он слишком много чувствовал, слишком легко доверялся... У меня сердце разрывается, от вида того, что мой обычно счастливый друг даже не может встретиться со мной взглядом. Он тоже отворачивается, его плечи опускаются. Его короткие, аккуратно уложенные светлые волосы блестят на солнце, и я замечаю, что он тоже подкачался. Раньше он был долговязым и худым, но теперь его телосложение не уступает Тайлеру, его мышцы выступают, когда он двигается.

Фин стоит рядом с ним, и мой взгляд переходит на него. Он бросает на меня взгляд, а потом на его губах появляется улыбка, когда он пробегает взглядом по моему телу, как всегда игриво. Он стал выше, шире. Его волосы более длинные, до плеч, половина из них откинута назад и вьется от влаги. Его ярко-голубые глаза холодны там, где раньше они были наполнены теплом. Я отвожу взгляд от его глаз, мне не нравится насмешливое выражение его лица, и встречаюсь взглядом с теми темными глазами, которые я раньше ненавидела и любила.

Кален.

Черт.

И Кален?

Черт, Кален выглядит рассерженным — нет, не рассерженным, а разъяренным.

Брат Тайлера всегда был другим, злым на весь мир. С тех пор как он вернулся из службы за рубежом, мы думали, уж не желает ли он умереть. Его сломанная часть взывала к моим сломанным частям. Девочке, потерявшей маму... и отца. Я ненавидела ту часть, которая процветала в его гневе, которая питалась нашими ссорами. Я хотела быть той девушкой, которой Тайлер считал меня тогда, которой я притворялась все время — счастливой и идеальной. Но я просто не была такой, и Кален знал это. Он пробудил во мне самое худшее... а я в нем.

Он крупный, широкий, как черт, и выше Тайлера. Его впечатляющие татуировки выставлены напоказ. Черные волосы зачесаны назад, более длинные на макушке и укороченные по бокам. Темные глаза пронзают меня такой ненавистью и отвращением, что я почти отшатываюсь. Его тело вибрирует от ярости, прежде чем он сбрасывает свое оборудование и уносится прочь.

Что-то вроде воссоединения.

Я почти трясусь от переполняющих меня эмоций, но я уже не та девушка. Мне было семнадцать, когда я влюбилась в Тайлера. Двадцать один, когда я поняла, что люблю их всех, и ушла. За три года, прошедших с тех пор, я сильно повзрослела. Я подняла себя с самого дна после того, как чуть не спилась до смерти. Я основала свой собственный бизнес,

когда была на мели, и мне приходилось спать на протекающей лодке. Я занималась любым дайвингом, как опасным, так и бесполезным. Сколько раз я едва не погибла и неоднократно сдавалась, пока не стало легче.

Пока я не начала ставить рекорды и крушить остальных.

Пока меня не заметили и я не начала зарабатывать деньги. А сейчас? Сейчас я одна из лучших в мире. Я гребаный исследователь... сильная женщина... верно?

Я думала, что исправила себя, как всегда говорил мне мой папа... но теперь я понимаю, что просто исправила свой разум, а не сердце. Эта часть меня все еще сломана, все еще принадлежит им.

Черт, я должна уйти... но это была услуга, и мы уже получили деньги... и, черт, это такое большое исследование. Для меня это может оказаться тем, чем я прославлюсь. Я не могу уйти, не сейчас, не потому, что они здесь, и при взгляде на них снова все всплывает на поверхность.

Вся боль, душевные муки и горе... все, чего я так старательно избегала с тех пор, как уехала все эти годы назад.

Прошло три года, четыре дня и двенадцать часов с тех пор, как я видела их в последний раз.

Ни одна искра моих чувств не погасла, и, глядя на них сейчас, я понимаю, что никогда не погаснет.

ТАЙЛЕР

Мне приходится отвернуться, чтобы собрать остатки самообладания, чтобы не преодолеть расстояние между нами и не поцеловать ее — нет! Блять.

Она больше не моя, чтобы целовать ее. Может, она никогда и не была моей.

Я любил ее больше всего на свете, я сделал бы для нее все. Я хотел провести с ней всю оставшуюся жизнь... С момента нашей встречи я знал, что люблю ее.

А потом она разбила мое гребаное сердце.

Вывала его прямо из груди, словно оно ничего не значило, и выбросила.

Я до сих пор помню, как она мчалась прочь через океан, а я стоял бок о бок со своей семьей, держа в руке кольцо, которое я купил. Потеря ее разрушила меня.

А теперь она вернулась.

Словно ничего не произошло. Она стоит там, такая же красивая, как всегда, с той же улыбкой, с теми же зелеными глазами, в которые я смотрел часами напролет, с теми же изгибами, которым я поклонялся. Она тот же человек, которого я любил.

Но я уже не тот человек.

Я стискиваю зубы, когда слышу, как Кален стремительно уходит и закрывает ящик с компьютерами. Я должен подойти к ней, быть вежливым, но, блять, если я не хочу крикнуть ей, чтобы она съебалась обратно на ту лодку, на которой приплыла.

Это наша находка.

Наша, мать ее, добыча. Мы вкалывали, чтобы оказаться здесь, чтобы иметь возможность исследовать такие места, как это, и она не имеет права приходить и забирать это. Развернувшись, я направляюсь прямо к ней, делая свое лицо невозмутимым и непринужденным, жестким, хотя мое сердце замирает, когда я встречаюсь с этими изумрудными глазами, которые я так люблю.

Я становлюсь лидером, на которого полагаются мои люди.

— Так ты дайвер?

— Была в последний раз, когда проверяла, — поддразнивает она, отчего мне хочется свернуть ее долбаную шею. Мне приходится сжать кулаки, чтобы не схватить ее, притянуть к себе и потребовать повиновения, чего я никогда не делал раньше... чего я всегда боялся ей показать.

К черту это.

Как она смеет дразнить меня и стоять передо мной, как будто она не убила меня, когда ушла?

— Мы не можем допустить туда людей, которых не знаем и которым не доверяем, — прорычал я, оглядывая ее. — Ты удержишь нас, — я смотрю на Стива. — Я говорил тебе, что мы не нуждаемся в еще одном дайвере.

— А я говорил тебе, что это мое условие — иметь здесь того, кому я доверяю.

Я фыркнул на это, задаваясь вопросом, можно ли вообще доверять такой змее, как Пейтон. Она морщится от этого звука.

— Тай...

Я перевожу взгляд на нее и сужаю глаза, шагнув к ней и опустив голову. Она не отшатывается, это не в стиле Пейтон. Она выпрямляется и сужает свои глаза, в которых вспыхивает гнев, и, черт возьми, если это не возбуждает меня.

Раньше мне нравилось ссориться с ней, а потом заниматься примирительным сексом.

Мое тело, похоже, не получило гребаную памятку о том, что этого больше никогда не повторится.

— Меня зовут Тайлер. Мне похуй, уговорила ты или купила себе место в экспедиции, — гребаная ложь. Я хочу знать, как ей... как она сюда попала. Я знаю, что она одна из лучших. Черт, она всегда была такой, не то чтобы я следил за ее карьерой. — Но это мое погружение, ты делаешь то, что тебе говорят, или убираешься отсюда, поняла?

Она ухмыляется мне и подходит ближе, ее грудь прижимается к моей, и я в свою очередь отступаю назад, не в силах прижаться к ее телу. Я не хочу, чтобы она почувствовала, как сильно я хочу ее, как сильно мои мышцы кричат о том, чтобы я прикоснулся к ней. Схватить ее. Сцеловать эту наглую улыбку с ее лица, пока она не начнет выкрикивать мое имя.

— Со мной не будет проблем, Тайлер, — она перекатывает языком мое имя так же, как делала это всегда. Это сводило меня с ума и тогда, и сейчас. — Но я останусь здесь, тебе лучше привыкнуть к этому.

— Им это не нравится, — огрызаюсь я. — Для тебя это будет нелегко.

— Ничто стоящее никогда не бывает легким, — она подмигивает, бросая мои собственные проклятые слова обратно в меня. Я сказал ей эти слова относительно попытки встретиться с ней, когда мы только познакомились, зная, что ее отец возненавидит меня за это. Затем она поворачивается к Стиву.

— Я собираюсь поспать несколько часов. Мы прибыли почти сразу после очередного погружения, разбуди меня к началу брифинга.

Затем, как гребаная принцесса, она разворачивается и, не говоря ни слова, уходит, словно лагерь принадлежит ей.

Я ненавижу, что опускаю глаза на ее упругую задницу, обтянутую шортами цвета хаки, любовно прикрывающими ее. Я все еще помню ее вкус на моем языке. Помню эти длинные, стройные ноги, обхватившие мою талию, когда я трахал ее так, словно она принадлежала мне.

Обладал ею.

— Это будет проблемой? — озадаченно спросил Стив.

— Нет, никаких, блять, проблем, — рычу я.

— Вы знакомы? — спрашивает он, переключая свой взгляд на меня, пока я отвожу свой

от ее удаляющейся спины.

— Нет, она всего лишь незнакомка.

КАЛЕН

Три года.

Три гребаных адских года с тех пор, как она ушла.

Я наблюдал, как мой брат ломался и боролся за то, чтобы продолжать жить каждый гребаный день без любви всей своей жизни. Видел его бледным, уставшим и не похожим на самого себя. Видел, как он почти не ест и не спит, с головой погружаясь в работу.

Как он шел на глупый риск, на сумасшедшие погружения... только чтобы заглушить боль.

Когда это я стал защищать его? Всю мою жизнь все было наоборот, хотя я старше на четыре года. Я всегда был более безрассудным, глупым. А он — умным и осторожным.

Но это было до Пейтон, мать ее, Эндрюс.

После... после нее он стал лишь оболочкой того человека, который существовал раньше. Оболочкой, наполненной гневом и болью. Болью, которую она ему причинила. Я отворачиваюсь от нее с отвращением, не в силах больше смотреть на нее, не в силах видеть эти зеленые глаза, кричащие мне что-то.

Кричащие о прощении.

Она стоит там одна, такая маленькая и чертовски совершенная, как всегда. Я не скажу «слабая», Пейтон никогда не была слабой. Это одна из тех вещей, которые... мать твою, нет, я не вернусь на эту дорогу.

Как... как она может быть здесь?

Почему сейчас, после всех этих лет?

Пейтон была нашей... чтобы дразнить, терзать, заботиться. Не то чтобы я когда-либо делал что-то в этом роде, мы никогда не сходились во взглядах. Мы постоянно ссорились и спорили, но, честно говоря, это был единственный известный мне способ общения с ней.

Тайлер всегда говорит, что если я не спорю с тобой, то ты мне безразличен.

Разве это не гребаная правда? Его слова до сих пор преследуют меня, потому что в его глазах было понимание. Мы никогда не говорили об этом, как и о том, что я спорил с ней больше, чем с кем-либо другим. Что я специально из кожи вон лез, чтобы затеять с ней ссору.

Чтобы вывести ее из себя и взбесить.

И, блять, когда она взорвалась... это было чертовски захватывающе.

Ничто не сравнится с жаром наших стычек, с затаенным ожиданием, гневом, потребностью. Рычащие угрозы и оскорбления, ее взгляд, когда она сталкивалась со мной лицом к лицу. Наши тела вибрировали от этой силы.

Все, что я хотел сделать после этого, — схватить ее и поцеловать, но так и не сделал этого. Она никогда не была и не будет моей. Она всего лишь осколок прошлого, который, когда все закончится, снова исчезнет в тумане.

Я хочу задушить ее, убить за то, что она сделала с моей семьей. Я никогда не ненавидел

кого-то так сильно, как ее.

Она — ничто.

Я уйду, оставляя ее там, смотреть мне вслед, повторяя это в голове.

Она — ничто, она — ничто...

РИГГС

Я услышал ее имя, но не поверил, пока не повернулся. Пейтон. Стояла здесь, у места погружения. Прошло три года, однако время, проведенное без нее, уплыло в никуда, и кажется, что только вчера мы ныряли вместе, смотрели фильмы и хихикали, как подростки.

Но это не так, прошло три года.

Все уходят, всегда уходят. Она ушла, и теперь она вернулась, стоит там, словно не прошло и минуты. Она так же прекрасна, как и раньше. У меня сжимается сердце, и я делаю вдох, прежде чем снова отвернуться, не в силах смотреть в эти изумрудные глаза.

Я делаю вид, что проверяю оборудование, когда Фин хлопает меня по плечу.

— Дыши, — шепчет он, когда я делаю отчаянный вдох. Он единственный, кто знал, что я чувствую к Пей... не то чтобы я когда-либо что-то предпринимал.

Она — девушка Тайлера.

Но это не помешало мне влюбиться в нее и захотеть, чтобы она была моей. Я не спал по ночам, слушая их хихиканье и стоны, и мечтал, чтобы рядом с ней был я, просыпался с ней в моих объятиях.

Каждая улыбка, которую она когда-либо посылала мне, каждый украденный момент, каждый раз, когда она гордилась мной... все накапливалось, пока я не смог отрицать свои чувства.

А потом она ушла.

Словно мы были ничем.

Словно она не была всем нашим миром, нашим сердцем...

Словно она никогда не любила нас по-настоящему.

ФИН

Пейтон Эндрюс.

Светловолосая красавица, которая когда-то была моей лучшей подругой, смотрит на меня. Она выглядит хорошо, на самом деле потрясающе. Годы благосклонны к ней. Когда мы с ней познакомились, она была молода, так молода, но сейчас она стала чертовски привлекательной женщиной. От ее изгибов у меня аж во рту пересохло, ее грудь почти вываливается из майки, а те же длинные, стройные ноги теперь загорелые и покрыты татуировками. Ее волосы собраны сзади и растрепаны, а лицо потное и усталое.

И все же никто никогда не сравнится с ее красотой. Никогда. Поверьте мне, я пытался.

Я никому не говорил о своих чувствах к этой нарушительнице спокойствия, даже себе, и это помогало мне так долго, но когда она ушла...

Это опустошило меня.

Я пытался понять, почему, одновременно удерживая свою семью вместе с помощью чистого, мать его, самообладания. Тайлер был сломлен, Риггс отстранился, Кален был зол... а я? Я старался изо всех сил, не в силах понять, почему мое сердце разрывается с каждым днем, когда она не возвращается.

Я действительно думал, что она вернется.

Я должен был знать лучше. Любовь — это гребаная ложь. Это всего лишь химическая реакция в нашем мозгу, с помощью которой мы заставляем себя чувствовать лучше. Я всю жизнь отбрасывал это понятие, слишком занятый учебной, а потом исследованиями. Но Пейтон? Пейтон была гребаным сюрпризом. Она просто появилась в один прекрасный день...

И с каждым прошедшим днем все, что я знал о любви, исчезало в облаке дыма.

Чертовски типично, что я осознал, что люблю ее, только когда она уехала... Блять, тогда это было нормально. Мне не нужно было никому говорить, особенно Тайлеру, но теперь она вернулась. И все четыре наших сердца на кону.

Эта девушка разбила их однажды. Но впредь ей это не удастся.

Они больше не принадлежат ей.

Наши сердца принадлежат дну океана, куда мы позволили им погрузиться после того, как она их разбила.

ПЕЙТОН

Когда я добираюсь до палатки, я накрываю рукой колотящееся сердце и пытаюсь отдышаться. Все четверо. И Тайлер, Боже, он был так зол, так полон ненависти. Я никогда не видела его таким, таким чертовски... холодным. Он теперь такой, или только со мной? Я не виню его, если это так. Но, Господи, мои трусики намокли от этого жесткого, доминирующего тона и от того, как он смотрел на меня.

У нас никогда не было проблем с желанием друг друга, но, похоже, годы разлуки только усилили мое желание, и этот новый, извращенный, темный Тайлер возбуждает меня так, как милый, любящий Тайлер никогда не мог.

Боже, я сука.

А Кален? Черт, я не удивлюсь, если он попытается меня убить.

Риггс, черт, душевная боль на его лице была слишком явной. Мой милый мальчик всегда носил свои чувства на лице, и он даже не мог посмотреть на меня. Фин, ну, был Финном. Очаровательным, сексуальным, скрывающим все, что таится в его глубине. Когда-то он был моим лучшим другом, но я так и не ощутила, что знаю его по-настоящему. Как только я обнаруживала в нем другую сторону, он тут же менялся.

Словно пещерная система, его глубины неизведанны.

Но черт... если мне не хотелось их исследовать.

Нет.

Сосредоточься.

Я здесь не для воссоединения, у меня есть работа, и никакие воспоминания или боль не смогут остановить волнение от предстоящего погружения, и осознание того, что оно будет с ними... ну, черт. Тайлер прав — там, в пещерах, нужно доверять своему товарищу, и я беспокоилась о работе с незнакомыми людьми, которые будут прикрывать меня.

Я знаю этих ребят, и даже если они ненавидят меня и не хотят, чтобы я находилась здесь, они замечательные дайверы, самые лучшие. Там, внизу, будет невероятно, даже если я боюсь работать вместе с ними.

Я боюсь, что скажу что-нибудь не то или выдам какие-то свои секреты. Я не могу. Я сделала свой выбор, они — он больше не мой. Только бизнес, и чем скорее мы приступим к делу, тем лучше я смогу сосредоточиться и перестать думать обо всех этих кубиках пресса,

выставленных напоказ.

О том, как Тайлер трахал меня, жестко и быстро. Обычно он был таким нежным, но в спальне... блять, на него словно что-то накатывало. Он заставлял меня кричать в считанные минуты, его кулак сжимал мои волосы, а его член входил в меня с диким напором.

Я провожу пальцем по губам, вспоминая вкус Калена в ту пьяную ночь. Твою мать. Я опускаю руку, распаковываю и снова упаковываю свою сумку с оборудованием, которое находится в моей палатке, благодаря Майклу. Затем я делаю то, что сказала, и пытаюсь поспать несколько часов.

Но зная, что они всего в нескольких футах от меня, сделать это трудно, и когда я наконец проваливаюсь в сон, в голове крутятся их имена.

Я просыпаюсь от того, что мою палатку трясут.

— Вставай, малыш, брифинг через десять минут.

Я поднимаюсь на ноги и потягиваюсь, заснув в своей одежде. Я подумываю переодеться, но потом вздыхаю. Я бы не переодевалась, если бы их здесь не было, а они видели меня и в гораздо худшем, поэтому я надеваю бандану и солнцезащитные очки и выхожу. Останавливаюсь в туалете, затем беру воду и яблоко и направляюсь в шатер для инструктажа.

Когда я прихожу, они уже здесь, и как только я вхожу в комнату, они сразу затихают и сердито переглядываются. Я опускаюсь на стул рядом с Майклом, снимаю с лодыжки нож и начинаю отрезать куски яблока, поедая его с лезвия, пока жду.

Фин наблюдает за мной с ухмылкой, а остальные намеренно игнорируют меня. Я не знаю остальных людей в комнате. Майкл наклоняется ко мне.

— Минноу, ты уже выводишь людей из себя? Обычно ты откладываешь это на второй день, по крайней мере, — его голос разносится по помещению, когда я смеюсь.

— Неа, был тот раз, когда мы спасали китов. Я выбесила тех охотников за два часа. Но возможно, я установлю новый рекорд, — он усмехается, когда я доедаю яблоко, очищаю нож и убираю обратно, прежде чем отпить воды.

— Китобои¹⁴? — спрашивает Фин.

Ну, по крайней мере, хоть один из них со мной разговаривает. Риггс печатает, сосредоточившись на своем компьютере, который подключен к проектору на шатком металлическом столе. Тайлер сгорбился над какими-то картами, одетый лишь в обрезанные шорты. Кален сидит в самом конце, его руки скрещены, и он молча кипит от злости.

Веселые времена.

Майкл хихикает.

— Ага, видел бы ты ее. Христос, она запрыгнула на их лодку и залила выпивку прямо в двигатель. Ты никогда не видел столько разгневанных богачей.

— Я помню это, — смеется Стив, входя в комнату. — Вот так я тебя и встретил! Ты была такой крошечной штучкой в маленьком бикини против шести мужчин.

— Шансы равны, — я пожимаю плечами, заставляя его хихикать, когда он садится.

— Помню, я подумал, что любой, кто достаточно безумен, чтобы совершить подобное,

достаточно безумен, чтобы работать на меня, — говорит он, заставляя меня улыбнуться еще шире.

— Какая прекрасная гребаная история, — рычит Кален, и я поднимаю на него бровь, когда он снова отворачивается.

— Достаточно. Теперь, когда мы все здесь, давайте начнем, — огрызается Тайлер, бросая на меня суровый взгляд. Я салютую ему и кладу ноги на стол, откинувшись назад, чтобы наблюдать. Его глаз дергается, но он отворачивается, ничего не говоря.

— Мы нанесли на карту лишь небольшую часть пещеры, — включается проектор, показывая его картографическую систему. Я хочу поздравить его с тем, что он наконец-то доделал ее, но не думаю, что это будет приветствоваться... хотя я знаю, как усердно он работал над ней.

Я горжусь им, я всегда знала, что он сможет ее реализовать.

— Входная палата имеет два прохода, отходящих от нее — один слишком узкий, чтобы через него могли пройти даже наши камеры. Другой мы осмотрели мельком, и он кажется уходящим вниз. Похоже, что это наш путь внутрь, — я киваю, следя за неполной картой на экране, пока она не сменилась картинками. — В данный момент оборудование спускается вниз. Средства связи будут установлены в этом туннеле, а также на передней и дальних базах. Мы берем с собой больше оборудования, чем нам нужно, и достаточно баллонов, чтобы продержаться месяц.

— Как долго мы будем находиться внизу? — спрашиваю я, позволяя ему контролировать процесс, так как он пробыл здесь дольше... и тогда он решит, что я веду себя хорошо.

Я вижу, что он не хочет мне отвечать, но знает, что мы должны работать вместе.

— Всего четырнадцать дней, потом мы перегруппируемся и отдохнем здесь. Если понадобится, мы спустимся обратно, но я бы хотел, чтобы мы уложились в эти четырнадцать дней.

В ответ на это я присвистываю, а он сужает глаза.

— Мы погружаемся и составляем карту посменно. Кален — первый разведчик, а Риггс отвечает за карту, камеры и оборудование. Мы назначим напарников для погружений. Никто не будет в воде дольше пяти часов, и никто не пойдет один, если не будет приказа. Не будем забывать, что это неисследованная пещера, так что у матушки-природы наверняка припасено несколько трюков в рукаве.

Черт, я едва не ломаюсь. Мой отец говорил так.

— Мы идем с умом и усердно трудимся. Это будет утомительно, долго, но мы работаем вместе, чтобы добиться результата, — затем он смотрит на Майкла. — Ты ныряешь, я полагаю?

— Да, но ему лучше оставаться на базе для поддержания связи и помощи с оборудованием и транспортировкой, — сообщаю я ему, не раскрывая информации о проблемах Майкла с легкими.

Тайлер хмурится, и я сужаю глаза.

— Он остается на базе, — заявляю я.

— Хорошо, — огрызается Тайлер. — Но если ты здесь, чтобы работать, то ты будешь нырять и выполнять свою часть работы, не более того. Я не потерплю никакой драмы или жалоб по этому поводу.

— Не вопрос, то же самое касается и тебя. Я не ваш сотрудник, я здесь по поручению

моего друга, чтобы убедиться, что все пройдет гладко. Я совместный руководитель. Делай свою работу, и у нас не будет никаких проблем, — отвечаю я, разговаривая так же, как и с любым другим человеком. Я стараюсь говорить честно и не переходить на личности, потому что, похоже, он хочет именно этого.

Кален фыркает, и это резкий, сердитый звук.

— Никаких проблем?

Тайлер смотрит на него.

— Нет, — затем он смотрит на меня. — То же самое касается и тебя. Скажу честно, я совершенно не хочу, чтобы ты находилась там, внизу, я вообще не хочу, чтобы ты была здесь. Но мы должны работать вместе, так что пусть будет так.

— Ай, — Майкл смеется. — Жестоко.

Я с трудом сдерживаю свой гнев... и да, боль. Черт, в этих голубых глазах я вижу океан боли.

— Понятно, когда мы отправимся внутрь?

— Завтра, ровно в пять утра. Всем нужно выспаться и быть готовыми. Твое оборудование — твое собственное, так что обязательно проверь и перепроверь его. Я не собираюсь ни с кем нянчиться.

Затем он отворачивается, отпуская всех присутствующих.

ПЕЙТОН

Этим вечером состоится празднование по поводу завтрашнего погружения. После обеда мы работаем все вместе, спускаем оборудование в открытую камеру, хотя мне до сих пор не разрешено спускаться. Я просто должна донести оборудование до края, что я и делаю без жалоб, особенно когда замечаю, что Тайлер наблюдает за мной.

Он ждет любого предлога, чтобы избавиться от меня.

Я не собираюсь облегчать ему задачу.

Когда все готово, мы принимаемся за еду и напитки. Они держатся от меня как можно дальше, и как только они заканчивают есть, Тайлер возвращается в командную палатку, изучает карты и продумывает все до мельчайших деталей. Я знаю, потому что раньше мы занимались этим вместе. В ночь перед погружением мы сидели с бутылкой и придумывали все, что может пойти не так, и что мы сможем сделать, чтобы предотвратить или спасти ситуацию. Теперь он занимается этим в одиночку.

Кален исчезает в своей палатке.

Риггс спешит уйти, вернуться к своим компьютерам, а Фин взбирается на гору и ложится на ее вершине под звездами. У каждого свой метод подготовки к предстоящему дню.

Раньше моим методом были они, просто быть рядом с ними.

Теперь я хватаю бутылку пива и иду сидеть на краю дыры, свесив ноги в темноту, потягивая свой алкоголь в одиночестве. Я позволяю себе расслабиться и подготовиться к завтрашнему дню, уставившись вниз на свое предстоящее приключение.

За моей спиной раздаются разговоры и смех, но я не оглядываюсь, чувствуя себя совершенно одинокой. Это то, что я ненавижу — быть одной. Меня всегда окружали мои парни, поскольку мы жили и работали в крошечных лодках и помещениях. Я привыкла находиться среди людей. Когда я ушла, у меня никого не было, пока я не нашла Майкла. Но даже тогда мы предпочитали держаться особняком от других.

Это одна из тех вещей, по которым я скучаю.

По смеху, по дружбе.

Теперь? Как правило, я работаю до потери сознания, чтобы не думать об этом

сокрушительном одиночестве, или же теряюсь в объятиях незнакомцев и на дне бутылки.

Я слышу, как он вздыхает и стонет, прежде чем сесть.

— Черт, я старею. Мои мышцы стали жесткими, как член.

Я фыркаю и делаю глоток пива, откидывая голову назад и любуюсь звездами.

— Так и есть, старик.

— Поменьше стариков, ты, нахальная задница, — отвечает Майкл, поглядывая на дыру. — Почему ты им не рассказала?

Я знаю, что он имеет в виду — почему я не упомянула о его повреждении легких после погружений? Они бы не пустили его туда, если бы узнали, а Майкл, как и мы, живет ради приключений. Когда он заболел, он пытался покончить с собой, потому что знал, что больше никогда не сможет нырять. Это было до того, как я его встретила. Когда я его встретила, он был пьяницей в Таиланде. Узнав его историю, я сразу же наняла его: мне нужен был капитан и кто-то, кто будет прикрывать мне спину. Он был в курсе всех деталей, поэтому я предложила ему работу с условием, что он останется трезвым. Я не возражаю против нескольких глотков, даже редкого пива, но с того дня он ни к чему не притрагивался. И вот уже три года он трезв, выполняя свое обещание.

Он круто перевернул свою жизнь, но без нашей работы, я знаю, он снова сорвется. Так что нет, я им не сказала.

— Это не их дело.

Он вздыхает, проводя пальцами по бутылке, в нервном жесте, поскольку он не делает ни глотка.

— Малыш... это они?

— Они что? — спрашиваю я, глядя на него. Я никогда не рассказывала Майклу о своем прошлом, и он никогда не спрашивал. У нас обоих имеются собственные демоны, которых предстоит победить.

— Те, кто разбили твое сердце так сильно, что ты носишься по миру, перескакивая с одной высоты на другую? — спрашивает он.

Я отворачиваюсь от его знающих глаз, глядя обратно в черную дыру.

— Нет... я разбила их сердца, — я допиваю пиво и поднимаюсь, вновь глядя на Майкла. — Это не будет проблемой, это просто очередное погружение.

— Очередной день, — он кивает, и я начинаю уходить. — Но что, если нет?

Не знаю, что ответить, поэтому молчу. Не дав ответа, я ухожу.

Я вернулась в палатку и залезла в спальный мешок, уставившись в тканевый потолок. Мне нужно поспать, мне нужна энергия для того, что предстоит, но я просто прокручиваю в голове наш первый разговор и выражение их глаз.

После того как все улеглись спать, я то погружаюсь в сон, то выныриваю из него, как вдруг замечаю возле палатки тень в форме человека. Он колеблется, а я сижу, нахмурившись. Человек крупный...

Один из парней?

Он колеблется еще мгновение, а затем внезапно исчезает, как ни в чем не бывало. Я не могу не задаться вопросом, кто это был. Майкл спит, я слышу его храп отсюда, и никто другой в лагере не знает меня так хорошо...

Это должен был быть один из них.

Вопрос в том, кто именно?

И почему?

Я поднимаюсь раньше всех, я всегда так делаю в день погружения. Мои нервы и волнение слишком сильны, чтобы позволить мне спать. В детстве я была такой же на Рождество и день рождения, а когда моя мама умерла и я переехала жить к отцу, я просыпалась рано утром, зная, что он отвезет меня на работу.

Думаю, что из-за своего горя я полюбила океан. Он был таким огромным, в нем легко потерять себя. Там, внизу, я могла быть кем угодно, и воде было все равно... Может быть, именно поэтому, когда я в очередной раз была сломлена, я снова вернулась к воде.

Я надела брюки и жилет. Мой термофлис готов к спуску, как и мой гидрокостюм. Я дважды проверяю свое снаряжение и отношу его к краю дыры, готовое к надеванию и погружению. Затем я потягиваюсь, разминаюсь и отправляюсь на завтрак, который, как я чувствую, готовится.

Все уже там, так что я усаживаюсь и пью воду, прежде чем взять тарелку и приступить к трапезе. Это одна из последних нормальных трапез на ближайшие две недели, поэтому я поглощаю еду с удовольствием.

После того как мы поели, я собираю свои вещи и облачаюсь в остальную экипировку. Натягиваю каску, готовлю костюм и снаряжение, чтобы потом переодеться. Они сказали, что первая часть пути вполне проходима, но после этого мы можем оказаться под водой. Дотацив все до края, я жду остальных там. Я откидываю голову назад, чтобы в последний раз взглянуть на небо, запоминая тепло солнца на своем лице, которое греет мою кожу.

— Готова? — спрашивает Стив, приближаясь ко мне.

Я улыбаюсь ему и подмигиваю.

— Родилась готовой. Мы сообщим тебе, когда ты сможешь спуститься.

Он кивает и оглядывается по сторонам: все готовы приступить к работе.

— Ты точно уверена? Я знаю, что не имею права спрашивать...

Я фыркаю и толкаю его рукой.

— Лжец, ты знал, что я их знаю. Я заметила это по твоему лицу. Действительно подло, старик.

Он смеется, когда Майкл появляется со своими сумками на буксире.

— Ну что ж, давайте начнем вечеринку!

К нам присоединяются остальные, и атмосфера портится, когда Тайлер бросает на меня взгляд.

— Кален, ты первый, потом ты, — он кивает на меня. Ого, теперь я получаю только «ты», даже без Пейтон. Но я подхожу ближе и начинаю застегивать ремни. — Остальные следуют за мной. Мы доставим все оборудование в камеру входа и установим коммуникацию, прежде чем я отправлю первых разведчиков. Это будут медленные и долгие дни, надеюсь, вы готовы. Если нет, сейчас самое время повернуться и уйти.

Он намеренно смотрит на меня, и я мило улыбаюсь.

— Я не соглашусь ни на что меньше, чем на твои лучшие способности там, внизу.

Ворча, я закрепляюсь на веревке, Кален делает то же самое, и я встаю спиной к дыре.

— Ты же знаешь, я всегда выкладываюсь по полной... тем более что я самая лучшая, — я подмигиваю ему. — Увидимся внизу, — с этими прощальными словами я откидываюсь назад.

Я слышу ругательства и вздохи, пока смеюсь и свободно падаю.
Это будет удивительно, я просто чувствую это.

КАЛЕН

Наблюдая за тем, как она переваливается через край, я с проклятием бросаюсь следом за ней. Сердце замирает от тревоги, но тут я слышу ее смех. Свет от ее фонаря отражается от стен пещеры, пока он снижается ниже меня. Она резко останавливается на веревке, и я останавливаюсь рядом с ней. Я сузил глаза, глядя, как мой фонарик освещает ее лицо.

— Это было безрассудно и глупо, не вздумай снова вытворять такое дерьмо, или ты вылетишь.

Она ухмыляется мне, как раньше, что было сигналом того, что она готовится дать отпор. Мой член твердеет, даже в ремнях безопасности, от одного этого простого выражения, напоминая, как сильно я любил наши споры.

— Как скажешь, Кей, но тебе следует научиться получать удовольствие. Будь осторожен, твое лицо может вот так застыть.

Затем, ухмыляясь, она начинает снижаться, и я следую за ней. Мы спускаемся бок о бок в дыру. Она огромная, почти шестьдесят метров в диаметре. В пещере темно, а стены серого цвета влажные от конденсата. До дна почти сорок метров, и, к счастью, Пейтон спускается в нормальном темпе, не выпендриваясь. Она уверена в своих действиях, когда мы опускаемся на дно, и отстегивается от ремней, прежде чем дернуть, чтобы отправить их обратно вверх. Я двигаюсь следом и наблюдаю за ней, пока она со свистом оглядывается по сторонам.

Есть что-то такое притягательное в женщине, уверенной в себе, как она. Раньше меня просто убивало, когда я смотрел, как она ныряет, как ее тело двигается в воде... как она справляется с давлением и волнением.

— Впечатляет, — говорит она, ее голос эхом разносится вокруг нас.

Я перевожу взгляд с нее на входную камеру, в которой мы находимся. Вчера мы установили здесь освещение и начали спуск по проходам. Пол под нами — сухой, твердый камень. Она ходит вокруг, осматривая каждый сантиметр пространства, поглядывая на еще один проход, через который мы не в состоянии пролезть.

— Даже не думай об этом, — рычу я, точно зная, о чем она думает.

— О чем? — усмехается она.

— О том, чтобы пролезть туда. Ты достаточно маленькая, а мы нет. Это глупый

гребаный риск. Мы придерживаемся плана, — приказываю я.

В кои-то веки она меня слушает. Раньше она никогда не слушала. Мы часто были напарниками по погружениям, работали вместе в качестве первых разведчиков. Это подразумевало долгие часы в пещерах и под водой вместе, отрезанные от остальных. Она была безрассудной, сумасшедшей и смелой, доводя себя и свое тело до предела. Похоже, она по-прежнему такая, надеюсь, на этот раз она не пострадает... или хуже.

— Отлично, ты собираешься быть таким все время? — спрашивает она, приближаясь, пока мы наблюдаем, как опускается часть оборудования.

— Каким? — огрызаюсь я, намеренно не взглянув на нее. Когда я смотрю, я начинаю злиться. Мое тело все еще желает ее, но внутри я холоден как лед, когда дело касается ее. Она разбила сердце моего брата, и она не имеет права возвращаться обратно, словно все в порядке. Будь моя воля, я бы разорвал ее на части и оставил подбирать осколки.

Холодная сука.

— Как засранец, — она смеется, шевеля бровями. — Или заход в воду охладит тебя, как всегда?

Не знаю, из-за того ли, как хорошо она меня знает, или из-за того, что каждый раз, когда я смотрю на нее, все последние три года возвращается — предательство, боль, гнев — но я взбешен.

Действительно чертовски взбешен.

Я хочу отомстить, хочу, чтобы она знала, как сильно мы все ее ненавидим. Хочу увидеть, как она вздрогнет от боли и почувствует хотя бы чертову долю того, что пережили мы, когда она ушла.

Шагнув ближе, я наклоняю голову, почти прижимаясь губами к ее губам. Я наблюдаю, как она вдыхает, ее глаза расширяются, а язык выныривает, облизывая губы, когда она отчетливо вспоминает последний раз, когда мы были так близки.

Это была гребаная ошибка, самая большая в моей жизни.

Она — моя гребаная ошибка, и теперь она передо мной, похожая на овцу, ведомую на заклятие. Думаю, она даже не понимает, что прижимается ко мне.

— Я не хочу тебя здесь видеть, никто из нас не хочет тебя здесь видеть, так что вбей это в свой эгоистичный мозг, Эндрюс. Мы не собираемся становиться друзьями, или семьей, или даже ладить друг с другом. Так что хоть раз держи рот на замке и просто выполняй свою работу, — рычу я и отступаю назад. Ухмылка наконец-то кривит мои губы, когда она вздрагивает, словно я физически ударил ее. Отлично. Я наблюдаю, как ее лицо опускается, а затем искажается в гневе.

Она делает шаг вперед и тычет пальцем мне в грудь, заставляя меня с презрением смотреть на нее.

— Пошел ты, Кален. Я даже не знала, что вы здесь, ребята, но я не собираюсь отказываться от своего слова, потому что ты мудака, который не может справиться с эмоциями. Ты меня ненавидишь? Отлично, я тоже тебя ненавижу, но нам придется работать вместе, так что смирись с этим и вытащи палку из своей задницы. Если нет, то это сделаю я, и я избыю тебя ею, долбаный дровичла.

Тут же рядом с нами опускается оборудование, и, не говоря ни слова, она поворачивается и начинает его отцеплять и оттаскивать. Мы сказали то, что должны были сказать, но она ошибается — я не ненавижу ее... не совсем.

И в этом проблема.

Если бы я хотел ее ненавидеть, это было бы куда проще. Вместо этого мои эмоции бурлят и противоречат друг другу, и я вымещаю их на ней, как всегда.

Думаю, некоторые вещи никогда не меняются.

ПЕЙТОН

Я хочу ударить его самодовольное лицо... а потом расцеловать.

Нет, блять, только ударить его. Никаких поцелуев.

Гребаный мудака, отвлекающий меня этими своими идеальными губами для поцелуев и прижимающийся своим твердым телом к моему, заставляя меня думать о всяких грязных штучках только затем, чтобы вырвать мое бьющееся сердце и раздавить его в своем кулаке. Я почти отпрянула назад, но я не хочу, чтобы он понял, что его слова попали в цель. Вместо этого я поднимаю ящик и несу его к складу, с трудом сдерживая слезы.

Я знала, что они ненавидят меня, но не понимала, как сильно это меня убьет, когда я увижу это наяву.

Кален всегда злился, и мы всегда спорили, но, несмотря на это, мы были друзьями. Семей. Он бы сделал для меня все. Мне потребовалось много времени, чтобы преодолеть его барьеры и заслужить его доверие. И в один момент я разрушила это. И теперь все, что осталось — это злой, мстительный человек. Наши споры перестали быть прелюдией или поддразниванием, они стали жестокими.

Злыми.

Неужели так пройдут следующие четырнадцать дней?

Нет, я не позволю им разрушить все это для меня. Они не хотят разговаривать или ладить? Отлично, я буду профессионалом и холодной, и не позволю им нанести еще один удар, что бы они ни говорили и ни делали. Возможно, я и ушла, но и они не последовали за мной.

К тому времени, как мы разгрузили следующую партию оборудования, Фин уже спустился. Мы молчим, пока распаковываем все, вызывая у Фина понимающие взгляды. Затем спускаются Риггс и Тайлер, за ними Майкл и один из новых сотрудников Тайлера, имени которого я пока не знаю.

Мы продолжаем работать в тишине, а когда заканчиваем, собираемся у прохода, ведущего вниз. Тайлер заглядывает в затемненный вход, а затем оглядывается на нас.

— В костюмах, но пока без масок. Внизу слишком тесно, чтобы снаряжаться, так что делаем это по мере возможности. Я хочу, чтобы у каждого на бедре было по четыре

дополнительных баллона. Кален, возьми с собой побольше деко и привязывай их к ориентирам по мере продвижения.

— Я иду первым, — заключает он.

Тайлер кивает и стискивает зубы, понимая, что у него нет другого выбора, кроме как послать меня тоже. Риггс лучше разбирается в компьютерах. Он отличный дайвер, но может быть слишком осторожным, в то время как Фин слишком безрассуден. Я — идеальное сочетание, и он это знает. Даже если он меня ненавидит, я — лучший выбор.

— Пейтон, ты пойдешь с ним. Сообщи нам, когда достигнете местности, где мы сможем организовать передовую базу, и как далеко она находится. Если пройдете три мили ¹⁵ и все еще ничего не найдете, сообщите по рации.

— Поняла, — я киваю, в кои-то веки вежливо, пока влезаю в свое снаряжение. Он прав — там внизу будет слишком тесно, чтобы одеться. Я закрепляю основную и дополнительную маски на боку. Майкл помогает пристегнуть мои дополнительные баллоны и тросы, а также проверяет, надежно ли все привязано. Все должно быть надежно закреплено. Достаточно одной веревке зацепиться за зазубренный камень, и я труп.

Здесь, внизу, все — игра жизни и смерти, и каждый раз, когда мы занимаемся этим, мы бросаем кости.

Кален готов и ждет, а я ухмыляюсь Майклу.

— Скоро увидимся, старик.

Он треплет меня по голове и притягивает ближе, прижимаясь своим лбом к моему на мгновение — ритуал.

— Оставайся в безопасности, Минноу, — я киваю, глядя в эти отцовские глаза. Он отпускает меня, и я делаю шаг назад, а он смотрит на Калена.

— Мне насрать, что у тебя за проблема, ты присмотришь за ней, или я убью тебя, — предупреждает он. Усмехаясь, я похлопываю его по руке, когда прохожу мимо.

— Кален, может, и мудака, но он не настолько глуп, чтобы позволить мне умереть, — я смотрю на Калена. — Там внизу нет места для твоего дерьма, соберись и давай займемся делом.

В конце концов, здесь, в темноте, может случиться все, что угодно. Как бы я сейчас ни ненавидела его, а он меня, мы должны полагаться друг на друга. Мы должны оберегать друг друга и поддерживать в целостности и сохранности.

Он скрежещет зубами и отворачивается, не говоря ни слова. Тайлер смотрит на меня и встает рядом с братом. Он что-то шепчет, заставляя Калена кивнуть, и тогда Тайлер отходит назад.

— Мне нужны постоянные обновления, это приказ, — требует он.

Кален первым проходит в отверстие, и я следую за ним. Я держусь в нескольких шагах позади него, пока он включает свой налобный фонарик. Я делаю то же самое, оставляя свой основной и дополнительный фонари выключенными, пока мы не погрузимся под воду.

Я делаю медленные и размеренные шаги, как и он, зная, что пещера может оборваться в любой момент, поэтому нам нужно идти медленно. Туннель небольшой, едва хватает места, чтобы стоять, и по мере того, как мы углубляемся, свет из входной камеры постепенно исчезает, пока мы не погружаемся в темноту. Наши фонари — единственный источник освещения здесь, внизу.

Наше дыхание ровное, но громкое, мы продолжаем идти, изредка до нас доносится капанье воды. Мы не разговариваем, и это меня огорчает. Раньше мы дразнились,

разговаривали и общались. Наши нервы и волнение связывали нас — черт, только тогда он был по-настоящему добр ко мне.

Только тогда я могла разглядеть под этой злобной, закаленной войной внешностью человека. Человека, в которого я влюбилась.

Я смотрю на его спину, пока мы идем. Его широкие плечи почти задевают стены, и в какой-то момент ему даже приходится повернуться боком. Я нажимаю кнопку связи, которая встроена в мою маску, но когда мы их не носим, нам приходится пользоваться версией раций.

— Первый туннель достаточно высокий, чтобы пройти. Ширина едва достаточна, чтобы пролезть, с уклоном вниз и темный, понадобится освещение по всему туннелю. Все еще идем, — сообщаю я, прежде чем отключить связь.

Кален молчит. Он тот, кто должен выявлять любые проблемы, пока я о них сообщаю. Мы легко входим в привычный ритм, но на этот раз он наполнен напряженным молчанием и общей болью. Туннель начинает спускаться под более крутым углом, поэтому я слегка сгибаю ноги и слежу за тем, чтобы не поскользнуться.

— Впереди становится темнее, слышна вода, — отзывается он. Мгновение спустя я тоже слышу ее. Слабый, но определенно слышимый шум воды. Это может быть течение, поток в системе или что-то другое. Волнение переполняет меня, и я улыбаюсь, зная, что Кален делает то же самое.

Вот почему я этим занимаюсь — ради неизвестности, ради волнения от того, что в любой момент туннель может измениться. Возможно, нам придется нырять, карабкаться, взбираться, спускаться или останавливаться. Повороты и изгибы всегда заставляют нас гадать, быть начеку и чувствовать себя живыми.

— Мы слышим воду. На десятой отметке уклон более крутой, — сообщаю я.

— Понял, — резко отвечает Тайлер.

Кален фыркает, а я закатываю глаза.

— Что? — спрашиваю я, не в силах сдержаться.

— Ничего, принцесса, совсем ничего, — мы оба замираем, когда он произносит свое прозвище для меня, но на этот раз оно звучит горько и пропитано ненавистью. Это не похоже на то, как он произносил его с нежностью. Это была единственная слабость, которую он когда-либо проявлял по отношению ко мне, даже перед другими... теперь в этом слове сквозит сожаление, боль и много гнева.

— Остановись, — огрызаюсь я, и он вздыхает и оглядывается на меня, его фонарь на мгновение ослепляет меня.

— Остановиться быть засранцем? — он придвигается ближе, почти касаясь меня, наше дыхание смешивается между нами. Мы одни в темноте, что только усиливает все наши эмоции.

— Не нравится, тогда, блять, возвращайся.

Я снова закатываю глаза.

— Я имела в виду остановись, я что-то почувствовала, — резко отвечаю я, и он замирает. Его глаза сужаются, он знает, что должен доверять мне в этом вопросе. Не зря я всегда была первым разведчиком, у меня есть чутье на всякие вещи.

Закрыв глаза, я прижимаю руку к стене и просто слушаю и чувствую, не обращая внимания на его тяжелый взгляд.

— Здесь, — бормочу я. — Воздух меняется, он менее затхлый. Дует обратно, и стена

слегка вибрирует, — я открываю глаза и не могу сдержать ухмылку, которая кривит мои губы. — Кажется, впереди обвал.

Он ухмыляется в ответ, возбуждение наполняет его глаза, прежде чем он вспоминает, что ненавидит меня, и хмурится.

— Отлично, идем медленно, держимся рядом.

Он поворачивается и снова начинает идти, выдвигая одну ногу вперед на случай внезапного обвала. Его ориентир волочится за ним, пока мы не находим место, где его можно закрепить в конце этого участка.

— Мы думаем, что слышим впереди обвал, возможно, это источник воды, идем с осторожностью, приблизительно в тридцати метрах, — говорю я Тайлеру, и он подтверждает мои слова.

Мы продолжаем движение. Идем медленно, но мое сердце ускоряется с каждым шагом. Звук текущей воды становится все громче и громче, пока не переходит в рев.

Она так близко, что я ощущаю на себе брызги. Кален замирает и присвистывает, я подхожу к нему, и у меня открывается рот. Мы стоим на краю уступа.

Это гребаный водопад.

Я разражаюсь смехом, и он эхом разносится над шумом разбивающейся воды, поэтому я обхватываю рот руками и издаю крик, слушая, как он звучит.

Я поворачиваюсь и вижу, что Кален наблюдает за мной. Его глаза потерянные, а губы слегка приподняты. Я втягиваю воздух, раздвигая губы, когда его темный взгляд голодно опускается на них. Воздух между нами искрится, и электрическая связь, которая всегда присутствовала между нами, возвращается с новой силой, пока мы оба почти не задыхаемся. Его руки упираются в бока, чтобы не дать ему... что? Потянуться?

Схватить меня?

Черт. Я сглатываю и смотрю, как он делает то же самое, его адамово яблоко подпрыгивает, прежде чем он отворачивается.

— Давай закрепим веревку там, — его голос хриплый и низкий.

— Конечно, — соглашаюсь я, растерянно моргая от его внезапной перемены в поведении.

Может быть, пребывание здесь пробуждает в нем воспоминания?

Может быть, о той ночи... ночи, когда я призналась в своих чувствах и поцеловала его?

С кислым привкусом во рту я молча помогаю ему закрепить ориентир, мои собственные сожаления и боль заставляют меня молчать. Черт, это будут сложные четырнадцать дней.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КАЛЕН

— В шестидесяти футах¹⁶ — водопад. Ориентир закреплен прямо перед ним, скала скользкая. Мы собираемся закрепить и посмотреть, есть ли путь вниз или вверх, а затем искать следующий туннель, — передает Пейтон.

— Понял... Будьте осторожны, — отзывается Тайлер.

Она опускает кнопку и проверяет ремни, прежде чем надеть шлем, пытаюсь застегнуть его в темноте. Я вздыхаю, но делаю шаг вперед.

— Позволь мне, — рычу я.

Я не хочу находиться рядом с ней, но вот он я. Достаточно близко, чтобы прикоснуться... попробовать на вкус.

Она кивает и поднимает подбородок, ее зеленые глаза устремлены на вершину пещеры. Ее губы так близко, что я почти чувствую их сладость. Воспоминание о том, как пухлая плоть прижимается к моим собственным, заставляет меня поспешно застегнуть и проверить ее шлем, прежде чем отступить назад.

Она покачивает им и включает фонарь, прежде чем взглянуть через край, совершенно не подозревая о моих грязных, предательских мыслях. Как и тогда, когда мы нашли водопад, я был так искушен выплеснуть все на нее. На ее губы и тело, но мы оба знаем, что этого не произойдет.

Никогда снова.

Этого не случится. Пейтон — наваждение, и каждый вкус заставляет меня желать большего. Я не могу позволить этому повториться. Как только это погружение закончится, она исчезнет, и я не могу позволить этому разрушить меня снова.

Не тогда, когда она уже разрушила нас.

В моей жизни было много тяжелых моментов, особенно во время моей службы за границей, но ни один из них не был таким тяжелым, как видеть, как она уходит. Я не могу позволить ей снова приблизиться ко мне.

Не в этот раз. На сей раз я ожесточился против нее. Мы — лишь призраки друг для друга. Я подхожу к ней, игнорируя чувство, которое всегда приходит, когда я рядом с ней. Я до боли знаю, где она находится, чувствую каждый ее вздох, каждый шорох и улыбку.

Я ненавижу то, что я все еще нахожусь с ней на одной волне. Это помогает при

погружениях, но сейчас это заставляет меня презирать ее еще больше.

Она цепляется за стену и высовывает голову из проема, заставляя меня предупреждающе рывкнуть на нее, но она, как всегда, игнорирует. Она поворачивает голову, осматривая пространство над нами, а затем смотрит вниз.

— Так, наверху нет туннелей или признаков входов, но я вижу один внизу, может быть, в двадцати футах¹⁷. Мы могли бы спуститься по боковой стенке — будет скользко, но возможно — и затем привязать веревку для остальных.

Она оглядывается на меня с ухмылкой.

— Дробовик¹⁸.

— Пейтон, просто позволь мне, — требую я, но она смеется, и я знаю, что она не сделает этого, — никогда не делает. Она безрассудная, сильная и приводящая в ярость. Она может сделать все, что могу сделать я, и обычно даже лучше.

— Ставь меня на якорь. У тебя больше шансов удержать меня в вертикальном положении, если я упаду, чем у меня с твоей большой задницей, — дразнит она, заставляя меня хмыкнуть в ответ, когда она делает шаг назад. Снова стиснув зубы, я пристегиваю ее к себе и закрепляю нас, пока она надевает перчатки и разминает шею.

— Готова? — спрашиваю я.

— Готова, — отвечает она. — Не дай мне упасть, — она ухмыляется.

— Никогда, — автоматически отвечаю я, и это слово как камень ложится между нами, а она морщится и отводит взгляд.

Она отходит назад к выступу, а я расставляю ноги, держа веревку в руке, пока она переходит к левой стороне стены и, глубоко вздохнув, тянется через нее, чтобы ухватиться за опоры. Когда она зацепилась за них, она с размаху обрушилась на стену, со вкусом ударившись о нее, что вызвало у меня ворчание при натяжении, пока я держал веревку натянутой.

— Ты в порядке?

— Да, камни острые, держи веревку натянутой, чтобы она не зацепилась и не порвалась, — пробормотала она. Ее тон ровный и незатронутый, несмотря на напряжение ее тела, она привыкла сообщать мне обо всем, пока мы работаем вместе. Наши действия всегда синхронизированы.

Я слышу ее дыхание и звук осыпающейся стены, когда она спускается по ней, двигаясь быстро, как обычно, находя точки опоры и поручни и раскачиваясь. Она всегда была самой быстрой в нашей группе. В воде она как гребаная рыба, да и скалолазка она потрясающая.

Это раздражает. Есть ли что-то, чего она не может сделать?

Когда-то мне нравилось в ней это, то, как легко она могла идти в ногу со всеми нами. Когда я впервые встретил ее, то ненавидел, что она работает с нами, думал, что она будет тормозить нас, мешать нам. Все оказалось наоборот. Она могла пролезть туда, куда мы не могли, забраться туда, куда мы не могли, и это делало нас неустойчивыми.

После ее ухода нам пришлось изменить методы работы и даже отказаться от некоторых заданий — напоминание об этом заставляет меня рычать:

— Будь, блять, осторожна!

— Успокойся, Кал, — отвечает она, и я бросаю быстрый взгляд, заметив, что она уже спустилась более чем на половину. То, что она вскользь произнесла мое прозвище, ее даже не смутило. Думаю, она даже не поняла, что сделала это. Она всегда называла меня так, даже в самом начале, когда я сказал ей в лицо, что она не продержится и недели.

Она доказала, что я ошибался.

Доказывает и сейчас.

Это немного ослабляет мой гнев, но достаточно ей взглянуть на меня с ухмылкой, как я снова начинаю злиться. Она ведет себя так, будто все это легко, словно она не расстроена тем, что снова работает со мной, словно это не причиняет боли.

Словно она не скучала по этому.

Неужели мы так мало значим для нее?

Неужели я так мало значу?

Она затихает, но движение веревки говорит мне, что с ней все в порядке, и через две минуты она кричит:

— Я спустилась! Начинаю закреплять веревку.

Отступив назад, я жду сильного рывка веревки.

— Закрепила! — кричит она.

Я ослабляю хватку и пристегиваюсь. Пора испытать на прочность. Лучше пусть я получу травму, чем другие. Это работа первого разведчика — найти и закрепить. Хотелось бы, чтобы это не давалось мне так легко.

Но когда я вернулся из армии, Тайлер знал, что мне это нужно. Нужен способ почувствовать себя живым, выплеснуть желание умереть, которое у меня было. Хотя таким образом я бросаю кости, но это касается моей собственной жизни, которая защитит их.

И ее.

ПЕЙТОН

Я справилась! Я с улыбкой откидываю голову назад и смотрю на стену, по которой я свободно спустилась, мой спусковой крюк на месте, чтобы закрепить веревку. Я смотрю, как Кален подходит спиной вперед к краю, легко отталкивается и спускается по стене, словно это для него в порядке вещей. Для нас так оно и есть.

Он делает это так легко.

Его задница также выглядит потрясающе, поэтому я отворачиваюсь, чтобы не смотреть на нее, зная, что если он поймает меня, то, вероятно, выплеснет еще больше угроз в мою сторону.

Запыхавшись, я на мгновение расслабляюсь, освещая фонариком туннель, по которому мы, скорее всего, пойдём дальше. Я слушаю, как он спускается вниз, хотя вода здесь громче и обрызгивает мои руки и ноги. Когда я слышу, как он приземляется позади меня, я оборачиваюсь и вижу, как он отстегивает и закрепляет веревку, а также несколько баллонов.

— У подножия водопада есть крепление для спуска, баллоны закреплены у основания, а слева находится новый проход. Он достаточно большой, чтобы пройти через него, так что мы идем туда.

Мгновение спустя голос Тайлера заполняет пещеру. Несомненно, все они слушают, пока Риггс делает заметки и составляет карту, по которой мы должны следовать.

— Понятно, не дальше трех миль¹⁹, — напоминает он мне.

Ага, ага. Я не отвечаю ему, оглядывая туннель и гадая, что нас там ждет. Я слышу, как Кален подходит ко мне, готовый двинуться дальше.

Он останавливается рядом со мной, и я поднимаю взгляд и замечаю, что он смотрит на мою грудь острым взглядом. Следуя его взгляду, я смотрю вниз и вздрагиваю — мое ожерелье выскочило из-под костюма. Я быстро прячу его и отворачиваюсь от него, не желая видеть выражение его лица по поводу того, что я хранила ожерелье все эти годы.

Они очевидно живут дальше, забыли обо мне, ненавидят меня... но я застряла между прошлым и настоящим, и мое ожерелье — напоминание об этом.

— Я пойду первой, кажется, проход меньше, чем предыдущий, — я завязываю свой ориентир, соединяя его с другим, и, не оглядываясь на него, ныряю в туннель. Не хочу

наблюдать его реакцию, гнев или, что еще хуже... жалость.

Этот тоннель темнее предыдущего, и постепенно они будут становиться все более темными, чем дальше вглубь земли мы продвигаемся. В некоторых будет крошечная тьма, вот почему у нас всегда так много фонарей. Никто не хочет оказаться под водой или в темной пещере без света, это может сыграть решающую роль между жизнью и смертью.

Шахта освещена вокруг, пока мы медленно пробираемся по ней. На вид шахта прямая, лишь с несколькими поворотами и изгибами, с некоторыми острыми краями, через которые нам приходится протискиваться. Кален сообщает обо всех, одновременно привязывая ориентир, пока мы идем.

Звук журчащей воды стихает, чем дальше мы заходим, и я замечаю что-то впереди, что вынуждает меня прищуриться. Только годы практики помогают Калену не врезаться мне в спину, но я чувствую, как он близок. Жар его твердого тела и его дыхание, обдувающее мою шею, заставляют меня дрожать.

— Что? — бормочет он.

— Похоже придется ползти, — говорю я ему, когда мы подходим ближе. Несомненно, перед нами препятствие — почти цельная скальная стена, сквозь которую нам придется проползти. Пространство достаточно широкое для оборудования и людей, что хорошо, так как ничего из этого не будет хорошей передовой базой.

— Я пойду первой, — я снимаю свое снаряжение и складываю впереди себя, Кален помогает мне пролезть в отверстие, его рука ложится на мою задницу. Я колеблюсь от его прикосновения, но не придаю этому значения и пробираюсь внутрь, отталкиваясь ногами. Я все еще в шлеме, мой фонарь ярко светит, пока я использую локти и колени, чтобы продвинуть себя и свою сумку вперед.

Мое дыхание громкое, пока я извиваюсь и продвигаюсь по пространству.

— В порядке? — зовет он.

— Отлично, — мгновенно отвечаю я. Ползу всего около двух минут, пока не открывается проход. Я останавливаюсь в конце, с ухмылкой проталкиваю свою сумку и вылезая из отверстия, осветив фонариком пространство вокруг.

— Я вылезла! — кричу я и, оглянувшись через лаз, вижу, что он ждет. — Ты должен это увидеть, похоже, мы нашли нашу передовую базу.

ПЕЙТОН

— Вхожу, — зовет он.

Я ступаю дальше в комнату, улыбка искривляет мои губы от необъятности этого открытия в системе пещер. Держу пари, что это окажется огромной сетью, и мне не терпится исследовать ее до конца.

— Короткий пятидесятиметровый переход через ползучий проход, достаточно широкий для оборудования и прочего, с другой стороны — потенциальная передовая база. Жду Калена, потом мы обеспечим безопасность и стабильность, — сообщаю я Тайлеру.

— Хорошая работа, — отвечает он, и в его голосе сквозит теплота, от которой я вытягиваюсь во весь рост.

Я слышу несколько ворчаний, а затем Кален проходит и встает рядом со мной.

— Черт, ты не шутила. Эти потолки должны быть высотой сорок метров. Посмотри на воду вон там.

— А сталактиты и сталагмиты просто огромные, — я киваю, когда мы расходимся в разные стороны.

— У меня здесь вода, потенциальный проход! — зовет Кален.

— У меня есть место для базы! — кричу я в ответ, и слышу, как он спешит ко мне, пробираясь через пещеру к большой плоской площадке, на которой я нахожусь. Она слегка возвышена над остальным пространством, что будет хорошо в случае наводнения или прилива воды. Здесь не так много камней и валунов, и есть достаточно места, чтобы обустроиться. Здесь также есть несколько колонн для поддержки площадки.

— По-моему, выглядит неплохо, — соглашается Кален, и я снова начинаю бродить.

— Еще один вход, — кричу я, заглядывая в отверстие. — Примерно на высоте десяти футов²⁰.

Мы исследуем остальную часть комнаты, не находя больше никаких туннелей, ответвляющихся от нее.

— Тайлер, место для передовой базы найдено. Много места для оборудования, хороший сигнал, два выхода. Один подводный, другой — на высоте десяти футов. Около двух миль²¹

от входной камеры. Захвати свое снаряжение, мы собираемся намокнуть, — дразню я.

Я слышу его волнение, когда он отвечает по рации.

— Хорошая работа, ребята. Мы начнем подготовку к спуску оборудования. Убедитесь, что ориентир привязан, и отдохните.

— Конечно, — отвечаю я, уже глядя на проем и стену, ведущую к нему.

Кален фыркает позади меня, потягивая воду.

— Ты собираешься туда подняться, не так ли?

— Ага, — я ухмыляюсь, оглядываясь назад. — Ему следовало бы знать лучше, — я смеюсь, бросая свое снаряжение и снимая костюм.

— Почему? Он тебя не знает, — огрызается он, и я вздыхаю от яда в его тоне. Значит, мы снова ненавидим друг друга? Клянусь, эмоции этого парня вызывают у меня нервную дрожь.

Облачившись во флис, я не снимаю каску и обмазываю руки мелом.

— Я собираюсь залезть свободным способом²² и закрепить веревку, — резко говорю я ему, приближаясь к стене и проводя руками по слегка влажной, острой поверхности.

Упираясь ногой, я дотягиваюсь до нескольких неглубоких полок и начинаю медленно подниматься. Я сосредотачиваюсь на том, чтобы найти опору для ног и рук, и вскоре оказываюсь у отверстия. Я подтягиваюсь и влезая внутрь, приседая в немного тесной полости, освещая ее фонариком.

— Он небольшой, похоже, что в конце он идет вверх, а не вниз, — говорю я, закрепляя веревку на всякий случай. — Думаю, сначала нам стоит попробовать погрузиться под воду, — предлагаю я, оглядываясь через край, чтобы увидеть его, ожидающего внизу.

— Отлично, а теперь спускайся, — рявкает он.

— Засранец, — бормочу я.

— Что это было, принцесса? — кричит он, его голос резок.

— Ничего! — быстро отвечаю я, начиная спускаться. Как только мои ноги касаются пола, он передает мне мою бутылку с водой.

— Пей и отдыхай, пока не подспеют остальные. Это не гребаный спринт, это марафон, и мы — команда. Никаких, блять, одиночных миссий. Если ты не справишься, тебя отстранят от исследования, — угрожает он с суженными глазами, прежде чем удалиться.

Кому-то следует кое-что вытащить, но уж точно не мне. Что за придурок.

Раньше он всегда поддерживал меня первым и подталкивал к дальнейшим исследованиям, даже вопреки приказам. Когда он стал таким приверженцем директив? Неужели это просто потому, что это я, и он делает все возможное, чтобы отомстить мне? Или он действительно так сильно изменился?

Три года — большой срок, напоминаю я себе.

Я изменилась, и они тоже. Если я собираюсь работать с ними, мы все должны адаптироваться, и если это означает, что я должна сдерживать свою авантюрную натуру, то так тому и быть. Потягивая воду, я брожу по пещере, пока не дохожу до водоема. Я присаживаюсь на землю у свода пещеры и окунаю туда палец. Вода кажется застоявшейся, и нет особого течения, но это ничего не значит. Это определенно влажная пещера, и она не конечная цель.

Мы не узнаем этого, пока не исследуем.

РИГГС

— Хорошо, вы их слышали. Мы нашли передовую базу, так что давайте спускать оборудование к ним! — командует Тайлер, когда все начинают переносить оборудование ко входу в туннель. Я собираю свои компьютеры, пока он направляется в мою сторону. — Ты готов к этому? — спрашивает Тай.

— Конечно, — отвечаю я, застегивая водонепроницаемую сумку. — Я установлю связь перед основанием водопада и на передовой базе, а также проведу картографирование и все такое, — говорю я ему, указывая на свои компьютеры.

Он кивает, но затем колеблется, и я поднимаю на него глаза, замирая от его выражения. Кажется, он раздумывает, не сказать ли что-нибудь, что не похоже на Тайлера, особенно в последние несколько лет. Он вспыльчив, и его не волнует, заденет ли то, что он говорит, или нет.

— Ты в норме... с ней здесь? Я знаю, вы были близки, — он потирает лицо. — Если для тебя это слишком...

— Все в порядке, — я пожимаю плечами, пытаюсь приклеить улыбку для его блага. — Но что насчет тебя?

Он фыркает, отводя взгляд, и смотрит на остальных.

— Она ничего, просто хотел проверить, как дела у моей команды.

Я киваю и с грустью смотрю, как он уходит. Бедолага. Он даже не осознает, насколько он сломлен и как он все еще смотрит на нее, но сейчас в его глазах смесь ненависти и любви. Он стал мрачнее, злее и очень напоминает мне Калена, когда тот только вернулся из-за границы. Мы все по-разному пережили ее уход, но Тай... Тай сошел с ума. Эта работа слишком важна для него, поэтому, хотя мое сердце щемит при виде ее снова, я подавляю свои чувства. Ради него, ради моей семьи.

Мы нуждаемся в этом.

Присутствие Пейтон не изменит нашу преданность и цель. Она уже разрушила все остальное, она не может разрушить и это. Я не позволю ей. Они могут считать меня недостаточно сильным, но я силен, когда дело касается моей семьи. Она причинила им боль, и да, мне тоже, и я хотел бы ненавидеть ее, как другие, но правда в том, что я понимаю,

почему она ушла. Действительно понимаю.

Но даже это понимание не дает ей никакой поправки. Она решила уйти и теперь вернулась, так что лучше ей не поднимать голову и просто заниматься делом, иначе за ней будут охотиться четыре разъяренных дайвера.

— Хорошо! Давайте выдвигаться! — зовет Тайлер. Я стряхиваю с себя гнетущие мысли, взваливаю на плечи снаряжение и направляюсь в его сторону. Он хлопает меня по плечу, когда я прохожу мимо, и когда я присоединяюсь к Фину, который ждет у входа в туннель, я замечаю на его лице самоуверенную ухмылку.

— Готов к этому? — он подпрыгивает от возбуждения, его глаза горят от одной мысли о том, чтобы попасть внутрь. — Не могу дождаться водопада. Пойдем, ботаник! — он тащит меня за собой, заставляя хихикать, словно он знал, что так и будет. Готов поспорить, что именно поэтому он это и сделал, хотя не думаю, что он даже осознает, что всегда пытается разбавить атмосферу.

Это началось сразу после ухода Пей. Он находил способы заставить нас всех улыбаться, поддерживать нас, и даже сейчас он настроен на все наши чувства. Должно быть, он уловил мои тяжелые мысли и пытался вывести меня из этого состояния.

Но он прав — это будет потрясающе... с Пейтон или без нее.

Я знаю, что Фин будет присматривать за Тайлером, но нам нужно следить за Каленом. Я не думаю, что Фин осознает, как глубоко Кален был влюблен в нее, но я осознавал. Я видел, как он наблюдал за ней, тяготел к ней и следовал за ней повсюду. Я даже предполагаю, что если бы она попросила, он бы поехал с ней, когда она уезжала.

Не думаю, что она когда-нибудь узнает об этом.

Я следую за Фином по туннелю. Впереди, по мере того как мы идем, зажигается свет. Я стараюсь твердо держаться на ногах на неровном камне и пригибаюсь, когда приходится. Вскоре мы оказываемся у водопада, а остальные уже внизу, тащат оборудование под руководством Майкла. Тайлер идет позади нас, всегда позади. Он говорит, что это его работа как руководителя погружения на случай, если что-то пойдет не так.

Я отступаю на несколько шагов, занимая позицию на безопасном расстоянии от воды, а затем начинаю настраивать коммуникацию. Это позволит нам общаться как с базой наверху, так и друг с другом в пещерной системе. Это жизненно важная часть такого длительного исследования. Мы также сможем держать Стива в курсе событий.

В конце концов, поэтому меня и зовут Риггс²³. Я устанавливаю все оборудование. Вообще-то, Пейтон дала мне это имя, и оно прижилось. Черт, я должен перестать думать о ней. Целых три года мне удавалось не быть тупой робкой развалиной, тоскующей по девушке, которую я никогда не смогу иметь. Я думал о ней, конечно, думал. Я даже следил за ней, наблюдая, как она растет как личность и еще больше как дайвер.

О ней слагают легенды, и я никогда не сомневался, что так и будет. У нее природный талант держаться в воде. Кален никогда не хотел слышать о том, чем она занимается, Фин тоже, но я ловил Тайлера за чтением моих записей раз или два. Тогда это было проще, любить ее на расстоянии. Она была лишь фантазией, воспоминанием, призраком...

Но теперь она вернулась в полном материальном цвете и вновь поглощает все мои мысли.

Фин подбегает ко мне и хватается за провод.

— Я заберу это ко входу и подсоединю для тебя.

Я молча киваю в знак благодарности, поглощенный процессом установления связи, а он смеется.

— Да, Фин, ты великолепное создание, спасибо тебе большое, — поддразнивает он, прежде чем поцеловать меня в щеку с громким чмоком. Я отталкиваю его с усмешкой, и он трусцой возвращается обратно во входную камеру. К тому времени, как он подключился, я уже готов. Я жду, пока устройство включится, что будет означать, что все правильно установлено.

Затем я нажимаю на кнопку, проверяя проделанную работу.

— Верхняя база, вы меня слышите?

— Громко и четко, — приходит быстрый ответ.

— Первая линия связи установлена! — кричу я Тайлеру, надевая сумку и направляясь к водопаду. Я быстро прикрепляю сумку к веревке и опускаю ее, после чего закрепляюсь и спускаюсь вниз. Ощущение свободного падения заставляет меня ухмыляться. Может быть, я и люблю компьютеры, но быть свободным вот так, в воде или на высоте? Это моя стихия, так я спасаюсь от хаоса, цифр и постоянного потока информации в моей голове.

Я слышу крик, когда отстегиваюсь вниз и смотрю вверх, где вижу Финна, прыгающего на скальную стену. Тайлер кричит, но я не могу удержаться от смеха, когда он быстро спускается и демонстративно делает сальто со стены и приземляется на ноги рядом с нами.

— Фин! — кричит Тайлер. — Никакой гребаной показухи!

— Извини, боссмен, не удержался, — он подмигивает и проходит между нами. — А теперь пойдём найдем эту передовую базу. Не могу дождаться, когда войду в воду и намкну, — он шевелит бровями, заставляя Тая фыркнуть, хотя он слегка усмехается.

— Ты же знаешь, что чем дальше мы здесь находимся, тем хуже ему становится. Он как ребенок на сахаре, — поддразниваю я, пока Тайлер идет позади меня.

— Ага, да, клянусь, с каждым погружением ему становится все хуже, — бормочет он.

Он не ошибается. Я заметил это некоторое время назад, в основном после ухода Пейтон, но, честно говоря, это началось несколько раньше, так что мы не можем полностью винить ее. Он становится все более безрассудным, давит на свое тело. У него нет желания умереть, я знаю это — я прочитал несколько книг по психологии, чтобы убедиться. Я думаю, он просто адреналиновый наркоман, и поскольку он уже много чего совершил, ему нужно совершать все более и более безумные трюки, чтобы получить этот кайф. У него зависимость, что я тоже понял.

Тайлер постукивает меня по спине.

— Вылезай из своей большой головы, Риггс, и сосредоточься. Таким образом мы совершаем ошибки, — предостерегает он.

Я киваю, морщась. Он прав — я часто теряюсь в собственных мыслях и теряю всякое ощущение времени и своего местонахождения. Однажды я был настолько поглощен тем, как улучшить новую компьютерную систему, которую я разрабатывал для картографии, что чуть не сорвался с обрыва. От гибели меня спас только Кален, который протянул руку и схватил меня, затормозив мое движение.

Думаю, у всех нас есть свои недостатки.

Когда мы движемся по ползучему проходу, образуется небольшая очередь, тщательно контролирующая, чтобы оборудование попало на другую сторону. Я терпеливо жду с Тайлером позади меня.

— Риггс, серьезно, если ты не хочешь, чтобы она была здесь... — его голос — почти

шепот в темноте, чтобы не донести его до остальных.

Со вздохом я поворачиваюсь.

— Я в порядке. Да, она ранила меня. Она была моим другом, — он морщится от этого. — Но она причинила тебе больше боли, Тай. Нет, я не рад, что она здесь, но дело не во мне, а в тебе, потому что я видел, как она убивала тебя. То, как ты убивался по этому поводу. Однако, у нас нет выбора, кроме как работать с ней. Это просто еще одна работа. Четырнадцать дней, а потом мы уедем.

Технически, тринадцать дней, девять часов и сорок семь секунд, но кто считает?

Он смотрит мне в лицо и кивает.

— Хорошо, четырнадцать дней.

Я не знаю, кого он больше успокаивает, себя или меня, потому что когда дело касается Пейтон, становится ясно, что мы не можем контролировать себя и свои эмоции, как хорошие, так и плохие.

Мы обсуждаем погружение, пока ждем, обсуждаем разделение команд и время погружения. Он просит меня убедиться, что я смогу правильно рассчитать время, пока все не отдохнут и не выспятся. Мы уже обсудили большую часть, но я знаю, что он нервничает, и, как и я сам, он любит заострять внимание на том, что он в состоянии взять контроль, дабы успокоиться.

Когда приходит моя очередь пролезать, он затихает, и когда я оказываюсь на другой стороне, я изумленно озираюсь. Я никогда не видел такой огромной камеры. Я моргаю, пытаюсь быстро классифицировать все — входы, выходы, препятствия, потенциальные опасности, растительность и природную жизнь. В мгновение ока мой разум вращается со скоростью сто миль в минуту, а потом передо мной появляется она, улыбается, и мой разум успокаивается, как раньше.

Все цифры и статистика исчезают, и я могу дышать. Ее улыбка расширяется, а глаза сверкают от возбуждения.

— Как раз вовремя! — говорит она с нетерпением. — Пойдем! Давайте устроимся и начнем исследовать.

Она машинально берет меня за руку и тянет за собой, как раньше, когда я был захвачен своими мыслями, но потом ее улыбка исчезает, она отпускает мою руку и делает шаг назад, словно опомнившись.

— Прости, — бормочет она, а затем отворачивается и начинает идти обратно к остальным, в основном к своему другу Майклу.

Я хочу окликнуть ее, но у меня немеет язык. Моя рука покалывает от ее легкого прикосновения, и мне не хватает покоя, который она приносит, когда все эти цифры возвращаются с нарастающим ревом.

ФИН

Когда я впервые ступаю в пещеру, где мы собираемся создать передовую базу, я не могу не усмехнуться. Она чертовски огромна. По крайней мере, у нас достаточно места на четырнадцать дней, и мы не будем заперты в помещении, едва достаточном для двух взрослых людей, как в прошлый раз. Позвольте мне сказать вам, что спать с тремя большими парнями в крошечных подземных помещениях обычно надоедает.

Но не в этот раз.

Я осматриваюсь, пока остальные проносят оборудование через туннель, и натываюсь на Пейтон и Калена. Они смотрят друг на друга. Руки Калена скрещены, что означает, что он зол и пытается не задушить ее, а его тело напряжено. Отсюда я вижу его каменно-холодное выражение лица. Она выглядит не менее взбешенной, ее красивое лицо изрезано в гневе, когда она вскидывает руки в воздух, реагируя на его слова. Я не слышу, поэтому подкрадываюсь ближе, прячась за камнем, чтобы послушать.

Об их спорах ходят легенды. Черт, раньше я сидел и наблюдал за ними, пока ел закуски, но сейчас все по-другому. Сейчас он искренне ненавидит ее, и я не хочу, чтобы он сделал что-то, о чем потом пожалеет... и, ладно, да, мне нравится наблюдать за тем, как она спорит. Она заводится, ее грудь вздымается, глаза злые. Блять. Я поправляю свой твердый член и сосредотачиваюсь на них, а не на своих грязных мыслях о бывшей лучшей подруге.

— Заткнись хоть раз, Эндрюс, — рычит Кален, заставляя меня ухмыляться. — Клянусь, ты говоришь больше, чем Фин, — я хочу возразить, но сужаю глаза. — Просто заткнись нахуй и стой там и выгляди красиво. Ни на что другое ты не годишься.

— О, пошел на хрен, ты, снисходительный дровича. Мы оба знаем, что я способна переплыть, перелезть и обойти тебя. Ты просто злишься, что Стив знает, что я лучше всех, и не доверяет вам, ребята, но тебе, блять, придется смириться с этим.

— Или что? — требует он, его тон низкий и угрожающий. Черт, он достиг точки невозврата. Он сейчас взорвется. Я слышу, как остальные входят в пещеру, и понимаю, что мне нужно это остановить. — Снова уйдешь, принцесса? Закатишь истерику и сбежишь?

Ах, твою мать.

Я выхожу, но никто из них меня не замечает. Они стоят нос к носу, и его голова

опущена, а ее откинута назад. Она поднимает руку, несомненно, чтобы дать ему пощечину, поэтому я проскальзываю между ними и мягко перехватываю ее руку в воздухе. Если она ударит его, он может действительно убить ее или трахнуть, и ни один из этих вариантов не будет хорошим, но оба будут очень забавными.

Кален почти прижимается к моей спине, прежде чем отстраниться. Я смотрю на него.

— Иди остынь, пока Тайлер тебя не застукал, — предупреждаю я, глядя на него. Он скрежещет зубами, но топает прочь.

Когда я снова поворачиваюсь к Пейтон, я почти стону от того, как близко мы стоим, ее манящий сладкий аромат наполняет мои ноздри. Ее мягкое, изгибистое тело так близко к моему, что я чувствую ее жар. Так близко, что мне достаточно наклониться, чтобы почувствовать вкус этих нахмуренных губ.

Искушение возникало не раз.

Я отступаю назад и отпускаю ее. Она опускает руку и на мгновение отводит взгляд.

— Вам двоим придется найти способ работать вместе, — комментирую я.

— Да, ни фиги себе, Шерлок, — отвечает она.

Я ухмыляюсь, и она морщится, когда снова смотрит на меня.

— Эй, не злись на меня, кексик, — старое прозвище выскользнуло, и я на мгновение замешкался, прежде чем включить очарование, которое является моим способом держать ее на расстоянии. — А теперь тащи свою красивую задницу туда и помоги нам разгрузиться. Чем быстрее мы закончим, тем быстрее ты сможешь намокнуть.

Я подмигиваю ей и целенаправленно скользя взглядом по ее телу. В отличие от того, что было раньше, когда мы флиртовали и дразнили друг друга, но никогда не переходили черту, в этот раз все по-другому. Словно в этом есть обещание, словно это действительно может произойти. Раньше это было безобидно... верно?

— Я помню, какой мокрой ты была раньше.

Она задыхается, но смеется.

— Не для тебя, детка, никогда для тебя, — она усмехается и придвигается ближе, мы оба легко возвращаемся к этой рутине, но в ее глазах я тоже вижу это — знание того, что все по-другому, что на этот раз нас ничто не сдерживает, кроме эмоций, омрачающих нашу команду и наше прошлое. — Но я уверена, что если ты приложишь усилия, я смогу достичь этого, — мурлычет она, проводя рукой по моей груди. От ее прикосновения я вздрагиваю. Она часто так делала, когда мы раньше дразнились, мы оба были на грани, но в этот раз я хочу, чтобы она продолжала, невзирая на последствия. У меня нет друзей, которые бы меня сдерживали.

Я хочу ее.

Всегда хотел.

Она разворачивается и стремительно уходит, и, словно она знала, что я так и сделаю, я опускаю глаза на ее задницу, наблюдая за тем, как она удаляется. Она такая чертовски горячая, что я едва не прикусываю костяшку пальца, чтобы подавить стон, когда мой член начинает пульсировать. Черт. Мне действительно не стоило возобновлять это дерьмо. Это может убить меня в этот раз. После четырнадцати дней, проведенных здесь с ней, выглядящей так как она выглядит и отпускающей пошлые шуточки, у меня будет серьезный случай синих яиц.

Блять.

Когда мы торчали вместе на яхте, это было достаточно плохо, но Тайлер всегда был

между нами, не давая нам переступить черту, хотя мы часто флиртовали. А сейчас? Теперь я не знаю, смогу ли я остановиться. А она?

Я понимаю, что мы не должны, она разбила нам сердца, но моему телу все равно. Оно хочет ее, и кажется, что мое глупое сердце все еще бьется только для нее. Я откидываю голову назад и пытаюсь думать о чем угодно, кроме ее прикосновений, ее запаха, ее губ, ее изгибов, до тех пор, пока я наконец не смогу нормально передвигаться без третьей ноги.

Я слышу, как меня зовут, поэтому я втягиваю воздух, наклеиваю на лицо улыбку и отправляюсь обратно, чтобы помочь установить базовый лагерь.

Риггс заканчивает собирать свои компьютеры, а остальные разобрали палатки. Все остальное оборудование готово к работе. Тайлер спускает в воду подводный буксир с прикрепленной к нему камерой, и мы все толпимся вокруг экрана Риггса, чтобы посмотреть, сможем ли мы проплыть этим путем. На экране высвечивается темное отверстие, достаточно большое, чтобы пролезть через него. Риггс возвращает устройство назад, чтобы не разряжать батарею.

— Ладно, давайте залезем в воду, не будем терять время, — Тайлер вздыхает и встает, оглядывая нас, пока обдумывает свой следующий шаг. Я уже знаю имена, которые он собирается назвать. — Кален, Пейтон, одевайтесь. Вы двое спускаетесь вниз, но только на два часа, пока мы все подготовим. Посмотрите, как далеко вы сможете забраться, и привяжите ориентир, — приказывает он.

— Понял, — отвечает Кален.

— Не вопрос, — соглашается Пейтон, и они оба уходят готовиться.

Черт, я хотел пойти, но в этом есть смысл. Даже когда они ненавидят друг друга, они лучшие. Они так слаженно работают вместе, и их индивидуальные слабости и сильные стороны компенсируют друг друга. Я поворачиваюсь и наблюдаю за Тайлером, когда он смотрит, как они уходят. У него странное выражение глаз, и когда он поворачивается и ловит мой взгляд, он кашляет и быстро отворачивается.

Что он знает?

— Проверь их снаряжение перед погружением. Дай им DPV, — говорит он мне, удаляясь.

Я быстро забегаю в туалет, прежде чем направиться туда, где они присели на край бассейна. Их ласты уже на месте, они в своих костюмах, с надетыми ремнями и готовыми баллонами. Я проверяю Калена, убеждаюсь, что все привязано, баллоны работают, компьютер включен, и у него с собой все снаряжение, прежде чем приседаю за Пейтон, чтобы сделать то же самое.

— Хватит пялиться на мою задницу, — дразнит она, проверяя подачу воздуха и завязывая волосы сзади.

— Дорогая, я всегда смотрю на твою задницу. И это не изменится, — шучу я, заканчивая проверять ее. Я слышу, как Кален с отвращением фыркает, когда он опускается в воду и надевает маску.

Она следует за ним, и они оба смотрят на меня. Я погружаю их DPV в воду, и они оба хватают их.

— Будьте осторожны, не делайте ничего такого, чего не сделал бы я.

— То есть вообще ничего, — пробормотала она, и, подмигнув, отвернулась и скрылась под водой, утянув за собой DPV. С ругательством, Кален последовал за ней.

Я смеюсь, когда возвращаюсь к Риггсу и вижу, что он уже включил камеры. Они уже ведут трансляцию, и когда загорается свет, я вижу все, что видят они.

— Проверка связи, — зовет Риггс.

— Пейтон на связи, — отвечает она.

— Кален на связи.

— Хорошо, теперь двигайтесь медленно, видимость довольно низкая отсюда, и информируйте нас о том, что вы находите, — советует он. Тайлер подходит ближе, оставляя остальных организовывать наши спальные места.

Это первый взгляд на брюхо зверя, которое мы исследуем.

ПЕЙТОН

Риггс прав — видимость низкая. Даже с нашими основными фонарями и фонарями DPV все равно почти темно. Я стараюсь грести медленно, чтобы не слишком сильно вздывать ил и не затруднять видимость. Я чувствую Калена позади себя, мы оба привязаны к одному ориентиру, плывем друг за другом. Я плыву дальше вниз, позволяя DPV делать большую часть работы, чтобы сохранить силы.

Проход идет почти под прямым углом и сужается дальше, поэтому я плыву медленнее и предупреждаю Калена. Он ворчит в ответ, но примерно через десять метров проход открывается и сворачивает влево, а прямо по курсу находится еще одна шахта. Сперва я двигаюсь налево.

— Это отстойник, — бормочу я. Вода становится прозрачнее, чем выше мы поднимаемся, и теперь я почти все вижу ясно.

Шахта расширяется еще больше, пока мы не оказываемся в бассейне.

— Ты видишь это? — говорю я в микрофон. — Кажется, это небольшой бассейн. Мы будем исследовать дальше, — я делаю паузу на мгновение, осматриваясь и позволяя Калену установить крепление для веревки. — Есть еще один проход, ведущий с севера. Идем сначала вверх.

— За тобой, — зовет Кален.

Я возобновляю движение, и, как я и предполагала, я вынырываю на поверхность воды.

— Поверхность прорвана, — я оглядываюсь вокруг с улыбкой, вытаскивая свой регулятор изо рта. — По крайней мере, тридцать метров в высоту с тем, что выглядит как поверхность, по которой можно лазить, и есть выступ, идущий вокруг бассейна, достаточно широкий, чтобы мы могли спать на нем, если понадобится. Очевидных маршрутов нет.

Кален всплывает рядом со мной, пока я снимаю маску и отключаю DPV. Ухватившись за выступ, я подтягиваюсь и переворачиваюсь так, что мои ноги болтаются в воде, пока я осматриваюсь. Пещера изогнутая, высокая и не слишком широкая, но достаточно широкая, чтобы мы все могли в ней спать, если понадобится во время погружений. Встав, я прохожу по периметру, проверяя стену, прежде чем взглянуть на Калена, который наблюдает за мной.

— Мне кажется, я вижу там проем, но думаю, что пока нам лучше двигаться по другому

проходу. Мысли?

Он снимает маску, оглядываясь по сторонам.

— Я согласен. Посмотрим, куда этот ублюдок заведет, — я киваю и снова надеваю маску, прежде чем сесть на край и соскользнуть в воду.

— Внимание, мы направляемся к следующему проходу, — говорит Кален, погружаясь под воду. Я хватаю свой DPV и слеую за ним, на этот раз он плывет первым.

— Понял, — отвечает Риггс.

Мы оба продвигаемся медленно, не зная, куда этот зверь нас заведет. У меня такое чувство, что это будет запутанная паутина туннелей, пещер и тупиков, но я надеюсь, что она приведет нас к океану или к значительной находке, что было бы удивительно.

— Видишь что-нибудь? — спрашиваю я. Он игнорирует меня, и я стискиваю зубы. — Кален, это не касается нас, это бизнес. Видишь что-нибудь? — огрызаюсь я.

— Сейчас будет тесно, так что притормози и дай мне пространство для маневра, — резко отвечает он.

Я сдерживаюсь, пока он направляется в мутный проем.

— Хорошо, — зовет он, и я слеую за ним.

Он прав — здесь тесно. Мои баллоны почти задевают стенки, когда я медленно плыву, влекомая своим DPV. Он крутится и поворачивает, наши огни преломляются в воде, едва проникая в пространство прямо перед нами. Мы плывем влево, вправо, вверх и вниз около пятнадцати минут, прежде чем всплываем в другой проем.

Разница в том, что этот проход находится полностью под водой. Я плыву вверх, Кален слеует за мной, но потолок — это светло-коричневая скала, в которой нет доступа к воздуху, только несколько воздушных карманов. В экстренной ситуации они пригодятся, но неизвестно, как долго воздух находился здесь. Он может быть наполнен углекислым газом, так что это крайний вариант.

Мы снова плывем вниз. Дно глубокое и темное, как ад, завалено камнями и обломками. Мы даже находим скелет, что заставляет нас задуматься, прежде чем плыть дальше. Здесь есть небольшое течение, но не слишком сильное. Мы все передаем, и я знаю, что Риггс это фиксирует.

Сама пещера широкая, очень широкая и овальная. Мы находим по меньшей мере три туннеля, ведущих в сторону, прежде чем перегруппироваться в центре, закрепить якорь и бросить несколько аварийных баллонов.

— Что ты думаешь? — спрашивает меня Кален.

— Я думаю, мы могли бы пойти по любому, но мы не знаем, как далеко они простираются, и я готова поспорить, что мы уже почти исчерпали время погружения.

— Так и есть, — рывкает Тайлер, а потом вздыхает. — Возвращайтесь, на сегодня хватит. Мы с Финном переоденемся и заступим на следующую смену. Мы бросим якоря и аварийные баллоны и отнесем оборудование в ту пригодную для дыхания пещеру, которую вы нашли на всякий случай. Завтра мы начнем все сначала.

Я застонала, желая продолжить, но в то же время не желая давить на него. Я не хочу давать ему повод отстранить меня от погружения, к тому же у нас есть еще четырнадцать дней на исследование, а это было лишь первым знакомством с этим местом.

— Поняла, — отвечаю я.

Кален кивает, показывая мне одобрителный знак. Когда я разворачиваюсь назад, я моргаю, когда что-то темное проплывает в поле моего зрения. Сузив глаза, я подплываю

ближе, направляя фонарь в ту сторону, где я что-то увидела.

— Эндрюс, — огрызается Кален, — Ты слышала его.

— Да, одну секунду, показалось, что я что-то видела...

— Что? Боже, давай, возвращаемся, пока он не взбесился, — рычит он, но все равно следует за мной.

— Заткнись, — бормочу я, подплывая ближе. Что-то темное снова проплывает мимо, на этот раз слева от меня, заставляя меня слегка повернуться. Внизу бывают случаи, когда ты что-то замечаешь. Это могут быть камни, тени, что угодно. Я просто хочу убедиться, что ничего не падает, чтобы избежать травм, но когда я не могу ничего заметить, а ворчание Калена становится слишком сильным, я отворачиваюсь и следую за ним из комнаты.

Используя ориентиры, я следую за ним в туннель, осторожно, на случай, если что-нибудь упадет. Мои ноги начинают болеть, в основном из-за отсутствия отдыха в последнее время, но я не обращаю на это внимания и продолжаю плыть.

К счастью, нам не приходится делать остановки, поэтому мы просто быстро и тихо возвращаемся назад. Когда мы достигаем бассейна и всплываем на поверхность, я снимаю маску, Фин помогает мне подняться на уступ и снять снаряжение, а затем помогает Калену.

— Ну, как все прошло? — с нетерпением спрашивает он. Я знаю, что ему не терпится спуститься вниз.

— Хорошо, есть потенциал. Я действительно думаю, что мы что-то нашли, — Кален ухмыляется ему так, как он обычно ухмылялся мне после погружения. Фин вскрикивает, а Кален смотрит на меня. — Когда он скажет вернуться, мы вернемся. Убери свое снаряжение и поешь, — требует он, встает и уходит, на ходу раздеваясь.

Фин морщится, но следует за ним, оставляя меня одну. Когда я смотрю, как они присоединяются к Тайлеру и Риггсу, чтобы обсудить сегодняшний день, ноющее одиночество на мгновение сокрушает меня. Как бы мне хотелось быть там, ухмыляться вместе с ними. Я чувствую их волнение. Но вместо этого я отворачиваюсь, проверяю свое снаряжение, прежде чем встать, и раздеться до спортивного лифчика и трусиков.

Майкл направляется в мою сторону с ухмылкой, и это заставляет меня улыбнуться. Хоть кто-то рад меня видеть.

— Ты отлично справилась, малыш. Давай, вытрись и найдем тебе что-нибудь поесть, — он обхватывает меня за плечи и ведет прочь.

Я распаковываю вещи и помогаю обустроить остальную часть передовой базы. Тайлер разгружает несколько ящиков рядом со мной, хотя он отказывается разговаривать со мной. На заднем плане тихо играет радио, рок-музыка льется из динамиков и заполняет пространство. После того, как мы закончили, мне нужно немного поспать, так как нам с Каленом рано вставать на следующее погружение в четыре утра. Время здесь не имеет особого значения в смысле дня или ночи.

Пока мы спим, Тай и Фин погружаются следующими. Мы работаем посменно, а Риггс и Майкл следят за безопасностью.

Когда Тай наклоняется ниже, я замечаю что-то сверкающее на его шее. Нахмурившись, я смотрю, как оно выскальзывает из-под его мокрой майки. Это серебряная цепочка, а на конце... мое кольцо.

Черт.

Я даже не могу вздохнуть. Мое сердце болезненно сжимается, а слезы стремятся застлать глаза. Неужели он носил его все это время? Что это значит? Я не могу отвести взгляд, и он должно быть почувствовал мое внимание. Он поднимает глаза, встречая мой, несомненно, шокированный и страдающий взгляд, и хмурится. Проследив за моим взглядом, он замечает цепочку и стискивает зубы, заправляя ее под майку, прежде чем снова посмотреть на меня.

В его глазах вихрь эмоций, и они обвиняюще бьются об меня. Это сделала я. Я вижу в его взгляде сожаление и любовь, прежде чем он закрывается, снова становясь холодным.

— Я могу закончить сам, отдохни немного, — огрызается он.

— Тай...

— Это приказ. Ты должна быть в состоянии держаться на ногах завтра утром, ты вымотана. Иди спать, — рычит он и уходит, оставляя меня смотреть ему вслед. Мое сердце снова разрывается.

Я стою здесь, одинокая и потерянная, не зная, что сказать или сделать. Смахнув слезы, я делаю глубокий вдох, подавляя боль, не желая, чтобы кто-то подумал, что я слабая и позволяю своему прошлому затуманить мои суждения, но, черт возьми, это трудно.

Неужели... неужели Тайлер все еще беспокоится обо мне? Может ли это быть возможным? Или это всего лишь мое желание... желание, чтобы он все еще любил меня так, как я все еще люблю их?

ТАЙЛЕР

Ворвавшись в палатку, я откидываю заслонку и начинаю метаться. Я дергаю себя за волосы, желая закричать. Она видела его! Она, блять, видела кольцо, которое я купил для нее. Не знаю, почему я не смог его продать или выбросить, вместо этого я оставил его себе и, как идиот, носил его на цепочке над сердцем. И она увидела его.

Блять!

Будто она уже не считала меня достаточно жалким, теперь она точно знает, как сильно я по ней скучал. Раскрыв сумку, я стягиваю с себя майку и роюсь в поисках чистой, задержавшись на клубке браслетов. Я провожу пальцами по потертой коже.

Я снял их, когда мы приехали сюда, не желая потерять. С годами они растянулись. Она подарила их мне, и я не мог с ними расстаться, каждая ниточка означала еще одну часть нашего совместного пути. Это мое прошлое, она — мое прошлое...

Так почему же она ощущается как мое будущее?

Я ненавижу ее, правда, блять, ненавижу. Я ненавижу то, что она по-прежнему имеет власть надо мной. Что она способна одним лишь взглядом превратить меня в одержимого, заикленного на любви мужчину. Раньше мне нравилось, как легко она заставляла все остальное исчезнуть. Я так сильно влюбился в нее, я думал, что нам суждено быть вместе, но я ошибался.

Ее отец ошибался.

Вытащив кольцо из-под футболки, я провел пальцем по камню, вспоминая, как он усмехнулся, когда я попросил у него разрешения. Это было всего за несколько дней до его смерти. Он был так полон жизни и так счастлив за нас обоих. Он принял меня в свою семью много лет назад, но наш брак должен был закрепить это официально. Все, о чем он просил, это чтобы я сделал ее счастливой, чтобы я оберегал ее ради него.

Я не справился с обеими просьбами.

Я не могу любить ее, больше не могу. Не после того, что она сделала, и уж точно не могу больше защищать ее.

В особенности от меня.

От нас.

Становится болезненно очевидно, что мы все еще восприимчивы к Пейтон Эндрюс. Когда-то она была семьей, другом, возлюбленной. Я вижу, как мой брат и друзья смотрят на нее, всегда видел. Раньше я был счастлив, зная, что она моя. Теперь мне страшно. Страшно от того, что она может снова причинить им вред. Даже с разбитыми сердцами, с гневом и ненавистью, они все равно хотят ее.

Однако на этот раз, я думаю, они сломают ее в ответ.

Мы не те милые мальчики, которых она когда-то знала. Мы жесткие, доминирующие мужчины, которые знают, чего хотят, и по какой-то гребаной причине это все еще она.

Потирая лицо, я отгоняю все мысли о Пейтон Эндрюс. У меня слишком много дел, чтобы заикливаться на ее присутствии. Это наше время, чтобы блеснуть, чтобы наше имя узнали и наш бизнес вернулся на круги своя после ее ухода. Облачившись в гидрокостюм, я выхожу из палатки, чтобы встретиться с Финном, собираясь проверить ориентиры, добавить фонари и оставить аварийные баллоны.

Я медлю возле палатки Пейтон, как и накануне вечером, а потом заставляю себя уйти и подойти к бассейну. Теперь моя очередь посмотреть, что может предложить эта пещера. Кален может быть первым разведчиком, потому что я за старшего, но все здесь знают, что лучший дайвер — я.

Пришло время продемонстрировать им, почему, и мисс Эндрюс в том числе.

ПЕЙТОН

Поспав несколько часов, я встаю, одеваюсь и снова готова к погружению. Сперва я ем и пью, потом иду в туалет, прежде чем застегнуть костюм. Тайлера нет, как и Фина, так что я предполагаю, что они спят, но Риггс все еще бодрствует. Я подхожу и прислоняюсь к его столу.

— Тебе стоит поспать немного, — поддразниваю я.

— Так и сделаю, — зевает он. — Готова снова погружаться?

— Всегда. Они что-нибудь нашли? — спрашиваю я, попивая воду из своей бутылки, заглядывая через его плечо на карту, которую он рисует. Она трехмерная и приспособлена для перемещения, с дополнительной информацией, когда вы нажимаете на определенные участки. Это действительно впечатляет.

— Черт, детка, это удивительно. Я забыла сказать тебе вчера, как я горжусь тобой за то, что ты смог заставить это работать! — восклицаю я.

Он поворачивает голову и открывает рот, собираясь что-то сказать, но захлопывает его, внезапно осознав, как близко мы находимся. Наши головы почти соприкасаются, и наше дыхание смешивается между нами. Я должна отстраниться, но не хочу. Его глаза расширяются, скользят по моим, и его рот снова открывается.

Между нами пробегает электричество, сильнее, чем когда-либо прежде, словно оно копилось все эти годы и теперь пытается потянуть нас за собой. Внезапно я остро осознаю каждый его вздох, движение его одежды, сжатие его рук на клавиатуре, отчего на его руках появляются мышцы, которых раньше не было.

Риггс всегда был милым, и да, меня влекло к нему. Он был добрым, любящим, умным и чертовски сексуальным, но этот новый Риггс? Покрытый мускулами? Он пугает меня. Я не знаю, кто он сейчас, но в его глазах я вижу того же мужчину, которого любила раньше.

Он просто не такой застенчивый, если судить по вспыхнувшему в нем желанию.

Мои губы раздвигаются, дыхание сбивается, а киска сжимается от одного этого взгляда, от обещания в его глазах, которые голодно опускаются к моим губам, исследуя их, так что я могу практически почувствовать его прикосновение. Мне так хочется схватить его, поцеловать и проверить, так ли он хорош на вкус, как выглядит.

Я жажду разобраться раз и навсегда, действительно ли я могу любить и хотеть четырех мужчин одновременно. Четырех мужчин, которые очень, очень разные. Но прямо сейчас моему телу все равно. Оно кричит о том, что мы должны сократить расстояние. Что нужно проявить смелость и взять то, чего я хочу.

Его.

Шум заставляет нас отпрыгнуть друг от друга, и реальность обрушивается на нас. Множество людей, столпившихся вокруг, возвращаются в фокус, напоминая мне, что они могли только что видеть, как близко мы были к поцелую. Что, черт возьми, на меня нашло? Я никогда раньше так не нуждалась. То есть, конечно, были моменты, но я влюблялась медленно, сперва как друг, а потом более основательно. Никогда не было ничего такого мгновенного, словно я *должна была* получить его, должна была попробовать его губы на вкус, иначе могла закричать. Может, это связано с тем, что я перестала бороться с этим, а может, со временем и возрастом.

Я хочу его.

Сильно.

И по выражению его лица я знаю, что он тоже хочет меня. Раньше он смотрел на меня такими же глазами, но всегда отворачивался, когда я ловила его взгляд. Он всегда был слишком застенчив, даже когда я зашла к нему в душ и все, что я могла сделать, это пляиться, хотя и пришла привести себя в порядок после траха с Тайлером. Он дрожил, и когда он заметил меня, то не сразу остановился, но в течение следующих нескольких дней он даже не мог смотреть на меня.

Мог ли Риггс действительно так сильно измениться? Обрести столько уверенности? И почему эта мысль так привлекательна?

— Я, эм, спасибо. Это заняло некоторое время, но я справился, — прохрипел он, прежде чем прочистить горло. — Да, они продвинулись дальше во второй подводный грот, который вы нашли.

Он поворачивается и достает карту. Я стараюсь не наклоняться слишком близко, но это не мешает мускусному, мужскому запаху, который принадлежит Риггсу, окутывать меня с утешительной знакомостью. Он почти шепотом призывает меня прильнуть к нему, принять его тепло и комфорт, как раньше, хотя теперь это переросло в такой сильный голод, что вряд ли кто-то из нас сможет его контролировать. Я перевожу взгляд с его профиля на карту и смотрю, как он разворачивает ее для меня. Я не удивлена, что Тайлер нырнул и разведал больше. Прежде всего, он дайвер. Он бы умирал от желания спуститься туда.

Я скучаю по погружениям с ним. Не столько в пещеры, сколько в открытую воду. На него было удивительно смотреть, как он двигался в воде. Как легко он понимал океан и животных, которые называют его домом. Он родился с привязанностью к воде. Он любил воду, а я любила его. Я любила его так чертовски сильно, и не только за то, кем он был, но и за то, что он разделял мои мечты и любовь к этому миру. Именно там, в воде, мы полюбили друг друга, работая бок о бок, день за днем. Я скучаю по той тогдашней простоте.

Мы были молодыми, идеалистами и такими мечтателями.

Теперь я знаю, каким жестким может быть мир, каким несправедливым и избитым. Как легко разрушить доверие и любовь, и как чертовски быстро можно потерять тех, кого любишь. Как мою мать. Как моего отца. Как их.

— Как далеко он продвинулся? — пробормотала я, игнорируя свои депрессивные мысли.

— Он исследовал проход слева. Проход частично переходит в отстойник, но кажется, что он идет вверх. Тайлер считает, что нам нужно будет по нему подняться, — он показывает мне его на карте. — Он также зашел во второй примерно на двадцать метров, и, похоже, тот идет почти прямо. В третьем он был всего минуту или две, похоже, он изгибается вниз. Насчет четвертого не уверен.

— Хм, ладно, в какую из них он намерен войти первой? Я бы предположила, что во вторую, если она направляется прямо, это приведет нас к океану, — размышляю я.

Риггс смеется, заставляя меня улыбнуться от этого счастливого звука.

— Что? — спрашиваю я.

— Он сказал то же самое. Вы двое действительно чертовски похожи. Так что да, вы с Каленом пойдете во второй, и будете двигаться до тех пор, пока он не проснется и не объявит о перерыве.

— Поняла, — я касаюсь его плеча и поворачиваюсь, собираясь пойти собирать.

— Пейтон? — зовет Риггс, я останавливаюсь и смотрю на него с улыбкой.

— Да?

Он колеблется, облизывает губы, похоже, что-то обдумывая.

— Просто будь осторожна, хорошо? — мы оба знаем, что это не то, что он собирался сказать, но я все равно киваю.

— Хорошо, и обязательно выпишись. Майкл может взять на себя управление. Обещай мне, — призываю я, и знакомые слова слетают с моих губ. Раньше мне приходилось заставлять его спать. Он работал над своими системами и картами целыми днями, не спал и чуть не убил себя. Он никогда не слушал других, только меня.

— Конечно, — он улыбается, и это успокаивает что-то глубоко внутри меня. Это похоже на мирное предложение. Риггс прощает меня? Можем ли мы снова стать друзьями? Думаю, только время покажет, и у нас есть две недели здесь, чтобы это выяснить.

Под землей, в темноте, в воде, — у жизни есть забавный способ показать тебе, чего именно ты хочешь.

Затем она дает тебе это, только не всегда тем способом, на который ты надеешься.

Мы возвращаемся в воду. Кален уже ждал меня после разговора с Риггсом. Когда Майкл закончил проверять нас и помог нам войти в воду, мы сразу же приступили к делу, не желая терять время и, ладно, может быть, чтобы обойти Тайлера тоже. Что я могу сказать? Дайверы соревнуются.

На этот раз мы знаем дорогу, поэтому увереннее проходим первый участок, но замедляемся, когда достигаем подводной пещеры с четырьмя туннелями.

— Мы идем во второй. Хочешь, чтобы я шла первой, если вдруг станет тесно?

— Конечно, принцесса, но не торопись, — отзывается он через маску, старое прозвище заставляя меня ухмыляться. Он хоть понимает, что использует его? — Эндрюс, я имею в виду, гребанная Эндрюс, — ага, понял, и теперь злится.

— Успокойся, Кей, я не собираюсь дразнить тебя за то, что ты все еще хочешь спасти меня, — я хихикаю, в конце концов, именно так и появилось это прозвище.

Во время одного из погружений в частично затопленную морскую пещеру, был сильный

прилив, который почти выдернул меня и выплюнул из дыры. Он поймал меня и привязал к себе, чем спас меня. После этого я дразнила его, что он всегда пытается спасти меня, отсюда и прозвище «принцесса». Но сейчас оно звучит горько, наполнено воспоминаниями и ненавистью. Эндрюс, наверное, лучше. Оно чистое, отрешенное, и принадлежит нынешнему Калену, а не тому мужчине, которого я рисовала в своих воспоминаниях.

Мужчине, которого я жаждала. Жаждала так сильно, что мне становилось больно даже от мыслей о нем.

Я направляюсь ко второму проходу, голос Риггса заполняет мою маску.

— Хорошо, он слегка уходит вниз при входе. После этого он постепенно выравнивается, вплоть до конца ориентира. После этого ты отправляешься дальше самостоятельно, Пей.

— Поняла, детка, — не задумываясь, отвечаю я.

— Не называй его так, — огрызается Кален. — Мы не твои «детки» и не твои «любимые», используй наши гребаные имена.

Закатив глаза, я цепляюсь за ориентир и направляюсь вниз, как советовал Риггс. Он прав — проход постепенно выравнивается, позволяя мне плыть немного быстрее, особенно учитывая, что Тайлер уже проходил этот участок. Он знает, что делает, так что если бы были какие-то проблемы, нас бы здесь не было.

— Не обращай на него внимания, Риггс. Он просто завидует, что я никогда не называю его ничем подобным. Он получает «засранец», «дрочила», «пизда»...

— Он получает их от большинства людей, — дразнит Риггс, заставляя меня смеяться. Кален, явно разозленный этим привычным подшучиванием, выходит из себя.

— Заткнись, блять, и сосредоточься на работе. Я серьезно, Эндрюс, или я тебя оттащу.

— Дрочила, — бормочу я.

— Я это слышал.

— Так и было задумано, — я ухмыляюсь, но сосредотачиваюсь на пространстве перед собой, приближаясь к концу ориентира. Теперь моя очередь устанавливать его, и с этой точки никто не исследовал. Это может быть тупик. Он может вести вверх или вниз. Там могут быть ледяные стены, скальные стены, пропасти... что угодно.

Многие люди называют пещерных дайверов сумасшедшими, потому что мы идем на безумный риск. Мы подвергаем свое тело адским испытаниям, проводим долгие, мучительные часы только ради того, чтобы почувствовать вкус, намек на то, что еще предстоит открыть в этом мире. Черт, может быть, мы и есть сумасшедшие. Определение безумия — это повторять одно и то же снова и снова, ожидая разных результатов, что мы и делаем. День за днем.

И нам это нравится.

Боль, истощение, риск. Мы живем ради этого. Даже сейчас адреналин подстегивает меня при мысли о том, что меня ждет, о том, какие испытания подстерегают меня впереди в темноте, заставляя мое сердце колотиться, и я усмехаюсь без всякой причины.

Туннель вокруг нас довольно широкий, так что при желании мы могли бы плыть бок о бок, но никогда не знаешь, когда наткнешься на изгиб или поворот, а здесь, внизу, достаточно одной ошибки.

Так что играть надо с умом.

Работать с умом.

— Ты помнишь ту пещеру в Мексике? — спрашиваю я, заполняя тишину, пока мы плывем. Вокруг по-прежнему темно, и мы все еще движемся вперед. Я слежу за статистикой

на своем компьютере, пока мы плывем.

— Ах, тот, что с приливом на дне пропасти? — пробормотал он в конце концов.

— Ага, блин, это была потрясающая пещера. Как думаешь, мы найдем здесь что-нибудь подобное?

— Не знаю, Эндрюс, может быть. До сих пор все шло слишком легко, чертовски легко. Нас должно что-то поджидать, — он смеется.

— Ага, слишком легко, — отвечаю я.

В этот момент мой основной фонарь отказывает — не удивительно, они всегда так делают, — поэтому я переключаюсь на дополнительный и плыву дальше. Фонарь мигает, пока я плыву на месте, свет пробивается сквозь воду передо мной, и что-то темное проносится по ней.

— Что это, блять, было? — восклицаю я.

— Что? — зовет Кален, и я пристально вглядываюсь в темноту, размахивая фонариком. — Принцесса, ответь мне, блять, сейчас же!

— Пей? — обеспокоенно произносит Риггс.

— Прости. Дерьмо, ты это видел? — спрашиваю я Риггса.

— Я ничего не видел, было слишком темно, когда ты переключила фонари. Ребята, вы в порядке? Вам нужно вернуться? — тревожно спрашивает он.

Скрепя сердце, я еще раз оглядываю мутную воду. Черт, наверное, это были какие-то камни в момент прилива.

— Неа, все в порядке, извините. Продолжаем движение, отметка на пятом ориентире.

— Ты в порядке? — позвал Кален.

— Да, извини, сдвинулись камни. Гребаный основной фонарь отказал.

Он фыркает.

— А когда они не отказывают? Давай продолжим, пока Тай не проснулся и не отозвал нас обратно. Посмотрим, сможем ли мы найти что-нибудь интересное.

Я продолжаю плыть, мне нравится, что мы больше не спорим. Это похоже на старые времена. Я не вижу других теней или камней, поэтому расслабляюсь, когда туннель разветвляется. По пути мы видели небольшие отверстия и карманы, недостаточно большие, чтобы пролезть через них, но теперь туннель разветвляется на два отдельных прохода.

— Ответвление, налево или направо? — спрашиваю я, позволяя ему выбрать.

— Пойдем налево.

— Риггс, мы идем налево, — сообщаю я, поворачиваюсь и плыву в ту сторону. Туннель крупнее, он расширяется, чем дальше мы плывем. Я останавливаюсь, чтобы дать Калену возможность оставить веревку и баллоны на крайний случай, а затем мы продолжаем плыть.

Мы плывем всего около пятнадцати минут, прежде чем сквозь воду начинает пробиваться свет, и мы направляемся к нему. Мы выныриваем на поверхность у самого края пещеры. Сняв маску, я осматриваюсь и поворачиваюсь к Калену.

— Давай исследовать.

Я вынырываю из бассейна и с трепетом оглядываюсь вокруг. Высоко под потолком находится отверстие, через которое можно попасть в джунгли. Солнце ярко светит на нас, а шелест деревьев и звуки животных доносятся даже сюда. Подниматься слишком высоко, потолок загибается вверх, превращаясь в маленькое отверстие, поэтому мы разделяемся и обходим пещеру по периметру, проверяя, не тянется ли она куда-нибудь дальше. Мы оставляем снаряжение у кромки воды, чтобы не таскать его, и работаем в тишине, зная, что

нас могут позвать обратно в любую минуту.

На стену будет трудно взобраться, но не невозможно, но я не нахожу других входов или выходов, и когда я встречаю Калена в центре, он тоже не находит.

— Хочешь попробовать пойти в правый туннель?

Он кивает, оглядываясь вокруг, положив руки на бедра.

— Да, давай сделаем это, Эндрюс. Думаю, Тай до сих пор спит.

Мы снова влезает в снаряжение и информируем Риггса перед погружением. На этот раз ведет Кален, но как только мы возвращаемся к перекрестку, включается рация.

— Время, — зовет Тай.

Блять.

— Вы сможете исследовать правый туннель позже. Возвращайтесь на совещание. Мы посмотрим, что мы нашли и куда нам двигаться дальше.

Мы с Каленом обмениваемся взглядами, оба сомневаемся, стоит ли возвращаться.

— Сейчас, — приказывает Тайлер.

— Понял, брат, возвращаемся, — ворчит Кален, так же, как и я, раздраженный тем, что мы так ничего и не нашли.

— Всегда можно вернуться позже, — предлагаю я, и он кивает, прежде чем мы возвращаемся обратно. Это и хорошо, и плохо. Система довольно обширна и требует времени на исследование, а значит, есть больше возможностей добраться до океана и больше шансов на серьезную находку, или же все это может оказаться тупиком. Покажет только время.

ПЕЙТОН

— Можно ли использовать это место в качестве расширенной базы? — спрашивает Тайлер, склонившись над плечом Риггса и просматривая отснятый материал.

— Возможно, но там нет никаких реальных выходов, так что я бы посоветовала продолжать поиски, — советую я, откидывая назад волосы и натягивая футболку после погружения. Я понятия не имею, сколько сейчас времени, но здесь, внизу, это не имеет значения.

Он хмуро смотрит на меня через плечо, а потом переводит взгляд на Калена, чтобы тот подтвердил. Это заставляет меня скрипеть зубами, но я прикусываю язык.

— Я согласен. Нам еще многое предстоит исследовать, так что есть шанс, что мы найдем что-то получше. Однако теперь у нас есть точки остановки и места хранения. Я бы хотел исследовать туннель справа.

Тайлер кивает.

— Тогда мы исследуем один из других из подводной пещеры, пока вы отдыхаете, — он снова смотрит на карту, в углу которой теперь есть небольшой обратный отсчет. — Мы укладываемся во время, но погружения будут становиться все труднее и длиннее, и вы будете измотаны. Не падайте духом, а если вам трудно, говорите — помните, зачем мы это делаем, — он поднимает глаза и встречается взглядом со всеми нами.

— Ради девушек! — кричит Фин, заставляя всех смеяться, включая меня.

— Славы, — ухмыляется Кален.

— Сказать, что мы можем, — добавляю я, слова моего отца слетают с моих губ. Они все замирают, особенно Тайлер, который привык их слышать. Они все смотрят на меня со смесью эмоций — тоска, сожаление, любовь и ненависть, а потом глаза Тайлера сужаются.

— Когда я скажу «время», ты возвращаешься, поняла? — рычит он на меня, выговаривая мне на глазах у всех. Они все смотрят на меня, но я отказываюсь отступить или быть запуганной. Он хочет выставить меня на посмешище, обидеть... заставить меня уйти.

Он должен понять, что этого не произойдет.

— Поняла, если ты можешь понять, что я знаю, что делаю, — отвечаю я, скрещивая руки и делая шаг ближе.

Его ноздри раздуваются, и он смотрит на всех, прежде чем его взгляд останавливается на мне.

— И вот почему я не хотел, чтобы ты была здесь. Ты не командный игрок. Так или иначе, Пейтон, ты покинешь это погружение, если будешь продолжать в том же духе.

— Пошел ты, Тайлер. Я здесь из-за своего таланта, как и ты. Это и мое погружение, так что отвали или хоть раз держи рот на замке, — огрызнулась я, устав от того, что они меня избивают. Я не из тех, кто просто сидит и терпит, и единственная причина, по которой я до сих пор терпела, — чувство вины за то, что ушла. Вины за то, что причинила им боль. Я понимаю их гнев и ненависть, понимаю, но я больше не могу это выносить.

Они хотят драки? Мы будем драться.

Я не их груша для битья, а они больше не мои парни.

Он бросает на меня взгляд после этой вспышки и, не глядя по сторонам, рявкает:

— Свободны, — после чего уходит.

О, черт возьми, нет!

С тех пор как мы воссоединились, это внутреннее смятение будоражило, нарастало, и я собираюсь поджечь спичку и взорвать это дерьмо. Я устала от язвительных замечаний и мрачных взглядов. Нам нужно работать вместе, а чтобы это произошло, нам нужно разрядить обстановку.

Когда все начинают расходиться, а он снова смотрит на карту, игнорируя меня, я касаюсь его плеча. Он не обращает на это внимания, разговаривая с Риггсом, поэтому я стучу по нему сильнее. Он вздыхает и поворачивается.

— Что? — огрызается он.

— Нам нужно поговорить, — рычу я.

Губы Тайлера сжимаются в ровную линию, прежде чем он снова смотрит на Риггса.

— Хорошая работа, я согласен. Посмотрим, сможешь ли ты добавить глубину воды, — он поворачивается ко мне спиной, чуть не заставив меня упасть на пол, и начинает уходить.

Вот ублюдок.

Я бегу за ним, соответствуя его длинным шагам, когда он идет через лагерь.

— Тайлер, не игнорируй меня, нам нужно поговорить. Ты не можешь продолжать обсирать меня на глазах у всех из-за своих проблем со мной. Это бизнес, тебе нужно...

— Мне ничего не нужно, — рычит он и ускоряется.

Теперь моя очередь злиться. Мои глаза сужаются вслед за его удаляющейся фигурой, пока мое раздражение просто не вырывается наружу.

— Не смей, мать твою, уходить от меня! — почти кричу я, останавливаясь, когда он поворачивается. Он в ярости, его ноздри раздуваются, а мышцы дрожат от гнева. Эти некогда яркие глаза потемнели, в них сверкает боль и враждебность. Тайлер подходит ко мне вплотную.

— Смешно слышать это от тебя, детка. Я думал, что именно ты привыкла уходить, — жестко рычит он, в его тоне сквозит настоящая ярость. То, как мрачно, с ненавистью он произносит «детка», посылает дрожь по мне, и не только от гнева. Черт, почему это так возбуждает? Почему я хочу ощутить вкус этой взрывной смеси на его губах и почувствовать его ненависть в его руках, пока он трахает меня?

Ай.

Сглотнув, я собираюсь ответить, когда он поднимает голову и оглядывается по сторонам. Я понимаю, что все смотрят на нас, да и он тоже. Он хватает меня за руку и не

слишком любезно затаскивает в свою палатку, отталкивая меня, как только мы оказываемся внутри, чтобы не трогать меня дольше, чем нужно.

Споткнувшись, я поворачиваюсь и смотрю на него. Я открываю рот, чтобы наброситься на него, когда он подается вперед, прижимая меня спиной к стене палатки. Я поскальзываюсь и чуть не падаю, когда его руки поднимаются, по одной с каждой стороны моей головы, и фиксируют меня на месте. Его высокое, рельефное тело почти касается моего, и наше дыхание смешиваются, когда он опускает голову.

— Ты перестанешь быть хамкой и закатывать сцены. Ты будешь вести себя как дайвер, как профессионал, или ты уйдешь так быстро, что даже не успеешь собрать вещи, — угрожающе шепчет он, каждое слово врзается в меня под пристальным взглядом.

Он начинает отходить, и каждый его шаг освобождает меня от его взгляда, но я обнаруживаю, что хочу быть пойманной. Я хочу быть здесь, прямо перед ним. Хочу чувствовать эмоции, льющиеся из его тела, даже если все они окрашены гневом.

Потому что... я все еще хочу его.

И я думаю, что он все еще хочет меня, но над нашими головами все еще висят те очевидные проблемы. Типа как факт, что я целовалась с его братом. Как тот факт, что я люблю его двух лучших друзей.

Я устала быть одной, я устала скучать по ним каждый день. Я совершила самую большую ошибку в своей жизни, когда ушла от них, и каждый день с тех пор я просто пыталась выжить, но вот они здесь. Мы здесь, и я ничего не могу с этим поделать. Я снова впадаю в те же привычные паттерны и рутину. Снова влюбляюсь в них.

За исключением того, что мы все разные, и хотя это эгоистично, мне нужно, чтобы он понял, почему я это сделала. Почему я ушла.

— Тайлер, — начинаю я.

Он замирает, повернувшись ко мне спиной, его кулаки сжаты по бокам. Я хочу скользнуть руками по его плечам и притянуть в свои объятия, поцеловать его и все исправить, но он больше не мой, и я знаю, что он оттолкнет меня. Мои прикосновения будут противны ему.

— Не надо, — умоляет он, его голос хриплый.

— Я должна, — шепчу я. — Мне жаль, что я ушла, правда. Я сделала это, чтобы защитить тебя, потому что я любила тебя так...

Он поворачивается, и я замечаю слезы в его глазах, но он все еще зол.

— Не смей стоять здесь и говорить, что ты ушла, потому что любила меня! Ты ушла, потому что испугалась, чертовски испугалась, поэтому убежала, а теперь ты чувствуешь себя плохо. Что ж, не надо. Все закончилось. Все кончено.

— Все кончено? — повторяю я.

— Да, все кончено, я покончил с тобой, — рычит он.

— Покончил со мной? Тогда почему ты все еще носишь кольцо? Почему до сих пор хранишь мои браслеты? — кричу я, уже заметив, что они выглядывают из его сумки. Он замирает, и я тру лицо. — Это неважно. Тай, мне очень жаль. Если это поможет, то это была самая большая ошибка в моей жизни. Я сожалею об этом каждый день. Я никогда не хотела ранить тебя. Боже, Тайлер, я так любила тебя, но когда ты сделал предложение...

Я утираю собственные слезы и смотрю на него.

— Я хотела сказать «да», — признаюсь я, — Но не смогла.

— Почему? — сокрушенно шепчет он.

Потому что я никогда не принадлежала только ему. Признание почти срывается.

— Потому что ты не знал правды, — отвечаю я. Страх пронзает меня, когда я признаюсь, рассказываю, насколько я испорчена, когда вижу, как последний проблеск любви в его глазах сменяется гневом и отвращением, но сейчас или никогда. Он здесь, передо мной, и я могу наконец открыть правду и посмотреть, что произойдет, или я могу смотреть, как он уходит, и знать, что действительно потеряла его навсегда.

Но я не могу с этим смириться, так как, что бы я ни сделала и что бы я ни чувствовала, Тайлер был и всегда будет моим навсегда. Я не могу не любить других, но это никогда не мешало мне любить его так же сильно, может быть, даже больше. Тайлер был рядом, когда умер мой отец. Он обнимал меня, когда я признала, как сильно я расстроилась из-за смерти мамы. Был рядом со мной, когда я была взволнована и только начинала выходить в мир.

Он вплетен в мое прошлое сложной паутиной. Во всех моих воспоминаниях фигурирует Тайлер, и я не хочу от этого освободиться. Я хочу, чтобы он был в моем будущем, и я хочу быть настолько окутанной им, чтобы никогда из него не выбраться. Я хочу вернуть это — быть с ними, работать с ними. Сейчас я понимаю это, и я устала бороться с этим, притворяться, что это не так, потому что если пребывание здесь, с ними, и дало мне понять что-то, так это то, что я все еще люблю их.

— Я поцеловала твоего брата, — пролепетала я. Слова повисают между нами на мгновение, пока мы оба смотрим друг на друга, но вся тяжесть уходит вместе с ними, вся ненависть к себе и чувство вины, когда я смотрю на него.

— Я поцеловала Калена, — повторяю я, мой голос низкий и тихий, и я жду, когда он взорвется.

Я жду, что он бросится на меня, ударит меня и бросит в меня свои мерзкие слова, потому что я этого заслуживаю. Я не только разбила его сердце, но и изменила ему с его братом. Я жду нападения, поэтому, когда он вздыхает, я вздрагиваю.

— Детка... Пейтон, я знаю, что ты его поцеловала, — он трет лицо, а я потрясенно моргаю.

— Подожди, что? — тупо спрашиваю я. — Ты знал? Ты знал, что в ночь похорон моего отца я поцеловала твоего брата?

Когда он молчит, я придвигаюсь ближе, и слова рвутся из меня. Мне нужно, чтобы он понял, пусть даже это будут не оправдания, потому что никто не сможет оправдать то, что я сделала.

— Я была пьяна и безрассудна, но самое страшное? Мне захотелось поцеловать его снова, и это убило меня. Я ненавидела себя и отстранилась, а когда ты сделал предложение, все, о чем я могла думать... думать, что ты заслуживаешь кого-то лучшего. Того, кто мог бы любить тебя целиком и полностью. Ты заслуживал женщину, которая не вожделела бы твоей семьи.

Вот, все раскрыто. Я чувствую, что снова могу дышать.

— Я знаю, что ты поцеловала его, но твой отец только что умер, и тебе было больно, — начинает он, оправдывая меня. Он не услышал, что я сказала.

— Хватит оправдывать мои действия! Злись! Ненавидь меня! Скажи мне, что я ужасный человек, что я изменила и что я гребаная больная сука! — кричу я, нуждаясь в том, чтобы он отчитал меня, чтобы он презирал меня за это так же, как я презираю себя.

Он смотрит на меня с минуту, выражение его лица суровое, и я готовлюсь к его гневу.

— Но вот в чем дело, Пейтон, ты не можешь решать, чего я заслуживаю, это делаю

только я. Я знал о поцелуе, он рассказал мне о нем той ночью, как только ты уснула. Конечно, он рассказал мне, детка, он же мой брат. Я был так зол, я ударил его, и знаешь что?

Он качает головой с горьким смехом.

— Он даже не защищался. Даже когда я схватил его и избил за попытку украсть тебя... или даже когда он сказал мне, что любит тебя, а я сломал ему нос.

Я задыхаюсь от его признания. Кален любит меня... любил меня? Но Тайлер продолжает говорить.

— Я знал, что он любит тебя, детка, знал, и я пытался украсть и удержать тебя при себе. Сделать тебя своей, потому что боялся, что ты влюбишься в него и бросишь меня, — он снова горько смеется, и я утираю слезы, когда он смотрит на меня. Я ожидала его гнева, а не этого искреннего, откровенного разговора. — Но потом я все равно потерял тебя, и его тоже. Ты ушла, забрав все, что в нем оставалось живого. Он умер, а я не мог ничего сделать, потому что был слишком ослеплен собственной болью... поэтому я подумал, что если я когда-нибудь увижу тебя снова, если ты когда-нибудь вернешься, что если мы все или никто из нас... я сделаю это, потому что я не смогу жить без тебя снова. Я пытался, и я ненавижу это.

Я задыхаюсь, надежда расцветает в моей груди, когда я придвигаюсь ближе, но он качает головой и отступает назад.

— Но три года — долгий срок, Пейтон. Три года, как ты ушла. Я больше не знаю, смогу ли я быть с тобой, смогу ли я это сделать... хочу ли я этого. Черт, я все еще хочу тебя, но я также все еще злюсь. Я наконец-то двинулся дальше, Пейтон. Я не могу вернуться туда, даже ради еще одного шанса с тобой. Я думал, что готов отдать все, но моя семья наконец-то исцелилась, и я не могу сломать ее снова. Я не злюсь на тебя за то, что ты его поцеловала. Я даже не ненавижу тебя так сильно, как мне хотелось бы.

Боже, мое сердце разрывается снова и снова, вырывается из груди и кровоточит в его руках, когда он признается, как сильно он все еще хочет меня... и не может иметь меня. Но он нужен мне. Мне нужно, чтобы меня простили, и мне нужно, чтобы меня наказали за то, что я сделала, поэтому я подхожу ближе и слегка толкаю его.

— Сделай что-нибудь, разозлись на меня! — почти кричу я. — Ненавидь меня за то, что я сделала! Скажи мне, что я ужасный человек!

— Я злился и злюсь на тебя, Пейтон, но я также устал. Годами я представлял, как мы будем ругаться, как я скажу тебе, куда, блять, тебе засунуть все это, но я никогда не представлял, насколько это меня огорчит, — его разочарование осязаемо и гораздо хуже, чем гнев и боль, все еще таящиеся в его глазах.

Это ошеломляет меня. Мы просто смотрим друг на друга, между нами пропасть, и все наши надежды и мечты падают на дно. Это похоже на конец, настоящий конец. Мы слишком сломаны, чтобы что-то исправить, но, черт возьми, я не могу. Я не могу потерять это. Даже когда мы были в разлуке, все равно оставался шанс, что мы снова будем вместе, но теперь я слышу, что его нет? Что он не думает, что когда-нибудь сможет довериться и полюбить меня снова?

Я истекаю кровью от тысячи порезов, нанесенных каждым словом.

— Тайлер, — шепчу я, задыхаясь, — Я все еще люблю тебя.

— Я знаю, — вздыхает он. — Но я не могу сделать это... — он замолкает, собираясь отвернуться, но я не могу отпустить его. Я не могу.

Я делаю единственное, о чем могу думать — причиняю ему боль. Заставляю его

злиться, чтобы он остался, даже если он просто обидит меня в ответ. Это лучше, чем ничего, это лучше, чем быть одинокой.

Его ненависть лучше, чем ничего.

— Ага, ну и пошел ты, Тай, твой брат все равно целовался лучше.

Блять. Как только слова покидают мой рот, я понимаю, что это была ошибка.

Меня колотит от этого разговора, от эмоций, бурлящих между нами, но я готова причинить боль себе и ему, если это означает, что он останется. Если это означает, что он все еще будет фокусироваться на мне, только чтобы причинить мне боль. Я приму всю его ненависть и боль, потому что я серьезно, — я все еще люблю его, и да, я тоже злюсь. Мне ненавистно, что мы стали такими, но когда он признает, что все кончено, я разрушаю все стены, которые воздвигла за последние несколько лет, и становлюсь просто девочкой, которая любит мальчика.

Ни больше, ни меньше.

Он замирает и разворачивается, его глаза становятся холодными и злыми. Новый Тайлер вернулся в игру. Это уже не тот милый мужчина, который простил меня за то, что я поцеловала его брата.

— Что ты сказала?

Я вздергиваю подбородок и жестоко улыбаюсь ему.

— Я сказала, что твой брат все равно целовался лучше.

Мы оба тяжело дышим и смотрим друг на друга с расстояния в несколько метров. Все годы лжи и сокрытия моих истинных чувств, все дни, когда он скучал по мне, любил меня и, в конце концов, ненавидел, и все новые эмоции, переплетенные со старыми... все это взрывается. В одну секунду мы стоим порознь, а в следующую я уже в его объятиях. Его руки опускаются к моей заднице и притягивают ближе, прямо к его твердому телу, его член прижимается к моему животу. Одна из его рук запутывается в моих волосах, оттягивая назад мою голову, и тогда он приникает своими губами к моим.

Это жесткий, свирепый поцелуй.

Сырой и злой.

На губах, которые я целовала миллион раз, я чувствую разницу. Я чувствую смесь эмоций, которые он скрывает так глубоко, даже от самого себя. Чувствую его тоску, любовь и ненависть. Этот поцелуй наполнен всем тем, что мы не можем сказать друг другу. Он кусает мои губы, несомненно, пуская кровь, и проникает языком в мой рот, доминируя над ним. Я хнычу, и этот звук, кажется, шокирует его. Тайлер отстраняется и отступает назад, его глаза расширены, губы раздвинуты и покраснели, грудь вздымается. Он смотрит на меня с удивлением и голодом, прежде чем скрыть это ледяным взглядом, поворачивается на пятках и выходит из палатки.

Я стою одна, наблюдая за его удаляющейся фигурой, пальцами касаясь своих ушибленных, кровоточащих губ, мои волосы в беспорядке от его рук, а моя киска ноет от вспыхнувшего между нами голода.

Наблюдая за его уходом, я впервые осознаю, что он чувствовал, наблюдая, как ухожу я. Я знаю, от чего я отказалась в тот день, от того, что, как мне кажется, я никогда не смогу вернуть — от него.

Я потеряла Тайлера.

Я потеряла их всех.

Это наконец-то начинает доходить до меня.

ФИН

Тайлер выбегает из палатки, запустив руки в волосы, его взгляд дикий и потерянный, губы красные и припухшие. Похоже, он наконец-то поддался тем желанием, которые, как мы все знаем, он все еще испытывает к Пейтон. Это заставляет меня ухмыляться. Я хочу сделать ставку на то, сколько времени пройдет, прежде чем эти двое снова будут вместе. По моему мнению, то, что они ссорятся и срываются друг на друга, — это всего лишь прелюдия, способ показать, как сильно они все еще заботятся друг о друге, хотя и злятся.

Но потом Пейтон выходит из палатки со слезами на глазах, откидывая назад волосы. Она оглядывается вокруг, не встречая ничьего взгляда, а затем ускользает. Я смотрю, как она пробирается через лагерь обратно к ползучей секции, и быстро и ловко пробирается через нее. Никто никуда не должен ходить в одиночку, по крайней мере, такое оправдание я даю себе, следуя за ней.

Я бесшумно пробираюсь через лагерь к входу в маленький туннель, пробираясь на коленях, пока не нахожу ее на другой стороне. Она сидит у входа в камеру водопада, прижавшись к стене, и смотрит на воду. Она выглядит такой маленькой и одинокой, что у меня щемит сердце. Черт, я должен развернуться, но ничего не могу с собой поделать.

Я все еще забочусь о ней. Я даже не ненавижу ее так сильно, как все остальные, потому что я знаю, почему она так поступила. Я знаю, как сильно она ранила себя, когда ушла. Поэтому я подхожу ближе. Я знаю, что она слышит хруст камней под моими ногами, когда слегка сутулится. Она ненавидит выглядеть уязвимой перед людьми, всегда ненавидела. Я думаю, что единственный раз, когда я видел ее плачущей, это когда умер ее отец. Она была разбита, и все наши правила вылетели в окно. Мы спали в большой щенячьей куче. Мы обнимали ее и приводили в чувство, пока она вновь не начала функционировать.

Риггс мыл ей волосы, Тайлер помогал ей принимать душ, а Кален дергал и тянул, пока она не вернулась с грани тьмы. Мы почти потеряли ее, но я никогда не понимал, как сильно меня убьет, когда мы действительно потеряем ее. Но теперь она здесь, она вернулась, и весь тот гнев, который я держал в себе, гнев на себя и на нее за то, что она заставила меня полюбить ее, а потом ушла, — исчез.

Потому что она вернулась.

Если мы упустим этот шанс, она снова исчезнет. Сможем ли мы жить с этим?

Присев рядом с ней, я смотрю на ее залитое слезами лицо и покрасневшие губы. Похоже, она встретила гнев Тайлера, тот самый, который она вызвала в нем, когда ушла. Он был направлен и на меня, конечно, по-другому, но это некрасиво. Он может быть жестоким, когда хочет, используя гнев как механизм, чтобы держать людей на расстоянии, не позволяя людям причинить ему боль.

Она громко фыркает и поворачивает голову, вытирая лицо рукой, подтягивая ноги к груди. Она практически свернулась в клубок, как будто ожидая, что я причиню ей физическую боль. Это заставляет меня злиться на Тайлера. Мы бы никогда так не поступили. Да, он может быть засранцем и устроить ей разнос... Ладно, Кален тоже бывает жестоким ублюдком, но мы бы никогда не причинили ей физическую боль. Никогда.

Сейчас она нуждается в друге, и, несмотря на все, что произошло, это то, кем я когда-то был, и мне невыносимо видеть, как она страдает.

— Если ты пришел сюда, чтобы ненавидеть меня, говорить что я ужасный человек и пинать меня, пока я не упаду, пожалуйста, просто не надо, — умоляет она, ее голос звучит хрипло.

Я обхватываю рукой ее напряженные плечи.

— Я не буду, дорогая, обещаю. Я здесь, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке.

Она поднимает покрасневшее лицо.

— Почему?

— Потому что ты все еще семья. Семья иногда лажает, совершает ошибки, — я вздрогнул. — Да, это больно, и я злюсь и скучаю по тебе как сумасшедший. Я должен был это предвидеть. Ты была моим лучшим другом. Я должен был видеть, как ты борешься, должен был заметить, что ты отдаляешься. Ты была потеряна и одинока и думала, что единственный выход — это бежать, и я никогда не прощу себе, что не остановил тебя, что не был рядом с тобой, — она качает головой и встает на колени, быстро закрывая мой рот рукой. Она отчаянно ищет мои глаза.

— Нет, ты ничего не мог сделать, Фин. Ничего, понимаешь? Пожалуйста, не вини себя. Вини меня, ненавидь меня, — умоляет она, ее наполненные слезами глаза прикованы к моим.

Я убираю ее руку и всматриваюсь в глаза, которые так сильно люблю. Темная пещера маленькая и уединенная, и здесь больше никого нет... Я борюсь с этим. Борюсь со словами, которые хотят вырваться наружу, но не могу. Наконец я признаю это вслух.

— Я не хочу тебя ненавидеть, — бормочу я.

Шум водопада звучит вокруг нас, пока мы смотрим друг другу в глаза с расстояния в несколько сантиметров. Я вижу тот же интерес в ее глазах, ту же похоть. Я борюсь с этим, мое тело бунтует, и она замирает, не двигаясь. Мы оба просто смотрим друг на друга, пока не сталкиваемся. Я не знаю, кто сделал первый шаг, но внезапно мы целуемся. Мои пальцы путаются в ее волосах, притягивая ее к себе. Наши губы встречаются, зубы лязгают от спешки. Ее вкус взрывается на моем языке, заставляя меня стонать, в то время как мой член пульсирует. Поцелуй то углубляется, то замедляется, становясь менее неистовым. Мы исследуем друг друга, каждый из нас борется с прошлым, используя этот момент только для того, чтобы сдать и проявить слабость.

У нее потрясающий вкус, а ее губы такие мягкие, что я мог бы целовать ее вечно. Мне хочется притянуть ее ближе, показать, насколько она мне дорога, но я не могу. Я

отстраняюсь и прижимаюсь лбом к ее лбу. Обхватив ее щеку, я наблюдаю, как ее глаза на секунду закрываются, а затем открываются и смотрят на меня со знающим выражением.

Это неправильно.

Это чувствуется правильно, но это не так.

Однако это не мешает моему члену затвердеть и требовать к себе внимания, как всегда, когда я с ней.

— Я никогда не верил в любовь, Пей, пока ты не вошла в мою жизнь, — я снова целую ее губы, не в силах удержаться, и прижимаюсь лбом к ее лбу.

Мой взгляд снова возвращается к ее губам, и я представляю, как валю ее на пол и покрываю поцелуями, пробуя ее на вкус, как хотел на протяжении многих лет. Я хочу увидеть, смогу ли я заставить ее кричать громче, чем она кричала с Тайлером... увидеть, является ли она всем тем, чем я представлял ее в своих фантазиях.

— Но мы не можем этого сделать. Я не могу так поступить с ними, с Тайлером, даже если очень хочу. Я думал... я думал, что все это выдумал, что я не могу хотеть кого-то так сильно, но я хочу. Я всегда хотел тебя, Пейтон. Даже когда ты была влюблена в моего брата. Но я не могу снова причинить ему боль, прости.

Я дарю ей последний затяжной поцелуй, ощущая слезы на ее губах и сладость ее сожаления. Сожаления, которое влечёт меня. Хотел бы я остаться, хотел бы целовать ее вечно, но это будет последний раз. Это прощание и с ней, и с чувствами, которые я испытываю, потому что ясно одно — Тайлер не забыл ее, а она не забыла его.

Они должны быть вместе, поэтому я отступаю. Я буду для них лучшим другом, каким только смогу, и буду иметь ее в своей жизни, как только смогу, даже если это означает, что она полюбит другого. Пусть даже это будет означать, что она выйдет замуж и будет счастлива с Тайлером. По крайней мере, я все еще буду видится с ней, все еще буду вращаться в ее орбите.

Она кивает и снова прижимается ко мне, ее голова покоится на моем плече. Я корю себя, но это правильный поступок, и прямо сейчас она потеряна и страдает. Она нуждается в друге, а не в парне, который лапает ее и использует в своих интересах.

Она нуждается в семье.

И несмотря ни на что, мы — семья.

Мы сидим в тишине. Я обнимаю ее, пока она снова собирает себя в кучу. Ей нужно отдохнуть после погружения, но я буду сидеть здесь с ней всю ночь, если понадобится. Она сделает то же самое для меня.

— Разве тебе не нужно скоро погружаться? — спрашивает она, ее голос охрип.

— Скоро, — отвечаю я.

Она вздыхает и поднимает голову.

— Прости, что расплакалась на твоём плече. Я не должна была этого делать. Прости меня, Фин.

— Пей, посмотри на меня, — она смотрит, и я ухмыляюсь. — Я не ненавижу тебя, ясно? Никто из нас не ненавидит... Ладно, Кален может немного. И Тайлер. Но только потому, что они так сильно тебя любили, — я не морочу ей голову. Ей необходимо знать, потому что если она хочет снова стать частью этой семьи, она должна заслужить наше доверие. — Я не знаю, хочешь ли ты снова присоединиться к нам, но они образумятся. Просто продолжай давить, продолжай быть собой. Без тебя все было иначе, дорогая.

— А что если я не захочу возвращаться? — спрашивает она.

Ее вопрос вызывает во мне мучительную боль, но я улыбаюсь.

— Тогда это твой выбор. Когда дойдет до дела, Пейтон, ты должна понять, чего ты хочешь. Никто другой не вправе выбирать за тебя, но хватит жить в неопределенности. Ты либо в деле, либо нет. Но если ты выходишь, ты должна выйти окончательно, чтобы мы могли двигаться дальше и забыть тебя, потому что иначе это нечестно.

Она кивает, пока я поднимаюсь на ноги. Я наклоняюсь и протягиваю ей руку. Она смотрит на нее мгновение, прежде чем вложить свою маленькую руку в мою. Я рывком поднимаю ее на ноги, и она падает на мою грудь, и, конечно же, как раз тогда, когда я ее поддерживаю, нас находит Кален.

Черт.

Я знаю, как сильно он ее любит, даже если он никогда в этом не признается.

Когда он замечает нас так близко, одних в темноте, его глаза сужаются. Я вижу вспышку боли, а затем ненависти в его взгляде, когда он скользит взглядом по нам. Мы быстро отходим друг от друга, что придает нам еще более виноватый вид. Спасибо, черт возьми, что он не видел, как мы целовались. Он бы задушил меня, и я бы заслужил это, потому что, хоть он и любит ее, он никогда не сделает шаг. Он больше любит своего брата и считает, что только Тайлер заслуживает счастья, не он. Он все еще пытается искупить грехи, связанные с поездками.

— Тайлер ждет тебя. Твоя очередь, — рычит он и отворачивается.

— Кал, — зовет она, но он игнорирует ее и пролезает обратно. Она вздыхает и откидывает голову назад. — Черт, мне нужно перестать все портить.

— Он переживет это, детка. Он видел нас и в худшем положении, — я подмигиваю, заставляя ее слегка улыбнуться. — А теперь я пойду намокну... если только ты не хочешь присоединиться ко мне, — я шевелю бровями, и она смеется, шлепая меня по руке.

— Грязный ублюдок.

— Тебе это нравится, — поддразниваю я, начиная отходить назад, покачивая бедрами и снова подмигивая ей. — Что я могу сказать, от меня все становятся мокрыми.

— О Боже, остановись, — она хихикает и следует за мной, шлепая меня, когда я нагибаюсь, чтобы ползти.

— Эй, руки прочь от товара, дорогая, если только у тебя нет для меня нескольких долларов, — бормочу я, пробираясь по туннелю.

— Пфф, ты принимаешь только двадцатки, ты же дорогостоящая красотка, — она хихикает позади меня. От звука ее смеха моя улыбка расширяется. Мне нравится, что я всегда могу вытащить ее из темноты и заставить смеяться. Это заставляет меня чувствовать, что я чего-то добился, и наполняет меня чувством собственной значимости.

Мы смеемся и шутим, направляясь к краю бассейна, где уже ждет Тайлер в своей экипировке. Он стонет, когда замечает нас, а я вздыхаю, когда он с болью отворачивается. Почему это так трудно?

— Я пожалуй пойду посплю, — говорит она, а потом смотрит на Тая. — Берегите себя, — бормочет она. Он кивает и провожает ее взглядом, когда она поворачивается и уходит. Он смотрит на нее в замешательстве. Бедняга. Если он не будет осторожен, то потеряет ее. Ему тоже необходимо разобраться в себе, понять, сможет ли он простить ее за то, что она ушла.

Я быстро собираюсь, и как только я оказываюсь в воде, я поднимаю эту тему, зная, что Кален и Пей спят, и только Риггс может услышать нас. Тайлер не слушает ни Риггса, ни

своего брата, но, возможно, он послушает меня. Он, как обычно, находится впереди меня, всегда контролируя ситуацию — не то чтобы он когда-либо мог полностью контролировать нас.

— Итак, ты собираешься простить ее или будешь продолжать вести себя как задница, наблюдая за ней, как потерянный щенок? — смеюсь я под маской, приступив прямо к делу. Нам не нужно ходить вокруг да около, и он нуждается в ком-то, кто обличит его в дерьме.

— Заткнись, — рычит он. — Время работать, а не сплетничать.

— Угу. Ты заставил ее плакать, знаешь ли, — я слышу его вдох, а затем продолжаю. — Все в порядке, я рассмешил ее.

— Конечно, рассмешил, — ревниво бормочет он.

— Это мог быть ты, если бы не был таким чертовски категоричным в том, чтобы держать ее на расстоянии.

— Это не твое дело, Фин, — почти кричит он.

О, кажется, у меня кое-что получается.

— Ага, видишь ли, это так. Потому что ты мой брат, и я люблю тебя, и я устал смотреть, как ты сам вредишь себе. Я хочу, чтобы ты был счастлив.

— Я счастлив, — ворчит он, размахивая плавниками перед моим лицом, пока мы погружаемся глубже.

— Нет, не счастлив, Тай. Она вернулась. Она здесь. Это должно что-то значить. Ладно, могу поспорить, что все не так, как ты себе представлял, но если ты снова отпустишь ее, ты будешь жалеть об этом всю оставшуюся жизнь, потому что кто-то другой влюбится в нее. Он женится на ней и построит с ней жизнь, а ты потеряешь свой шанс на лучшее, что когда-либо с тобой случилось, — предостерегаю я, пока мы проскальзываем по туннелю, готовые исследовать другой проход.

— Он прав, Тайлер. Мы любим тебя, но ты был так несчастен с тех пор, как она ушла, а жизнь слишком коротка. Почему бы не рискнуть? — предлагает Риггс, заставляя меня хихикать.

— Ты забыл ту часть, где она ушла? — рычит он. — Бросила нас всех? Она не вернулась, она здесь только для работы. Она уйдет снова, мы все это знаем. И я *счастлив*, я покончил с ней... Мы все счастливы.

— Конечно, — отвечаю я. — Продолжай повторять себе это, но когда она снова уйдет, а ты не остановишь ее, сможешь ли ты с этим жить? Сможешь ли ты жить, зная, что кто-то другой будет исследовать с ней, любить ее? Заставлять ее смеяться и смотреть, как она кричит при просмотре фильмов ужасов? Держать ее, когда она плачет, когда умирает животное, видеть ее отвагу, когда она пытается спасти каждого?

— Остановись, — умоляет он.

— Не могу. Я слишком долго разрешал тебе погрязнуть в своем дерьме. Я думал, что так ты справляешься, но я больше не могу тебе этого позволить, если это означает, что ты разрушишь лучшее, что случилось за последние три года, потому что ты ослеплен своим собственным гневом, — говорю я, и в моем голосе сквозит злость.

Неужели он не видит, от чего отказывается? От того самого, ради чего все мы готовы на все — от нее.

— Ты нашел то, что мы все ищем, чего мы желаем.

Он замолкает, когда мы проходим первую пещеру, и я вздрагиваю. Черт, это прозвучало плохо, словно я имел в виду ее... возможно, так и было, но, черт возьми, я не хотел, чтобы он

так это воспринял.

— Ага, я знаю, чего вы все желаете, — с горечью произносит он, и мы оба замолкаем, сосредоточившись на плавании. Когда мы оказываемся в проеме второй пещеры, я останавливаюсь перед ним. Взглянув на него сквозь маску, я хочу, чтобы он понял, насколько я серьезен.

— Тайлер, не будь идиотом. У тебя вся жизнь впереди, чтобы проработать свои проблемы, но хотя бы прорабатывай их активно. Не стоит все бросать, потому что ты боишься. Эта девушка все еще любит тебя. Черт, она любила тебя так сильно, что ушла, потому что боялась причинить тебе боль. Ты не найдешь такую девушку никогда — поверь мне, я знаю. Она одна на миллион, и она здесь. Хоть раз воспользуйся шансом. Если все пойдет не так, разве ты что-то потеряешь? Она по-прежнему уйдет, и ты останешься один, но, по крайней мере, ты сможешь убедиться в этом.

Он смотрит на меня через маску, изучая мои глаза. Риггс молчит, давая нашим словам осесть. Мы оба надеемся, что он поймет и обдумает наши слова, даже если мы ревнуем, и даже если мы оба хотели бы, чтобы кто-то из нас первым встретил ее и влюбился в нее. Но это не так, и, по крайней мере, таким образом, она все равно остается в нашей жизни.

— Мы направляемся в третий туннель, — рассеянно бормочет он.

Вздыхнув, я показываю ему «ОК» и следую за ним, зная, что ему, по крайней мере, придется обдумать то, что мы сказали. Я просто надеюсь, что он сделает правильный выбор и что Кален не будет стоять на пути.

Мы осторожно продвигаемся по туннелю, не зная, куда он нас приведет. Кажется, что он закручивается и ведет вверх. Мы продолжаем плыть, пока не выныриваем на поверхность примерно через час.

Здесь темно, очень темно. Мы почти ничего не видим, даже с нашими фонарями. Я снимаю маску, Тай делает то же самое и зажигает сигнальную ракету, держа ее над водой, пока мы осматриваемся. Я зажигаю еще одну и швыряю в сторону, пытаюсь понять, насколько широка и глубока эта пещера.

— Черт, — присвистываю я, и звук отдается эхом. Мы даже не можем разглядеть потолок, настолько он высок, или даже стороны пространства. Вода слабо колышется от небольшого прилива, что обнадеживает.

— Давай посмотрим, сможем ли мы найти край, — бормочет Тайлер. Я поворачиваюсь к нему, собираясь подплыть ближе, когда что-то привлекает мое внимание.

Черное пятно пробивается на поверхность, но когда я моргаю, оно исчезает, поэтому я не обращаю на него внимания и сосредотачиваюсь на совместном плавании с Тайлером. В тихой пещере, кроме журчания воды, громко слышны гребки наших рук и ног. Здесь пахнет свежестью, и она большая. Мы плывем, пока наконец не упираемся в стену, но это не конец комнаты. Вода плещется между стенами, и когда мы поворачиваемся и видим еще одну, мы стонем.

Это гребаная расщелина.

Стены очень высокие, между ними огромный зазор. Мы не можем разглядеть вершину. Возможно, она ведет совсем в другую часть пещерной системы, и нам нужно нанести ее на карту, но у нас нет с собой никакого альпинистского снаряжения. Тайлер плывет к другой стороне, а я гребу рядом с этой, в поисках пути наверх, либо обходного пути, черт возьми, даже прохода под ней, задаваясь вопросом, куда все это ведет. Вся эта пещерная система представляет собой серию поворотов и изгибов, и нигде нет прямого маршрута.

Тупики и замкнутые комнаты — это нормально, но дерьмо здесь оказалось более обширным, чем мы могли себе представить, и нам нужно найти путь через это и к следующей части системы, или наша четырнадцатидневная цель будет удвоена — черт, даже утроена — что будет выглядеть не очень хорошо, а мы не хотим, чтобы Стив потерял доверие к нам.

— Что-нибудь? — спрашиваю я.

— Ничего. Похоже, единственный путь — вверх. Возвращение назад и сбор альпинистского снаряжения займет слишком много времени. Оставим это Калену и Пейтон. Мы проверим другой туннель, давай вернемся, — громко отвечает он.

Вздыхнув, я начинаю плыть в его сторону, когда прямо позади меня в темноте раздается шум, словно кто-то выныривает на поверхность. Я резко поворачиваюсь, заставляя воду хлынуть вокруг меня, и светю фонариком в темноту, шурясь от внезапного прилива иррационального страха. Я говорю себе, что это может быть что угодно, но мое сердце все еще колотится, когда я освещаю фонарем казалось бы неподвижную воду. Только рябь на поверхности говорит о том, что я не схожу с ума. Глубоко вдохнув, я ныряю под воду и осматриваюсь.

Вода такая мутная и темная, что трудно видеть. Она становится почти черной, когда я ныряю чуть глубже, чтобы проверить, не упал ли это просто камень. Страх все еще пронизывает меня, но я начинаю думать, что просто веду себя глупо. Когда я ничего не нахожу, я всплываю, шумно выдыхаю носом и откидываю назад волосы. Черт возьми, я схожу с ума.

Я оглядываюсь и замечаю, что Тайлер уже почти доплыл до меня, как вдруг что-то обхватывает мою ногу и дергает меня под воду. Меня топит, но тренировки дают о себе знать, и я кувыркаюсь, тянусь вниз и наношу удар по тому, что это было. Оно резко отпускает меня, и я плыву к поверхности, а когда выныриваю, Тайлер уже на месте.

— Фин, какого хрена? — кричит он.

— Что-то схватило меня! — кричу я, выплевывая воду и втягивая воздух.

Мы мгновенно оба ныряем под воду, светим фонарями, а Тайлер наготове со своим ножом. Мы уже сталкивались с осьминогами, акулами и другими водными хищниками, но никогда так глубоко в пещере. Как оно вообще могло здесь выжить? Но ничего нет, только темная, неподвижная вода и плавающий конец веревки.

Черт.

Мы снова выныриваем на поверхность, и он хмурится.

— Похоже, ты запутался в веревке. Ты в порядке?

Я киваю, смахивая воду с лица.

— Черт, мне действительно показалось, что меня что-то схватило, — бормочу я на грани истерики, поэтому смеюсь. — Я просто устал. Извини, мужик. Пойдем, исследуем тот другой туннель.

Я чувствую, как он с опаской наблюдает за мной, пока мы плывем обратно к каналу, из которого вышли. Я не виню его, поскольку известно, что дайверы часто сходят с ума в пещерах. Усталость — это сущий кошмар, и ты вполне можешь сойти с ума, плюс темнота и вода делают тебя зацикленным, но я не схожу с ума, я знаю это. Это был просто странный момент, он может мне доверять.

Когда мы достигаем пункта погружения, готовимся и снова погружаемся под воду, плывем вниз, пронзая темноту фонарями. По мере того как мы удаляемся от пещеры, я

успокаиваюсь. Это была только веревка, больше ничего. Черт, я почти смеюсь над собой.

— Риггс, направляемся к следующему повороту, — говорит Тайлер позади меня, пока я использую веревку, чтобы подтянуться и убедиться, что мы не заблудимся.

— Понял, будьте осторожны, — отвечает он, его голос трещит в динамике.

— Оууу, ты скучаешь по нам? — передразниваю я, заставляя его хихикать.

— Заткнись, придурок, просто найди нам что-нибудь хорошее.

— Пфф, мы все знаем, что я найду, потому что я — бог погружений, — смеюсь я, заставляя даже Тайлера хихикать.

Мы направляемся к другому туннелю, и на этот раз я иду первым, волнение бурлит во мне. Тайлер предупреждает меня, чтобы я был осторожен, что он всегда и делает. Он считает, что я слишком безрассуден и слишком много рискую. Мне просто нравится ощущение адреналина, проникающего в меня.

Проход сужается, и нам приходится прилагать усилия, чтобы пройти через него, не повредив оборудование. Дело идет медленно, но когда мы перебираемся на другую сторону, я ахаю. Это сухая зона. Здесь слишком тесно, чтобы устроить продвинутый базовый лагерь, но мы кое-что нашли! Я выбираюсь из воды и оставляю свое снаряжение, бросаясь на разведку, Тайлер окликает меня.

Тропинка идет в гору и ведет к стене, по которой нам придется карабкаться, но на камнях растут зеленые кусты, а это значит, что где-то здесь есть выход на поверхность. Я не взбираюсь на нее, но двигаюсь вокруг нее, пытаюсь найти выход.

— Я что-то нашел! — кричу я, освещая фонарем отверстие на уровне головы. Похоже, оно куда-то уходит.

Тайлер присоединяется ко мне, и, ухмыляясь, я подпрыгиваю, чтобы ухватиться за край, подтягиваюсь и начинаю ползти, пока он ругается.

— Черт, Фин, будь осторожен. Нам скоро нужно возвращаться.

— Да-да, я просто хочу посмотреть, куда это приведет.

Проход становится тесным, и мне приходится ползти на животе, но потом я останавливаюсь, когда он резко поднимается вверх. Посветив фонариком вверх, я ухмыляюсь тому, что нахожу.

— Ну, дерьмо.

— Что? — зовет Тайлер, его голос отдается эхом.

— Он уходит вверх, но он узкий. Наверное, это не лучший путь. Похоже, нам придется карабкаться по этим стенам, чтобы посмотреть, куда они выходят в первую очередь, — я вздыхаю и начинаю отползать назад. Двигаюсь осторожно, камни хрустят под ногами, пока, наконец, не вылезаяю обратно, и Тайлер шлепает меня по спине.

— Ну что ж, в следующий раз.

Я стону.

— Черт, ты собираешься позволить Калену и Пей забраться на нее, не так ли?

— Она лучшая, — он пожимает плечами, и я ругаюсь, когда он ухмыляется. — Если будешь хорошо себя вести, я позволю тебе закрыть для нас брешь. Ты сможешь свободно забраться на потолок и сделать лестницу.

— Черт, да, — я хихикаю, когда мы возвращаемся за нашим оборудованием, помогаем друг другу его закрепить и снова погружаемся в воду. Как раз во время спуска я слышу визжащий звук, но виню в этом помехи в моем наушнике... верно?

Когда мы возвращаемся, я чувствую усталость, а Кален и Пейтон едят с Майклом,

смеются, шутят и готовятся к следующему погружению. Тайлер направляется в их сторону, и я следую за ним. Он рассказывает о своем желании, чтобы они забрались на эту стену, и о том, что им понадобится, добавляя напоминание о необходимости быть осторожными в воде.

Они обмениваются разочарованными взглядами. Они оба хотели исследовать правый туннель, который они нашли. Но, по крайней мере, им удастся сделать что-то крутое, главное, чтобы больше никто не путался в веревках...

ПЕЙТОН

Тайлер и Фин выглядят недовольными, когда садятся есть. Когда заканчиваю, я иду в туалет и готовлюсь к очередному погружению. Мое тело устало, но у нас впереди еще много дней, и я смогу отдохнуть, когда умру.

Майкл помогает мне надеть снаряжение и оглядывается вокруг, убеждаясь, что рядом с нами никого нет.

— Ты в порядке, малыш? Я видел тебя вчера. Казалось, ты плакала.

— В порядке, — отвечаю я и улыбаюсь. — Правда, просто произошло недопонимание. Как ты себя чувствуешь?

— Хотел бы я быть там, внизу, с тобой, Минноу, — он вздыхает, глядя на воду, и улыбка исчезает с моего лица. Я понимаю это. Черт, как же я хочу, чтобы он был со мной. Я не могу себе даже представить, что никогда больше не смогу нырять, но это не стоит того, чтобы рисковать его жизнью. Его легкие могут разорваться, а я не могу потерять этого человека. Он моя семья.

Мой друг.

— Я тоже, старик, но я чувствую себя спокойнее, зная, что ты прикрываешь меня здесь, — он улыбается, проверяя мой воздушный поток и оборудование. Кален подходит к нам без майки, его гидрокостюм расстегнут до пояса. Я невольно скольжу взглядом по его внушительной груди.

Кожа золотистая, он весь в татуировках, восемь кубиков на виду и аппетитная V-образная линия, ведущая вниз. Он — воплощение хорошей физической формы, — нам всем приходится спускаться вниз, но, Господи, он самый большой из парней, а его грудь и руки всегда были моими любимыми. У меня едва слюнки не потекли, я зацепилась взглядом за его грудные мышцы и бугристые руки, как раз когда он поднимает свое оборудование и начинает проверку.

Хорошо, что этот гидрокостюм...

— Минноу, глаза на меня, — Майкл смеется, а я поворачиваю голову назад к нему и сужаю глаза. — Извращенка, — поддразнивает он.

— Заткнись, я просто оценила его качественный гидрокостюм, — я ухмыляюсь.

Мы затихаем, когда Кален в замешательстве смотрит на нас. Я отворачиваюсь с приглушенным смехом и сажусь у кромки воды, готовая к сегодняшнему дню. Мы собираемся установить снаряжение для скалолазания и посмотреть, как далеко мы сможем забраться, но, судя по описанию Тайлера, мы не сможем выполнить все за один раз. В воздухе царит перемирие, по крайней мере, между мной и Тайлером. Кален все еще зол и не хочет со мной разговаривать.

Дальнейшее погружение почти безуспешно. Мы проплываем через тоннель, указанный Таем, чтобы спуститься по нему, но это занимает так много времени, что к тому времени, когда мы раскладываем снаряжение, мне удастся пролезть только четверть стены, поэтому мы оставляем снаряжение на месте, чтобы Риггс тоже попробовал. Он погружается следующим, так что мы можем сделать перерыв. К сожалению, у нас нет времени исследовать тот проход, который мы хотели осмотреть накануне. Когда мы возвращаемся в лагерь, снова пора есть и спать, но я не устала.

Кален сидит один, спиной ко мне. Я вздыхаю и направляюсь в его сторону, передавая ему бутылку с водой. Он принимает ее с кивком, доедает свою еду и оставляет меня сидеть на камне. Вот засранец. Поев в одиночестве, я уйду, чтобы быстро помыться, прежде чем поспать несколько часов. Я иду к туалету и системе водоснабжения, которые оборудованы за выступом скалы для уединения, и раздеваюсь до трусиков и лифчика.

Вода холодная, и я плескаю ее на лицо и грудь. Мое тело вялое и уставшее, но у меня может не быть времени, когда я проснусь, поэтому я заставляю себя сделать это сейчас.

Дрожа, я быстро ополаскиваю ноги и остальные части тела, когда шум заставляет меня обернуться. Мои глаза расширяются, когда я встречаю голодные голубые глаза, устремленные на меня. Я загораюсь под его взглядом, когда его глаза опускаются по моему лицу к груди, где благодаря холодной воде мои соски затвердели под лифчиком. Его глаза опускаются дальше вниз, к трусикам и ногам, а затем поднимаются вверх и встречаются с моим взглядом. В этих глубинах я вижу голод, настолько глубокий, что я задыхаюсь и сжимаю ноги вместе, вспоминая, как он ощущался между моих бедер.

Тайлер делает шаг к выступу скалы, и я с трудом выдавливаю из себя слова.

— Прости, я не знала, что здесь есть кто-то еще... — я осекаюсь, мой голос тихий и прерывистый. Он сглатывает, и я смотрю, как дергается его адамово яблоко. Его руки сжаты в кулаки, и я вижу, как он борется с собственным желанием.

Его член натягивает шорты, и я облизываю губы, глядя на него, вспоминая, как хорошо он ощущался внутри меня, как его руки сжимали меня, и как он владел мной.

Он подходит ближе, его тело почти касается моего. Почти. Я дрожу от его тепла, желая сократить расстояние между нами. Моя киска сжимается, когда я борюсь со своей потребностью, зная, что это не принесет нам ничего хорошего.

Мы никогда не сможем бороться с тем, что было между нами.

Когда я снова открываю рот, он теряет контроль и начинает действовать. Наклоняясь, он накрывает мой рот своей рукой, его темные, сердитые глаза снова встречаются с моими.

— Не говори, блять.

Я задыхаюсь под его рукой, когда он меня резко разворачивает. Он толкает меня, и я, спотыкаясь, падаю вперед, ловя себя на камнях, прежде чем мое лицо сталкивается с ними, не то чтобы его это волновало.

Он прижимается к моей спине, и я стону, когда его твердый член утыкается в мои ягодицы. Мое лицо трется о шершавый камень, когда он раздвигает мои ноги, а затем

обхватывает мою киску через трусики, наклоняясь ближе. Его глубокий, жаждающий голос заставляет меня дрожать, даже когда я чувствую, как его гнев омывает меня.

— Я, блять, ненавижу то, что все еще хочу тебя, что при одном взгляде на тебя я снова становлюсь слабым, мать твою, мужчиной, жаждущим оказаться внутри тебя. Не могу удержаться рядом с тобой, никогда не мог. Я не хочу этого. Я не хочу чувствовать твою мокрую киску в своей руке, не хочу слышать твои стоны или чувствовать твоё удовольствие, зная, что я несу за это ответственность. Мне хочется сделать тебе больно за это, хочется, чтобы ты почувствовала ту же гребаную боль, что и я сейчас, когда я пытаюсь остановить себя от того, чтобы нагнуть тебя и трахнуть прямо здесь.

Я вжимаюсь в его руку.

— Тогда сделай это, — шепчу я и прочищаю горло. — Заставь меня почувствовать все это. Мы оба знаем, что нам никуда не деться от этого сейчас, мы никогда не сможем.

Его голова опускается на мое плечо, и его дыхание становится рваным, пока он пытается сохранить контроль. Рука Тайлера сжимает мою киску, и я трус о нее. Мы не должны этого делать. Позже он будет ненавидеть меня еще больше, и я тоже буду ненавидеть себя, но сейчас мне все равно.

Не тогда, когда его рука скользит по моим трусикам, его пальцы скользят по моему влажному центру, и не тогда, когда его губы встречаются с моей кожей, прочерчивая линию по моему плечу. Он осыпает мою кожу собственническими поцелуями с открытым ртом, прежде чем лизнуть точку моего пульса до уха.

— Я чертовски ненавижу тебя прямо сейчас.

— Я тоже, — говорю я, широко расставив ноги. — Почему бы не показать мне, насколько сильно?

Его ловкие пальцы находят мой клитор и сильно потирают его. Он вырывает из меня удовольствие с каждым резким движением, и я почти кричу. Я прижимаюсь к камням, пытаюсь сдержать стоны, вжимаясь в его руку, желая большего.

— Тебе это нравится? — шепчет он мне на ухо. — Нравится, что любой может увидеть нас прямо сейчас? Зайти за этот угол и увидеть, как я зарываюсь пальцами в твою маленькую тугую киску? — я стону, когда он делает именно это, проталкивая два толстых пальца внутрь меня.

— Тай, — умоляю я.

Его другая рука скользит по моей груди и захватывает мое горло, сильно сжимая его.

— Не произноси мое имя так, блять, — рычит он, наказывая меня, добавляя еще один палец и трахая меня сильно и быстро, заставляя меня получать еще большее удовольствие. Я беспомощна сопротивляться. — Я ненавижу тебя. Так сильно тебя ненавижу. Почему я все еще хочу тебя? Почему меня так тянет опуститься на колени прямо здесь и проверить, так ли ты хороша на вкус, как я помню? Трахать тебя на их глазах, чтобы они знали, что ты моя?

Задыхаясь, дрожа и превращаясь в мокрое месиво, я борюсь со своим надвигающимся оргазмом, но годы совместной жизни означают, что он точно знает, в каких местах нужно прикоснуться. Он щелкает большим пальцем по моему клитору, искусно загибая пальцы внутрь меня и проводя ими по нервам, отчего из моего горла вырывается крик. Он обрывает его сжатием руки, трахая меня пальцами, пока я дрожу и хнычу.

Наконец, он вытаскивает их, и я опускаюсь на камень, пытаюсь отдышаться, чувствуя легкое трение от того, что трусики возвращаются на место. Он слегка отстраняется от моего уха, но я слышу, как он посасывает свои пальцы.

— Черт, — бормочет он. — Ты вкуснее, чем я помню. Мои пальцы, блять, насквозь промокшие, детка.

Его слова звучат жестко и грубо, но мне это нравится.

Он снова касается губами моего уха.

— Ты хочешь мой член, Пейтон Эндрюс? Как раньше, когда мы были моложе? Когда эти милые маленькие невинные глазки смотрели на меня так жадно? Ты так красиво умоляла об этом, как и в первый раз, когда я трахнул тебя и лишил невинности. Я сделал тебе больно, и все же ты просила еще, — дразнит он.

Я начинаю злиться и пытаюсь вывернуться, но он впечатывает меня в камень, без труда удерживая на месте.

— Пошел ты, Тайлер. Это ты умолял и старался изо всех сил, чтобы залезть ко мне в штаны, — я ухмыляюсь, но он не видит. — Как в первый раз, когда я сосала твой член, а ты умолял меня об этом.

— Прекрати, — рычит он, сжимая пальцами мою шею.

— Почему? Мы оба знаем, что это правда. Раньше ты становился твердым, просто глядя на меня. Разве и сейчас не так? Думаю, да. Ты и сейчас твердый, не так ли? Помнишь, как я скакала на тебе...

Его зубы смыкаются на моем ухе, обрывая мои слова вздохом. Моя киска сжимается от боли. Он срывает мои трусики, и тут я слышу звук молнии и чувствую, как его твердый член прижимается к моему входу. Я замираю, не желая двигаться, вдруг он просто дразнится. Я задыхаюсь от желания, представляя, как он входит в меня прямо здесь, вбивая в меня всю свою ненависть.

Мои соски прижимаются к камню. Я хнычу, заставляя его стонать, когда головка его члена погружается в мою киску. Вот он, момент, когда мы взорвемся и сдадимся, используя тела друг друга, чтобы выпустить все эти чувства внутри нас.

Я не могу ждать.

— Тайлер? — раздается голос Риггса.

Мы оба замираем, словно на нас вылили ушат холодной воды. Он ругается и с отвращением отстраняется от меня. Я едва успеваю повернуться, чтобы увидеть, как он качает головой, убегая, словно за ним гонятся.

Задыхаясь, я прислоняюсь спиной к камням. Меня бьет дрожь, на коже остались следы от его прикосновений и ненависти, и я почти стону от ощущения, что он снова оказался между моих бедер.

Блять, блять, блять.

Закрыв глаза, я не двигаюсь с места еще мгновение, прежде чем снова умыться и одеться. Ясно одно — Тайлер по-прежнему полностью контролирует мое тело, и эта его новая, доминирующая, ненавистная сторона возбуждает меня как никогда.

Я не смогу больше смотреть на него, не вспоминая его грязные обещания и пальцы в моей киске, принуждающие меня к оргазму.

Когда я прснулась, Риггс уже собрался погружаться.

— Я помогу вам с компьютером, — отмечаю я, ухмыляясь, когда они с Тайлером спускаются вниз. Дело рискованное, но Тайлер справится. Он даже не взглянул на меня после того, что произошло, но я не могу не смотреть. Я наблюдаю за тем, как двигается его тело, когда он идет, вспоминаю пальцы внутри меня, а если бы нас не прервали, то и его член. Понятно, что он хочет сделать вид, будто ничего не произошло, и я позволяю ему это. Пока что.

Фин, Кален, Майкл и я расслабляемся и наблюдаем за ними на мониторах. В действительности мы почти ничего не делаем, поскольку аппаратура все время записывает, а карта, кажется, строится сама по мере того, как мы продвигаемся.

Мы с Финном разговариваем, но Кален не присоединяется. Кажется, он игнорирует нас и даже злится еще больше. Неужели он действительно так сильно меня ненавидит, что не может смириться с тем, что мы вместе? Уверена, он хотел бы этого, поскольку общение облегчает погружение, но те частичные разговоры, которые у нас были, полностью прекратились, и теперь это просто неловкость.

Фин замечает это и пытается подтолкнуть его к разговору, но как только Тайлер и Риггс возвращаются, он помогает им снять снаряжение, а затем исчезает вместе с Тайлером. Вздохнув, я проверяю снаряжение, пытаюсь быть полезной, пока у всех нас есть немного свободного времени.

Несколькими часами позже мы звоним Стиву, чтобы сообщить о наших успехах. Мы все собрались вокруг коммуникатора, нервно ожидая его ответа. Мы продвинулись не так далеко, как надеялись, но все же продвинулись, и это хорошо. Мы решили, что мы с Каленом вернемся обратно после звонка, и мы полны решимости добраться до верха стены, чтобы Фин мог свободно взобраться по ней и сделать лестницу.

Когда он отвечает, я позволяю Тайлеру начать.

— Привет, Стив, как дела наверху?

— Хорошо, похоже, что на горизонте буря. Как у всех дела? — спрашивает он, голос его потрескивает.

— Мы все в порядке, все еще воодушевлены и в хорошем настроении, — отвечает Тайлер, и мы все хором отвечаем: «Даа!»

— Это замечательно! Как продвигается погружение? — спрашивает он, и мы не решаемся ответить. — Тайлер? Пейтон? — подталкивает Стив.

Я прочищаю горло.

— Медленнее, чем мы думали, — осторожно отвечаю я, не обращая внимания на всеобщие взгляды. — Но мы нашли многообещающие туннели. Система больше, чем мы думали, так что не теряй надежды. Здесь все хорошо, я обещаю.

На мгновение воцаряется тишина.

— Я доверяю тебе, — со вздохом произносит он. — Хорошо, продолжайте в том же духе

и дайте мне знать, если вам что-нибудь понадобится, — на этом он прерывает звонок.

— Какого хрена ты ему это сказала? — рычит Тайлер.

— Стив ожидает искренности. Соври ему, и он больше никогда не возьмет тебя на работу, — резко отвечаю я, и он потрясенно моргает. — Да, я сделала это для тебя. Не делай вид, что удивлен! — я надулась, прежде чем подняться. — А теперь давайте вернемся в воду и найдем что-нибудь для него.

Я слышу хихиканье, когда ухожу.

— Она горяча, когда властная, — поддразнивает Фин, и тут раздается звук шлепка. Я не пытаюсь скрыть ухмылку, когда иду собираться.

Нам нужно побыстрее сделать эту пещеру нашей сучкой, иначе для нас все кончено. Это погружение не только ради моей работы, но и ради моей жизни.

ПЕЙТОН

Погружение идет хорошо, а потом вдруг все летит к чертям.

Все начинается как обычное погружение. Мы плывем, используя ориентиры, выводящие нас к новым туннелям, когда это происходит.

Здесь, внизу, может произойти все, что угодно, и вы должны быть готовы. Достаточно одной доли секунды. К счастью, мы реагируем быстро. Ориентир рвется, отбрасывая нас назад, и мы едва не врезаемся в стену туннеля. На самом деле, я врезаюсь в нее. Моя спина врезается в зазубренный камень и выбивает дыхание из легких, я погружаюсь дальше в туннель и хватаюсь за стену, пытаюсь удержаться. Калену удается избежать удара, но он держится рядом со мной, пока мы не восстанавливаемся после паники и не начинаем нормально дышать. Когда Кален хватается за веревку, ведущую нас дальше вниз, мы замечаем, что она выглядит так, будто ее перегрызли, что невозможно и не должно было разорваться. Но это так.

Однако это не самая страшная проблема. Я слышу шум своего оборудования. Это шипение выходящего воздуха, вероятно, от того, что я врезалась в стену.

— Кален, — кричу я. — Что-то не так!

Он поворачивается и ругается, и я вижу, как появляются пузырьки. Мой компьютер пикает, предупреждая о том, что у меня мало воздуха. Я под водой и быстро теряю воздух. Мне нужно быстро набрать воздуха, пока я не утонула. Его глаза становятся жесткими, он хватается меня за руки и сжимает, торопливо оглядываясь вокруг.

— Двигайся! — кричит он и толкает меня вперед, веревка забыта. Мы плывем так быстро, как только можем, к ближайшему надводному участку, который оказывается первой пещерой, которую мы нашли. Мой компьютер снова пикает, но я не смотрю на него, не желая видеть, насколько близка к исчерпанию воздуха. Я уже чувствую последствия. Выныривая на поверхность, я забираюсь на уступ, который огибают бассейн, снимаю оборудование и глотаю воздух, пытаюсь успокоить сердце. Черт, черт, черт. Кален всплывает на поверхность и забирается на уступ рядом со мной, инстинктивно потянувшись ко мне.

— Черт, что произошло? — он смотрит на меня в панике. — Ты в порядке?

Я слышу крик Тайлера, но мы слишком заняты, задыхаясь, когда я замечаю загиб и

маленькую дырочку в моей трубке.

— Блять, — бормочу я. Я никак не смогу спуститься обратно с этим. Я просто умру. У меня кончится воздух, прежде чем я вернусь на базу.

— Дерьмо, — ругается Кален, усаживаясь рядом со мной. — Тай, у нас проблема. Ориентир разорвался, и отдача впечатала Пей в стену и порвала ее воздушный шланг.

— Хорошо, мы принесем... — начинает Тайлер, но я вмешиваюсь.

— Я могу свободно нырнуть обратно. Я могу задерживать дыхание так долго, — говорю я, пытаясь придумать самый быстрый и простой способ вернуться. Мы не можем позволить себе такую задержку. Я поплыву обратно, возьму новое оборудование и снова нырну.

— Ни хрена подобного! — спорит Тайлер.

— Мы можем дышать в паре²⁴? — спрашивает Кален, думая о том, как обойти это, пока он проверяет мою спину в том месте, где я ударилась о стену. — Ты точно в порядке?

Как раз когда я собираюсь ответить, мы слышим грохот, характерное скольжение камней, и наши глаза расширяются, когда мы поворачиваемся, чтобы в ужасе уставиться на отверстие пещеры. Камни у входа обрушиваются вниз. Кален бросается на меня, защищая. Мы падаем спиной назад на уступ. Я впиваюсь руками в его костюм и жду. Уступ под нами дрожит от силы, и если он рухнет, мы погибнем.

Мое сердце замирает, а воздух в легких застревает, пока я жду, что вот-вот на нас упадут камни, но этого не происходит. Шум грохочущих камней в конце концов замедляется, а затем прекращается, и когда Кален слегка приподнимается, я вижу повреждения. Весь туннель завален. Кален ругается и поднимается на колени, судорожно оглядывая меня и проводя руками по моему телу.

— Ты в порядке?

— Кал, Кал! — восклицаю я, хватая его за руки. — Я в порядке, а ты?

Он кивает, и я поднимаюсь на ноги, замечая несколько небольших порезов на его спине, но ничего серьезного. Он вздыхает и смотрит на воду.

— Черт. Дай-ка я проверю, дошло ли это до конца. Оставайся здесь и скажи Тайлеру, что мы в порядке.

Я киваю и смотрю, как он погружается в воду, прежде чем схватить трубку.

— Тайлер, мы в порядке. Похоже на обвал. Кален проверяет, не перекрыл ли он весь вход. Никто из нас не пострадал.

— Черт. Ты уверена, что с тобой все в порядке, детка? — спрашивает он, его голос пронизан паникой.

— Мы в порядке, — заверяю я его, но тут Кален прерывает разговор, и по изгибу его губ и покачиванию головы я все понимаю. Я закрываю глаза на мгновение, когда абсолютная паника ослепляет меня, но потом я дышу через нее. Все в порядке, мы сможем разобраться с этим, оставайся спокойной. Паника никому не поможет.

— Вход заблокирован, Тайлер, и у нас остался один ребризер²⁵... Мы в ловушке.

Я смотрю на Калена, пока говорю, мы оба знаем, что это значит. Вероятность того, что мы выживем... Всего на одно мгновение между нами больше ничего не существует. Ни прошлого, ни боли, ни гнева. Только общее знание того, что мы, вероятно, умрем здесь.

Наступает минута молчания, а затем Тайлер снова возвращается, тяжело дыша.

— Мы идём. Мы проверим с нашей стороны. Оставайтесь там, — он даже лучше нас знает, что все это значит, но Тайлер никогда не сдастся. Если кто и сможет найти для нас выход, так это он. — Детка, я клянусь, мы доберемся до вас, хорошо? У вас есть пайки,

просто оставайтесь там. Мы найдем выход.

— Мы идем, дорогая, — добавляет Фин. — Держу пари, ты специально устроила это, чтобы я тебя спас, не так ли? — комментирует он, заставляя меня смеяться. Звук получается сиплым и испуганным. Кален устраивается рядом со мной, садится на край и потирает голову.

— Как всегда. Кален тут, в своем платье принцессы, ждет тебя, — отвечаю я, пытаюсь притвориться, что все в порядке, чтобы они не волновались за нас.

Они все смеются, а Кален фыркает.

— Кален, присмотри за ней. Мы идем, брат, — приказывает Тайлер.

Затем связь обрывается, и я придвигаюсь ближе к Калену и проверяю царапины на его спине. Я скольжу рукой по его костюму, ощущая прорези в ткани от упавших камней. Он получил их за меня. Мое сердце замирает от этого. Даже когда он ненавидит меня, он все равно готов пожертвовать своей жизнью ради меня. Он отшатывается, прежде чем осознает, что это я, и замирает.

— Спасибо, Кал, что защитил меня, — шепчу я.

— Не надо, блять, разводить сопли. Я сделал это, чтобы Тайлер не убил меня, — бормочет он, поднимаясь на ноги и озираясь по сторонам, глядя прямо на другой туннель, ведущий отсюда.

— Если они не смогут найти вход, нам, возможно, придется идти по этому и надеяться, что он куда-нибудь ведет. По крайней мере, у нас есть пайки и воздух.

— Пожалуй, — бормочу я, откидываясь назад и прислоняясь к стене. — А пока, полагаю, мы будем ждать.

Ждать скучно.

Кален раздражает меня, вышагивая по краю уступа. Я терпеливо сижу здесь, потягиваю воду и уговариваю его позволить мне промыть ему спину. Он соглашается, но как только дело сделано, он снова поднимается на ноги.

Я наблюдаю за ним некоторое время, пока у меня не начинает кружиться голова, и тогда я закрываю глаза. Мы слышим остальных на противоположной стороне камней, и тут же включается связь.

— Он заблокирован, детка. Мы найдем выход, хорошо? Никто из нас не собирается спать или отдыхать, пока мы не сделаем это, я обещаю, просто сохраняй спокойствие. Мы доберемся до вас обоих, — тот факт, что он продолжает называть меня «деткой», не сулит ничего хорошего. Если он настолько напряжен, что забыл, что больше не любит меня, то дело плохо. — Я достану вас обоих, — клянется он.

Но получится ли?

— Хорошо, — бормочу я, облизывая губы. — Не пускай Майкла в воду. Обещай мне, — говорю я, зная, что старик попытается.

— Договорились. Отмечайся каждый час или около того. Постарайся немного поспать, детка, — мягко говорит он мне.

Поспать, конечно. Будто я могу спать сейчас. Но это лучше, чем просто сидеть здесь и

думать о том, что мы можем умереть.

Разложив одеяло и несколько закусок, я пытаюсь заставить Калена перекусить, пока он вышагивает, прежде чем убрать их, чтобы составить рацион. Кто знает, сколько мы здесь пробудем? Я стараюсь не поддаваться панике. У нас есть другой туннель, которым мы можем воспользоваться в случае необходимости, хотя нет никакой гарантии, что он нас куда-нибудь выведет.

Думай, Пейтон. Используй логику, игнорируй крики в своей голове. Сила исходит не от тела, а от сердца.

Я позволяю словам отца наполнить мою голову, пока не смогу отогнать свой страх и обдумать ситуацию. Все произошло так быстро, но теперь у меня нет ничего, кроме времени на обдумывание и поиск решений.

Во-первых, мы должны дать им шанс пробиться к нам, а это значит — держать себя в руках, чтобы они могли сосредоточиться... а если они не смогут пробиться, тогда я найду способ выбраться отсюда. Я не собираюсь умирать в какой-то сраной пещере. Успокоившись, я решаю попытаться заснуть. Нам нужно экономить энергию, насколько это возможно.

Я ложусь, но не могу заснуть. В конце концов, Кален садится рядом со мной, и, глядя в потолок, я понимаю, что сейчас самое подходящее время получить ответы. Он не сможет убежать от меня. Да, это может быть неловко, но нам больше нечего делать, а эта ерунда с молчанием раздражает. К тому же, это может отвлечь от происходящего.

— Итак, почему ты так меня ненавидишь? — спрашиваю я, поднимаясь и скрещивая ноги, глядя на него.

Он оборачивается с широко раскрытыми глазами, прежде чем они сужаются.

— Мы не будем этого делать, — огрызается он.

— Да, будем. Сейчас или никогда, и давай посмотрим правде в глаза, все, что у нас есть — время, так почему ты так меня ненавидишь? Неужели только потому, что я ушла? — настаиваю я, наклоняя голову. Тайлер намекнул, что его брат любил меня, и Фин тоже. Это правда?

Или я просто хочу, чтобы так было? Я эгоистичная сука, которая хочет их всех.

Он вздыхает и молчит. Я думаю, что он не ответит, но потом он наконец говорит.

— Я не ненавижу тебя, Пейтон. Я ненавижу то, что ты сделала с моей семьей... сс мной.

Я вздрагиваю, но я спросила, поэтому я молчу и позволяю ему продолжать, зная, что если я прерву его, он снова замолчит. Мне не хватает моего лучшего друга, моего приятеля по дайвингу, и если его разглагольствования и выплескивание на меня всего своего дерьма — способ справиться с этим, то ладно.

— И я беспокоюсь о том, что ты сделаешь с моей семьей на этот раз. Они единственное, что у меня есть, они — все. Я готов умереть, чтобы защитить их, — он поднимает голову, на мгновение показывая мне свою уязвимость. — Когда я вернулся, я был не в себе. Ты знаешь это. Они вернули меня с края тогда и каждый день с тех пор. Я пообещал себе, что буду защищать их. Это дало мне цель, но я не смог защитить их от тебя. Ты разбила их сердца, и нам пришлось собирать осколки, а теперь ты вернулась, и все снова пошло наперекосяк. Тайлер потерял, Фин цепляется за тебя как ни в чем не бывало, Риггс напуган, а я? Я в гробаном ужасе от того, что ты можешь сделать. Я не думаю, что мы сможем пережить это снова.

Я вздрагиваю и на мгновение отворачиваюсь, но он был честен со мной, так что он заслуживает того же самого.

— Я тоже. Мне страшно. Мне было страшно тогда, поэтому я и ушла.

— Я знаю, — вздыхает он. — Даже если я ненавижу это, я знаю, что ты ушла, чтобы попытаться защитить Тайлера от правды.

— Но ты все равно рассказал ему... о той ночи, — добавляю я, и он фыркает.

— Я должен был, — пробормотал он. — Хочешь знать самое ужасное? Я знал, что ты пьяна, но не мог остановиться. Я ни капельки не был пьян, но все равно поцеловал тебя в ответ, потому что представлял себе это целую вечность.

Мое сердце пропускает удар.

— Кален... я не была пьяна, — я тоже вздыхаю. Думаю, сейчас все вырвется наружу. Когда он хмурится, я грустно улыбаюсь. — Я была подвыпившей, но не пьяной. Я понимала, что делаю. Я просто использовала это как предлог, чтобы поцеловать тебя. Сделала то, чего давно хотела. Я страдала и была потеряна, а ты был моим буйком среди всего этого. Высокий, темный и сильный, обнимающий меня так крепко, что я смогла дышать впервые с тех пор, как узнала новости о своем отце. Я хотела повторить это снова, до сих пор хочу, и это заставляет меня ненавидеть себя, потому что это убило бы Тайлера. Я ушла, чтобы не сломать вас обоих, чтобы не разрушить ваши отношения. Я ушла, потому что испугалась того, насколько глубоко вы все мне дороги.

Он смотрит на меня, и я смотрю в ответ. Мы оба не знаем, что сказать. По сути, мы только что признались, что хотели друг друга... и до сих пор хотим.

— Так что же мы будем делать дальше? — нерешительно спрашивает он.

— Мы можем быть друзьями? — предлагаю я.

Он грубо смеется.

— Нет, мы не можем.

— Подожди, почему? — спрашиваю я. — Раньше мы были друзьями.

— Мы никогда не были просто друзьями, Пейтон, и это было еще до того, как я узнал, какова ты на вкус. Я не хочу быть друзьями, — эти жаждущие темные глаза смотрят на меня. — Я хочу трахнуть тебя, всегда хотел, — прямо заявляет он.

Я вдыхаю в шоке. Две минуты назад он не мог смотреть на меня, а теперь признается, что хочет меня? Это повергает меня в шок, но счастье охватывает меня от осознания того, что он хочет меня так же сильно, как я хочу его. Я не могу не облизывать губы, глядя на него, моя киска начинает пульсировать, когда я представляю, как он делает именно это — трахает меня.

— Итак, что это нам дает? Ты все еще ненавидишь меня, Кал.

Он пробегает взглядом по мне, похоть наполняет его глаза, как свет в темноте, на который я не могу не обратить внимания, и я дрожу от его силы.

— Может, и так. Я все еще могу ненавидеть тебя и хотеть зацеловать тебя до смерти.

Мое сердце замирает, а желудок сжимается. Мы смотрим друг на друга, оба зная, что не должны этого делать, но не в силах сдержаться. То же электричество и похоть все еще пылают между нами, сильнее, чем когда-либо прежде. Мы знаем о последствиях желания друг друга, но это нас не останавливает. Мы подобны кораблям в шторм, которые неизбежно потерпят крушение. Этот мир всегда возвращает меня к Калену, и я боролась с этим так долго, так чертовски долго. Я лгала себе, говоря, что не хочу его, но глядя в его темные глаза, я не могу лгать. Я не могу бороться.

Он нужен мне.

На мгновение мне хочется быть слабой. Мне страшно, я заперта в пещере, из которой мы можем не выбраться. Возможно, мы скоро умрем... и я не могу умереть, не попробовав его снова. Не испытав весь этот голод и гнев, наполняющий меня, не попробовав вкус этих эмоций на его губах и не почувствовав их в его руках.

Я бросаюсь на него, и он ловит меня, чтобы я не поранилась. В этот раз я отказываюсь быть отвергнутой. Он не может говорить такое дерьмо, смотреть на меня так, словно он никогда ничего не хотел так сильно, как меня, а потом оттолкнуть меня. Никогда снова. Устроившись на его коленях, я обхватываю его лицо и прижимаю к нему, пока мои губы не находят его. Он замирает, даже не дыша на мгновение, прежде чем застонать. Он хватается за волосы, углубляя поцелуй. Он доминирует над моим ртом. Как и в первый раз, в поцелуе чувствуется боль, темнота, и это вызывает привыкание.

Это заставляет меня прижиматься ближе к его телу. Он так отличается от Тайлера и Фина, но все они одинаково удивительны. Очевидно, он чувствует то же самое и подпитывается потребностью, с которой мы так долго боролись, потому что он переворачивает нас и прижимает меня к уступу. Огромное тело возвышается надо мной, удерживая меня, а его рот снова накрывает мой. Он покусывает и посасывает, владея поцелуем, владея мной.

Все происходит так же, как в ту ночь, с поцелуем, который я никогда не смогу забыть, от мужчины, в которого я никогда не должна была влюбляться.

Я стону ему в рот, и он глотает звук. Он хватается молнию моего костюма и тянет вниз, пока моя грудь, обтянутая лишь спортивным лифчиком, не обнажается. Затем он стягивает и лифчик, и его пальцы мгновенно крутят мои соски, словно наказывая меня за то, как сильно он меня хочет. Я выгибаюсь дугой от его прикосновений, моя киска становится стыдливо влажной, пульсируя в такт сердцу.

Обхватив ногами его талию, я чувствую его твердую длину, прижатую ко мне даже через костюм. Он сжимает и обхватывает мою грудь, пока я снова не начинаю стонать ему в рот. Он рычит, звук такой мужественный и глубокий, что я дрожу, когда он вжимается в меня своим членом. Кален отрывается от моего рта, и я задыхаюсь, откидывая голову назад, когда он целует меня в горло. Мы знаем, что если остановимся или замешкаемся хоть на мгновение, чары разрушатся. Чувство вины и прошлое встанут между нами, но ни один из нас не хочет подобного на этот раз. Это безумие, его губы не отрываются от моей кожи, и каждый поцелуй оставляет на мне клеймо, которое я чувствую до самой глубины души. Он скользит губами вниз, пока не касается моей груди, и его темные глаза сталкиваются с моими, когда он вбирает в рот мой сосок.

От этого грязного зрелища я дрожу, прижимаюсь к нему, отчаянно нуждаясь в этом. Мы теряемся друг в друге, забывая обо всем остальном — о других, о пещере. Остаемся только мы и голод, который всегда существовал между нами. Потираясь о его твердый член, я умоляю его своим телом трахнуть меня, взять меня так, как он меня ненавидит, и выплеснуть всю эту силу на мою кожу, пока я не задохнусь. Я хочу, чтобы он смыл всю душевную боль и печаль, пока не останется лишь любовь, которую я испытываю к этому человеку.

Раздается треск коммуникаторов.

— Вы оба в порядке?

Мы замираем при звуке голоса Тайлера, чувство вины мгновенно охватывает нас обоих.

Оно заполняет меня так же быстро, как и похоть, и слезы застилают мои глаза. Какого черта я делаю? Разве я недостаточно испортила эти отношения? Кален отшатывается назад, поспешно отстраняясь от меня, его губы ушиблены от нашего поцелуя. Я сажусь, быстро натягиваю бюстгальтер и застегиваю молнию на костюме, его глаза следят за этим движением с голодом и стыдом. Сплотнув, я отворачиваюсь, сдерживая слезы, пока мой разум яростно кричит на меня, бросая оскорбления за то, что я снова поддалась.

Я хватаю коммуникатор.

— Ага, в порядке, — прокашливаюсь, прочищая горло от хрипоты. — Как обстоят дела там?

Мои глаза переходят на Калена, и я вижу, что он ведет ту же внутреннюю войну, что и я. Я не могу отвести от него взгляда. Даже если голос Тайлера звучит снова, даже если мы чувствуем себя виноватыми и ненавидим то, что хотим друг друга, — мы не можем остановиться. Мы постоянно притягиваемся друг к другу. Моя киска все еще мокрая и пульсирует, а губы болят от его разрушительных прикосновений.

Я хочу большего.

— Мы собираемся доставить оборудование, чтобы выкопать вас. Процесс идет медленно, но я клянусь, детка, мы стараемся, хорошо? Так что держись, вы оба, — даже сейчас мужчина, которого я должна пытаться вернуть, которого я все еще люблю, пытается спасти меня, а я думаю о том, как хорошо было бы трахнуть его брата.

Ага, хорошо... Я буду держаться здесь, с руками и ртом его брата на моем теле. Блять, я извращенка.

— Хорошо, будь осторожен, — рассеянно произношу я, облизывая языком свои воспаленные губы, чтобы снова почувствовать его вкус, пока я отключаю связь. Наше дыхание тяжелое, а его губы напряжены, мы оба уставились друг на друга, не зная, что делать.

— Нам нужно поспать, — пробормотал он, его тембр темный и грубый. Это посылает дрожь по мне, и он замечает это, его глаза на мгновение закрываются. — Черт, принцесса, перестань смотреть на меня так.

— Как? — отвечаю я с озорной улыбкой.

— Как будто ты хочешь, чтобы я нагнул тебя и трахнул прямо здесь, проклиная все последствия, несмотря на то, что мой брат борется за то, чтобы добраться до нас, — прорычал он. Его глаза сузились, когда я ничего не ответила. — Спать, нам нужно поспать, — ворчит он, но говорит ли он со мной или с самим собой?

Я киваю и хватаю одеяло, ложусь и пытаюсь устроиться поудобнее, но это трудно, и моя спина все еще болит от удара о стену. Ругнувшись, Кален придвигается ко мне сзади, прижимаясь своим твердым телом к моему, и подкладывает свою руку мне под голову, как подушку, а другую руку перекидывает через мое тело, прижимая меня к себе.

— Лишь потому, что здесь одно одеяло, слышишь меня, Эндрюс? А теперь спи.

Я снова превратилась в Эндрюс. Интересно, это произошло до или после того, как он присосался к моей груди?

Закрывая глаза, я пытаюсь уснуть, но мысли о том, что я заперта здесь, заставляют мой разум бежать со скоростью миллион миль в минуту, не говоря уже о воспоминаниях о том, как рот Калена прижимался к моему и как он наблюдал за мной, посасывая мои соски. К тому же, ощущение его твердого тела против моей спины совсем не помогает мне успокоиться. Вздыхая, я извиваюсь на твердой земле, пока Кален не рычит:

— Прекрати, блять, толкаться своей задницей в мой член.

— Я не толкалась. Я пытаюсь устроить... — мои слова резко обрываются на вздохе, когда его рука обрушивается прямо на мою киску. Этот ублюдок только что шлепнул мою гребаную киску, какого хрена?

— Прекрати, — требует он.

Задыхаясь, я замираю на мгновение.

— Серьезно, я просто... — я вскрикиваю, когда меня резко переворачивают, и мой лоб сталкивается с его твердой грудью. Он ухмыляется, фиксируя мои ноги и обхватывая меня руками, заставляя лечь на него.

— Вот, ты в тепле, не на твердой земле, и я могу удержать тебя от гребаного прижимания ко мне, — бормочет он.

— О да, так намного лучше, — поддразниваю я, поднимая голову и встречаясь с его темными глазами.

— Принцесса, клянусь, я брошу тебя в воду, чтобы ты остыла, если ты не прекратишь, — предупреждает он, его глаза закрываются, когда он укладывается обратно. Задыхаясь, я устраиваюсь поудобнее и кладу голову на его твердую грудь, прислушиваясь к учащенному биению его сердца. Мы оба стараемся не обращать внимания на явный признак его возбуждения.

Здесь тихо, не считая шума сдвигающихся камней и медленного плеска воды о камни.

— Кал? — тихо бормочу я.

— Что? — рычит он.

Колеблюсь, но я должна спросить.

— Мы ведь выберемся отсюда, правда? — мне трудно признаться, что я боюсь. Обычно я мало чего боюсь, но это... это чертовски мрачно. Я знаю шансы, это один из худших вариантов, который может произойти. Возможно, мы пройдем через другой туннель, возможно, нет. Там может быть вода, а у нас только одно снаряжение.

Столько всего может пойти не так, поэтому лежание в его объятиях кажется единственным, что держит меня сейчас в узде, и мне нужно, чтобы он сказал мне, что все будет хорошо.

— Солги мне, — шепчу я, когда он молчит слишком долго.

— Никогда, — пробормотал он, прижимаясь губами к моей голове. — Мы выберемся, принцесса. Ты никогда не сдавалась раньше, так не начинай сейчас. Это всего лишь ухаб на дороге, новое приключение.

Новое приключение. Черт, надеюсь, он прав.

ДВАДЦАТЬ ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТАЙЛЕР

Мы должны вытащить их оттуда. Паника поглощает меня, но все смотрят на меня, как на лидера, чтобы убедиться, что мы вытащим Пейтон и Калена из пещеры. Мое сердце остановилось, когда я услышал это через радио. Я думал, что потерял их обоих.

На долю секунды все показалось таким глупым, все споры и сопротивление, потому что на одно мгновение их не стало, и все, о чем я мог думать, это о том, что ничто не имеет значения, кроме их присутствия в моей жизни. Ни прошлое, ни тот факт, что она хочет моего брата, а он хочет ее. Все, что имело значение — это они.

Моя любовь к ним.

Что я не могу жить без них... без нее.

Я хочу сказать ей, что прощаю ее. Хочу попросить ее остаться и вернуться к нам, но я не могу сказать это по рации. Это нужно сказать лично. Так у меня появляется больше мотивации, чтобы вытащить их и вернуть в свои объятия, и тогда я больше никогда не отпущу ее. Если понадобится, я прикую ее к себе цепями, и она сможет добиться своего на коленях и спине с моим членом, зарытым в нее.

До тех пор я не остановлюсь, не сдамся.

Всегда есть вероятность, что что-то может пойти не так, но пока это не произойдет, ты никогда не ожидаешь, что это случится с тобой. Теперь же это случилось, и мы должны пробиться вперед и сохранить мою семью. Те, кто наверху, а именно Стив, пытаются доставить сюда оборудование, которое могло бы их выволить, но это может занять слишком много времени, и мы не знаем, какова устойчивость того участка. Он кажется довольно прочным, а обвал, похоже, произошел от удара большой силы, хотя мы не можем понять, какой.

У нас заканчивается время и идеи.

Схватившись за волосы и дернув, я опускаю голову, чтобы подумать.

— Я не знаю, — бормочу я Риггсу. — Не знаю, блять.

— Эй, посмотри на меня! — требует он. — Тайлер, мать твою, посмотри на меня!

Суровый тон заставляет меня поднять голову и встретить его взгляд, когда он опускается рядом со мной.

— Ты лучший, как и они. Если кто-то и способен справиться с этим, так это ты. Разберись и побыстрее, потому что мы их не потеряем, слышишь? Забудь о своем дерьме,

чувстве вины и беспокойстве и сосредоточься на работе, — огрызается он.

Фин стоит позади него, его рот открыт от изумления. Я тоже разеваю рот. Это не похоже на Риггса, но тот факт, что они в ловушке, изматывает нас, и Риггс в основном занимается проверкой, пытаюсь держать их в курсе событий и поднимать настроение. Очевидно, что это причиняет ему боль.

— Ладно, ладно, мы не можем сдвинуть камни. Другой туннель... Могут ли они пройти через него? — спрашиваю я, размышляя логически.

Риггс хмурится.

— Возможно. Мы пока его не исследовали, но, судя по карте, он может вести обратно в подводную пещеру... и тут возникает проблема, у Пейтон нет ребризера. Им придется дышать в паре до второй открытой пещеры, или же нам придется идеально подобрать время, чтобы добраться туда с каким-то оборудованием, что связано с определенным риском, если она будет одевать его под водой.

— Блять, хорошо, — я поднимаюсь. — Думаю, нам стоит спланировать встречу с ней там. Они смогут дышать в паре, если мы опоздаем. Она достаточно опытна, чтобы заменить оборудование, а потом мы доставим их во вторую открытую пещеру и устроим там временную базу, пока они будут отдыхать, прежде чем вернуться сюда.

— Все зависит от того, верны ли мои расчеты по этому туннелю, или система вздумает поиздеваться, — Риггс вздохнул.

— Они могут это сделать, мы должны верить в них, все, что они могут сделать, это попытаться, но они будут измотаны, голодны и замерзшие. К счастью, у них есть вода и еда, но мы знаем, что надолго пайка не хватит. Чем быстрее мы заставим их действовать, тем лучше. Нам нужно быть здесь, чтобы поддержать их. Ты тоже, Тайлер. Ей нужен твой голос, — советует Фин.

— Нет, я собираюсь встретить ее...

Он сужает глаза.

— Нет, блять, не собираешься. Я встречу. Я могу добраться туда и подождать, но ей нужен ты, брат. Она нуждается в твоей силе. Ты единственный, кто может заставить ее слушать, ясно? Тебе нужно использовать это сейчас. Оставайся здесь, я знаю, что тебе это не нравится, но ты должен доверять нам, чтобы вернуть ее.

— Ладно, давай сделаем это, — бормочу я, когда мы начинаем все подготавливать. Сейчас мы дадим им поспать, они будут нуждаться в этом.

КАЛЕН

Я просыпаюсь с руками на ее заднице и членом, изнывающим от неистового голода, который я испытываю к женщине в моих объятиях. Девушке моего брата... но она больше не принадлежит ему, не так ли? Да, он по-прежнему хочет ее, но они не вместе.

Я прикусываю губу, пока мои пальцы судорожно сжимают пухлые ягодицы. Это неправильно. Я не должен. Он может возненавидеть меня, если я так поступлю. Он простил меня за поцелуй с ней, но если я переступлю эту черту с ней, заявлю свои права — бессовестно, безапелляционно объявлю ее своей.

Простит ли он меня? И не плевать ли мне?

С ней в моих руках, с ее изгибами, прижатыми к моему твердому телу, с ее вкусом на моих губах, я понял, что, возможно, нет. Что бы ни случилось, я хочу иметь Пейтон Эндрюс только для себя, чтобы она хоть раз была моей. Мы можем умереть здесь, а может и нет.

Но я не могу умереть, так и не получив ее.

Она все еще спит, тихонько посапывая в моих руках, и я нахожу это зрелище завораживающим. Я никогда не позволял себе находиться так близко к ней, хотя это все, чего я когда-либо хотел. Переместив руки вверх по ее спине, я глажу ее по позвоночнику, и она ворчит и переворачивается, скатываясь с меня. Я ловлю ее прежде, чем она падает на землю. Ну, спит как сурок. Она закрывает лицо рукой, лежа рядом со мной. Такой она становится только тогда, когда у нее был действительно тяжелый, долгий день.

Она устала. Я должен дать ей поспать.

Но я не дам.

Не могу.

Я хочу ее... нет, *нуждаюсь* в ней.

Устроившись на боку рядом с ней, я пробегаю взглядом по ее телу — телу, о котором я фантазировал миллион раз. Блять, я даже дробил на звук ее криков через стену, как больной ублюдок, зная, что так близко к ней я никогда не подойду. И все же я здесь, собираюсь взять Пейтон Эндрюс.

Трахать ее и заставлять кричать для меня. Смотреть, как она извивается подо мной, как я снова и снова вгоняю в нее свой член и делаю все грязные, развратные вещи, которые

всегда хотел с ней сделать. Все, что я вижу, это маленькие бикини-стринги, которые она носила, ткань, обтягивающая ее упругую полную попку и груди, такие полные, что они вываливались наружу, ее соски, прижимающиеся к мокрой ткани, когда солнце падало на нас и нашу лодку. Пейтон — влажная мечта любого мужчины. Она — сахар, пряности и все такое... пока она не становится другой. Пока она не становится гребаной чертовкой, нарушительницей спокойствия в красивой крепкой упаковке. Она вся в изгибах и мускулах, с грязным поганым ртом и хорошим умом. Я до сих пор ощущаю, как ее груди заполняют мои руки, и слышу ее стоны в своих ушах.

Если бы я поддался, если бы Тайлер не прервал нас, позволила бы она мне трахнуть ее? Если бы я залез под ее костюм, была бы она мокрой? Закусив губу, я протягиваю руку и плавно тяну вниз молнию ее костюма, обнажая ее кожу. Она вздрагивает, но не просыпается. Я действую медленно, мой взгляд ловит каждый кусочек кожи, который я открываю, пока ткань не расходитя на ее подтянутом, загорелом животе. Ее грудь упирается в ткань спортивного лифчика, соски напрягаются от прохладного воздуха.

Черт, она совершенна. Я не могу удержаться, чтобы не потянуть за молнию бюстгалтера. Ее груди высвобождаются, умоляя о моих губах, и я наклоняюсь и втягиваю сосок в рот. Она стонет, но остается полусонной, пока я тяну молнию на ее гидрокостюме до конца вниз, чтобы я мог просунуть руку в трусики и поласкать ее влажное тепло.

Она, блять, уже намочила для меня.

Ее киска капает на мою ладонь, а она хнычет и извивается под напором, трется о мою руку, пока я сосу и облизываю ее груди. Я наблюдаю, как ее рука смещается, и она моргает в замешательстве, прежде чем посмотреть на меня. Проходит минута, прежде чем она осознает происходящее, и когда она это делает, ее глаза еще больше расширяются, а затем в них вспыхивает желание. Она замирает под моими прикосновениями, но я не останавливаюсь. Я крепко сжимаю ее киску, собственнически показывая ей, кому именно она принадлежит. Мне не нужны колебания или слова, и на этот раз я не хочу сдерживать себя. Я хочу ее удовольствия, и хочу его сейчас. Укусив ее за сосок, я заставляю ее вскрикнуть. Кажется, этот звук помогает ей проснуться.

— Кал... что? — бормочет она.

Я выпускаю ее сосок изо рта и облизываю губы, ухмыляясь ей.

— Мне надоело сопротивляться, принцесса. Каждый гребаный день я хочу тебя еще больше, и я больше не могу этого выносить. Я хочу тебя. Я должен получить тебя, — она сглатывает, высунув розовый язычок и облизывая губы, заставляя меня застонать. Другой рукой я сжимаю ее горло и сужаю глаза, пытаюсь сохранить контроль, даже когда мне просто хочется перевернуть ее, зарыться в ее тугую киску и трахать до тех пор, пока никто из нас не сможет думать ни о чем, кроме как о разрядке.

— Черт, Эндрюс, не заставляй меня кончать раньше, чем я войду в тебя.

— Тогда лучше приступай к этому, засранец, — рычит она, заставляя меня смеяться, пока я целую ее тело.

— Нет, пока я не попробую тебя на вкус. Я представлял, как трахну тебя в течение семи лет. Семи тяжелых, долгих лет, принцесса, не имея ничего, кроме моей руки, чтобы удовлетворить эти желания. Так что ты хоть раз закрой этот чертов рот, ляг на спину, как хорошая девочка, и прими то, что я могу предложить, — я стягиваю с нее костюм и швыряю за спину, затем снимаю с нее трусики, и она предстает передо мной обнаженной.

Она снова дрожит, но не от холода. Ее щеки и грудь пылают от возбуждения, и она без

доли смущения раздвигает эти округлые, сильные бедра, показывая мне свою влажную, розовую киску. Ворча, я тянусь вниз и раздвигаю ее половые губы, провожу пальцами по ее центру, прежде чем втянуть их в рот. Как только ее вкус достигает моего языка, я теряюсь. Я опускаюсь на живот между ее ног и раздвигаю ее бедра, чтобы вместить мои широкие плечи.

Она закидывает ноги на мои плечи, запускает пальцы в мои волосы и притягивает меня ближе, пока я смотрю на нее с расстояния всего в несколько дюймов. Я смотрю, как ее киска сжимается для меня.

— Такая чертовски красивая, и смотри, какая мокрая, принцесса. Тебя возбудила наша ссора?

— Черт возьми, да, — бормочет она, дергая сильнее, почти вырывая мои волосы с корнем.

— И так всегда? Я помню, как ты смотрела на меня, когда мы ругались... твою вздымающуюся грудь и голодные глаза. Пошла ли ты потом на поиски моего брата, чтобы удовлетворить свое желание? — бормочу я, проводя пальцами по ее киске и погружая их в нее. Я смотрю, как ее киска жадно сжимается вокруг моих пальцев, прежде чем вытащить их обратно, после чего я поворачиваю их и ввожу обратно. Она вскрикивает, выгибаясь дугой, ее клитор напряжен и умоляет меня о прикосновении.

Я переключаю свое внимание на него, облизывая языком снова и снова, прежде чем переключиться на ее ядро и прочертить языком линию вниз, обводя ее дырочку, а затем поднимаясь обратно. Она стонет мое имя, *мое* гребаное имя. Ничье другое, мое, и оно так сладко звучит на ее губах.

И я вознаграждаю ее.

Лаская ее клитор, я наблюдаю за ней, как она погружается за край, взрываясь вокруг моих пальцев и языка. Ее киска сжимается вокруг меня, она вскрикивает и выгибается, отчаянно двигая бедрами, трахая себя об меня. Я вылизываю ее во время оргазма, очищая ее дырочку, пытаюсь попробовать каждую капельку ее сока.

На вкус она как гребаный океан, сладкая и свежая, и я не могу насытиться. Вытащив пальцы, я поднимаюсь и всасываю их в рот, пока она смотрит на меня с ошеломленным, вялым выражением лица. Она тяжело дышит, ее бедра опускаются вниз, а ноги широко расставлены. Ухмыляясь, я прижимаю пальцы к ее слегка приоткрытым губам.

Моя грязная маленькая девочка жадно сосет их, втягивая щеки. Не сводя с меня глаз, она проводит языком по пальцам, пробуя нас обоих. Черт, почему это так возбуждает? Я хочу видеть, как ее губы обхватывают мой член, всегда хотел. Столько раз я подумывал поставить ее на колени и засунуть свой член в ее рот, просто чтобы заткнуть во время наших споров. Ее глаза сверкают, будто она знает.

Это тот же блеск, что и раньше.

Черт, я в полной заднице. Теперь, когда я попробовал ее, я никогда не смогу вернуться назад, никогда не смогу не нуждаться в ней, потому что один вкус — и я потерян. Я — ее.

— Проблема, принцесса? Не то, к чему ты привыкла? Ожидаешь ласковых слов? Ну что ж, я грубый и чертовски жестокий, так что смирись с этим. Теперь встань на колени и раздвинь бедра, чтобы я мог трахать тебя, пока ты не закричишь достаточно громко, чтобы они услышали.

Ее глаза сужаются, когда она раздвигает губы и освобождает мои пальцы. Я покручиваю пальцами в жесте «нагнись», и она охает.

— Нет, — огрызается она. — Теперь трахни меня и заткнись, ты, наглый засранец.

Она намеренно борется со мной.

Я предупреждающе вскидываю бровь. На самом деле я не испытываю гнева, скорее вожделение от нашей словесной перепалки, от ненависти и тьмы, которые она позволяет мне выразить. С ней я могу быть настолько мерзким, насколько захочу, и она примет все это. Она примет всех моих демонов, пока я буду трахать ее, владеть ею, уничтожать ее.

Если она уйдет в этот раз, то с осознанием того, что никто другой не сравнится со мной. До конца своих дней она будет помнить мой член глубоко внутри нее, выжимающий оргазм за оргазмом из ее тела. Всякий раз, когда она будет смотреть на меня и пытаться сопротивляться, она будет вспоминать, как я проталкиваю свою твердую длину в ее горло, чтобы заткнуть ее, — и она будет становиться мокрой.

Я не могу, блять, ждать.

— Эндриус, на колени, живо, — приказываю я, предлагая ей выход. Конечно, моя девочка не принимает его.

Она приподнимается и хватается мой член через костюм.

— Заставь. Меня.

Два слова.

Два гребаных слова.

Вызов, решимость. Да будет так.

Я хватаю ее за волосы, наматываю их на руку и больно дергаю ее голову назад, пока слезы не застилают ей глаза, а рот не раскрывается в хныканье. Поднявшись, я поднимаю ее на колени, в то время как она тянется вверх, пытаюсь поцарапать мою руку.

— Кал! — протестует она, даже когда прижимается ко мне, желая большего.

— Заткнись, блять, Эндриус. Достань мой член, — требую я.

Она вздрагивает от этого приказа, но я ухмыляюсь.

— Если хочешь мой член, вынимай его и делай, что тебе велено, или я оставлю тебя мокрой и жаждущей, и прослежу, чтобы никто из остальных тебе не помог. Или я, или никто, Эндриус. Больше просить не буду.

Она хрипит и опускает руку к моему костюму, расстегивая молнию, пока он не сползает к моим ногам. Я ловко высвобождаюсь и отпихиваю его, затем она стягивает с меня боксеры. Сейчас она злится, ее глаза сузились, а рот кривится. Черт, я люблю ее гнев.

— Проблемы, принцесса? — дразню я, раздувая пламя.

— Нет, — рычит она, освобождая мой член. Когда твердая длина свободно вырывается, она резко вдыхает, глядя на него голодными глазами. Блять.

— Обхвати его рукой, — приказываю я.

Она сглатывает, но делает то, что ей говорят, потирая большим пальцем мой пирсинг, прежде чем сжать основание моего члена, заставляя меня дергаться в ее руке. Она торжествующе ухмыляется.

— Разве я говорил тебе делать это, Эндриус? — прорычал я. — За это ты примешь его и тебе понравится.

Я касаюсь ее подбородка.

— Открой и соси меня. До конца. Сейчас же.

Она начинает протестовать, вероятно, только ради борьбы, но когда ее губы раскрываются, я проталкиваю член внутрь. Она задыхается от неожиданного входа, но потом сдерживает слезы и сглатывает, но замирает, прежде чем я проникаю в нее на всю глубину. Я вхожу в нее до упора. Ее глаза снова слезятся, пока она держится, но как только она

освоилась — она в порядке.

— Вот так, принцесса, прими меня всего, я знаю, ты можешь. Пососи меня как следует. Покажи мне, что этот рот годится не только для разговоров.

Ее глаза сузились в решимости. Я слишком хорошо знаю Пейтон, и если она не может говорить, она будет бороться ртом, и разве это не будет чем-то чертовски невероятным?

Мои глаза закрываются, когда я расширяю свою стойку и вытягиваюсь во весь рост, а затем снова вхожу. Она принимает его, проводя языком по моему члену, а когда я снова выхожу, она щелкает язычком и играет языком с моим пирсингом.

Внезапная волна удовольствия проносится через меня и присоединяется к уже нарастающему освобождению в основании моего позвоночника. Я долго не протяну в ее рту, но мне нужно было увидеть ее на коленях, прежде чем я зарююсь в эту сладкую маленькую киску. Она начинает гудеть вокруг моего члена, и я не могу больше терпеть. Я отстраняюсь так внезапно, что она падает на задницу, ее губы распухли, а груди покачиваются от движения.

— На колени, — грубо требую я, борясь с надвигающейся разрядкой. Почувствовав больший контроль, я сужаю глаза. — Сейчас, Эндрюс.

— Нет, — огрызается она и с улыбкой откидывает волосы назад. — Когда ты будешь трахать меня, ты будешь смотреть на меня, Кален, так что ты не сможешь отстраниться. Если мне придется смотреть на твоего брата, зная, как ты ощущаешься глубоко внутри меня, то и тебе придется. Я хочу оседлать твой член, так что ложись на свою гребаную спину... принцесса.

Ну, блять. Я хочу бороться с ней, быть главным, но, честно говоря, мысль о том, как она скачет на моем члене с этими великолепными сиськами, колышущимися надо мной, заставляет меня чуть ли не косить глаза, так что на этот раз я сдаюсь. Я опускаюсь на колени и ложусь на спину, не обращая внимания на боль от небольших порезов. Она ползет по моим ногам и садится на мой пресс, прижимаясь к нему своей киской. Я стону и хватаю ее за бедра, двигая ими вперед-назад. Я смотрю, как ее глаза закрываются, и она дрожит. Черт, она действительно прекрасна. Ее золотистая кожа поблескивает от бликов воды и света, длинные светлые волосы, пухлые губы и подтянутые мышцы.

Ее уверенность в себе так чертовски сексуальна. Она владеет своим телом, любит его, принимает его. Она знает, насколько это охуенное оружие против такого парня, как я, и она пользуется им, продолжая бороться со мной за контроль, как всегда.

Моя гребаная принцесса-воин.

Она не будет моей навсегда, но сейчас она моя.

— Обхвати мой член своей киской, Эндрюс, — требую я, и она ухмыляется, скользя по моему телу, царапая ногтями мою грудь, когда поднимается и располагается над моим членом. Она задерживается на нем, дразня меня, как всегда.

— Такой требовательный. Ты такой нуждающийся гребаный засранец, — бормочет она, а затем опускается на мой член, принимая всю длину. Я хриплю, воздерживаясь от того, чтобы толкнуться вверх и ворваться в ее тесное, влажное тепло. Черт, она слишком тугая, слишком, блять, мокрая. Ощущение того, что она обхватывает мой член, как шелк, сводит меня с ума.

— Ты должна двигаться, принцесса, — говорю я, напряженно моргая, не давая себе двигаться. Она проверяет мой контроль, разрушает его, но сейчас я беспомощен под ней. Я не хочу двигаться, не хочу мешать ей. Ее великолепное тело выставлено напоказ надо мной,

и когда она начинает скакать на мне, вращая и извиваясь бедрами, прежде чем использовать колени для опоры, я теряюсь в ней.

Я впиваюсь пальцами в ее бедра и помогаю ей, поднимая и сжимая ее, со стоном наблюдая за влажным скольжением моего члена, входящего и выходящего из ее входа. Черт, это так неправильно, так грязно, и я не могу остановиться, даже если бы захотел.

Она — мое все, и в этот момент я забываю обо всех причинах, по которым я не могу любить ее и обладать ею. Ее тело покачивается, словно двигаясь под музыку, — гребаный зов сирены для такого моряка, как я. Я думал, что это не может быть настолько хорошо, как я себе представлял.

Это лучше.

Я борюсь со своим освобождением, желая, чтобы это продолжалось вечно. Если это единственный раз, когда она у меня есть, я хочу, чтобы это было потрясающе. Протянув руку вниз, я шлепаю ее по клитору, и она задыхается, сжимаясь вокруг моего члена. Взглянув на меня, она наклоняется и прижимается своими губами к моим, стонет в поцелуе, когда я снова ласкаю ее киску.

— Кончи на меня, принцесса. Позволь мне почувствовать, как эта тугая киска доит меня, — приказываю я ей в губы и снова сильно щелкаю по ее клитору. Она хнычет, а я все быстрее двигаю бедрами, насаживая ее на свой длинный член, пока она не вскрикивает. Ее киска сжимается вокруг меня, пытаюсь вытянуть мое собственное освобождение из члена. С рычанием я переворачиваю нас.

Я толкаю ее на колени передо мной. Отстранившись от ее пульсирующей киски, я запускаю руку в ее волосы и толкаю ее вниз, а затем приподнимаю ее задницу и вхожу в ее трепещущую дырочку. Мои пальцы впиваются в ее упругую кожу вдоль шрама от укуса акулы. Моя гребаная принцесса — боец.

Ее округлая задница вызывает привыкание, и я не могу перестать смотреть на нее, когда вхожу в нее. Смотреть, как мой толстый член исчезает в самом раю.

— Проклятье, — рычу я, моя хватка впивается в ее бедра, когда я ускоряюсь. — Видела бы ты, как принимаешь мой член. Это чертовски горячо — смотреть, как ты сдаешься и принимаешь всего меня, принцесса.

Ее спина прогибается, когда она вскрикивает. Наклонившись, я обхватываю рукой ее горло и сжимаю, перекрывая дыхание, продолжая трахать ее — жестко, быстро и не заботясь о том, чтобы больше сдерживаться.

— Кален, пожалуйста, черт, пожалуйста, — умоляет она, подаваясь назад, принимая мой член, ее соки стекают по моему члену от того, сколько раз она кончила.

Я не могу дождаться, когда увижу ее красную, влажную киску, с которой стекает моя сперма.

— Пожалуйста что, Эндриус? — рычу я, борясь со своим освобождением, даже когда мои яйца напрягаются, а спина выгибается.

— Мне... мне нужно... — она хнычет и поворачивает голову, прижавшись к каменному полу. Между нами нет ни сантиметра воздуха, наши скользкие тела движутся вместе все быстрее и быстрее.

— Нужно что? — выдавливаю я из себя. Моя рука сжимается на ее горле, и мне нравится видеть, как мои татуированные костяшки властно сжимаются вокруг него.

— Блять, Кал! — кричит она и подается назад, вращая бедрами, когда ее киска снова сжимается вокруг меня, освобождаясь.

На этот раз я не могу сдержаться. Я пытаюсь бороться против ее тесной киски, но с резким рыком мое освобождение вырывается из меня. Задыхаясь, я снова врезаюсь в нее, зарываясь так глубоко, как только могу, мой член дергается и наполняет ее спермой.

Она падает вперед, а я держу свой член в ней, пока сам не кончаю. Когда я изливаюсь, то откидываюсь назад и смотрю, как моя сперма вытекает из ее киски, пока она лежит и тяжело дышит.

— Черт, это так горячо, но ты не сможешь так просто от меня избавиться, принцесса, — собрав свою вытекающую сперму, я снова ввожу пальцы в нее. Она вскрикивает, дергаясь, когда я начинаю быстро трахать ее своими пальцами, вгоняя свою сперму обратно в нее, прежде чем отстраниться.

Обессиленный, я падаю рядом с ней, моя грудь вздымается, а пот покрывает каждый сантиметр моего тела. Я поворачиваю голову и смотрю прямо в ее глаза, они открыты, и я не могу удержаться от улыбки, на которую она отвечает.

Я притягиваю ее в свои объятия, позволяя себе хоть раз быть слабым. Я представляю, что она — моя девочка, а всего остального мира не существует, включая моего брата. Если я и умру здесь, то только с осознанием того, что Пейтон Эндрюс моя, пусть даже на мгновение.

Я знаю, что стресс давит на нее. Она не любит сидеть на месте, поэтому после того как мы умылись, оделись и поели, мы встаем и начинаем искать другой выход. В армии нас учили быть проникательными и находчивыми, и я бывал в плохих ситуациях за границей, когда меня прижимал вражеский огонь, но это... это другое.

Это мать-природа, а она непредсказуема и жестока.

Я не смогу выкрутиться, но я никогда не сдамся. Мы не умрем здесь, никогда. Моя принцесса выберется отсюда и побьет еще больше мировых рекордов. Эта гребаная пещера, или мать-природа — ничто из этого не остановит меня, когда я намерен спасти свою девочку.

— Я думаю, наш единственный путь — это туннель наверху, — она вздыхает и опирается руками в бедра, глядя на стену. Я придвигаюсь к ней сзади, прижимаясь к ней всем телом — это единственный раз, когда я это делаю. Мне нравится ее реакция, нравится ощущение того, как она прижимается ко мне. Я обхватываю ее за талию и провожу губами по ее уху. Она вздрагивает и откидывается назад, заставляя меня ухмыльнуться.

Я хочу закричать, зарычать в знак одобрения и показать Тайлеру, что она тоже моя. Такой мелочный.

— Ты так думаешь, принцесса? Ты не думаешь, что любовь всей твоей жизни придет и спасет тебя? — я жестко насмехаюсь, мысли о Тайлере вызывают во мне чувство вины и злость. Я вымещаю это на ней, как всегда.

Она поворачивается, сузив глаза, и от этого взгляда мой член мгновенно становится твердым, ожидая начала боя. Она прижимает руки к моей груди и толкает, но я не сдвигаюсь с места. Моя ухмылка растет, и ее губы сжимаются в раздражении, даже когда ее глаза вспыхивают от голода.

Эндрюс любит наши схватки, это очевидно. Готов поспорить, если бы я залез внутрь ее

костюма, она бы уже капала на меня, вспоминая, как я наказывал ее горячий маленький ротик своим членом.

Эта мысль заставляет меня застонать, и я прижимаю ее спиной к стене, упираясь рукой над ее головой, пока ее мягкое тело прижимается к моему. Она задирает подбородок, не боясь и не желая отступить, даже в своем уязвимом положении. Черт, как же мне это в ней нравится.

— Не веди себя как долбаный ревнивый мудака, — огрызается она.

— Я? Ревнивый? Принцесса, пожалуйста. Я могу нагнуть тебя и трахнуть прямо сейчас. Спорим, он не сможет, — я смеюсь.

Она снова пытается толкнуть меня, но я перехватываю ее руку своей и провожу ею вниз по телу к своему твердому члену. Она вдыхает, и ее глаза расширяются от вожделения, хотя она продолжает бороться.

— Пошел ты, Кален. Ты такой гребаный мудака, — рычит она. — Это была ошибка — переспать с тобой. Боже, я идиотка.

Я не показываю, насколько это больно. Я не показываю, что ее слова только что пронзили мое сердце и душу, как чертова пуля. Она сожалеет об этом. Лучшее, что когда-либо случилось со мной, то, о чем я мечтал годами... и она сожалеет об этом.

— Да? Ну, сейчас ты пожалеешь о гораздо большем, принцесса, — усмехаюсь я, а затем стягиваю с нее костюм. Она борется, пытаюсь отстраниться от меня, но не совсем. Ее соски напряжены и тверды, они давят на материал спортивного бюстгалтера. Ее губы разошлись в стоне, и ее тело трется об меня, даже когда ее рот выплескивает оскорбления.

— Ты гребаный мудака! Я ненавижу тебя, я ненавижу тебя, я ненавижу тебя! — кричит она, когда я опускаюсь на колени, потянув за собой костюм. Одним быстрым движением я освобождаю ее ногу, срываю трусики и щелкаю языком по ее возбужденному клитору. Она стонет и толкается своей киской в мое лицо, и, как я и предполагал, она уже чертовски мокрая для меня. С ее красивой розовой киски стекает капля, и я не могу удержаться.

Мне нужно показать ей, что она может ненавидеть меня, сожалеть о том, что была со мной, но все равно хочет меня постоянно. Как и я ее. Это токсично, но мне все равно.

Я ем ее как животное, запечатлевая ее вкус у себя во рту и на языке, пока она выкрикивает непристойности о том, как сильно она меня ненавидит.

— Продолжай говорить, принцесса. Сейчас ты будешь кричать по другой причине, и мы оба это знаем.

Я погружаю язык в ее тугую дырочку, и она прекращает свою тираду, чтобы застонать, запуская пальцы в мои волосы и притягивая меня ближе. Она прижимает свою киску к моему лицу, так что я едва могу дышать. Да кого это, блять, волнует? Кому нужен воздух, когда у меня есть она?

Я набрасываюсь на нее, как обычно, но на этот раз не словами, а пальцами и языком. В мгновение ока она уже катается на моем лице, размазывая свою киску по моему языку, пока я ласкаю ее клитор. Сначала я ввожу в нее один палец, затем еще два, растягивая ее, пока она извивается и кричит.

— Трахни себя, Кален! — кричит она.

Отстраняясь, я встречаю ее взгляд, мои губы покрыты ее соком, и я улыбаюсь.

— Нет, но я трахну тебя, принцесса. А теперь заткнись и кончи на мой язык, дай мне почувствовать, как сильно ты меня не ненавидишь.

Она качает головой, даже когда ее тело начинает дрожать, и я знаю, что она близка к

этому. Посмеиваясь над ее упрямством, я втягиваю ее клитор в рот, а затем жестко прикусываю. Она кричит, дергается в моей хватке, ее киска сжимает мои пальцы, когда она кончает. Я лижу и сосу ее, до тех пор пока она не пытается оттолкнуть меня. Опустившись на пятки, я смотрю на ее дрожащее, покрытое потом тело и облизываю губы от ее сладкого вкуса.

Ее глаза открываются и смотрят на меня, затуманенные удовольствием.

— Все еще ненавидишь меня, принцесса? — дразню я.

— Да... может, не так сильно. Продолжай в том же духе, и ты даже можешь начать нравиться мне, — пыхтя, она тянется вниз и снова влезает в свой костюм, прежде чем застегнуть молнию. Ухмыляясь, я поднимаюсь на ноги. Она тянется к моему явно твердому члену, но я отстраняюсь.

— Это было не ради меня, Эндриус. Это было для того, чтобы доказать, насколько ты хорошая лгунья... пусть даже тебе самой, — пробормотал я, наклоняясь и целуя ее, прикусив ее губу, прежде чем отвернуться.

Она ругается и топает прочь, бормоча что-то о мудаках, и моя ухмылка расширяется. Черт, как же мне не хватало этого — дразнить, подкалывать, подзадоривать ее, но наблюдать, как она взрывается вокруг меня, — все это стоило того, даже если мой брат будет ненавидеть меня за это.

В этот момент раздается треск нашего радиоприемника, и я хватаю его, потягивая воду.

— Пей? — раздается взволнованный голос Тайлера.

— Извини, брат, просто я, — фыркаю я.

Он вздыхает.

— Извини, чувак. Вы оба в порядке?

— Мы в порядке. Как дела? Я начинаю беспокоиться, — говорю я ему, пока Пейтон устраивается рядом со мной, чтобы послушать, что они скажут, но у меня плохое предчувствие.

Он замолкает, и это только усиливает мои подозрения.

— Мы работаем изо всех сил, но из-за тропического шторма мы не сможем доставить сюда оборудование в течение пяти дней. Мне нужно знать количество ваших запасов, чтобы мы могли разработать другой план. Фин и Риггс уже исследуют различные маршруты через...

Пейтон ругается и хватается за микрофон.

— Тай, — он замолкает, а она откидывает волосы назад и смотрит на меня. — У нас возможно есть выход, этот туннель высоко наверху. Я не знаю, куда он ведет, но это лучше, чем сидеть здесь и ждать смерти.

— У нас есть план. Нам нужно, чтобы вы внимательно слушали. Ваши жизни зависят от того, правильно ли все пройдет, — приказывает Тайлер, его голос тверд.

— У нас нет выбора, — возражает она. — Мы должны попытаться! — я смотрю на туннель, через который она хочет попытаться пройти, и тогда ее голос смягчается. — Тай, пожалуйста, детка, я не могу... не могу сидеть здесь и ждать, пока это просто случится.

Я вздрагиваю от ее слова «детка», и она прижимается к моему боку без единого слова или взгляда. Ревность пронзает меня, но я не отстраняюсь, даже не желая разрывать с ней контакт.

— Мне нужно продолжать бороться. Я должна продолжать двигаться. Если есть шанс, даже отдаленный шанс, что туннель куда-то приведет, я должна им воспользоваться, и мне

нужна твоя помощь, чтобы сделать это. Нам обоим нужна. Верь в нас. Я знаю, что тебе трудно отказаться от контроля, но сейчас это необходимо.

Становится тихо, и я думаю, что она надавила слишком сильно, поэтому я смотрю на нее сверху вниз, пока она печально смотрит на коммуникатор, но она все еще полна решимости. Ничто не остановит ее от прохождения через этот туннель. Я знаю ее достаточно хорошо, чтобы понять это, и Тайлер тоже.

— Хорошо, но есть условия. Первое — ты постоянно поддерживаешь с нами связь. Второе, если ты попадешь в туннель, и он покажется тебе небезопасным или не приведет никуда, ты вернешься и будешь ждать, пока мы тебя вытащим, без всяких претензий, — ворчит он.

— Что? Никакого третьего? — смеется она.

— Третье... вы не умираете, блять, ни один из вас. Вы остаетесь в живых, что бы вам ни пришлось делать, это понятно?

Она улыбается и подмигивает мне.

— Поняла, боссмен. Ладно, мы собираемся и приступаем.

Она собирается отойти, когда раздается еще один треск. На этот раз это Фин.

— Дорогая, оставайся в безопасности и возвращайся к нам.

Она замирает, и наши глаза встречаются, когда раздается какой-то звук, за которым следует другой голос.

— Он прав. Я буду следить отсюда... но, пожалуйста, Пейтон, не делай глупостей. Я не переживу, если снова потеряю тебя, — шепчет Риггс.

Я на мгновение закрываю глаза, отгоняя собственные проблемы, когда вижу боль на ее лице.

Она сглатывает, беспомощно глядя на меня, и я хватаю коммуникатор.

— Что? Никаких длинных требований ко мне? — с насмешкой спрашиваю я, даже когда наклоняюсь и целую ее лоб, утешая ее, хотя и не знаю почему.

— Заткнись, это касается и тебя, — Риггс вздыхает, а Фин смеется.

— Хочешь, чтобы я пришел и поцеловал тебя, Кал? — насмехается он.

— Да пошли вы, ребята, — я хихикаю, когда к перепалке присоединяется еще один голос.

— Минноу?

Она хватается за коммуникатор, и я позволяю ей.

— Я здесь, старик.

— Поменьше старого, — он смеется. — Минноу, блять, просто будь осторожна, ладно? Я знаю, что ты справишься, но не облажайся, блять. Ты нужна мне, малыш. Кто надерёт мне задницу и вытащит меня обратно к жизни, если тебя не будет рядом?

— Прибереги для меня бутылку, я скоро вернусь, — обещает она и отворачивается, но не раньше, чем я замечаю блеск слез в ее глазах. Я смотрю, как она уходит, во мне нарастает смятение. Я все еще злюсь, я все еще ненавижу ее, но вид ее уязвимости и борьбы ранит мое сердце.

Все эти годы я думал, что хочу заставить ее заплатить, причинить ей боль, как она причинила боль нам... но теперь я не уверен, потому что видеть ее боль, — даже если она этого заслуживает, — только ранит меня еще больше.

Отложив коммуникатор, я подхожу к ней, пока она собирает свою сумку. Я опускаю руки на ее бедра, и она замирает.

— Посмотри на меня, Эндрюс.

Она шмыгает но не поворачивается, тогда я заставляю ее, и ее глаза опускаются к моей груди, но я отказываюсь позволять ей прятаться от меня. Я откидываю ее подбородок вверх, и ее залитые слезами глаза встречаются с моими.

— Принцесса, — я вздыхаю, а затем притягиваю ее к себе и просто обнимаю. — Мы выберемся отсюда, я обещаю тебе это. Я не остановлюсь, пока не верну тебя им.

Она опускает голову мне на грудь, и я на мгновение обнимаю ее, пока она снова собирается с силами. Я слышу, как она делает несколько вдохов, прежде чем она слегка отстраняется, смахивая слезы. Я глажу ее по щеке, пока она смотрит в мои глаза.

— Почему ты так добр ко мне? — хрипит она.

Наклонившись, я целую каждый глаз, а затем ее губы, задерживаясь на них, чтобы почувствовать соленый вкус ее слез.

— Я могу быть милым, принцесса, просто обычно ты предпочитаешь меня злым.

— Милым? Я никогда не видела, чтобы ты был милым, — дразнит она, заставляя меня усмехнуться.

— Только с тобой. Только никому не говори, мне нужно поддерживать репутацию, — парирую я, а она смеется и снова отстраняется. Вытирая лицо, она вздыхает и вытягивается во весь рост.

— Ладно, засранец, давай займемся этим дерьмом.

С новыми силами она поворачивается, чтобы собраться, и я делаю то же самое, улыбаясь тому, что она позволила мне утешить ее. Обычно на такое способен только Риггс, поэтому меня пронзает странная волна удовольствия. Каждый человек иногда нуждается в том, чтобы сломаться, опереться на кого-то, но Эндрюс обычно никому не позволяет, всегда хочет быть такой сильной — начиная с той ночи, когда она поцеловала меня, когда умер ее отец.

Она была слаба, одинока, потеряна в вихре эмоций, хотела почувствовать хоть что-то, и я не смог удержаться. Я до сих пор жалею, что тот поцелуй был нашим первым, он преследует меня, но у нас нет времени тратить время на то, чтобы задумываться о прошлом. Все, что у нас есть — это сейчас.

Внизу, в темноте, может случиться все, что угодно.

У нас по-прежнему есть работа, которую мы должны выполнить. Мы выберемся отсюда, потом закончим исследовать пещеру... и что дальше? Снова разбежимся? Я не знаю, смогу ли я позволить ей уйти во второй раз.

Когда мы уже собрались, не зная, чего ожидать, мы прижимаемся лбами друг к другу. В нас начинает бурлить привычный адреналин.

— Мы делали это тысячу раз, как насчет еще одного, принцесса?

— Да, черт возьми. Посмотрим, сможешь ли ты не отстать, засранец, — она ухмыляется, а затем неожиданно наклоняется и целует меня, прежде чем оторваться и броситься к стене, с разбегу запрыгивая на нее.

Я смотрю ей вслед, мои губы все еще раздвинуты, и со смехом я преследую ее. Она уже на полпути к стене, когда я начинаю взбираться. Моя прыть превосходит ее, поэтому я легко догоняю ее, когда она достигает входа в туннель и садится там, освещая его своим фонарем.

— Ну вот и все, — бормочет она, а затем движется в неизвестность.

РИГГС

Я наблюдаю за ними по камерам, хотя видимость низкая, даже с освещением. Нервы сбегают меня, как и усталость, и я не спал и не отходил от компьютера с тех пор, как они оказались в ловушке, нуждаясь в постоянной уверенности, что с ней все в порядке.

Я даже видел, как они трахались — не то чтобы я что-то сказал.

Полагаю, они думали, что выключили камеры... но нет. К счастью, я был здесь один. Тайлер спорил с менеджером по оборудованию, а Фин выкрикивал команды и погружался раз за разом, пытаясь найти проход, почти неистово... безрассудно.

Мы убиваем себя, но это не имеет значения, лишь бы вернуть их. Мы семья до конца, независимо от того, что произошло и какие ошибки мы совершили. Сейчас наша семья расколота, и нам нужно снова собрать ее воедино. Когда они будут в безопасности — когда, а не если — я сделаю то, чего хотел с того самого момента, как увидел Пейтон Эндрюс.

Я собираюсь поцеловать ее.

Я знаю, что Фин уже целовал ее, а теперь Кален трахнул ее, так что, похоже, все ставки сделаны. Если они могут брать то, чего хотят, то и я могу, а больше всего на свете я хочу Пейтон. Всегда хотел. Остальные собрались вокруг меня, наблюдая за происходящим. Фин подпрыгивает на месте от нервов. Тайлер стоически наблюдает за ними, но я слышу, как колотится его сердце о мой бок.

Он любит ее, я знаю это, и, конечно, он также любит своего брата. Он не может их потерять, никто из нас не может. Но то, что мы сказали, правда — если кто-то и сможет пройти через это, то только эти двое. Мы должны доверять им сейчас больше, чем когда-либо, и молиться, чтобы они справились.

— Оборудование готово к передаче, чтобы встретить их, если ты прав, Риггс, — пробормотал Тайлер.

— Хорошо. Кто этим займется?

— Фин и я. Ты нужен нам здесь, чтобы следить за всем и держать нас в курсе событий. Я знаю, ты устал...

Я поворачиваюсь и в который раз раздраженно сужаю глаза.

— Я тоже люблю их, — огрызаюсь я. — Я в порядке. Делай то, что должен, и давай

вернем их обратно.

Я поворачиваюсь к мониторам. Чувствую их взгляды на себе, но не обращаю внимания. Я слишком занят, наблюдая за тем, как моя девочка и мой брат пытаются найти путь обратно ко мне — к нам.

Черт, пожалуйста, пусть у них все получится, пожалуйста, пусть они вернуться домой ко мне. Я клянусь, что больше никогда не отпущу их. Я обещаю, что буду любить их до последних дней, если они выживут.

ФИН

Теперь все это кажется таким глупым, все причины, по которым я держался от нее подальше. Знание того, что я могу потерять ее, заставляет меня сходить с ума от желания поцеловать ее, обнять и рассказать ей о своих чувствах.

Пейтон — любовь всей моей жизни, всегда была ею, даже когда я не верил в это, и если она вернется — нет, *когда* она вернется, — я скажу ей. Я раскроюсь перед ней, без шуток, без флирта. Я признаюсь ей в своих чувствах и буду надеяться, что она испытывает то же самое.

Тайлеру придется с этим смириться. Я устал ходить на цыпочках вокруг его чувств, а учитывая, что мы почти потеряли их, это беспокойство выглядит глупо. В жизни так много всего, о чем стоит беспокоиться, и влюбленность не должна быть одной из этих вещей. Пейтон была создана, чтобы ее любили, и не только он — ей нужны все мы. Я могу делиться. Могу делать все, что она захочет, лишь бы она тоже была у меня.

Я знаю, что Риггс чувствует то же самое, и Тайлер, вероятно, вречет нам, но я решил, что вполне переживу это. А вот чего я не переживу, так это того, что так и не смогу быть вместе с Пейтон Эндрюс как следует.

Я слежу поверх плеча Риггса, как они начинают ползти по туннелю. Черт, как бы мне хотелось быть там с ними. Хотелось бы мне быть там, чтобы помочь, утешить ее, вытащить ее. Я должен доверять своему брату, как и Тайлер, и если он может доверять Калену в спасении своей девушки, значит, он может доверять ему и в любви к ней.

Кален любит ее. Он никогда не любил раньше, никогда не подпускал близко никого, кроме нас. Если он снова потеряет ее, мы можем потерять его навсегда. Речь идет не только о моих эгоистичных чувствах, я не могу позволить, чтобы моя семья снова распалась на части. Я встречаю взгляд Тайлера, словно он слышит мои мысли, а может, это всего лишь заявление Риггса. Я видел огонь в его глазах. Он не просто имел в виду, что любит ее как друга или сестру, он говорил Тайлеру, что *влюблен* в Пейтон, и во взгляде Тайлера я вижу правду.

Он знает.

Возможно, он всегда знал.

Шум заставил нас обоих обернуться к монитору. Эти чувства, вся эта ложь и скрытая правда могут подождать. Сейчас речь идет о них. Мы можем только наблюдать и ждать.

Либо они прорвутся, либо мы все умрем здесь, потому что я никогда снова не оставлю ее, ни ради спасения себя или своей семьи. Она в ловушке, я в ловушке. Умрет она, умру я.

Вместе.

В конце концов, она — сердце этого дайвера.

ПЕЙТОН

Туннель достаточно большой, чтобы ползти по нему. Наше дыхание громко звучит в тишине, и мой фонарь непрерывно светит вперед, но он освещает только темноту прямо передо мной. Время от времени Кален протягивает руку и сжимает мою лодыжку, утешая меня и давая понять, что он все еще рядом со мной.

Он держал меня, пока я плакала. Я никогда не думала, что доживу до этого дня. Риггс? Да, черт возьми. Фин? Возможно, хотя он бы пощупал мою задницу. Тайлер? Конечно. Но никогда Кален. В его глазах была такая нежность, о которой я даже не подозревала, и что самое ужасное? Это заставило мое сердце заколотиться, и я почти призналась, что когда-то любила его.

Что до сих пор люблю.

Слова были на кончике моего языка и уже почти сорвались, но я не могла их произнести, потому что такие слова я не смогу взять обратно и я знаю, что как только мы обретем свободу, он снова станет холодным и отстраненным, будет ненавидеть меня за то, что я сделала с ним и его братьями. Он снова будет делать вид, что никогда не пробовал меня на вкус, не чувствовал, как мое тело обхватывает его в муках страсти, не целовал меня так крепко, что мне казалось, я больше не смогу дышать без него.

Часть меня страдает, желая, чтобы мы могли остаться в этом пузыре еще на мгновение, но пришло время действовать. Пришло время освободиться, даже если это расколется мое и без того хрупкое, разбитое вдребезги сердце.

— Как дела, Пей? — ласково спрашивает Риггс.

— Ну, знаешь, как обычно. Холодно и мокро, и не в хорошем смысле, — я слышу несколько смешков, когда улыбаюсь и ползу по темному туннелю. — А еще очень хочется большой жирный бургер.

— Он будет ждать тебя, когда ты выйдешь, — отвечает он со смехом в голосе.

— Да? С дополнительным сыром?

— Конечно, и с пивом, может быть, даже с пушистыми носками, если ты будешь достаточно быстрой.

Улыбаюсь, хотя знаю, что он говорит это для моего блага, чтобы поддержать мое

настроение и надежду.

— А как насчет массажа ног?

— Вот сейчас ты перегибаешь палку, дорогая, — вклинивается Фин, заставляя меня хихикать.

— Что-нибудь нашли? — спрашивает Тайлер, прерывая наш разговор, и мы на мгновение замолкаем.

— Ничего, туннель все еще тянется. Он идет вниз, я думаю, — пробормотала я.

— Хорошо, это хорошо... Я разотру тебе ноги, если ты поторопишься, детка, — предлагает он.

— Ну, черт возьми, считай, что я ускорила, — я ухмыляюсь, прибавляя темп.

Кален смеется позади меня, и я вскрикиваю, когда он шлепает меня.

— Не будь беспечной.

— Или что? — поддразниваю я, пока ползу. Разговор держит страх и беспокойство в узде, словно они знали, что так и будет.

— Или ты снова окажешься на коленях, — предупреждает он, и я замираю, когда понимаю, что все они слышали, что только что сказал Кален. Никто не комментирует, поэтому я продолжаю ползти, как ни в чем не бывало. Будто он не пошутил, что я сосала его член в присутствии его брата, моего бывшего и всей нашей команды.

Туннель начинает наклоняться вниз. Я закрываю рот и сосредотачиваюсь на том, чем мы занимаемся. После тех неприятностей, через которые мы уже прошли, я не собираюсь рисковать из-за одной маленькой ошибки. Это чудовище пещерной системы требует от нас полной сосредоточенности.

— Мы спускаемся. Я думаю, он увеличивается.

— Именно так она и сказала, — язвит Фин.

Я фыркаю, но продолжаю двигаться, и примерно через три-четыре метра я понимаю, что права — туннель открывается. Я не ощущаю, как камни трутся о мои бока или рюкзак, и это хорошо. Это значит, что он действительно куда-то ведет.

— Хорошо, продолжай в том же духе! — Риггс подбадривает, и я знаю, что он тоже чувствует надежду.

— Ты там в порядке, Кей? — спрашиваю я, сохраняя скорость — достаточно быстро, чтобы пройти хороший участок, но достаточно медленную, чтобы не порезаться и не упасть случайно в какую-нибудь неожиданную щель или яму.

— Просто отлично, у меня прекрасный вид на твою задницу, — замечает он, ублюдох.

— Да? Подними голову, брат, я тоже хочу посмотреть, — поддразнивает Фин.

— Вы все такие большие извращенцы, — бормочу я, несмотря на то, что улыбаюсь.

Мы продолжаем ползти, и я слушаю их перебранку, смеюсь вместе с ними, пока не останавливаюсь.

— Стой! — зову я, когда Кален почти натывается на меня.

— Черт, — восклицаю я, глядя на него. — У нас проблема.

Конец туннеля достаточно широк, чтобы можно было сесть, и, вероятно, достаточно

велик, чтобы Кален тоже смог сесть рядом со мной, но я застыла, уставившись в шок.

— Что? — кричит Риггс. — Гребаная камера вырубилась. Ладно, картинка вернулась... Святое дерьмо!

— Ага, — бормочу я, разглядывая пещеру, в которую выходит туннель. Вот только мы находимся на самом верху, почти достаточно близко, чтобы достать до потолка, а внизу — прямое отвесное падение в воду.

— Что? — огрызнулся Кален.

— Вертикальное падение, слишком высоко, чтобы нырнуть в воду внизу. Мы у потолка в пещере, и есть только один путь, — бормочу я.

— Какой? — спрашивает он, звуча тревожно.

— Свободный лаз через потолок к отверстию, которое я вижу на другой стороне, при этом устанавливая по пути закладки²⁶ и веревку.

Я слышу ругательства, когда он подходит ко мне сзади и заглядывает через плечо.

— До него должно быть двадцать метров. Это убьет наши руки, а мы и так измотаны.

— У нас нет выбора, мы не можем вернуться, — я вздыхаю, снимаю сумку и начинаю вытаскивать свое снаряжение, повернувшись в сторону. Кален проскальзывает рядом со мной, хватая меня за руки и сжимает.

— Подожди, пойду я.

— Нет. Ты тяжелее и медленнее. Я смогу добраться быстрее, и я лучший скалолаз, — рассуждаю я, не глядя на него, но когда он не отвечает, я поднимаю глаза.

Он нервно сглатывает и смотрит вдаль.

— Черт, Эндрюс, это чертовски опасно.

Я тихонько смеюсь и сжимаю его руку.

— Все, чем мы занимаемся, опасно. Это ничем не отличается, так что не начинай строить из себя пещерного человека, засранец. Единственное твое хорошее качество — способность доверять моим навыкам.

— Навыкам? — поддразнивает Фин.

— Безумные навыки, детка, ты знаешь это, — я смеюсь и подмигиваю в камеру Калена. — Я справлюсь. Если бы я не думала, что смогу, я бы и не пыталась, — признаюсь я.

Когда Кален убирает руки, я слышу, как остальные спорят, но я слишком занята подготовкой, чтобы слушать. Я креплю веревку, чтобы Кален подстраховал меня на случай падения, хотя это не помешает мне удариться о стену. Креплю шлем и альпинистское снаряжение на бедро, прежде чем попить и расслабить руки.

Я могу это сделать... Я могу это сделать...

Я солгала, я не знаю, смогу ли справиться. Мое тело устало, действительно устало, и это трудное восхождение даже для опытного, молодого альпиниста. Нет никакой гарантии, что я справлюсь — потолок может рухнуть, мои веревки могут сорваться. Может случиться все, что угодно, но у меня нет выбора. Я должна вытащить нас отсюда, и я — самый разумный и лучший вариант, и все это знают.

— Будь в безопасности, — бормочет Кален, затем колеблется, явно желая добавить что-то еще, но он знает, что все смотрят. — А, к черту, — рычит он и хватая меня за затылок, притягивая ближе и прижимаясь своими губами к моим.

Я в шоке задыхаюсь, а он поглощает меня, его язык сплетается с моим. Поцелуй жесткий и быстрый, а затем он слегка отстраняется.

— Доберись туда, принцесса, и я подарю тебе все оргазмы, какие только пожелаешь, —

пробормотал он мне в губы.

— По рукам, — я смеюсь, отворачиваясь, стараясь не показать, как сильно я взволнована и возбуждена только от одного этого проклятого поцелуя. Этот мужчина смертельно опасен для моего сердца и трусиков, и теперь я знаю, как хорошо он трахается, как он ощущается внутри меня, и я жажду этого. То, что я заперта с ним в маленьком пространстве, не помогает.

Я покрываю свои руки мелом, и тут в динамике раздается голос Тайлера, тихий и сердитый, хотя он не упоминает о том, что только что видел, как его брат целовал меня так, будто от этого зависела его жизнь. Я ничего не говорю, не зная, что сказать в любом случае.

— У тебя все получится, Пейтон. Сосредоточься. Мысленно представь себе это, — приказывает он, а затем его тон смягчается. — Нет ничего невозможного, если ты готова сделать все, чтобы осуществить это. Так сделай это, — говорит он, повторяя слова моего отца.

— Я справлюсь, — бормочу я.

— Да, ты справишься, дорогая. Покажи нам, почему ты самая лучшая, — добавляет Фин.

— Пейтон, есть оптимальный путь, если ты двинешься влево. По моим расчетам, вероятность успеха при использовании этого пути составляет девяносто процентов, — сообщает мне Риггс, утешая единственным известным ему способом — цифрами.

— Девяносто процентов? — рычит Кален.

— Девяносто процентов — это достаточно хорошо, — я ухмыляюсь, а затем протягиваю руку и хватаюсь за потолок, впиваясь пальцами в камни, а затем раскачиваюсь всем телом вперед и выхожу из туннеля. Вес тянет меня вниз, но я хриплю и начинаю подниматься, зная, что нужно двигаться быстро, пока мышцы не отказали.

Все дело в моем разуме. Все в моем разуме, повторяю я. Тело может выдержать многое, но обычно разум ломается первым. Мой не сломается.

Я доберусь и спасу нас обоих.

Стиснув зубы, я не свожу глаз с пути под руководством Риггса. Все остальные молчат, не желая отвлекать меня, а небольшое натяжение веревки Калена напоминает мне, что он все еще здесь. Я останавливаюсь и добавляю закладку, покачиваясь на одной руке, прежде чем с ворчанием продолжить путь. Черт, это тяжело. Я преодолела едва ли четверть пути, а на лбу уже выступили бисеринки пота, а руки ноют.

— Шевели задницей, Эндрюс. Это все, на что ты способна? — подначивает Кален, и его колкости заставляют меня скрежетать зубами и рваться вперед. Я знаю, что он делает это специально, но это работает.

— Вот так, Эндрюс, продолжай, блять, двигаться. Я не знаю, как ты поставила эти рекорды, ты слишком, блять, медленная, чтобы считаться лучшей.

— Пошел ты, засранец, — шиплю я, раскачиваясь и добавляя еще одну закладку.

— Если ты в состоянии говорить, то можешь карабкаться быстрее, давай! — кричит он.

С криком я перемахиваю через большой проем и устанавливаю там закладку, но мои руки начинают неметь и болеть, заставляя меня стонать.

— Пейтон? Ты в порядке? — обеспокоенно спрашивает Тайлер.

— Да, просто охуенно. Я просто решила немного повисеть, — шучу я.

Руки начинают сводить судорогой, поэтому я зарываю руки и переворачиваюсь вверх ногами, просовывая ноги в проем, чтобы хоть на мгновение снять с них вес, пока я пытаюсь

отдышаться. Черт, как же тяжело. Я хочу получить множество оргазмов за это.

— Эндрюс, поднимайся, блять, — кричит Кален. Я закрываю глаза и пытаюсь контролировать дыхание, пока он продолжает отчитывать меня. — Не заставляй меня, блять, подниматься и спасать твою задницу, словно какую-то гребаную девицу в беде, ты не такая. Тащи свою задницу через этот потолок сейчас же.

— Ладно, ладно. Гребаный засранец, — бормочу я и разворачиваюсь, прежде чем продолжить. Они все подбадривают меня, пока я поднимаюсь, и вот я уже почти на другой стороне. Адреналин переполняет меня, и я почти ничего не чувствую.

— Вот так, принцесса, так близко! Это моя девочка! — я слышу его крик, и от этого в моем животе разливается тепло, я заваливаюсь в туннель и лежу там, задыхаясь, прежде чем подняться на колени. Пока я закрепляю веревку, чтобы Кален мог перебраться, я слышу одобрительные возгласы остальных.

— Да, дорогая! — кричит Фин.

— Ты в порядке? — спрашивает Риггс.

— Молодец, детка, я знал, что ты справишься! — хвалит Тайлер.

Вытирая лицо тыльной стороной руки, я говорю:

— Твоя очередь, засранец, теперь, когда я проложила путь и облегчила тебе задачу.

Он смеется, вылезая с нашими сумками и начинает карабкаться по потолку. Он движется медленно, но уверенно, используя веревку, которую я установила, его ноги свисают под ним.

Что-то привлекает мое внимание на стене, и я наклоняюсь, чтобы лучше видеть. Похоже, камень сдвигается. Остальные все еще смеются и дразнят Калена, но я не могу отвести взгляд от серовато-черного пятна. Потом я понимаю...

Оно движется вверх.

Карабкается по стене.

Это не камень, оно живое... Это существо, монстр, что-то, что мои глаза не могут понять.

— Кален, — начинаю я, но он слишком занят подъемом. Я не свожу глаз с этого, но затем перевожу взгляд вверх, проверяя его продвижение, когда замечаю, что вся стена, кажется, движется.

Их несколько, и все они направляются к нему. Я понятия не имею, что это такое, но у меня плохое предчувствие.

— Кален!

— Что? — ворчит он.

— Двигайся быстрее, — предупреждаю я.

Он поднимает взгляд, встречается с моими глазами, а затем поворачивается, чтобы проследить за моим взглядом до стены. Я наблюдаю, как он щурится и пристально всматривается в стену.

— Что случилось, принцесса? — затем он видит это. — Что это за хрень? — кричит он.

— Я не знаю. Продолжай двигаться, просто лезь, хорошо? — кричу я, стараясь сохранять спокойствие.

Ругаясь, он ускоряет движение, пока я говорю по связи.

— Что-то движется по стене, много чего-то, вы их видите?

— Мы видим их, что это? — спрашивает Тайлер.

— Ни малейшего понятия. Кален на полпути.

— Скажи ему, чтобы он, блять, двигался быстрее, — огрызается Тайлер.

— Кей, шевели задницей! — кричу я, и он стонет, ускоряясь, изнемогая от тяжести нашего снаряжения.

Я не свожу глаз со стены, но они быстро достигают вершины, и я задыхаюсь, когда наконец-то удается хорошо рассмотреть одно... существо. Я никогда не видела ничего подобного раньше, никогда. Похоже, оно приспособилось к жизни здесь, у него нет глаз, но когда оно поворачивает свою серую, покрытую чешуей голову, я замечаю большие отверстия для ушей. Оно похоже на летучую мышь. Оно маленькое, размером с мою ногу, но все равно большое, как сукин сын. Тело летучей мыши — черно-серое, почти сливается со стеной, а на спине — крылья. У него длинные когти на вытянутых руках. По бокам выступают кости, а ноги, скрюченные и согнутые, двигают его вперед. Лицо заостренное, с маленькими губами и крошечным носом.

Честно говоря, это ужасно, нечто из фильма ужасов. Это нечто большее, чем адаптация... это межвидовое скрещивание. Как, черт возьми, оно вообще выжило здесь? В какой-то момент я думаю, что, возможно, оно просто любопытное, поскольку оно ничего не делает, просто висит там, но затем оно пронзительно кричит, издавая звук, от которого я затыкаю уши...

И оно летит.

Прямо на Калена.

— Пригнись! — кричу я. Он прижимается к стене, и существо едва пролетает мимо него, приземляясь на потолок между ним и мной. Оно висит вверх ногами, его когтистые лапы впиваются в камень, а длинные когти вонзаются в раскачивающегося Калена. Он кричит, когда оно пронзает его руку. Заметив струйку крови, я в панике оглядываюсь по сторонам в поисках чего-нибудь, что могло бы помочь.

Я нахожу несколько камней и хватаю их, а затем бросаю в существо. Оно с визгом поворачивается ко мне, а я продолжаю бросать камни. Один из них сбивает существо и оно сваливается в кромешную тьму внизу. Но когда я снова смотрю на Калена, он уже отбивается от других трех. Ему удалось достать свой нож, и он наносит им удары, когда они нападают. Твою мать.

В таком положении он не выживет. Я даже сейчас слышу скрип веревки, трущейся о камни. Схватив побольше камней, я начинаю бросать их, создавая шум. Они все поворачиваются ко мне, даже когда Кален кричит, чтобы я замолчала.

К черту.

— Эй, вы, уродливые ублюдки! Идите сюда, он вам не нужен, у меня больше мяса! Давайте, ублюдки, время кормежки в гребаном зоопарке! — кричу я, поднимая как можно больше шума.

Они разворачиваются и стайей несутся ко мне. Увернувшись и согнувшись, защищая глаза, я выхватываю нож и дико размахиваю им, пока они напирают на мою спину. Я слышу крик, и нападение стихает. Подняв голову, я наблюдаю, как Кален впадает в ярость, и существо за существом падает замертво в воду внизу. Когда он заканчивает, пыхтя и ругаясь, они обступают его с чавкающими звуками.

— Двигайся сейчас же! — кричу я.

Он бросается вперед, двигаясь быстрее, чем я когда-либо видела, пока я слежу за существами.

— Пейтон, немедленно ответь нам! — кричат парни, но я полностью сосредоточена на

этих странных, мать их, существах, стараясь защитить своего мужчину.

Затем я вижу это.

Оно бежит к нему.

— Кален! — кричу я, протягивая руку, но он слишком далеко. Он не успеет. У меня есть доля секунды, чтобы сообразить, что делать. Он не видит монстра, и оно разорвет его и убьет.

Другого выбора нет.

Я не хочу терять его снова.

Он поднимает голову и встречает мой взгляд. В эту долю секунды я замечаю ужас на его лице, когда он понимает, что я собираюсь сделать. Он пытается дотянуться до меня, остановить меня, но уже слишком поздно.

— Люблю тебя! — кричу я, делая стремительный рывок вперед, чувствуя, как его рука задевает мои волосы, когда я пролетаю мимо. С гулким грохотом я сталкиваюсь с существом, сила моего прыжка отправляет нас по спирали вниз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Кален

Это длилось всего одну секунду, но мне показалось, что прошла целая жизнь, пока я смотрел в эти изумрудные глаза, которые я знаю лучше, чем свои собственные. Она бросилась навстречу существу так легко, так самоотверженно, без раздумий.

А потом она упала.

Я достиг туннеля и уставился вниз в воду, ожидая, когда она всплывет, не в силах ответить на панические крики и вопли остальных.

— Ну же, принцесса, — шиплю я, мое сердце разрывается, тело дрожит от страха.

Я думал, что познал ужас, когда столкнулся со своими врагами. Я думал, что познал ужас, когда вернулся домой, а там все было по-прежнему, и я не мог вписаться в общество — или когда потерял ее. Но все это меркнет по сравнению с тем, как я жду, когда она появится вновь. Это страх, ужас, и он полностью меня замораживает.

Я жду.

И жду.

— Кален, ответь мне, блять, немедленно! — раздается неистовый крик.

— Ее нет, — шепчу я. — Она... она упала.

— Что? — кричит он, и я слышу остальных.

— Она упала, она упала, — повторяю я, и когда вижу, что вода внизу становится красной, меня выворачивает. Нет, нет — ни единого гребаного шанса! Я готов броситься в воду, но Тайлер останавливает меня.

— Нет! Смотри, там течение! Ее вынесет в другое место. Твой лучший вариант — идти по туннелю прямо сейчас! Найти ее! — кричит он. — Кален, ты должен двигаться. Они снова приближаются, брат. Я знаю... знаю, но ты должен двигаться.

— Я не могу оставить ее! — возражаю я, мое сердце разрывается. Мой разум мечется между тем, чего бы хотела она, и тем, что хочу сделать я.

— Ты должен, понимаешь? Мне нужно, чтобы ты продолжал двигаться, чтобы ты смог найти ее снова. Если ты нырнешь туда, ты можешь умереть, и тогда мы потеряем вас обоих. Ты один там, брат, единственный, кто может ее спасти. Я-я доверяю тебе спасти нашу девочку.

Я колеблюсь, но крик заставляет меня посмотреть вверх. Тайлер прав — они снова идут за мной. Бросаю взгляд на воду, которая красная от крови, но я не знаю, ее это или существ, и он прав. Течение идет в ту сторону, где находится туннель, поэтому они должны пересечься. Должны.

— Я иду, принцесса! Держись! — кричу я, прежде чем повернуться и поползти по туннелю, мое сердце колотится. Позади меня раздается шум крыльев, но они, похоже, не решаются пройти через дыру.

— Я иду, я иду, — повторяю я, чтобы не останавливаться. Она не мертва. Она не может умереть. Пейтон Эндрюс не может быть мертва.

Она сука, она безрассудна и глупа, иногда она эгоистична, но ее не так легко убить.

— Брат, — сокрушенно прохрипел Тайлер. — Пожалуйста, пожалуйста, верни ее.

Я знаю, что это единственная слабость, которую он позволяет себе. Должно быть, его убивает то, что его здесь нет. Чтобы спасти ее. Чтобы защитить ее. Есть только я. Все зависит от меня. Я не могу ничего сказать, не могу... Он любит ее. Он всегда любил ее, и они должны быть вместе.

Итак, каким боком это касается меня?

Она сказала, что любит меня прямо перед тем, как упала. Я слышал это... А он? Что это вообще значит?

Ничего, — понимаю я, — если не смогу вернуть ее. Я ускоряюсь, не обращая внимания на то, как безрассудно я двигаюсь по туннелю. Она — это все, что имеет значение. Даже если мне придется разнести все это гребаное место, я найду ее.

Даже в бездне.

ПЕЙТОН

Я просыпаюсь холодная, мокрая и в крови. Блестяще.

Что, черт возьми, произошло? Голова затуманена, но, к счастью, вода, в которой я лежу, мелкая и держит меня на плаву. Вздохнув, я сажусь, но вздрагиваю от резкого движения и закрываю глаза, держась за голову. Ужасная боль заставляет меня стонать. Срань господня, это хуже, чем тот раз, когда Фин сварил домашнюю водку.

Как только боль стихает и я могу открыть глаза, я поднимаюсь на колени и осматриваюсь. Мое плечо дергается, и я смотрю вниз, замечая, что оно висит под странным углом.

Блять.

Моя рука вывихнута. Здесь нет никого, кроме меня, половина моего снаряжения отсутствует или сломана, и в таком состоянии я не смогу ни плавать, ни лазать. Закрыв на мгновение глаза, я готовлюсь к тому, что придется сделать дальше. Я хватаю руку, зажимаю, а затем резким рывком вправляю на место. От боли я прикусываю губу так сильно, что чувствую вкус крови, но когда она рассеивается, становится легче. Шевеля пальцами, я проверяю подвижность. Немного болит, но не настолько, чтобы остановить меня. Бывало и хуже.

Я проверяю остальные части тела, шевеля пальцами рук и ног. У меня несколько шишек и царапин. Худшее — голова, но мне повезло, что я ничего не сломала.

Это было адское падение.

Рядом со мной плавает моя сумка. Должно быть, я сорвала ее с веревки, когда падала. Схватив фонарик, я включаю его. Многие уцелело в сумке, хвала небесам, но у меня нет снаряжения для дайвинга, только запасной баллон с воздухом. Я могу дышать из него в экстренных случаях, но кроме этого — ничего. Мои мысли мгновенно переключаются на моего партнера по погружению.

Надеюсь, с Каленом все в порядке. Я смотрю вверх, но потолок черный. Похоже, поток воды хлынул в другую часть пещеры и забрал меня с собой. Остается надеяться, что эти монстры-летучие мыши не здесь. На всякий случай я снимаю нож с пояса и тихо опускаюсь на колени в воду. Волны отходят от меня, и я хмурюсь, когда слышу всплеск.

Будто что-то падает в воду...

Это может быть камень, но может быть и одно из этих существ. Черт, наверное, я видела их раньше, когда ныряла. Как давно они здесь обитают? Чем они вообще питаются... черт, скелет!

Не-а, пожалуйста, скажите мне, что эти жуткие летающие ублюдки никого не сожрали.

Снова раздается звук «плюх», на этот раз громче, и я задерживаю дыхание, стараясь не шуметь. Они ориентируются на звук, это очевидно, возможно, даже на запах. Что-то проплывает мимо меня, и я смотрю на это широкими глазами, мой фонарик освещает темную форму в воде.

Не двигаюсь, пока оно не проплывет мимо, а потом делаю неглубокий вдох. *Думай, Эндрюс.* Голос Калена эхом отдается в моей голове, заставляя мое сердце болеть. Черт, я очень надеюсь, что с ним все в порядке. Я даже не думала прежде чем прыгнуть, я просто увидела его в беде и должна была помочь. Независимо от того, как сильно он меня ненавидит, он все еще моя семья, и я сделаю для него все что угодно.

Даже умру.

Но теперь я осталась одна, окруженная чудовищными тварями в подземных недрах земли. Что за дерьмовое шоу. Не двигаясь, на случай, если оно все еще близко, я освещаю пространство вокруг, задерживаясь взглядом на низком скальном образовании дальше в той части, где я нахожусь — может быть, это суша?

Ладно, пора двигаться, Эндрюс.

Нервно сглатывая, я держу нож наготове, а глаза начеку, медленно пробираясь к скале, но почти на полпути я слышу визг за мгновение до того, как одна из этих тварей пикирует на меня с потолка. Меня бросает под воду, фонарь выскальзывает из руки. Пытаясь сохранять ровное дыхание, я поворачиваю голову и блокирую рукой острые зубы и когти, но почти кричу, когда чувствую, как когти вонзаются в мой бок.

Черт.

Ублюдок. Я дико размахиваю ножом, не имея возможности видеть в темной воде, но мы погружаемся все глубже и глубже, его вес тянет нас вниз, в черную пустоту. Я бью ножом и режу, и слышу его крик, прежде чем оно внезапно разжимает когти.

Я не теряю времени.

Я плыву вверх, отталкиваясь ногами и используя руки, чувствуя, как моя кровь загрязняет воду. Свет далеко вверху, мои легкие кричат, потому что я не успела сделать полный вдох перед тем, как уйти под воду.

Я бью ногами сильнее, выныривая на поверхность в тот самый момент, когда чувствую, что мои легкие вот-вот лопнут. Втягивая воздух, я оглядываюсь вокруг. Я не вижу других, так что, может быть, это мог быть только один? Я замечаю свой фонарь возле скал и ныряю под воду, чтобы доплыть до него, зная, что здесь будет тише, если только они не затаились на дне. У меня ужасное ощущение, что подо мной что-то есть, но я не смотрю, я сосредотачиваюсь и продолжаю плыть, пока не достигаю своего фонаря. Я хватаю его, а вода становится достаточно мелкой, чтобы я могла снова сесть.

Облизывая губы и тяжело дыша, я освещаю камни. Отсюда мало что видно, поэтому, набравшись храбрости, я забираюсь на выступ, приседаю на краю и замираю. Здесь широкое пространство, простирающееся до заднего свода пещеры, и оно заполнено существами.

Черт, да это же их гребаная спальная зона. Должно быть, сотни из них свернулись калачиком и дремлют, издавая тонкий, пронзительный храп. Я озираюсь, не зная, что, черт

возьми, делать. Я могу справиться с одним, может быть, с двумя, но с таким количеством? Они разорвут меня на части в считанные секунды. Я подумываю вернуться в воду и нырнуть, чтобы найти другой путь, когда замечаю его.

Туннель.

Он прямо за ними, конечно же. Похоже, это мой единственный выход. Ладно, я справлюсь. Быстро подбадриваю себя, прежде чем медленно потянуть за собой сумку. Я перевязываю порезы, заглушая запах крови, затем закрываю сумку и закидываю на плечи, все время наблюдая за существами.

Ладно, я должна вести себя тихо.

Поднявшись на ноги, я пытаюсь найти лучший маршрут к туннелю. Медленно ступая, я освещаю путь фонарём. Я стараюсь не спешить, избегая спящих существ, но когда я в следующий момент опускаю ногу, камни под ней хрустят. Я останавливаюсь, мои глаза расширяются, когда они начинают шевелиться.

Черт!

Я бросаюсь к краю скалы и стремительно ныряю в воду, не желая рисковать. Они визжат и разлетаются, но я остаюсь под водой, держа глаза открытыми, фонарь включенным, а нож наготове. Однако они, похоже, не знают, где я, и я знаю, что могу оставаться внизу по крайней мере одиннадцать минут, поэтому я расслабляюсь и жду.

Постепенно визг прекращается. Я слышу хлопанье крыльев, и как раз когда у меня начинает заканчиваться воздух, все стихает. Я жду еще немного, прежде чем всплыть. Едва достигнув поверхности, я оглядываюсь вокруг, проверяя, где они все. Когда ничего не происходит, я подплываю к скале и бесшумно взбираюсь наверх. Этот туннель — мой выход, и я доберусь до него.

Скала уже наполовину пуста. Я не знаю, куда делись остальные, но для меня так даже лучше. Но на этот раз я пригибаюсь и почти скольжу ногами по скале, делая длинные шаги, почти перепрыгивая через нее. Чем быстрее, тем лучше. Я не решаюсь привязать фонарик к поясу, чтобы он не задел скалу, и мне нужно убедиться, что я крепко держу баллон с воздухом, чтобы он тоже не задевал стену. На протяжении всего времени я понимаю, насколько я уязвима, из-за чего мое сердце бьется так громко, что я удивляюсь, как они его не слышат. Я стараюсь не подходить к ним слишком близко, чтобы они не учуяли запах моей крови, но когда мне каким-то образом удается пробраться к каналу, я замечаю большого ублюдка прямо перед входом.

Конечно.

Поджав губы, я задерживаю дыхание, поднимаю ногу и переставляю ее с другой стороны его тела, но он большой, поэтому мне приходится перепрыгивать через него. Я приземляюсь с другой стороны и подаюсь вперед, размахивая руками, едва не ударяясь о стену. Мне удается устоять и замереть, однако ничего не происходит, поэтому я бросаюсь в туннель и начинаю торопливо ползти, наконец-то выпустив дыхание.

Никогда не думала, что скажу подобное, но я ненавижу эту гребаную пещеру.

Примерно через два часа я дохожу до поворота в туннеле. Чувствуя себя в безопасности,

я ставлю фонарь на небольшой уступ в скале и достаю свою сумку, потягивая воду, прежде чем обнажить бок и осмотреть рану. Из трех длинных когтеобразных порезов все еще сочится кровь. Ну, думаю, это всего лишь новые шрамы, доказывающие, что я выжила. Я почти смеюсь над этим.

Нет, я не схожу с ума.

Я съедаю что-то небольшое и снова прикрываю рану, с шипением перевязывая ее. Пока я упаковываю сумку, до меня доносится шум, я замираю и поворачиваю голову. Я замечаю его почти слишком поздно. Одна из тварей ползет с того направления, откуда я пришла. Прижавшись к стене, я задерживаю дыхание, когда оно практически останавливается передо мной, скребя когтями по земле. Не сводя глаз с монстра, я опускаю взгляд вниз, пытаюсь найти свой нож.

Черт, я положила его рядом с фонарем. Я приближаюсь к нему, но оно приплюхивается к воздуху, и я останавливаюсь. Оно поднимает голову, его носовые отверстия резко расширяются, и оно поворачивает голову, будто пытается увидеть меня. Блять, кровь! На полу лежит полоска ткани, которой я закрывала рану, и на ней кровь.

Оно визжит и пикирует на ткань в шквале крыльев и когтей, и у меня нет выбора, кроме как прижаться к стене и переждать. Проходит всего пара минут, но кажется, что прошла целая вечность, прежде чем оно наконец двинулось дальше. Я вздыхаю, но не двигаюсь с места на случай, если оно находится где-то поблизости.

Через несколько минут я подхватила свою сумку, фонарь и нож и двинулась в путь. Мне нужно разыскать остальных. Здесь должен быть туннель, ведущий к одному из тех, которые мы исследовали. Наверняка они думают, что произошло что-то ужасное. Надеюсь, они не сходят с ума.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

РИГГС

— Я иду, и дело с концом, — рычу я, сцепившись с Тайлером.

Его глаза сужаются, и я уворачиваюсь от его удара. Фин встает между нами, хватая нас обоих за футболки, пока мы пыхтим.

— Вы двое, блять, прекратите! У нас есть дела поважнее этого. Наша девочка там, возможно, ранена, возможно, напугана, так что завязывайте с этим. Мы все идем. Мы вытащим нашего брата, найдем нашу девочку и свалим из этой сраной тупой пещерной системы, а потом я проведу с ней в постели как минимум две недели. У кого-нибудь есть ебаные проблемы с этим? Я не против ударить вас по члену! — предупреждает он, сверкая глазами.

Тайлер хмурится на него, готовый снова начать орать, когда Майкл кричит.

— Вы все прекратите это? Единственная семья, которая у меня есть, пропала, а пещеры, в которых мы находимся, кишат людоедскими тварями. Собери все свое дерьмо в кучу и начни вести себя как гребаный лидер! — кричит он, его голос гремит вокруг нас. — Мы остаемся, а вы, ребята, идите. Вы найдете мою Минноу и вернете ее обратно. Работайте вместе и разберитесь с этим дерьмом. У кого-нибудь есть гребаные проблемы с этим? — рычит он, оглядывая нас.

В ярости я вырываюсь из рук Фина и запихиваю вещи в сумку, но под этим гневом скрывается страх. Страх, что мы не найдем Пей, что ее нет в живых. Что она умерла в одиночестве и страхе. Я ненавижу себя. Я должен был быть рядом с ней. Я должен был поцеловать ее, сказать, что люблю ее, и простить, а не быть застенчивым гребаным мудаком. В моей голове постоянно прокручивается статистика, и ни одна из них не успокаивает, поэтому я игнорирую все мысли и сосредотачиваюсь на подсчете своих припасов и перепроверке всего.

Все молчат, пока мы собираемся, готовые отправиться за ними. Майкл следит за Каленом и держит его в курсе событий, а мы отправляемся за ними, особенно за Пей. Мне плевать на каких-то летучих мышей. С тем, как я настроен, я убью их всех.

— Риггс, — Тайлер вздыхает и подходит ко мне. Я скриплю зубами, но поднимаю глаза и вижу, что выражение его лица потерянное и смиренное. Он сглатывает и отводит взгляд.

— Я... я не могу потерять ее, — шепчет он.

— Я знаю, — отвечаю я, но впервые я произношу слова, на которые раньше не решался. — Никто из нас не может, разве ты не видишь этого? Перестань быть таким эгоистом. Мы все любим ее, и сейчас нам всем страшно, но спорами делу не поможешь. Мы должны работать быстро и упорно, и тогда у нас будет шанс найти ее. Майкл прав — соберись. Ты наш лидер, так веди, — огрызаюсь я, хватаю маску и ухожу.

Фин шагает рядом со мной, насвистывая.

— Черт возьми. Добро пожаловать на вечеринку, Риггс, вот твоя мужская карта.

Я закатываю глаза, даже когда улыбка искривляет мои губы.

— Мы... мы найдем ее, не так ли? — спрашивает он, когда мы доходим до бассейна. Я сглатываю и поднимаю на него глаза.

— Мы должны, — отвечаю я, не упоминая о вероятности того, что мы никогда ее не найдем. Мы не исследовали и половины этой системы. Она может быть где угодно, и то падение... Не говоря уже о нападении.

Если она выжила, это чудо, — но я никогда не откажусь от нее. Я найду ее и больше никогда не отпущу.

— Риггс, — окликает Фин и хватается меня за плечо, заглядывая в глаза.

— Она знает, — бормочет он.

— Она знает? — спрашиваю я. — Как?

Он усмехается.

— Не все так плохо разбираются в людях, как ты. Она знает, что мы любим ее, поэтому она и ушла, но теперь она вернулась, ясно? Что такого в нескольких существах, пожирающих мужчин и женщин? — он подмигивает, а затем мы оба замолкаем, когда Тайлер направляется к нам, готовый к погружению.

Прежде чем мы заходим в воду, он поворачивается к нам, выражение его лица спокойное, и кажется, что он снова контролирует себя. Спасибо, черт возьми. Кален — единственная королева драмы, в которой мы нуждаемся.

— Мне жаль, — говорит он. — Мне не следовало набрасываться на тебя. Я знаю, мы все волнуемся.

— Тай, чувак, мы все понимаем. Тебе не нужно извиняться. Семья навсегда, — говорит Фин, и Тайлер улыбается.

Тайлер собирается уйти, но вдруг останавливается.

— Нам придется поговорить о... другом позже.

— Ты имеешь в виду тот факт, что мы все влюблены в одну и ту же женщину? — Фин смеется. — Я не вижу в этом проблемы. В любом случае, Пейтон слишком много для одного мужчины.

— Фин прав, и, честно говоря, мы все тогда были почти в отношениях, только без... физических аспектов. Ты должен это понимать, Тай, — рассуждаю я.

Он кивает, а потом трет лицо.

— Черт, я думал, что достаточно плохо, что мой брат любит ее, но вы, два придурка, тоже? Черт, это так странно. Ладно, давайте сначала найдем ее, а потом разберемся с этим.

— Но... ты не ненавидишь нас? — спрашиваю я, с тревогой в голосе.

Он бросает на меня взгляд и улыбается.

— Брат, я бы никогда не смог вас ненавидеть, и, наверное, в глубине души я всегда все знал. Это странно, скажу тебе. Возможно, я и ревнивый мудака, но, честно говоря? Это не

беспокоит меня так сильно, как я думал, — он отворачивается, и мы с Финном обмениваемся взглядами.

Неужели Тайлер только что разрешил нам любить его девушку?

КАЛЕН

Крики стихли мило назад, когда им не удалось пройти через туннель на этом участке, но я продолжаю двигаться, не давая себе времени на раздумья. Моя закалка, приобретенная в армии, пригодилась. Крик Пейтон все еще стоит в моих ушах, но я использую его, позволяя ему подпитывать меня и толкать вперед. Моя цель — найти ее. Мои ноги и ступни кровоточат от их когтей, боль пронизывает меня с каждым новым шагом, но мне плевать.

Бывало и хуже — не физически, а эмоционально, когда я потерял свою принцессу в первый раз. Я не собираюсь терять ее снова. Физическая боль — ничто по сравнению с этим.

— Ты все еще там, засранец? — спрашивает Майкл.

— Да, — огрызаюсь я.

— Хорошо, не умирай. Мне бы не хотелось говорить Пейтон, что это не я убил тебя, — он смеется, а я закатываю глаза. Я понимаю, почему он ей нравится, черт, я даже могу по достоинству оценить его честность. — Твои друзья только что вошли. Они собираются двигаться медленно и посмотреть, смогут ли они найти ее, так что просто продолжай двигаться. Я здесь, с тобой.

— Утешительно, — бормочу я, заставляя его снова хихикать.

— Неужели благодаря такому отношению ты нравишься Пейтон? — с любопытством спрашивает он.

— Ей все равно, она любит спорить со мной, — говорю я ему, не зная почему.

— Не сомневаюсь. Эта девчонка любит хорошую драку, но вот тебе идея, ловкач, может, попробуешь хоть раз быть милым с ней, — предлагает он.

— Заткнись, старик, — насмехаюсь я, поворачивая за угол.

— Просто говорю, сынок, хочешь удержать свою девушку? Подари ей цветы, назови ее красивой, купи закусок и время от времени поглаживай ей спинку. Возможно, ей нравится вся эта мудацкая фигня, но это не значит, что она хочет этого постоянно.

— О Боже, как, блять, мне тебя заткнуть?

— Кроме того, если ты снова обидишь ее, можешь не беспокоиться о тех маленьких ублюдках, которые там с тобой. Я сам разорву тебя на части, понял?

Свесив голову, я застонал.

— Черт, давай поговорим о чем-нибудь другом, например, о том, как вы познакомились, — отчаянно говорю я, пытаюсь остановить его от погружения в наши с Пейтон отношения.

— Она нашла меня пьяным в стельку и в отключке, предложила мне работу. Сказала, что если я хочу ее получить, то должен протрезветь и прийти в доки на следующее утро. Я пришел, не знаю почему, но с тех пор я никогда не оглядывался назад, — делится он, и в его

голосе явно сквозит любовь. — Она спасла меня.

— Ага, она умеет это делать, — бормочу я. Я почти удерживаюсь от того, чтобы спросить, но ведь никто больше не может меня услышать. — Она когда-нибудь говорила о нас?

— Нет, думаю, это слишком ранило ее, — отвечает он.

Мое сердце щемит при этих словах, когда я перелезаю через завал и продолжаю ползти, не обращая внимания на боль и усталость.

— Но ведь она была в порядке, правда?

— Честно, сынок? У нее было разбито сердце. Она просто выживала, переходила от погружения к погружению и искала острых ощущений, чтобы не чувствовать. Я знаю, как выглядит разбитое сердце, думаешь, почему я начал пить? Она была так чертовски сломлена. Но она справилась, продолжала жить и устроила свою жизнь, но я не хочу, чтобы ей снова было больно. Она наконец-то начала улыбаться и смеяться, так что не делай ей больно.

Я сглатываю и на мгновение прикрываю глаза.

— Я не хочу, — признаю я.

— Она когда-нибудь рассказывала тебе мою историю? — спрашивает он.

— Нет, — ворчу я.

— Моя семья погибла в результате несчастного случая, дурацкой гребаной автокатастрофы. Авария одновременно забрала мою маленькую дочку и мою жену. Она была беременна нашим вторым ребенком. Я был так чертовски рад снова стать папой, а потом их просто не стало. Я не мог функционировать, не мог дышать. Даже пытался покончить с собой, но не смог довести дело до конца. Тогда я попытался напиться до смерти. Я многое повидал в этом мире и знаю, до каких глубин тьмы можно опуститься, но если ты дашь этой девушке хоть полшанса, она прольет свет в этот мрак и спасет тебя. Мой совет? Не отпускай ее больше. Если бы у меня была хоть какая-то возможность снова обнять своих девочек, хотя бы на секунду... увидеть их лица, их улыбки, — нет ничего, чего бы я не сделал. Ничего. Не дай ей уйти, или будешь жалеть об этом всю жизнь и закончишь, как я — старым, измызганным, пьяным моряком.

До меня доносится шум, и я ругаюсь, двигаясь быстрее. Его слова не выходят у меня из головы. Я не думаю, что смогу позволить ей снова уйти, но прав ли он? Способна ли она освободить меня от демонов в моей душе? От крови на моих руках? От кошмаров, которые мучают меня? И если да, то не погублю ли я ее всей этой тьмой?

Разве мне не все равно?

Нет, потому что Пейтон Эндрюс — любовь всей моей жизни, и даже если это эгоистично и неправильно, я никогда снова не останусь без нее, даже ради того, чтобы спасти ее от меня.

От этой мысли я удваиваю усилия, чтобы выбраться из этого гребаного туннеля и найти ее. Повернув голову, я замечаю одного из маленьких засранцев позади себя. Да пошло оно все. Я вижу свет впереди и выпрыгиваю из туннеля, тяжело приземляясь на камни внизу. Перекатившись, я выхватываю нож, и когда тварь с визгом вылетает из туннеля, я резко подпрыгиваю и нападаю на нее в воздухе, перерезая горло. Кровь заливает мое лицо, и мы падаем на землю. Задыхаясь, я поднимаюсь на ноги, смотрю на маленького ублюдка и сплевываю.

— Теперь не такой уж и крутой, да? — я смеюсь и оглядываюсь по сторонам.

Я нахожусь в какой-то пещере. Она маленькая, кольцевая и ведет вниз к тому, что

выглядит как погруженная в воду область. Черт. Я ищу любой другой выход, но когда слышу визг, доносящийся из туннеля, из которого я вышел, останавливаюсь у воды.

Надеюсь, Пей там внизу. Я ныряю, надеваю маску под водой и включаю фонарь, держа нож в руке, пока опускаюсь все глубже и глубже, огибая сталагмиты. Это не просто проход, это целая подводная пещера.

Я плыву вплотную к полу, чтобы на меня никто не мог напасть снизу. Потолок высокий, я могу видеть его отсюда. Комната вращается и вращается, пока я плыву. Я слышу, как что-то вошло в воду вместе со мной, и поворачиваюсь взглянуть. Они легко рассекают воду, направляясь прямо ко мне. Очевидно, они слышат мой регулятор.

Их трое. Если я продолжу плыть, они окружат меня и нападут сзади. Нет, я должен убить их, тогда этих ублюдков станет меньше, способных причинить вред моей девочке.

У меня нет выбора. Я оглядываюсь вокруг и быстро разрабатываю план. Я прячусь за сталагмитами, используя их как щит. Они разделяются, и я выплываю, наношу удар одному, затем скольжу по скале и преследую другого. Он поворачивается, нанося удары, и мне приходится отклониться назад, но я ловлю его крыло и разрываю на куски. Когда я оборачиваюсь, третий уже настигает меня. Его морда с клювом врезается в мою маску, раскалывая ее. Я борюсь, взбаламучивая воду вокруг нас, и ил затрудняет видимость, пока мы боремся.

Я хриплю, когда оно вонзает когти в мое плечо, но мне удается просунуть свой нож между нами и вонзить в тварь. С криком оно отшатывается, и кровь окрашивает воду, делая ее непроглядной. Я отплываю подальше и жду, но за мной ничего не следует, поэтому я поворачиваюсь и продолжаю двигаться в том направлении, куда собирался.

— Ты в порядке? — спрашивает Майкл.

— В порядке. Есть что-нибудь от ребят или Пейтон? — я ворчу, игнорируя боль в плече.

— От Пейтон ничего. Ребята осматривают первый туннель, проверяют все. Просто продолжай двигаться, — отвечает Майкл.

Я так и делаю, единственная моя мысль — о моей девочке. Пусть меня окружают враги, пусть я не знаю, где нахожусь, пусть мне грозит смерть, но все это не имеет значения, лишь бы я добрался до нее.

У-блять-раа²⁷.

ПЕЙТОН

Пещерная система больше, чем мы могли себе представить. В обычной ситуации это было бы хорошо, но когда ты отрезан от мира и пытаешься найти остальных членов своей команды, это уже не так весело. Или когда тебя преследуют странные пещерные существа, которые хотят тебя съесть, причем не в хорошем смысле.

Создается впечатление, что прошли дни, хотя на самом деле прошло всего несколько часов, но мое тело истощено, и я изнемогаю от потери крови. Руки болят, плечо раскалывается как сукин сын, ноги тоже, но я продолжаю двигаться, держа нож наготове на случай, если кто-нибудь из существ выскочит на меня. Я не могу терять надежду, я должна вернуться к своим парням, а затем мы должны выбраться отсюда.

Некоторые места лучше никогда не исследовать, и это одно из них.

Я думала, что это погружение будет ради моей жизни, и как же я была права. Я готова рискнуть всем, чтобы спасти их — мое сердце, мой рассудок и мою жизнь. Но сначала мне необходимо найти Калена, пока это не сделали существа. Я веду себя тихо и работаю быстро, легко адаптируюсь, как и они. Может, они и охотятся на меня, но я тоже охочусь на них.

Я дохожу до обрыва в туннеле, и единственный путь — вверх, поэтому я зажимаю нож в зубах и начинаю лезть без всякого снаряжения. Зубы стиснуты, руки напряжены, но я карабкаюсь вверх, не позволяя боли одолеть меня. Я думаю только о своей семье, которая где-то в этих пещерах, возможно, в поисках меня. Это помогает мне добраться до вершины и туннеля. Задыхаясь, я смотрю вниз на сорокаметровый склон.

— Проще простого, — бормочу я, недовольно фыркая.

Может, эти твари и живут здесь годами, но они никогда не встречали Пейтон, мать вашу, Эндрюс.

Освещая туннель фонариком, я бросаюсь в пещеру к поджидающим меня монстрам в поисках моих мужчин.

Пицца, бургеры, пиво, постель...

Я мысленно перечисляю все вещи, по которым скучаю. Это поддерживает меня, даже когда накатывает усталость. Погружение и так уже выжало из меня много сил, не говоря уже о восхождении и выживании. Я хочу остановиться, поспать, но не могу, не в одиночестве. Они могут найти меня, и я никак не могу вести себя как тупая сука из фильма ужасов, которая только и ждет, чтобы ее убили.

Голова опущена, рот беззвучно произносит слова, я продвигаюсь вперед по нескончаемому туннелю, пока он не начинает подниматься вверх. Я останавливаюсь, прислоняюсь спиной к стене и просто пережидаю минуту, потягивая воду и делая небольшой перерыв, пока я освещаю фонарем дорогу вверх. Туннель абсолютно вертикальный, но куда он ведет? Думаю, есть только один способ узнать, и я ни за что не поверну назад.

Усилим воли я заставляю себя начать двигаться, зная, что если буду сидеть слишком долго, это даст им больше времени, чтобы найти меня, а также вызовет спазмы в ногах и теле.

Продолжай двигаться, еще один подъем. Еще один туннель. Еще один вдох. Еще одна гребаная минута навстречу им.

Прижимаясь спиной к стене, я упираюсь руками в противоположную стену, подтягиваюсь и шаркаю по ней, подталкивая себя ногами. Дело идет медленно, но я просто смотрю вверх, а не вниз, и продолжаю гребаное продвижение.

Я думаю обо всем, что хочу им сказать, обо всем, что жалею, что не сказала. Может, если бы я с самого начала была честна, нас бы здесь не было. Это не моя вина, что я влюбилась в каждого из них. Человеческое сердце создано для любви, и оно достаточно велико для нескольких человек. Неужели это настолько неправильно? Почему так важно, кого я люблю? Мужчину, женщину, жидкость? До тех пор, пока это делает меня счастливой, почему это должно волновать кого-то еще?

Так я отвлекаю себя, размышляя о том, что значит любить четырех мужчин. Если я найду их снова, я расскажу им всю правду. Если они не смогут с этим справиться, тогда ладно, но с меня хватит лжи. Мне надоело разбивать свое собственное сердце, лишь бы защитить их.

Я поступила так, когда ушла. Я думала, что защищаю их, но, повзрослев и все обдумав, я поняла, что, возможно, поступила так из-за страха. Как они и сказали, я боялась того, что чувствовала, и того, что мне придется отвечать за свои чувства. Возможно, дело было и в том, и в другом, но я не могу изменить то, что произошло, мне просто нужно извлечь из этого уроки и в будущем поступать лучше.

В отношениях такого рода мы должны быть открытыми и честными. Честность так чертовски важна, и я устала от того, что моя душа отягощена ложью. Я должна сделать себя слабой, уязвимой и открытой для них. Прижавшись лбом к стене, я делаю глубокий вдох, пытаюсь побороть усталость в теле.

Давай, принцесса. Слышу, как Кален призывает меня, и у меня на глаза наворачиваются слезы.

Пошевеливайся, детка.

Ты слышала его, Пей, — поддразнивает Фин.

Вероятность выживания на твоих пайках сейчас шестьдесят процентов, так что двигайся, пока они не кончились, — добавляет Риггс в моем сознании.

Я независима, мне нравится быть одной, и я так долго сталкивалась с неизвестностью в одиночку, но сейчас я готова на все, лишь бы они были здесь, со мной.

На мгновение я просто позволяю мыслям о них поглотить меня, пока не ощущаю их присутствие — смех Тайлера, язвительность Калена, флирт Фина и комфорт Риггса.

Это дает мне мотивацию, необходимую для продвижения вперед.

Толкаясь и подтягиваясь, ритм движений погружает меня в транс, и не успеваю оглянуться, как оказываюсь на вершине. Слева и справа есть туннели. Черт, который из них?

Выбери, Эндрюс.

Левый кажется меньше, а правый изгибается вниз... может, в пещеру, туда, откуда я пришла, или к какому-то отвратительному существу, но кто знает? Я выбираю, и иду направо. Поднимаясь на ноги, я стону от боли, когда камни задевают порезы на животе. Стиснув зубы, я вытаскиваю нож и снова начинаю ползти. Меня охватывает внезапный прилив энергии, и я преодолеваю расстояние в два раза быстрее, чем раньше.

Туннель изгибается вниз, и я продолжаю идти, хватаясь и продираясь сквозь отверстие. Я чувствую поток воздуха на своем лице, и это должно быть моим первым предупреждением, но я виню свое истощение. Нужна всего лишь одна ошибка.

И я ее совершаю.

Туннель не просто изгибается, он обрывается прямо в яму с водой. Я срываюсь с края, пытаюсь удержаться пальцами.

Но слишком поздно. Я пытаюсь удержаться, но стены скользкие, поэтому, чтобы не пораниться и не сломать пальцы, пытаюсь повиснуть на скале, я зажимаю нос одной рукой и позволяю себе рухнуть в воду ногами вперед. Я погружаюсь в нее с плеском, и она бурлит вокруг меня, прежде чем я выныриваю на поверхность. Задыхаясь, я быстро осматриваюсь.

Вода здесь ледяная, действительно чертовски холодная, и переход из сухого состояния в мокрое приводит мое тело в состояние шока. Я дрожу, а это нехороший знак. Мне нужно выбраться из воды и немного согреться. Гипотермия²⁸ здесь, внизу, была бы смертельной. Я ныряю под воду и плыву, отыскивая выход, и нахожу его на самом краю дна. Там глубоко, поэтому я возвращаюсь на поверхность и делаю несколько глубоких вдохов.

Возможно, придется плыть под водой очень долго, а у меня нет никакого снаряжения, кроме баллона, так что, похоже, придется просто задержать дыхание и надеяться на лучшее. В этом есть свой риск, но это мой единственный вариант, и, поскольку мое тело готовится отключиться, сейчас или никогда.

Сделав глубокий вдох, я ныряю вниз, пытаюсь продержаться без баллона как можно дольше. Я быстро проплываю в туннель, который кажется мне лабиринтом. Я лавирую вокруг камней, дыр и пропастей, и примерно через пятьдесят метров мне приходится начать использовать баллон. Я знаю, что он не будет служить вечно, но я сохраняю спокойствие и ищу другой туннель или пещеру.

Я плыву.

И плыву.

И плыву.

Пока не нахожу один, как раз когда баллон почти опустошается. Он находится примерно в шестидесяти²⁹ футах передо мной, и из него льется свет. Я делаю последний

затяжной вдох, опустошая баллон, и отпускаю его на песчаное дно внизу. Используя руки, я двигаюсь вперед, мои легкие кричат, а тело болит. Глаза слезятся, и я почти ничего не вижу, но продолжаю плыть прямо на свет.

И выплываю с другой стороны.

ТАЙЛЕР

Мы медленно продвигаемся по туннелям, хотя уже проходили через них раньше. Мы знаем, что здесь что-то скрывается, и нам также нужно проверить каждую трещину и вход, чтобы не пропустить Пейтон или какие-либо другие признаки жизни. У нас уходит несколько часов, чтобы добраться до полностью затопленной пещеры, и, оказавшись там, мы разделяемся, обыскивая некоторые туннели.

В этот момент включается микрофон, и мое сердце подскакивает.

— Давайте к пещере, которую мы исключили как продвинутую базу! Сейчас же! — кричит Фин.

Я мчусь туда, плывя так быстро, как только могу, и опережаю Риггса, который находится прямо за мной. Сорвав маску, я поднимаюсь и вылезая из воды, но мое сердце замирает, когда я вижу Калена. Меня тут же охватывает чувство вины. Я счастлив, что мы нашли его, но это также означает, что он не нашел Пейтон, и теперь она там совсем одна... если вообще одна.

— Вы не выглядите слишком счастливыми, ублюдки, — рычит Кален, заставляя нас всех смеяться. — Я знаю, что я не такой красивый, но, черт возьми.

Фин приседает рядом с ним, а я подхожу и смотрю, как он перевязывает рану на плече Калена.

— Ты в порядке, брат? — спрашиваю я.

Он кивает, оглядываясь на меня, его лицо опускается.

— Пейтон?

Я качаю головой, и его глаза на мгновение закрываются. Я знаю, что он винит себя, поэтому я приседаю, а Фин отходит. Схватив его за неповрежденное плечо, я заставляю его посмотреть на меня.

— Никто не может остановить Пейтон от того, что она хочет сделать. Мы все поступили бы так же на ее месте. Верь в нее. Она найдет нас, и мы не перестанем искать. Не сдавайся, не сейчас.

Он вздыхает.

— Ты прав... но, черт возьми, прости меня, Тай.

Я наклоняюсь ближе и прижимаюсь лбом к его лбу, как мы делали в детстве, до того, как он записался в армию и уехал, когда у нас не было никаких забот.

— Не извиняйся, ты сделал все что мог, и это намного больше, чем то, что мы смогли бы сделать. Я просто рад, что ты в порядке.

— Кто бы мог подумать, что мы станем такими? — он горько усмехается. — Оба влюблены в одну и ту же женщину. Увидели бы нас сейчас мама с папой.

Я смеюсь.

— Старый ублюдок возненавидел бы ее, а мама непременно придерживалась бы его слов, ты же знаешь.

Он усмехается в ответ. Наши родители не присутствуют в нашей жизни, и это наш собственный выбор. Кален пошел в армию, лишь бы спастись от них, а я нашел работу, которая унесла меня далеко в океан, чтобы нам никогда не пришлось возвращаться, и у меня была работа, которая ждала его, как только он вернется.

Они не наша семья, больше нет. Пейтон — да. Она *наша* семья, не только моя. Мне нужно перестать быть эгоистом и причинять боль своей семье. Мне нужно посмотреть в лицо холодной, жесткой правде, лежащей передо мной. Он страдает, ищет моего прощения и принятия, даже не осознавая этого. Могу ли я дать ему это? Кажется, нет лучшего времени для откровенности, чем сейчас.

— Я бы не хотел, чтобы было иначе. Я не могу представить себе лучшего человека, который защитит мою... — я втягиваю воздух, когда вспыхивает ревность, но я подавляю ее. — Нашу девочку.

Он сглатывает, и я читаю в его глазах вину... и надежду.

— Я люблю ее, Тай. Я пытался не любить, я так чертовски старался, но она единственный человек, который заставляет меня чувствовать себя живым, который заставляет меня чувствовать хоть что-то, кроме этой гребаной злости.

Я киваю.

— Знаю. Я был эгоистом и дураком, не замечая этого. Когда она ушла, я думал, что это конец, что нам не придется иметь с этим дело. Я даже не думал о том, что ты будешь чувствовать, но она вернулась, брат, она здесь.

— А если она снова уйдет? — спрашивает он, его голос огрубел.

— Мы не позволим ей, — я ухмыляюсь. — Я не знаю, что ждет нас в будущем, и сможем ли мы это сделать, — я делаю жест в сторону остальных и поднимаю голову, чтобы посмотреть на них. — Но если для того, чтобы удержать ее, потребуются все мы, то так тому и быть. Мы разберемся, мы всегда разбираемся.

— Ты, блять, наконец-то понял, что хочешь, чтобы она осталась, — Фин ухмыляется.

— О, я все еще злюсь на нее, — я смеюсь, и они смеются со мной.

— Вымести на ней злость в постели, спорим, ей это понравится, — поддразнивает Фин, шевеля бровями.

Кален фыркает.

— Заткнись нахрен, чувак.

Риггс краснеет, но смотрит на меня с любопытством.

— Ей нравится, когда над ней доминируют?

Простонав, я закрываю глаза.

— Братан, я не буду с тобой это обсуждать. Если я не убью тебя за любовь к моей девочке, это не значит, что я не ударю тебя за то, что ты говоришь о ней в таком ключе.

Он моргает и смотрит на Калена.

— Ей нравилось, когда ты приказывал ей. Мне нужно так делать, или я могу пойти дальше?

Кален, Фин и я обмениваемся взглядами и раздражаемся смехом, отчаянным, диким смехом — либо так, либо рыдать. Я даже не хочу спрашивать, о чем он говорит. Кто, блять, знал? Четверо мужчин, влюбленных в одну и ту же женщину. Я не знаю, сработает ли это, — это чертовски странно, но... но это также кажется правильным. Она всегда была сердцем нашей семьи, и их отношения с ней всегда были чем-то большим, чем просто дружба, я просто не хотел этого замечать.

— Черт возьми, нам нужны основные правила, — бормочет Кален, снова обретая способность говорить.

— Так... мы действительно это делаем? — спрашивает Фин, наблюдая за нами. — Я не против. Черт, я даже могу позволить одному из вас, ублюдков, помочь мне с ней, — он шевелит бровями, и я хмурюсь. — Я не имею в виду скрещивание мечей, но это могло бы быть весело.

Он снова шевелит бровями, и я поднимаюсь на ноги и указываю на него пальцем.

— Беги, — рычу я.

Он смеется и делает шаг назад.

— Ну так что? Мы согласны разделить Пейтон?

Разделить ее... Черт.

Неужели это единственный способ сохранить моих братьев и мою девочку?

Если да... я действительно могу это сделать?

Похоже, у меня нет выбора.

— Если она этого хочет, — хмуро вставил Риггс.

— О, к черту. Все остальное я и так делю с вами, ублюдками, — ворчит Кален. — Но если хоть один из вас, извращенцев, хотя бы попытается прикоснуться к моему члену, я ухожу.

Они все смотрят на меня. Трудно согласиться, это так, но я знаю, что это единственный способ вернуть Пейтон. Она никогда не была только моей, она была нашей, и теперь это становится официальным.

— Мы разделяем ее, — я киваю в знак согласия, слова странно звучат на моем языке. — Если она захочет. Но сначала мы должны найти ее и выбраться из этих пещер.

— Интересно, есть ли название для такого рода отношений, — спрашивает Фин у Риггса.

— Ну, в древних и королевских династиях у королей были гаремы, которые представляли собой большие группы женщин, или наложниц.

— Я не буду гребаной наложницей, — рычит Кален.

— Значит, гарем? — Фин смеется. — Мне нравится, «Гарем Пейтон». Мы могли бы сделать футболки с забавными именами, например: «Капитан Член», «Первый Член», «Второй Член».

— Пожалуйста, прекрати, — ворчу я.

Мы слышим всплеск и оборачиваемся, настроение резко меняется, когда мы вспоминаем, где мы находимся.

— Ладно, Кален, ты можешь двигаться? — он поднимается на ноги и кивает. — Хорошо, нам нужно найти Пейтон. Пора вернуть нашу девочку.

— Так точно, Капитан Член, — отвечает Фин.
Я собираюсь убить их.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

ФИН

Мы погружаемся в воду. На этот раз веду я, пока мы спускаемся, но когда мы достигаем подводного участка, мы смотрим друг на друга. Пейтон может быть где угодно, поэтому нам нужно разделиться.

Но это глупое решение.

Мы в любом случае сделаем это?

Да.

Потому что это увеличит наши шансы найти ее, а я сделаю все, чтобы найти ее. Я жестом указываю на четвертый туннель, и они кивают, каждый выбирает свой канал для исследования. Бросив последний взгляд на свою команду, я направляюсь прямо в узкую пещеру на поиски моей девочки.

Я молюсь, чтобы с ней все было в порядке. Я не верю в высшие силы, но сейчас я буду молиться, чего бы мне это ни стоило, лишь бы она была жива. Я был гребаным идиотом, сдерживаясь, отказывая ей, когда мы были одни. Сейчас все это кажется такими бессмысленными рассуждениями. Перед лицом ее смерти становится ясно, что Пейтон достаточно много, чтобы разделить ее, и мы разделим, потому что никто из нас не откажется от нее.

Она наша, просто она пока об этом не знает.

Я продолжаю плыть, слабо работая ногами, освещая пространство фонариком. Я держу свой нож наготове на случай, если появится кто-нибудь из этих ублюдков, похожих на летучих мышей. Я убью их за то, что они причинили вред моей семье. Мы все еще пытаемся связаться с ней по связи, но очевидно, что она либо повреждена, либо... Нет.

Просто повреждена.

Ничего другого.

Я отказываюсь считать, что она мертва, моя девочка способна пережить все. Она гребаный зверь, и она сделает эту пещеру своей сучкой и вернется к нам. А когда она вернется, я покажу ей, как чертовски сильно я ее люблю, и больше никогда ее не отпущу.

Туннель сужается, и мне приходится практически ползти. Обычно я поворачиваю назад по приказу Тайлера, не позволяя портить мое снаряжение, но его здесь нет, чтобы отчитать

меня, так что в истинном стиле Фина я двигаюсь вперед. Я слышу неприятный скрежет о баллон и ухмыляюсь, когда пробираюсь вперед.

Мое сердце колотится от страха и адреналина, — лучший тип. Пейтон заставляет меня чувствовать то же самое, только в десять раз лучше. Она — мой самый большой риск и моя самая большая награда. Я чувствую себя по-настоящему живым только тогда, когда я с ней.

— Ну же, дорогая, ответь мне, — бормочу я. — Дай мне знать, что ты здесь.

Я жду, но ничего не раздается в ответ. Не желая верить, что она умерла, я продолжаю продвигаться вперед.

— Что-нибудь? — спрашивает Тайлер, его тон отчаянный.

— Пока нет, — рычит Кален. — Продолжаем искать.

— Ничего, — говорит Риггс.

— Пока нет. Она здесь, ребята, я знаю это. Продолжайте искать. Она бы никогда не бросила нас, — говорю я им. — Как в тот раз, когда Кален запутался в осьминоге, и она часами ныряла, пытаясь отцепить его, а он думал, что сможет сразиться с ним, — поддразниваю я.

Они все смеются.

— Я бы и победил, — бормочет он.

— Братан, ты проиграл восьмикиске, — дразню я, продолжая плыть.

— Я дам тебе киску, — рычит он.

— По-моему, у тебя уже есть киска, — язвит Риггс, заставляя нас всех замереть, а потом завывать от смеха. О Боже, он действительно только что сказал это?

— Черт, не могу поверить, что ты это сказал! — я смеюсь так сильно, что мне приходится остановиться и выровнять дыхание.

— Упс, — отвечает он, но я слышу улыбку в его голосе. Риггс наконец-то вступает в игру. Давно пора, особенно после того, как мне приходилось выслушивать, как сильно он любит эту девушку. Видимо, он решил, что больше не будет сдерживаться.

Только я не думаю, что она будет готова к тому, что он от нее скрывал.

Он собирается уничтожить эту девушку, и ей это понравится.

— Сосредоточьтесь, — огрызается Тайлер, его тон пронизан ревностью. Ему будет трудно поделиться ею, но все это меркнет по сравнению с ситуацией, в которой мы сейчас находимся.

Черт, мы могли бы создать таблицу. Типа таблицы с наклейками за киску, думаю я, пока плыву, туннель немного наклоняется вниз.

Он начинает открываться, и я колеблюсь, прежде чем нырнуть вперед, в случае, если эти сучки ждут, чтобы наброситься. Я останавливаюсь на краю туннеля, высовываю голову, когда понимаю, что вода стекает, и я могу дышать без маски. Я со свистом осматриваю проем.

— Нашел проем, — зову я, проскальзывая к краю, прежде чем нырнуть вниз, держа маску, когда погружаюсь в воду. Оттолкнувшись, я выныриваю на поверхность и подплываю к выступающей над водой скале. Я подтягиваюсь и выныриваю, отстегиваю ласты, встаю и разминаюсь.

Здесь целая гребаная пещера. Бассейн занимает лишь малую часть площади. На потолке светятся биолюминесцентные жучки, пол каменистый, но гладкий, и есть плоская площадка для отдыха. Других входов здесь нет, поэтому я расслабляюсь. Вряд ли летучие мыши смогут проникнуть сюда.

— Здесь ничего нет, — бормочу я. Здесь нет ни сумки, ни крови, ни каких-либо других признаков того, что Пейтон когда-либо проходила здесь.

Очередной тупик.

И тут я слышу всплеск. Резко развернувшись, я поднимаю нож и отступаю назад, высматривая в воде этих жутких маленьких летучих мышей. Я хочу убить этих ублюдков за то, что они ранили моего брата и мою девочку. Вместо этого я вижу, как на поверхности воды появляются пузырьки. Нахмурившись, я нерешительно подхожу к краю и всматриваюсь в глубину под водой. Вода достаточно прозрачна, чтобы я мог спокойно посмотреть вниз.

Прямо на Пейтон.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ФИН

Она отчаянно пытается подняться наверх.

Достаточно одной секунды. Мое сердце учащенно колотится, и все мое тело загорается от волнения, что она жива, но потом я замечаю, что ее движения становятся вялыми. Она нуждается в помощи, в воздухе.

Она жива, но ненадолго, если мы не сможем вытащить ее на поверхность. У нее нет даже баллона.

Забыв о ноже, я ныряю и плыву прямо к ней. Пейтон ловит мой взгляд, рассекая воду, пытаюсь доплыть до меня. Я протягиваю руку, когда она замедляется.

Нет, пошло оно все.

Я нашел ее не для того, чтобы снова потерять.

С ворчанием и мощным толчком мне удается схватить ее за руку и притянуть к себе. Мы кувыркаемся в воде, и я начинаю грести ногами к поверхности. Она обхватывает меня ногами, но ее глаза в панике мечутся из стороны в сторону, она трясет головой. Она говорит мне, что не выдержит.

Блять.

Я не колеблюсь, не жду. Если потребуется, я отдам ей каждый глоток воздуха в своих легких. И я делаю это. Прижавшись губами к ее губам, я выпускаю воздух в ее рот и легкие. Она прижимается ближе, а я продолжаю плыть к поверхности, делаясь с ней воздухом. Даже когда мои легкие начинают вопить, а она пытается отстраниться, я не останавливаюсь. Я запускаю пальцы в ее волосы, прижимая ее к себе.

Я больше никогда не потеряю ее, никогда.

Она может забрать все.

Мой воздух, мое сердце, мое тело.

Все, в чем она нуждается.

Мы выныриваем на поверхность, и она отрывается от меня, пока я глотаю воздух. Мое сердце колотится так быстро, что кажется, будто оно вот-вот прорвет грудную клетку, но дело не только в недостатке кислорода. Просто моя девочка снова в моих объятиях.

— Фин, — шепчет она, ее голос дрожит.

Не заботясь ни о чем другом, я притягиваю ее ближе и прижимаюсь губами к ее губам. Она стонет мне в рот, прижимаясь к моему телу, пока я держу ее. Я отстраняюсь, чтобы перевести дыхание, прижимаюсь лбом к ее лбу, и она дрожит в моих объятиях.

— Я не думала, что снова увижу тебя, — сокрушенно шепчет она.

— Я ни на секунду не сомневался в тебе, дорогая. Ни на одно гребаное мгновение. Ты слышишь меня? — требую я, и она кивает, открывая глаза, которые пронзают меня до глубины души. — Я всегда знал, что ты вернешься к нам домой.

Мы оба знаем, что я имею в виду не только сегодняшний день.

Она сглатывает и оглядывается вокруг.

— Здесь нет этих тварей. Не думаю, что они смогут пройти, — заверяю я ее, и она немного успокаивается. — Ты ранена? — спрашиваю я, замечая порезы на ее щеке и голове.

— У меня было вывихнуто плечо, но я вправила его обратно. Только голова, правда, и несколько порезов на боку, — я переворачиваю ее, крепко прижимая к себе, и начинаю плыть к скалам, чтобы она могла отдохнуть. Кто знает, как долго она плыла? Должно быть, она вымоталась.

Когда мы достигаем возвышенности, я помогаю ей выбраться, и она, спотыкаясь, перебирается на плоский участок и падает на задницу.

— Черт, это было невесело, — комментирует она, пока я приседаю перед ней в поисках повреждений. Я провожу по ней руками, отчаянно желая прикоснуться к ней и удостовериться, что она действительно здесь.

— Я хочу, чтобы ты мне все рассказала, но мы можем подождать остальных, — я вздыхаю и тянусь к коммуникатору, чтобы рассказать им.

Глядя в эти усталые глаза, я нажимаю на кнопку, и мой голос выходит похожим на кваканье.

— Она у меня.

Наступает мгновение тишины, а затем они начинают говорить все сразу. Я жду, пока они сбавят темп, прежде чем произнести.

— С ней все в порядке, клянусь. Мы собираемся немного отдохнуть здесь, прежде чем вернуться. Она измучена, и мне нужно перевязать порез на ее боку. Мы встретимся с вами через три часа на передовой базе, обещаю.

— Я могу пройти... — начал Кален.

— Ты не поместишься, не обижайся. Уверяю, она здесь. Дорогая, поговори с ними, пока они не ворвались в пещеру, — пробормотал я.

Она прислоняется ко мне, прижимаясь к моей груди.

— Я в порядке, ребята.

Снова наступает мгновение полной тишины, а затем раздается прерывистый голос Калена.

— Обещаешь мне, детка?

— Обещаю, — отвечает она.

— Пей? — шепчет Тайлер.

— Я знаю. Скоро увидимся, хорошо? Приготовь что-нибудь поесть и сообщи Майклу, — говорит она и затем опускает трубку, прислоняясь ко мне и закрывая глаза.

— Дорогая, мне нужно взглянуть на твой бок, — бормочу я, укладывая ее и подтягивая ближе свою сумку.

— Действуй, раздевай меня. Мне, блять, все равно. Только не заставляй меня

двигаться, — хнычет она, что заставляет меня хихикнуть и ткнуть ее в бедро.

— Прекрати ныть, это не моя Пей, — назидательно говорю я, и она награждает меня ухмылкой.

— Фин, позаботься обо мне, — шепчет она, дуясь.

— Всегда, — клянусь я и нежно целую ее, прежде чем снять повязку, которую она сделала. Мне не нужно снимать с нее костюм. К счастью, вокруг самих порезов зияет огромная прореха. Рана выглядит чистой, но грубой — три длинные, глубокие борозды от когтей. Я поднимаю на нее взгляд, но кажется, она спит. Что, блять, там произошло?

Нам повезло, что она жива. Нет, удача тут ни при чем.

Пейтон Эндрюс — чертовски крутая убийца монстров.

Промываю рану, заставляя ее поморщиться, но потом она успокаивается — мы не хотим, чтобы она занесла инфекцию, — насухо протираю и перевязываю ее, а затем ложусь рядом и прижимаю ее к своей груди, готовый защищать ее, пока она отдыхает.

Мое сердце никогда не было таким полным. Она снова в моих объятиях, все остальное не имеет значения.

Я больше никогда не выпущу ее из виду.

Я разбудил ее через час, чтобы она выпила что-нибудь и получила питательные вещества. Сразу после этого она снова сворачивается калачиком в моих объятиях и вздыхает.

— Черт, как мне этого не хватало, — бормочу я, целую ее в макушку.

— Да? Ты не сразу заменил меня? — поддразнивает она.

— Дорогая, я никогда не смогу заменить тебя, ты же знаешь, — пробормотал я. Хотя она и дразнилась, мне нужно, чтобы она это знала. — Никто никогда не сможет сравниться с тобой, никогда. Ни в миллион жизней. Пейтон Эндрюс, я принадлежу тебе, всегда принадлежал. Я не должен был влюбляться в тебя, но влюбился, — признаюсь я.

Она поднимает голову и встречается со мной взглядом.

— Мы оба пытались этого не делать, — отвечает она, и я киваю, поглаживая ее по щеке.

— В тебя просто чертовски легко было влюбиться, — я дразняще ухмыляюсь.

Ее улыбка растет, когда она смотрит на меня.

— Так тот поцелуй «я рад, что ты жива» был одноразовым? — пробормотала она, опуская глаза к моим губам. — Потому что, должна признаться, ощущение твоего тела, прижатого ко мне, заставило меня задуматься о том, насколько я жива на самом деле.

— Тебе нужно отдохнуть, — беспомощно хриплю я, глядя на ее губы, а сам стону и пытаюсь держать себя в руках.

— Отдохнуть, — ворчу я. — Да, отдохнуть.

— Я не хочу отдыхать, — шепчет она, выражение ее лица решительное. — Мы можем умереть через час, сегодня или завтра. Я сказала себе, что если выживу, то расскажу тебе о своих чувствах. Я люблю тебя, люблю всех вас. Я люблю тебя, Фин, — она смотрит мне в глаза, моя решимость ослабевает с каждым словом.

— Я хотела тебя с того момента, как встретила, и я устала бороться с этим. К черту отдых. Я провела достаточно лет без тебя, я отказываюсь тратить еще хоть минуту.

— Пей, — простонал я, прижимаясь лбом к ее голове, стараясь не обращать внимания на свой быстро твердеющий член. Прошло слишком много времени с тех пор, как я трахал что-либо, кроме своей руки, фактически годы. Еще задолго до ее ухода я не мог заставить себя заниматься сексом с кем-то еще, даже когда знал, что никогда не буду с ней. Я не мог смириться с мыслью о том, что прикоснусь к другой, что она узнает об этом и это ранит ее.

Я всегда любил ее и всегда буду любить, и сейчас моя девочка права — мы можем не выжить, и это может быть единственный раз, когда у меня будет женщина, которую я люблю. Неужели я действительно собираюсь пренебречь этим шансом?

— Ты предлагаешь мне все, чего я когда-либо хотел. Я всегда представлял, что наш первый раз вместе будет идеальным. Особенным. Но не таким, — я оглядываюсь вокруг. — Я собирался провести часы, исследуя тебя, трогая и дразня каждый сантиметр кожи, о котором мечтал годами. Я хотел показать тебе, как чертовски сильно я всегда хотел тебя, как чертовски больно было каждый раз, когда мне приходилось отстраняться, оставлять наши объятия ради холодного душа и моей руки, потому что ты сводила меня с ума, Пейтон, — признаюсь я, открывая глаза, когда шепчу ее имя.

— Даже сейчас, когда я мокрая, окровавленная и невытая? — поддразнивает она.

Ухмыляясь, я прижимаюсь губами к ее губам.

— Даже больше, потому что это реально. И моя Пейтон — чертовски крутая сучка, которая выжила в одиночку в пещере, полной монстров, чтобы вернуться ко мне... так что, конечно, даже сейчас. Черт, Пей, — пробормотал я, прежде чем наконец... наконец-то поддаться желанию.

— Спасибо, блять, — шепчет она, прежде чем я впиваюсь губами в ее губы. Проглотив ее стон, я переворачиваю нас так, что она оказывается на спине, а я — между ее бедер. Я опираюсь на одну руку и захватываю ее подбородок, поднимая вверх для поцелуя. Каждым движением губ и языка я показываю ей, как чертовски сильно я хочу ее.

Всегда хотел ее. И всегда буду хотеть.

Она стонет, прикусывая мою губу, прежде чем я облизываю ее губы и проникаю внутрь, спутывая свой язык с ее. Медленно, я опускаю руку и ищу ее на каменистой земле, пока не нахожу ее руку, поглаживая ее по ладони до запястья. Я переплетаю наши пальцы и прижимаю ее руку над ее головой, а затем проделываю то же самое с другой, захватывая обе в одну руку, в то время как поцелуй становится темнее.

Более глубоким, более голодным.

Каждый из нас борется за контроль, пытаюсь продержаться как можно дольше. Я знаю, что как только я раздену ее, то потеряюсь, и я хочу запомнить каждую мельчайшую деталь этого момента.

— Фин, — умоляет она, прижимаясь к моим губам, прежде чем отстраниться. Она поворачивает голову, задыхаясь, ее руки цепляются за мои. Тихо посмеиваясь, я скольжу носом по ее щеке к уху, облизывая и покусывая мочку, заставляя ее задыхаться.

— Я не могу передать тебе, сколько раз я представлял, как слышу твой голос таким, с придыханием и мольбой, — я стону ей в ухо, упираясь членом в ее живот, показывая ей, как сильно она меня возбуждает. — Черт, у меня было столько фантазий о том, как ты будешь плакать и кричать для меня.

— Да? Покажи мне, — бросает она вызов, возвращая свои глаза к моим, а ее губы кривятся в ухмылке.

— Я принимаю твой вызов, детка, — рычу я, прежде чем провести языком и губами по

ее горлу, чувствуя вкус воды из пещер, но это лишь подчеркивает Пейтон. Она связана с водой, с землей, и у меня столько фантазий о том, как я трахаю ее в океане, как она поднимается из воды, раздевается для меня, а потом седлает меня прямо там, на лодке посреди нигде.

Блять.

Я добираюсь до ее груди, сжимаю молнию между зубами и начинаю тянуть вниз, прокладывая путь по ее грудям. Я заканчиваю прямо над ее киской, покрывая дразнящим поцелуем высыхающий материал. Она стонет и приподнимает бедра, но я игнорирую мольбы ее тела и двигаюсь выше. Я расстегиваю спортивный лифчик, освобождая ее груди, и не спеша люблюсь ими. Я уже видел их несколько раз. Не так-то просто жить на яхте и не видеть друг друга голыми, но эти моменты меркнут по сравнению с тем, что происходит сейчас. Ее соски твердые, просятся в рот, а грудь раскраснелась от возбуждения.

Подняв взгляд, я наклоняюсь и втягиваю ее сосок в рот, пока она наблюдает. Ее голова откидывается назад, а глаза закрываются, когда она выпячивает грудь, проталкивая ее глубже в мой рот. Усмехаясь, я отстраняюсь, облизываю ее сосок, а затем щелкаю по нему языком. Я ласкаю ее плоть, дразня, прежде чем снова втянуть сосок между губами, заставляя ее вскрикнуть, прежде чем я впиваюсь в него зубами.

Я переключаюсь на второй сосок и делаю то же самое, лаская его языком, подталкивая к тому, чтобы он стал тверже. Ее бедра продолжают двигаться навстречу мне, умоляя о большем, и ее приглушенные вскрики достигают моих ушей, побуждая меня продолжать. Она стискивает свою руку, сжимая мою, и ждет всего, что я запланировал для нее.

Отпустив ее сосок, я освобождаю ее руки после предупреждающего сжатия.

— Держи их там. Это мое время исследовать, прикасаться к тебе, — приказываю я, затем откидываюсь назад и оглядываю ее вздымающуюся грудь, припухшие губы и дикие, полные вожеления глаза. Обхватив пальцами молнию, я решаю подразнить ее.

— Хочешь, чтобы я снял это?

Она кивает, а затем облизывает губы.

— Сделай это.

— Назад дороги нет, дорогая.

— Для нас никогда не было, так что трахни меня уже, — мурлычет она.

— Такая требовательная, Пейтон. Ты целовала Тайлера этим ртом? — поддразниваю я, расстегивая молнию. Совместными усилиями мы освобождаем ее от костюма. Я откидываюсь назад и люблюсь изгибами ее тела, а затем наклоняюсь и целую шрам от укуса акулы. Я помню тот день, это был один из самых страшных дней в моей жизни до сих пор. Мы думали, что она серьезно пострадала, но она просто смеялась над этим и пила пиво, пока мы перевязывали рану. Я провожу губами по небольшому шраму на ее коленной чашечке, который она получила, когда направляющая сорвалась во время погружения на Карибах.

Пробираясь вверх по ее телу, я целую место возле раны, где будет последняя партия шрамов, а затем нахожу шрам на ее плече от обломков, попавших в дыхательную трубку. Я целую каждый из них, преклоняясь перед их красотой, потому что они делают Пейтон такой, какая она есть. Каждый из них хранит историю о нашей влюбленности, о нашей совместной жизни, и я никогда не был так благодарен за них, как сейчас.

— Раздевайся, — требует она, но остается на месте, как хорошая девочка.

Я отодвигаюсь назад, чтобы она могла наблюдать, а затем расстегиваю и снимаю

собственный костюм. Я кладу нож рядом с ее головой для защиты, на случай, если кто-нибудь из этих жутких летучих мышей придет, пока я беру свою девочку. Хотя я готов поспорить, что это не тот тип защиты, о котором большинство заботится в таких ситуациях.

Ее глаза пробегают по моему телу, источая тепло, как настоящая ласка, зажигая каждый нерв одним лишь взглядом, пока она лежит передо мной на земле. Когда она снова встречается со мной взглядом, она ухмыляется и дразняще раздвигает бедра, заставляя мой твердый член подрагивать.

Я обхватываю рукой твердую длину и поглаживаю один раз, второй, пока она смотрит. Она стонет, впиваясь зубами в нижнюю губу.

— Дерьмо, Фин.

— Да, Пей? — усмехаюсь я. — Нравится то, что ты видишь? — она кивает, когда я снова провожу рукой по своему члену. — Хм, что, никаких слов? Мой большой член лишает тебя дара речи?

Она усмехается, тихонько хихикая, когда я улыбаюсь.

— Такая банальщина. Мы не в порнухе, так что тащи свою прекрасную задницу сюда.

Опустившись на колени, я целую ее ногу.

— Такая требовательная, — шепчу я против ее кожи, прежде чем провести языком по ее бедру к киске. — А что, если у меня другие планы, например, попробовать эту киску, в которую входили и Кален, и Тайлер?

— Я только за, — хрипит она, раздвигая бедра и обнажая для меня свою розовую, влажную киску. Облизывая губы, я смотрю, не в силах удержаться. Это такая красивая киска, и если ее вкус хоть наполовину так хорош, как я думаю, неудивительно, что они оба преследуют ее, как собаки во время течки.

Со стоном я опускаюсь на живот и провожу руками по ее бедрам, массируя мускулистую плоть, а затем закидываю их на плечи, обеспечивая себе лучший доступ. Я провожу пальцами по ее влаге, раздвигая половые губы и жадно пялюсь на ее киску, следя за пульсацией ее дырочки. Она опускает руки, и я снова перевожу взгляд на нее.

— Руки вверх, Пейтон, — требую я, и она, задыхаясь, подчиняется. В награду я щелкаю языком ее клитор.

Она стонет и подталкивает свою киску ближе к моему лицу. Усмехаясь, я провожу языком вниз по ее ядру и обратно вверх, прежде чем провести языком по ее клитору. Я ласкаю ее снова и снова, пока она не начинает стонать и поднимать бедра, прижимаясь своей киской к моему лицу.

И, черт возьми, ее вкус.

На вкус она как океан, свежая и такая сладкая, что я не могу удержаться, чтобы не погрузить язык внутрь, в поисках еще больше ее сока.

Ее глаза не отрываются от моих, пока я скольжу взглядом по ее телу. Мне с трудом верится, что это происходит. Я ждал этого так долго, и вот она здесь. Она моя. Ее киска капает в мой рот, а ее тело почти дрожит от желания. Мой член умоляет меня трахнуть ее, овладеть ею, заставить выкрикивать мое имя, так же как она выкрикивала имя моих братьев. Но не сейчас. Сначала я хочу увидеть, как она кончает на мой язык.

Потом на мои пальцы.

Только тогда я возьму то, что она предлагает.

Ее киска на вкус как рай, и я бы умер счастливым мужчиной между ее бедер. Удовлетворение наполняет меня от осознания того, что она хочет этого, хочет меня, даже

если она также хочет моих братьев. Все эти годы накопления, дразнения привели к этому моменту, и я выжгу в своем мозгу каждую чертову секунду. Я заставлю ее кончить так сильно, что когда она снова посмотрит на меня, она увидит не Фина, своего лучшего друга.

Она увидит мужчину, на чье лицо она кончила.

На чьих пальцах она скакала.

И чей член оттрахал ее так основательно, что она едва могла ходить.

Она приподнимает бедра, вдавливая свою киску в мое лицо.

— Вот так, дорогая, оседлай меня. Пусть эти ублюдки увидят твои соки на мне.

От этого она стонет, ее голова перекачивается из стороны в сторону, бедра дрожат по обе стороны от меня. Она уже близко. Я чувствую это. Я вижу, как течет ее тугая маленькая киска. Ее клитор пульсирует, когда я обхватываю его губами и посасываю. Я отстраняюсь, прежде чем она может кончить, желая оттянуть момент.

Она хнычет, ее киска сжимается. Я не останавливаюсь, лаская ее клитор снова и снова, прежде чем провести языком по ее влажному жару и ненадолго погрузить его внутрь. Когда я чувствую, что ее киска начинает трепетать, я покусываю ее клитор, наконец, позволяя ей кончить. Она кричит, сжимая бедра вокруг моей головы, и вжимается своей киской в мой рот, размазывая свои соки по моему лицу.

Да, мать твою.

Я прижимаюсь к ней, слизывая ее освобождение. Она такая охуенно вкусная. Когда она затихает, я поднимаю голову и встречаюсь с ней взглядом.

— Оргазм первый. Ты так чертовски красиво кончила, Пей, — я провожу пальцами по ее киске, и она хнычет, когда я касаюсь ее дырочки. — Сейчас ты собираешься кончить снова на мои пальцы. Дай мне почувствовать, как эта тугая киска сжимается вокруг них. Я хочу услышать мой новый любимый звук — твой крик.

Она качает головой.

— Фин.

— Нет, — я сжимаю ее бедро другой рукой. — Я ждал этого годами, дорогая, так что будь хорошей девочкой и кончи на мои пальцы.

— Какие хлопоты, — бормочет она. — Тогда заставь меня.

Ухмыляясь, я прижимаю два пальца к ее дырочке, и когда ее глаза встречаются с моими, я ввожу их внутрь. Она стонет, когда я кручу их, потирая переднюю стенку, пока она не задыхается.

— Что ты говорила, дорогая? — поддразниваю я, вынимая и снова проникая обратно, трахая ее пальцами. — Мне любопытно, трахает ли Тайлер тебя вот так... или Кален. Так ли это, дорогая? Кончала ли ты на их пальцы? — она задыхается, на мгновение пряча глаза. — Нет, не отворачивайся, — огрызаюсь я и в наказание вынимаю пальцы и шлепаю ее по киске, заставляя ее вскрикнуть.

— Хочешь знать, что я думаю? — она снова смотрит на меня. — Я думаю, ты хочешь, чтобы мы все трахнули тебя, всегда хотела. Тебе нравится такая идея.

Она открывает рот, чтобы высказаться, но я снова погружаю в нее пальцы, на этот раз три, растягивая ее.

— Ты не обманешь меня, Пей, не с моими пальцами в твоей киске. Она так сильно сжимается вокруг них от одной только мысли.

Она поджимает губы и молчит, пытаясь противостоять мне, пока я трахаю ее пальцами. Мы договорились делиться, и она должна знать, что это произойдет. Мне нужно, чтобы она

приняла свои чувства и не стыдилась их до нашего возвращения. Мне все равно, хочет ли она трахаться с моими братьями — черт, это типа горячо, — но она должна чувствовать то же самое. Мне нужно, чтобы она поняла, что это нормально, перестала беспокоиться о том, что мы думаем, и взяла то, чего хочет.

— Это то, чего ты хочешь, Пейтон? Чтобы мы все трахали тебя? Может, одновременно? — я дразню ее, когда она начинает задыхаться. — О да, тебе нравится эта идея. Твое тело не способно солгать мне. Хочешь узнать секрет? У меня есть фантазии о том, как я трахаю эту сладкую маленькую киску, пока Риггс трахает твою задницу. Мы даже как-то говорили об этом.

Я хихикаю, когда ее глаза широко раскрываются.

— Ох, да, маленький невинный Риггс. У него есть такие грязные мысли, которые он хочет с тобой сделать. Ты думала, что он такой милый, но стоило тебе выйти из комнаты, как его рука опускалась на член или он описывал свои фантазии о тебе. Все эти непослушные, развратные вещи, — от моего заявления ее киска сжимается вокруг моих пальцев. Я наклоняюсь и целую ее клитор.

— Блять, тебе это нравится. Знать, что после ваших невинных, дружеских объятий и взаимодействий он дрочит? Да, ты думала, что я буду тем, кто разрушит твоё тело, но, детка, Риггс разрушит тебя. Столько лет сдерживаемого желания? Он заставит тебя прочувствовать каждую секунду, а я буду наблюдать, как тырываешься на части для него, для нас, снова и снова. Ты даже не представляешь, что ты развязала, Пейтон Эндриус. Ты создала собственных, полных похоти монстров в каждом из нас.

На последнем слове я погружаю в нее свои пальцы, и она вскрикивает, поднимая бедра навстречу каждому толчку. Ее тугая киска сжимается вокруг них, пытаюсь удержать внутри себя, пока я целую ее клитор. Соки капаят из ее дырочки, и мой член пульсирует от этого зрелища, желая быть погребенным внутри нее, но сначала я хочу почувствовать, как она кончает на моих пальцах.

— Ладно! — наконец признается она, когда я не останавливаюсь. — Я хочу трахнуть всех вас. Я хочу скакать на тебе, зная, что они смотрят. Я хочу посмотреть, будет ли Риггс таким же сдержанным, когда мы будем трахаться. Я хочу, чтобы Тайлер смотрел, как я трахаю его друзей, прежде чем я трахну его, — ее глаза встречаются с моими. — Я хочу каждого из вас, и я буду иметь каждого из вас.

— Чертовски вовремя, — бормочу я, а затем ухмыляюсь, дразняще облизывая ее клитор. Освободив пальцы, я снова шлепаю ее по киске. — В следующий раз, когда увидишь их, скажи им это, — приказываю я, поднимая покрытые влагой пальцы в воздух и изучая ее, пока я обсасываю их. Мои глаза закрываются от стога, когда ее вкус снова взрывается на моем языке. — Блять, неудивительно, что вы с Тайлером всегда трахались. Держу пари, он не мог насытиться этой киской. Я еще даже не успел тебя попробовать, а уже подсел.

Она наконец поднимает руки с земли, затем проводит ими по телу к своей киске, подставляя ее, пока она дразняще поглаживает себя.

— Тогда хватит болтать. Я хочу кончить, так что засунь свои гребаные пальцы обратно в меня, пока я не сделала это сама.

— Да, дорогая, как прикажешь, — я ухмыляюсь, ложусь как можно ниже, вдавливая пальцы обратно в ее киску. Ее рука запутывается в моих волосах, притягивая меня ближе. Я лижу ее клитор, пока трахаю пальцами, ускоряясь, пока она не кончает на мою руку. Ее тугая киска сжимается так сильно, что я не могу освободиться. Ее ноги обхватывают мою

голову, удерживая меня там, пока она вжимается в мое лицо.

Когда последние судороги после оргазма прокатываются по ее телу, она отпускает меня, и я сажусь на пятки. Я хватаю ее дрожащие бедра и дергаю их вверх, так что ее босые ноги оказываются прижатыми к моему плечу. Ее глаза закрыты, а рот приоткрыт от удовольствия, но когда я прижимаю свой член к ее киске и скольжу им вверх-вниз по ее влаге, покрывая член ее соками, она открывает глаза и сталкивается со мной взглядом.

Я вижу в них предвкушение, желание, любовь. Наклонившись, я нежно целую ее.

— Я тоже люблю тебя, Пей, — шепчу я, прежде чем снова поцеловать ее, прижимаясь губами к ее губам, когда я упираюсь головкой члена в ее вход и одним плавным движением погружаюсь в нее на всю длину. Я глотаю ее вздох, проникая в ее тугую киску до самого конца. Настает моя очередь стонать, когда по мне пробегает дрожь. Она такая чертовски тугая, мокрая и горячая.

Дерьмо.

Как, блять, я могу продержаться, когда ее киска — рай?

Это никогда не ощущалось так, как сейчас, словно каждое чувство обостряется. Я разрываю наш поцелуй, пытаюсь контролировать свое дыхание, когда я выхожу и снова вхожу. Я пытаюсь двигаться медленно, действительно пытаюсь, но она не позволяет. Она поднимает бедра навстречу моим толчкам, подстегивая меня. Руками она обхватывает свои колышущиеся груди и сжимает их, пощипывая соски. Это зрелище приводит меня в неистовство.

— Блять, Пей, — рычу я, закрывая глаза, когда начинаю входить в нее. Она принимает каждый толчок и умоляет о большем. — Ты заставишь меня кончить, как гребаного девственника, — прохрипел я.

Она смеется, но звук переходит в стон, когда я шлепаю ее по киске. В ответ она сжимается вокруг меня, и я шлепаю ее снова и снова, пока она не начинает непрерывно кричать.

— Бля, бля, бля, — шепчет она отрывисто. — Фин. О Боже, пожалуйста.

— Ну и кто теперь звучит как порнозвезда? — я стискиваю зубы, пытаюсь игнорировать удовольствие, проходящее через меня, и желая, чтобы оно длилось дольше.

— Сильнее, — требует она.

К черту.

Я вытаскиваю член и, не заботясь обо всем остальном, переворачиваю ее. Она приземляется на руки и колени, ее упругая попка в воздухе. *Позже*, напоминая я себе, когда рывком притягиваю ее бедра назад и вхожу в нее. Она кричит, царапая ногтями камень, толкаясь назад, встречая мои жестокие толчки. Многолетнее желание вырывается наружу в каждом из них. Ставя клеймо на ее коже, я впиваюсь руками в ее бедра так сильно, что у нее остаются синяки.

Хорошо, пусть они увидят.

С силой опускаю руку на ее задницу, смотрю, как она вздрагивает и вскрикивает. Ее кожа краснеет, и я сопротивляюсь желанию шлепнуть ее снова. В конце концов, мы заперты в пещере, так что у нас не так много времени для заботы после. Вместо этого я раздвигаю ее ягодицы и погружаю палец в ее заднюю дырочку, ни на секунду не прекращая своих толчков.

— В следующий раз я возьму твою маленькую тугую попку. Я хочу посмотреть, как моя сперма капает из нее, пока ты будешь скакать на Риггсе, — рычу я, мой голос грубый и низкий.

— Да, блять, — кричит она. — Сделай это.

Даже мои братья не смогут остановить меня сейчас. Или эти летучие мышинные ублюдки. Я бы с радостью умер, зарывшись в ее киску, с ее изгибами в моих руках и моим именем на ее устах.

Мой ритм сбивается, когда я представляю, как делаю то, что обещал. Я едва могу дышать, удовольствие слишком велико, и я знаю, что кончу, но не без нее. Потянувшись рукой вниз, я щелкаю по ее клитору раз, два, три раза. Она кончает с криком, ее киска доит мой член, и со своим собственным ревом я врезаюсь в нее, погружаясь до упора, когда мой оргазм вырывается из меня. Наслаждение столь велико, что я почти теряю сознание.

Задыхаясь, я прижимаюсь к ее потной спине, не в силах ни двигаться, ни говорить. Она хнычет, ее киска пульсирует вокруг моего уже обмякшего члена, когда я выхожу из нее.

— Черт, Пей, — пробормотал я, прежде чем покрыть поцелуями ее позвоночник. — Ты убьешь меня. Убьешь нас.

— Смерть от киски, — дразнит она, наклоняясь вперед и переворачиваясь. Я ложусь рядом с ней, притягивая ее к себе. Она встречает мой взгляд, когда я глажу ее по щеке и нежно целую.

— Ты в порядке? Я не надорвал твою рану?

— Я в порядке, Фин, — она улыбается, наклоняясь и чмокая меня в губы. — Я тоже тебя люблю.

Сглотнув, я вглядываюсь в ее глаза, пока мое сердце учащенно бьется.

— Ты серьезно?

— Всегда любила, — шепчет она. — И всегда буду.

— Всегда — это долго, дорогая. Я должен предупредить тебя, что не стоит обещать кому-то свою вечность, — парирую я, пытаюсь защитить ее, дать выход. — Но я не могу. Я не знаю, как жить без тебя, я не знаю, как долго продлятся наши жизни, и я не знаю, выберемся ли мы отсюда, но в одном я уверен, Пейтон Эндрюс, — это ты. Всегда ты. И не важно, будет ли это день, месяц или пятьдесят лет, я рядом. Всегда.

Слезы застилают ее глаза, а губы подрагивают.

— Смотрите, а кто-то тайный романтик, — поддразнивает она. — Я чувствую то же самое, Фин. Ты всегда был моей семьей. Мы всегда были против всего мира, и я так по вам скучала. Одно я знаю точно: я не хочу больше жить без вас. Никогда, — она наклоняется и целует меня. — Я собираюсь рассказать им, что ты сопливый ублюдок.

Я сужаю глаза, скольжу руками вниз по ее спине, чтобы обхватить ее задницу.

— Скажешь, и я нагну тебя и трахну прямо у них на глазах, — обещаю я.

— Звучит неплохо, — шепчет она.

И для меня тоже.

Здесь, в чудовищной системе пещер, я наконец-то нашел то, что всегда искал — любовь, которая так долго была прямо перед нами. Только на этот раз мы достаточно сильны, чтобы дотянуться до нее.

Настоящая любовь — это не просто миф или химическая реакция... Это все.

Это ее улыбка. Ее смех. Ее плохие дни. Ее хорошие дни. Ее поддержка, страсть, сила. Ее ум и красота. Это она.

Всегда была.

И всегда будет.

ПЕЙТОН

Я не могу перестать прикасаться к нему, пытаюсь уверить себя, что он действительно здесь. Более того, он в порядке... и он любит меня. Я знаю, что нам нужно возвращаться, остальные, должно быть, сильно волнуются, а нам нужно отбиваться от монстров, но какое-то время я просто лежу в его объятиях и закрываю глаза. Впервые с тех пор, как я прыгнула, чтобы спасти Калена, я расслабляюсь, зная, что в его объятиях я в безопасности. Его губы касаются моей головы, а его руки так крепко обхватывают меня, словно он больше никогда меня не отпустит. Это меня устраивает, я никогда не хочу быть от него свободной.

От всех них.

Рация оживает, и я ухмыляюсь.

— Я удивлена, что они оставили нас так надолго, — бормочу я, заставляя его хихикать, когда он целует меня в макушку, а потом еще раз в мои приподнятые губы.

— Я тоже. Нам лучше вернуться к ним, пока они не разнесли эти пещеры в поисках тебя, — шепчет он.

Вздыхнув, я встаю на колени, морщась от боли в теле — не из-за Фина, а из-за плавания, лазания и выживания. Когда все это закончится, мне нужен будет спа-день... Ладно, это гребаная ложь. Зная меня, я уже на следующий день буду нырять. Фин тоже встает на колени и проверяет мой бок, который он уже перевязал. Радостно кивнув, он берет меня за подбородок и крепко целует. Его мягкие губы прижимаются к моим в требовательной ласке.

Я могу задержать дыхание на одиннадцать минут, но эти мужчины крадут у меня эту способность. От них у меня перехватывает дыхание так, как никогда не смог бы ни океан, ни пещера.

— Помни об этом, когда мы вернемся, — он усмехается, прежде чем схватить коммуникатор. — Да?

— Вы в порядке... вы оба? — нервно спросил Риггс, заставив меня ухмыльнуться.

— Да, мы в порядке. Мы уже возвращаемся, — отвечает Фин, а потом ворчит: — Такой нуждающийся.

— Заткнись, придурок. Верни нашу девочку, — приказывает Тайлер, и я поднимаю брови от его слов.

Фин подмигивает мне.

— О да, тебя ждет несколько сюрпризов, детка, — он смотрит на оборудование, затем встречает мой взгляд. — Конец туннеля находится под водой. Нам предстоит добраться до продвинутой базы, которую мы создали в пещере, которую вы с Каленом нашли, но у тебя нет ни баллона, ни маски.

Облизывая губы, я осматриваю оборудование, в голове вихрем крутятся планы, пока я хватаю коммуникатор.

— Риггс?

— Да, красавица? — его голос раздается мгновенно, заставляя меня ухмыляться.

— Помоги мне с цифрами. Мы сможем доплыть отсюда до пещеры разделяя баллон? — спрашиваю я и смотрю на Фина, который кивает. Он готов попробовать. Это всегда рискованно и никогда не следует делать, если только это не последнее средство... но в данный момент, я думаю, у нас нет выбора.

— Секундочку, — пробормотал он, уже отвлекаясь. Мы с Финном ждем, и через минуту он возвращается. — Да, это возможно... но, Пей, это опасно.

— Я знаю, — я вздыхаю и смотрю на Фина. — Это твой выбор.

— Делить с тобой воздух, секси? Без вариантов, — он ухмыляется и встает. — Давай сделаем это. Риггс, мы возвращаемся.

— Понял...

— Принцесса, не делай глупостей. Брось его задницу, если понадобится, — шутит Кален.

У Фина открывается рот, когда я смеюсь.

— Я вижу, в чем дело. Это ведь вагина, не так ли? Или сиськи? — он бросает на меня взгляд, когда говорит. — Определенно сиськи, хотя я думаю, что ты, возможно, любитель задниц...

— Стоп, — рявкает Тайлер. — Господи, да он выглядит так, будто готов тебя убить. Тащите свои задницы обратно сюда, оба, в целостности и сохранности, или вам не придется беспокоиться о монстрах. Я убью вас сам.

Наступает минута молчания.

— Кален встретит вас на перекрестке перед пещерой, в которой мы находимся, чтобы прикрыть ваши спины. Пейтон... — он тяжело вздохнул. — До скорой встречи, — неубедительно заканчивает он, и мы все знаем, что это было не то, что он хотел сказать.

Тайлер сейчас борется со своим гневом на меня, поэтому я могу понять, в каком он состоянии. Может, он просто нуждается в том, чтобы вытрахать все это. По мне, так это хорошая терапия. Поднявшись на ноги, я сталкиваюсь с Финном. Он помогает мне влезть в мой костюм, и мы проверяем баллоны и его маску. Мой костюм порван, но нам не так уж далеко плыть, и это лучше, чем быть полуголой в холодной воде.

— Ладно, вода будет только ближе к концу прохода. До тех пор мы можем дышать без масок, — объясняет он, закрепляя нас вместе ремнями на случай, если монстр или течение разделит нас во время дыхания. Они достаточно свободные, так что мы можем плыть бок о бок или друг за другом.

— Мы быстро проплывем и встретим их, — он обхватывает мое лицо. — Держись рядом. По одному вдоху?

— Мы справимся, — с ухмылкой заявляю я, хватая свой нож. — Просто на случай, если мы увидим этих летучих ублюдков.

Он стонет, наклоняется и целует меня.

— Так чертовски горячо. Давай, дорогая, вернем тебя к твоим другим мужчинам.

Пока он надевает ласты, я первой залезаю в воду. Фин следует за мной, включив свой фонарик. При каждом гребке ногами у меня тянет в бок, но лучше не станет, поэтому я не обращаю на это внимания.

Он направляет меня через вход в туннель. Некоторое время мы легко проходим через него, но потом он начинает становиться все более узким. К счастью, нам удастся пройти, и когда мы достигаем конца, я втягиваю воздух, когда мы достигаем перехода в подводную часть. Мы упорно плывем по этой части, и я все время задерживаю дыхание, не желая рисковать, передавая баллон обратно, пока участок не станет больше. Когда мы достигаем перекрестка, Фин передает баллон обратно, и я делаю большой вдох, оглядываясь вокруг, фонарик освещает подводную область.

Это то место, которое мы с Каленом нашли в самом начале. Мы плывем, отталкиваясь ногами, ни на секунду не соединяясь с ориентиром. Я пытаюсь передать баллон обратно, но Фин оборачивается, игнорируя меня, и начинает вести за собой. Закатив глаза, я следую за ним. Баллон в одной руке, нож в другой. Я слежу за его спиной и за своей, пока он следит за нашим фронтом. Они все еще могут напасть снизу и сверху, и это держит нас в напряжении, пока мы пересекаем гигантскую пещеру. Мы передаем баллон туда и обратно после того, как я настаиваю, и каждое колебание воды заставляет меня оборачиваться, желая убить монстров.

Плавание должно быть занимает всего несколько минут, но мне кажется, что прошла целая вечность, прежде чем я замечаю другой фонарь, светящий откуда-то впереди нас. Мы плывем в ту сторону, приближаясь все ближе и ближе, пока я наконец не могу разглядеть Калена. Его ноги медленно двигаются. Веревка, связывающая его, удерживает его на месте, а глаза сужены, пока он наблюдает за нашим приближением. Его взгляд постоянно перемещается за нами и вокруг нас, ища опасность.

Я втягиваю воздух из баллона, передаю его обратно Фину, а затем проношу мимо него к Калену. Он обхватывает меня одной рукой, на мгновение прижимаясь своим закрытым маской лицом к моему. Темная вода вокруг нас неподвижна и тиха, кроме шума баллонов и механизмов. Я целую его в маску, и его губы подрагивают, когда я отстраняюсь. Он толкает меня мимо себя в сторону передовой базы, и я охотно двигаюсь вперед. Фин следует за мной, а Кален замыкает шествие.

Я делаю еще один вдох из баллона, прежде чем передать его обратно Фину, не желая рисковать его легкими. Я сильно гребу ногами, мои руки рассекают воду. Нервы и волнение переполняют меня, каждое движение приближает меня еще на шаг к моим мужчинам. Моей семье.

Я почти у цели.

Я никогда не думала, что увижу их снова, а теперь нас разделяет только этот участок воды. Я отчаянно хочу обнять их, поцеловать и никогда больше не покидать. Это желание переполняет меня, пока я не выныриваю из воды, задыхаясь, и там, на краю, ждут мои мужчины.

Тайлер и Риггс.

Их лица озабочены, под глазами залегли мешки, а руки сжаты в кулаки.

Стоя бок о бок, они ждут меня.

Всегда.

ПЕЙТОН

Меня вытаскивают из воды и заключают в объятия. Оба мужчины окружают меня, их губы пробегают по моему лицу и щекам. Их руки беспокойно скользят по моему телу, их голоса смешиваются, когда они говорят, и мгновение спустя к нам присоединяется Кален. Слезы наполняют мои глаза, и мое тело дрожит от усталости, страха и счастья, пока голос Фиона не прерывает нас.

— Я тоже в порядке, — шутит он.

Смеясь, я отстраняюсь и вытираю глаза.

Кален обхватывает мою челюсть и внимательно изучает мое лицо.

— Ты точно в порядке, детка? Я так чертовски испугался, когда увидел, как ты... — он замолкает, втягивая воздух, и я киваю в его хватке.

— Я в порядке.

Он тяжело сглатывает, наклоняется и целует меня так нежно, что я начинаю плакать. Когда он отстраняется, его глаза снова становятся темными и злыми, а губы истончаются.

— Еще раз выкинешь подобный трюк, Эндрюс, и я сам тебя убью. Слышишь меня? — огрызается он.

Ухмыляясь, я отвечаю на его ласку.

— Слышу.

— Хорошо, — бормочет он, а затем снова целует меня. — Гребаный избалованный ребенок, — бормочет он, отстраняясь, и я поворачиваюсь к Риггсу, который с готовностью раскрывает свои руки. Я бросаюсь в них, принимая объятия. На этот раз он держит меня крепче, чем раньше, его губы постоянно прижимаются к моим мокрым волосам, словно он не может поверить, что я здесь.

— Я так рад, что ты в порядке, — шепчет он, когда я сжимаю в кулак его костюм и прижимаюсь к нему.

— Я тоже, — пробормотала я, а потом отстранилась и увидела Тайлера, наблюдающего за нами. У него странное выражение лица, смесь надежды, боли и ревности.

— Тебе нужно отдохнуть, — рывкает он, скрепя руки, и я сразу снижаю. Думаю, мне не стоило ожидать теплого приема, но все же... полагаю, близкая смерть не приносит мне

прощения. Он осматривает меня, и его глаза на мгновение смягчаются. — Ты дрожишь. Тебе холодно?

— Замерзла, — я киваю. — После падения я то и дело выходила и входила в воду, не говоря уже о шоке и потере крови.

Годы постоянного произнесения правды в стрессовых ситуациях дают о себе знать. Это не ради сочувствия, это делается ради того, чтобы они знали всю степень нагрузки на мое тело и знали, как действовать в сложившейся ситуации.

— Кален, разжигай костер. Риггс, возьми термобелье и одеяло. Фин, помоги ей вылезти из костюма, ей нужно согреться и как можно больше обсохнуть, — он тычет пальцем мне в лицо, приближаясь. — Никакого дерьма или плохого отношения. Ты будешь отдыхать, поняла?

— Поняла, — я ухмыляюсь. — Спасибо, что пришел за мной, — тихо говорю я ему, пока остальные отошли по его приказу, оставив нас наедине. На мгновение все эти эмоции исчезают из его глаз, и передо мной предстает мой Тайлер.

— Всегда, ты же знаешь, — тихо отвечает он, его рука поднимается, будто собираясь коснуться моего лица, прежде чем он опускает ее и вздыхает. — Я не знаю, как это сделать.

— Сделать что? — спрашиваю я в замешательстве, делая шаг ближе, рискуя, пока он, кажется, ослабил бдительность.

— Быть с тобой снова, — он отводит взгляд, рассеянно теребя свои светлые волосы. — Я хочу... я обещал себе, что если мы снова найдем тебя, я никогда не отпущу тебя. Но теперь я смотрю на тебя, и я все еще так зол...

— Я понимаю, — отвечаю я, и он в шоке бросает на меня взгляд. — Понимаю, Тайлер. Я просто надеюсь, что ты найдешь способ справиться с этим, потому что я скучаю по тебе. Я действительно скучаю по тебе, и когда я думала, что могу умереть, все, о чем я могла думать, — как сказать тебе, что я люблю тебя. Всегда любила и всегда буду любить. Это всегда был ты, Тайлер, с тех пор, как я была сопливой девчонкой, которая ходила за тобой по пятам. Но это и они тоже.

Я оглядываюсь, чтобы посмотреть на других моих мужчин.

— Я не хотела влюбляться в них, это просто случилось, — я снова встречаюсь с лазурными глазами Тая. — Я не могу этого изменить, да и не стала бы, если бы могла. Я просто надеюсь, что я достаточно достойна, чтобы ты боролся за меня. Может быть, настало время, чтобы прошлое умерло. В этой пещере мы нашли свет, новое будущее.

Когда я заканчиваю говорить, я оставляю его наедине с его мыслями.

Только он может решить, что ему делать. В его глазах я видела, чего он хочет — меня, этого. Но его останавливает его собственный страх — страх, который я вложила в него — быть снова раненным и отвергнутым, и мое сердце щемит от этого. Это нелегко, и я должна прекратить настаивать, но не могу. Я хочу его, я люблю его, и так или иначе, мы покинем эту пещеру вместе. Даже если мне придется принять миллион его наказаний и вынести на себе всю тяжесть его гнева.

Кален разобрался с сооружением для костра, и я направилась к нему. Риггс рядом, помогает разложить алюминиевые одеяла и сухую одежду. Фин просто ждет, его взгляд скользит к Тайлеру, потом обратно ко мне.

— Продолжай давить, детка, он нуждается в этом. Ты бы видела его, когда мы думали... — он втягивает воздух. — Ну, ты должна была его видеть. Он по-прежнему любит тебя, он просто запутался, — он морщится, а затем кивает мне. — Давай снимем эту мокрую

одежду. Он прав — нам нужно согреть тебя, пока ты не заработала переохлаждение.

Я киваю и пытаюсь расстегнуть молнию на костюме, но мои руки онемели, а тело дрожит. Похоже, то, что я снова нашла их, остановило весь адреналин, подпитывающий меня, и я вдруг почувствовала, что могу потерять сознание. Фин замечает это, как и Кален, который разжигает огонь, прежде чем подойти и встать позади меня. Он поддерживает меня, пока Фин расстегивает молнию на моем костюме и начинает стягивать его вниз. Кален помогает ему стянуть костюм с моей груди, а потом опускается на колени, чтобы спустить его с задницы и с каждой ноги. Фин тоже стоит на коленях, его глаза следят за моими, пока он стаскивает его с моих пальцев ног, а затем обхватывает их, пытаясь согреть, пока Кален обхватывает меня руками.

— Она замерзла. Мы не можем позволить ей согреться слишком быстро, иначе это остановит ее сердце. Тащите свои задницы сюда, — требует Кален.

Они бросаются на помощь, но я уже не могу перестать дрожать. С меня снимают лифчик и трусики, и я остаюсь обнаженной. Кален снимает с себя костюм, как и Фин, и они помогают мне забраться под одеяло. Кален притягивает меня к себе, Фин делает шаг к другой стороне, но Тайлер дергает головой. Вместо этого Фин обхватывает мои ноги, его голова оказывается над моей киской.

— Мне все равно больше нравится быть здесь, — дразнит он, когда я закрываю глаза и сжимаю зубы, пытаясь не болтать. Тайлер стягивает с себя футболку и ложится рядом со мной, обхватывая меня с другой стороны. Риггс укрывает нас одеялом и устраивается позади меня, устраивая мою голову у себя на груди.

— Вот так, детка, позволь нам согреть тебя, — бормочет Кален, поглаживая мою кожу. Их тела словно пылают, но я знаю, что они обычной температуры. Фин проводит руками вверх-вниз по моим ногам и пальцам.

Тайлер сжимает мои руки, дует на них и трет их друг о друга, а затем зажимает их между своими, пока я лежу в объятиях. Меня все еще бьет дрожь, и я стараюсь не жаловаться, но мой мозг прокручивает все негативные сценарии. Переохлаждение здесь, внизу, будет смертельным приговором, и мои мужчины не оставят меня, даже Тайлер. Поэтому я должна быть сильной, а это значит, что мне нужно перестать представлять себе то, что может никогда не произойти.

— Отвлеките меня, — умоляю я, мой голос слаб.

— Типа моим членом? — дразнит Фин, и Тайлер пинает его, заставляя меня хихикать, когда он испускает фальшивый крик.

— С вероятностью восемьдесят процентов... — начинает Риггс, и Тайлер бьет его тоже.

— Вы оба идиоты, — он вздыхает, а я ухмыляюсь, прижимаясь ближе к Тайлеру. Он зажимает мои руки между нами, и они зацепляются за кольцо, которое все еще висит у него на шее. Мои глаза открываются, и я поднимаю голову, чтобы увидеть его голубые глаза, скользящие от меня к кольцу. Что-то промелькнуло на его лице, и его губы на мгновение искривились, прежде чем он покачал головой.

— Я ношу его до сих пор...

Я закрываю глаза, слыша боль и тоску в его голосе.

— Тай, — шепчу я, прижимаясь ближе, — Тебе не нужно.

— Нужно, — бормочет он и прижимает меня ближе. Его глаза скользят между моими. — Мне нужно, чтобы ты знала... Я больше не могу держать все это в себе. Я ношу его, чтобы оно напоминало мне, как легко потерять тех, кого я люблю. Потерять лучшее, что

когда-либо случилось со мной.

Его голос срывается, и мне хочется плакать, когда он недовольно поджимает губы. Его боль очевидна, она заполняет эти голубые глубины. Я могла бы плавать в его гребанных слезах. Слезах, которые вызвала я.

— Я думала, оно было напоминанием о том, как сильно ты меня ненавидишь, — отвечаю я, мои слова душатся собственным сожалением и тоской. Быть так близко к нему, видеть эту любовь в его глазах, — вселяет в меня надежду.

— Я ненавидел в самом начале. Это служит напоминанием о том, что я больше никогда не должен быть таким слепым, не должен забывать о том, что находится прямо передо мной, — его взгляд переходит на остальных. Неужели он имеет в виду то, о чем я думаю? Он грустно смотрит на меня и гладит меня по щеке. — Чтобы больше никогда не быть таким эгоистом. Я потерял тебя однажды, Пейтон Эндриус, и неважно, что случилось и каковы мои собственные непутевые чувства, есть одна вещь, которую я знаю — я хочу этого, я хочу, чтобы наша семья снова была целой, и если это означает, что я, наконец, должен принять то, что всегда существовало, тогда я это сделаю.

— То есть? — спрашиваю я, чувствуя, что и остальные хотят спросить, но они молчат.

— Наша любовь. Не только твоя и моя. Твоя и Калена. Фина и твоя. Риггса и твоя. Я люблю вас всех, действительно люблю, так почему вы не должны чувствовать то же самое? — он морщится. — Я не говорю, что я буду в порядке все время, я все еще борюсь, но я хочу этого. Я хочу быть в порядке. Я никогда не хочу быть причиной того, что кто-то из вас несчастлив. Я с этим покончил. Может быть, нам нужно было разойтись, чтобы снова сойтись, таким образом, чтобы все исцелилось так, как никогда раньше. Чтобы я мог ясно видеть наше будущее. Всех нас.

Он дарит мне нежный, затяжной поцелуй, и я чувствую вкус правды на его губах.

Тайлер все еще мой. Всегда был, всегда будет, и прямо сейчас он вновь дарит мне свое разбитое сердце, снова доверяя его мне. Однако на этот раз он знает, что в моих руках находятся и сердца других.

Смогу ли я быть достаточной женщиной, чтобы жонглировать ими всеми?

— Когда мы выберемся из этой адской дыры, мы начнем все сначала, — шепчет он мне в губы.

— Всего лишь пять хищников, — дразню я, и он ухмыляется, его губы изгибаются напротив моих.

— Ты знаешь это, Пейтон. Теперь отдыхай, это приказ, — пробормотал он, прежде чем снова поцеловать меня.

Закрыв глаза, я впервые за три года чувствую, что мое сердце цело.

Исцелено.

Любимо.

— Клянусь блять, Риггс, лучше бы это был твой ледоруб, — рычит Кален, и мы все смеемся, громкий звук счастья застает нас врасплох.

Я слушаю их шутки и смех, засыпая в их объятиях с улыбкой на губах. Я скучала по этому — по дружбе и семье. Я никогда не смогу покинуть их снова. Возможно, Тайлер прав — возможно, мне пришлось уехать, чтобы найти то, чего я действительно хочу, а когда я вернулась, мы все уже были готовы.

Чтобы быть вместе.

Быть одним целым.

Потому что сердце этой дайверши принадлежит каждому мужчине, окружающему меня.
Навсегда.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

РИГГС

Она наконец-то уснула. Фин тоже. Тайлер бодрствует и смотрит на нее сверху вниз, а Кален отказывается ее отпускать, обнимая ее так крепко, словно плюшевого мишку, что ей должно быть больно — не то чтобы она жаловалась. Она перестала дрожать тридцать минут назад, и это хорошо. Думаю, переохлаждение ей не грозит.

Я выскользаю из-за ее спины, вызывая ее ворчание, а затем бесшумно удаляюсь и шепотом передаю по рации остальным свежие новости, а затем ухожу, чтобы отлить.

Взяв с собой фонарик, я направляюсь за скалу, которую мы нашли. Это больше похоже на другой участок пещеры, если не считать того, что здесь только один вход и отверстие в задней части, в которое впадает ручей, и которое мы используем для туалета. Те же жучки освещают потолок, делая его похожим на звезды, рассыпанные по ночному небу, когда я кладу фонарик на камень и освещаю крышу, чтобы видеть. Все еще темно, но, по крайней мере, не крошечная тьма. Пописав, я мою руки, как вдруг слышу шаги.

Я поворачиваюсь, и через мгновение в пещеру входит Пейтон. Она уже полностью проснулась и все еще голая, хотя, кажется, она ничего не замечает и ее это не волнует.

— Ты в порядке, Пей? — обеспокоенно спрашиваю я, отряхивая руки, чтобы избавиться от воды, когда подхожу ближе.

Она кивает.

— Все хорошо, честно, но я проснулась, а тебя нет.

— Извини, мне нужно было в туалет, — говорю я, останавливаясь перед ней. Она откидывает голову назад и улыбается мне, и я не могу не улыбнуться в ответ и протягиваю руку, чтобы коснуться ее щеки, зная, что теперь могу — особенно после признания Тайлера. Она вздыхает и прижимается ко мне, вздрагивая, поэтому я обхватываю ее руками и целую ее в макушку, пока она стоит в моих объятиях.

— Я скучал по тебе, — шепчу я.

— Я тоже по тебе скучала, — отвечает она, целуя мое плечо, придвигаясь ближе, прижимаясь каждым дюймом своего прекрасного тела к моему. Сдерживая стон, я закрываю глаза и пытаюсь вести себя прилично, даже когда мой член твердеет. Все грязные вещи, которые я когда-либо хотел проделать с ней, проносятся в моей голове. Она откидывается

назад, достаточно, чтобы встретиться с моим взглядом, пока я смотрю на нее.

— Я рада, что все наконец-то прояснилось, — она сглатывает. — Я не ожидала этого, но я всегда чувствовала себя такой виноватой за то, что хочу тебя целиком, — признается она, по старой привычке всегда рассказывая мне о своих сокровенных страхах и секретах.

— Ты заслуживаешь всей любви, Пейтон, всегда заслуживала. Одного мужчины никогда не будет достаточно для тебя. Да и как он может быть достаточным? Ты заслуживаешь любви более глубокой, чем любой ручей. Ты заслуживаешь океана, и мы собираемся дать тебе его. Больше никаких побегов. Больше никаких колебаний. Сейчас мы все вместе, и если мы никогда не выберемся из этой пещеры, ты узнаешь, как чертовски сильно тебя любят. Мы живем, мы умираем, мы исследуем вместе всегда, — говорю я ей, и ее губы подрагивают в медленной ухмылке, прежде чем она приподнимается для поцелуя. Я наклоняю голову и мягко прижимаюсь губами к ее губам.

Впервые почувствовав ее вкус, я застонал и отстранился.

— Если я поцелую тебя, Пей, я не остановлюсь, — признаюсь я и, слегка покраснев и ухмыльнувшись, отстраняюсь, опустив руки. — Не сейчас, когда ты обнажена и предлагаешь мне все, чего я когда-либо хотел и о чем мечтал, а тебе нужно отдохнуть...

— К черту отдых, — рычит она. — Меня не было три года, и ты говоришь мне, что не хочешь ничем заниматься? Ты хочешь снова уложить меня в постель? — она вскидывает бровь, и я сужаю глаза. — Я разочарована, должна признать. Фин обещал мне все эти грязные вещи.

Она пожимает плечами.

— Тогда ладно, — она отворачивается, и я понимаю, что она специально давит на меня.

И это работает.

Я ловлю ее, прежде чем она успевает уйти, обхватываю рукой ее шею сзади, а затем притягиваю ее назад, пока ее гребаная изящная задница не прижимается к моему твердому члену, а тело не оказывается прижатым к моему. Она сплошь мягкие изгибы и твердые мышцы.

— Не искушай меня, Пейтон. Я годами представлял себе все способы, которыми я бы тебя трахнул, но знаю, что для этого у нас есть вся оставшаяся жизнь. *Сейчас* я просто хочу убедиться, что с тобой все в порядке. Твое благополучие и желания всегда стоят выше моих собственных желаний и потребностей.

— Я устала от этого. Мне нравится, как ты заботишься обо мне, правда, Риггс, но хоть раз возьми то, что ты хочешь. Перестань беспокоиться о том, что думают другие, — она поворачивается ко мне лицом, встречаясь с моими глазами. — Чего ты хочешь?

Я почти вибрирую от желания, которое больше не могу сдерживать. Только не сейчас, когда она так смотрит на меня.

— Тебя, — рычу я и притягиваю ее ближе, впиваясь своими губами в ее. Она стонет мне в рот, хватаясь за мою футболку, поднимается на носочки и прижимается ближе. Ее язык переплетается с моим, но я не позволяю ей вести. Нет, я заставляю ее играть в догонялки, пока я доминирую над ее ртом. Я могу быть милым. Могу глубоко любить ее и быть ее лучшим другом, но Пейтон никогда не знала о степени моей одержимости ею и обо всем, что я хотел сделать с ее телом.

Она не знает о тех пошлых, развратных мыслях, которые у меня были о ней — и до сих пор есть — и теперь она дает мне разрешение делать все, что я захочу. Она может пожалеть об этом, когда завтра не сможет ходить, не говоря уже о плавании.

Тем не менее, она права, я устал сдерживаться. Я задвигаю все цифры, теснящиеся в голове, подальше и погружаюсь в ее вкус. Вкус моей девочки. Моей гребаной девочки. Даже мысль о том, что я претендую на нее, вызывает во мне желание.

Теперь она моя, и пришло время ей узнать, что это значит.

Отпустив ее шею, я скольжу рукой вниз по ее спине и сжимаю ее задницу, а затем легко поднимаю ее. Она вдыхает воздух в мой рот, и я глотаю его, поворачиваясь и прижимая ее к ближайшей стене. Она обвивает мою талию ногами.

Она прикусывает мою нижнюю губу, и я крепче сжимаю ее бедро, пока она не отпускает мою губу, и я отстраняюсь.

— Хочешь поиграть в таком духе, детка? — пробормотал я, схватив ее за подбородок. Я наклоняю ее голову в сторону, облизывая и целуя ее шею, а затем царапаю зубами точку ее пульса, после чего кусаю. Сначала мягко, но потом я медленно усиливаю давление. Она вскрикивает от боли, несмотря на то, что ее бедра трутся об меня, желая большего.

— Риггс, — стонет она, звук получается придыхательным и достигает моего твердого члена. Я представляю, как она издает этот звук вокруг моего члена, когда я проталкиваю его в ее горло.

— Я буду трахать тебя жестко, принцесса, но не раньше, чем твои соки покроют мое лицо, как гребаный душ, ты меня понимаешь? Весь мой гребаный язык и лицо, — я сжимаю ее горло, пока ее глаза не фиксируются на мне, и она прикусывает губу.

Она кивает, и я сильно кусаю ее за ухо, наказывая.

— Пейтон...

— Да, — шипит она, когда я провожу рукой по ее бедру к мокрой киске.

Ее глаза закрываются, и я крепче сжимаю ее горло, пока они снова не открываются и не встречаются с моими. Она будет наблюдать за мной, когда я прикоснусь к ней, попробую ее на вкус и возьму в первый раз. Она будет следить за каждым моим движением, пока мы будем наслаждаться этим вместе.

— Смотри на меня, детка, чтобы ты знала, кто прикасается к тебе, пробует тебя на вкус и заставляет кричать до тех пор, пока у тебя не откажут ноги.

Она стонет и выгибается навстречу моим прикосновениям, трется своей киской о мою руку, пытаюсь заставить меня двигаться. Усмехаясь, я шлепаю ее по киске в знак порицания, и когда она вскрикивает, я провожу пальцами по ее половым губам, раздвигая их, а затем скольжу пальцами по ее влаге и в награду щелкаю по ее клитору.

— Я представлял, как буду трогать эту киску годами, — говорю я ей, чувствуя, как бьется ее пульс под моей рукой.

Я медленно потираю ее клитор, говоря спокойно и честно. За пределами цифр это единственное занятие, которым я занимался — с ней.

— Пробовать ее на вкус, смотреть, как она становится розовой от моего языка, как пульсирует эта милая маленькая дырочка, когда я трахаю ее...

— Риггс, — вздыхает она, выгибаясь дугой навстречу моим прикосновениям, пытаюсь прижаться к моей руке. Я слегка отстраняюсь, слегка поглаживая ее клитор, пока она не замирает, а затем возвращаюсь к методичным движениям — достаточно медленными, чтобы подстегнуть ее, но не настолько быстрыми, чтобы отправить ее за грань. Я удерживаю ее в таком состоянии, зажатую между удовольствием и разочарованием. В ее глазах вспыхивает вызов, но она не пытается остановить меня.

— Я тщательно планировал каждый момент, — продолжаю я. — Я представлял все

возможные способы воздействия на тебя, представлял, какой вкус будет у твоей киски.

Проводя пальцами вниз, я погружаю их внутрь нее и делаю два толчка, растягивая ее вокруг них, пока она хнычет, прежде чем я внезапно вытаскиваю их, и она рычит от разочарования. Я подношу руку ко рту и обсасываю пальцы. Теперь моя очередь стонать. Мои глаза закрываются в блаженстве — она на вкус как свобода, как то чувство, когда погружение проходит идеально, или когда цифры совпадают.

Она на вкус как совершенство.

Открыв глаза, я сильнее прижимаю ее к стене, стараясь не повредить ее травмы.

— Не двигайся, мать твою, — требую я, опускаясь на колени и раздвигая ее бедра. Мне дико хочется попробовать ее на вкус, почувствовать, как ее соки стекают по моему языку и губам. Я глазею на ее красивую розовую киску, свет позволяет мне рассмотреть ее, и ее набухающий клитор. Ее пульсирующая, красивая маленькая дырочка, которую я собираюсь заполнить, блестит, ясно демонстрируя мне ее желание.

Она запускает пальцы в мои волосы, пытаюсь притянуть меня ближе, но я сопротивляюсь. Легкая боль от рывка вынуждает меня крепче стиснуть ее до синяков. Когда она перестает пытаться контролировать меня, я наклоняюсь и старательно облизываю всю ее киску от верха до попы, пробуя каждый сантиметр. Я проделываю это снова и снова, прежде чем погрузить свой язык внутрь нее, стремясь получить больше ее восхитительного нектара.

Она шепчет мое имя, двигая бедрами, пытаюсь найти разрядку, но она получит ее только тогда, когда я буду готов, — а это точно не сейчас. Кружа вокруг ее клитора, я дразню ее языком, затем провожу им по ее узелку вперед-назад, а потом втягиваю его в рот и хмыкаю. Она дергается в моей хватке, вскрикивает, когда я сильно сосу клитор, а затем отпускаю и обдуваю его своим дыханием.

— О Боже, пожалуйста! — умоляет она.

Ухмыляясь, я касаюсь ее клитора, проводя пальцами по ее бедру к киске и погружая их в нее, удерживая их там, пока я поглощаю ее. Она сжимается вокруг моих пальцев, и я знаю, что она близка к оргазму, поэтому я загибаю пальцы, поглаживая ее стенки, пока лижу ее клитор, заставляя ее достичь оргазма.

— Кончи для меня, — бормочу я, касаясь ее сокровенной плоти. — Кончи на мои пальцы и язык.

Она дергает меня за волосы, двигая бедрами, а затем внезапно вскрикивает, ее киска сжимает мои пальцы, пытаюсь удержать внутри себя, пока она наслаждается своим оргазмом. Я лижу ее нежно, мягко, пока она не отстраняется от меня. Я вытаскиваю пальцы и обсасываю их, прежде чем лизнуть ее дырочку, пробуя на вкус ее освобождение, а затем я откидываюсь назад и смотрю на нее.

Ее грудь покраснелась, щеки тоже, а рот приоткрыт, пока она пыхтит. Она смотрит на меня сверху вниз, словно никогда не видела меня раньше.

— Первый из многих, детка. Нам нужно наверстать годы.

— Черт возьми, да, — бормочет она, обхватывает мое лицо и большим пальцем поглаживает мои влажные губы. — Трахни меня, Риггс, так, как мы всегда хотели. Я устала ждать, я хочу тебя.

И это все, что ей нужно было сказать. Я поднимаюсь на ноги и целую ее, позволяя ей ощутить собственный вкус на моих губах и языке, пока я снова вжимаю ее в стену. Схватив ее руки, я поднимаю их, переплетая наши пальцы вместе, пока мы сливаемся в глубоком

поцелуе.

Мне хочется смотреть в ее глаза в первый раз, когда я войду в нее, поэтому я отстраняюсь, тяжело дыша, когда она обхватывает ногами мою талию, открывая мне свою киску. Опустив руку, я поглаживаю свой твердый член, прежде чем прижать головку к ее входу. Ее глаза слегка зажмуриваются, губы изгибаются.

— Я люблю тебя, — шепчет она, и я вхожу в нее одним плавным толчком, погружаясь в ее тугую киску.

Мы оба стонем, и мои глаза почти закатываются. Она такая чертовски тугая, такая мокрая и горячая. Она ощущается как шелковая перчатка вокруг моего члена, и когда она стонет, вибрация проходит через нее, направляясь прямо к моим яйцам, так что я вынужден двигаться. Я должен, иначе я кончу после первого толчка, как девственник. Я выхожу и снова вхожу, сначала медленно, потом все быстрее, зная, что остальные могут проснуться в любой момент и найти нас.

Пусть. Пусть посмотрят, как я трахаю свою девочку.

Она может принадлежать им, но сейчас она моя. Сейчас она принимает мой член, целует мой рот и ласкает мою кожу.

Моя.

Она задыхается против моих губ и обхватывает меня руками, пока мы двигаемся вместе. Годами подавляемое желание взрывается в нас, и мы не можем насытиться. Наш поцелуй небрежен, кожа трется друг о друга. Звук наших шлепающихся тел громко звучит в маленькой пещере.

— Больше, — требует она, и все, чего моя девочка хочет, она получает.

Отстранившись от ее киски, я быстро разворачиваю ее и вжимаю грудью в стену. Я раздвигаю ее ноги и наклоняюсь, чтобы прошептать ей на ухо.

— Не двигайся, или я остановлюсь, ты поняла?

Она кивает, когда я оттопыриваю ее задницу, хватаю ее за бедра и снова погружаюсь в нее. Я вбиваюсь в нее сзади, направляя член так, чтобы он попадал в ту точку, от которой она постоянно стонет. Ее ногти царапают стену, и она оттопыривает зад, встречая мои толчки.

Она просто охуенное зрелище. Ее тугая, упругая задница. Все эти мышцы, сила, но в то же время такая мягкость, такая покорность и тепло. От этого мои яйца подтягиваются, а позвоночник почти прогибается, пока я сдерживаю свой оргазм, желая сначала почувствовать ее собственный вокруг своего члена.

— Риггс... — ее дыхание сбивается, когда я вхожу в нее. — Я так близко, пожалуйста, мне нужно... — ее мольба обрывается криком, когда я сжимаю ее клитор, снова доводя ее до оргазма.

Ее тугая киска сжимает меня, как тиски, когда я с трудом выхожу и снова вхожу, извлекая из себя освобождение. Я кончаю внутри нее, наполняя ее своей спермой, и прижимаюсь к ее спине, чувствуя, как дрожит ее тело, пока я борюсь за то, чтобы оставаться в вертикальном положении. Мы оба измотаны и задыхаемся, пока я прислоняюсь к ее спине, целую ее плечо, не в силах пошевелиться.

— Я тоже люблю тебя, Пейтон, — пробормотал я. — Ты — идеальное уравнение.

Она слегка поворачивает голову, и я вижу, как она улыбается, хотя ее глаза остаются закрытыми, и на краткий миг мы просто стоим здесь, соединенные и влюбленные.

— Эй, трахальщики. Капитан Член просыпается, так что вам лучше поторопиться и

одеться. У меня такое чувство, что он вряд ли будет так добр, когда увидит всё это совместное времяпрепровождение, — Фин смеется, а потом я слышу, как он уходит.

— Как долго он там стоял? — с хихиканьем спрашивает Пейтон.

— Кто знает? Он всегда был извращенцем, — я ухмыляюсь, когда выхожу из ее тела и прячу член, прежде чем развернуть ее. Я глажу ее по щекам, крепко целую, а потом целую ее глаза и щеки тоже. — Давай, красавица, отведем тебя обратно и найдем что-нибудь поесть и попить. Тебе нужна энергия.

Я помогаю ей умыться в ручье, и рука об руку мы возвращаемся к остальным.

ПЕЙТОН

Я голая. Все оборачиваются на меня, когда я выхожу, держась за руки с Риггсом. Глаза Калена сужаются, прежде чем пробежаться по мне. Фин свистит и имитирует шлепок по моей заднице. Тайлер... Глаза Тайлера вспыхивают от ревности, прежде чем он отворачивается, сторбившись над костром, который он разжигает. Я хмурюсь и обмениваюсь взглядом с Риггсом. Мы разговариваем посредством одного этого действия, а затем он кивает, поднимает мою руку и целует костяшки пальцев, прежде чем отпустить. Мое сердце трепещет от этого жеста. Улыбаясь, я подхожу к Тайлеру и провожу рукой по его плечу.

— Мы можем поговорить?

— Немного занят, детка, — ворчит он, ласкательное обращение проскальзывает, прежде чем он вздыхает.

— Пожалуйста? — ласково спрашиваю я, зная, что он злится.

— Кей, займись костром, чтобы Тайлер перестал меня игнорировать, — прошу я. Кален фыркает, но подходит, отстраняя Тайлера, который отходит в сторону. Он продолжает игнорировать меня, пока не опускает плечи, смотрит на меня, кивает головой в сторону, а затем уходит. Я следую за ним, обмениваясь взглядом с Финном, который показывает мне большой палец вверх в знак пожелания удачи.

Мы проходим мимо сталагмитов и камней в углу, и тут Тайлер прислоняется к ним спиной.

— Что, Эндрюс? — огрызается он. И так, мы снова используем мою фамилию. Он злится. Я понимаю. Я трахнула Риггса, и он это знает.

— Ты можешь злиться, это нормально, — говорю я ему, шагая ближе. Он вздрагивает, когда я кладу руки ему на грудь, стискивает челюсть, как он обычно делает, когда пытается прикусить язык. — Я трахнула его.

Он снова вздрагивает, словно я дала ему пощечину, и я улыбаюсь, но отказываюсь смягчить удар. Если это должно сработать, он должен знать, что будет происходить. Если он не может справиться с этим сейчас... я должна знать. Я не знаю, смогу ли я отступить от любви к другим, когда я так близка к тому, чтобы получить то, чего я всегда хотела, но я также не могу снова причинить боль Тайлеру.

— Я так и сделала, — пробормотала я. — Это не значит, что я не люблю тебя или не хочу тебя.

Я позволяю себе быть уязвимой, зная, что это единственный способ для него увидеть правду. Мы не можем танцевать вокруг да около.

— Это значит, что и его я тоже люблю. Мне нужно знать, сможешь ли ты с этим справиться. Я знаю, что вы все решили... разделить меня, — я запинаясь на словах, — Но реальность немного другая. Мне нужно знать, Тайлер.

— Будет ли какая-то разница, если это причинит мне боль... или если я не смогу с этим справиться? — насмешливо спрашивает он.

— Да, — серьезно отвечаю я, — Потому что однажды я уже причинила тебе боль, и я отказываюсь делать это снова, даже если это значит потерять их. Даже если это означает, что я буду несчастна до конца своих дней. Я никогда... — я делаю шаг вперед, прижимаясь к нему и не сводя глаз с его голубых глаз, которые я знаю лучше, чем свои собственные. — Я больше никогда не причиню тебе боль. Я могу жить без всех вас, это убивало меня раньше, но я могу это сделать. Но я не могу жить, разбив твое сердце.

Он смотрит на меня, и постепенно его лицо смягчается.

— Детка, — шепчет он, прежде чем обхватить меня руками и притянуть к себе. Я дрожу, и он вздыхает, целуя мою макушку и прижимая меня к себе, как раньше. — Я не знаю. Мне больно это видеть, признаю, но я не хочу, чтобы тебе тоже было больно. Ты любишь их, я люблю тебя, я согласился попробовать. Это не значит, что я не буду ревновать или не буду уходить на время, чтобы остыть. Мне придется учиться, но я также не хочу, чтобы ты скрывалась, потому что это и их отношения тоже, и они заслуживают большего, чем прятаться по углах, чтобы защитить мои нежные чувства.

Черт, как один человек может быть таким удивительным?

— Я люблю тебя, — это все, что я могу сказать в ответ. — Мне жаль, что тебе было больно видеть нас вместе.

— Я могу придумать, как исправить ситуацию, — его губы медленно растягиваются в улыбке, а глаза темнеют, одаривая меня горящим взглядом, а его руки скользят по моей спине к заднице, сжимая ее.

— Да? — мурлычу я, когда он притягивает меня ближе. Я чувствую, как бусинки браслетов скользят по моей коже, когда он мягко шлепает меня по заднице. Закрыв глаза, я откидываю голову назад, когда его губы опускаются вниз, касаясь моей щеки и шеи. — Не могу поверить, что ты все еще носишь свои браслеты.

— Конечно, ношу. Даже когда я ненавидел тебя, все равно любил, — пробормотал он, касаясь точки моего пульса. — Я всегда буду любить тебя. Я носил их, чтобы всегда иметь при себе частичку тебя, для того чтобы мы могли исследовать мир вместе, как мы всегда мечтали.

— Ты такой чертовски мягкий, — шепчу я, потираясь о его грудь.

— Я покажу тебе, насколько твердым я могу быть, детка, — отвечает он, покусывая мою шею.

— Они слышат нас, — бормочу я, задыхаясь, и его голубой взгляд опускается вниз, пристально глядя на меня. Любовь всей моей жизни, один из них, снова предлагает мне то, чего я хочу.

— И что? — шепчет он. — Пускай. Ничего такого, чего бы они не слышали раньше, детка, и я ждал три года, чтобы вытряхнуть наши проблемы... Если только ты не хочешь? —

дразнит он.

Я сужаю глаза и бросаюсь на него. Он ловит меня со смехом, когда мои ноги обвиваются вокруг его талии, и прижимает меня спиной к камню. Он запускает руку в мои волосы, а его рот опускается на мой.

— Трахни меня, — требую я, прижимаясь к его рту.

— Таков план, детка. Оттрахать тебя так сильно, чтобы ты больше никогда не смогла от нас уйти, — бормочет он.

Да, черт возьми.

Прижав меня спиной к камням, он удерживает меня на месте, обхватывая мою грудь, массируя мягкую плоть, пока целует меня. Его умелые пальцы пощипывают мой сосок так, как мне нравится, — почти на грани боли, но затем он выкручивает его, пронизывая болью все мое тело, пока я громко не застонала, а он не усмехнулся мне в губы. О, так вот в какую игру мы играем, да?

Он хочет, чтобы они слушали. Хочет заставить меня кричать, пока они слушают.

Я слышу, как их разговор на мгновение стихает, прежде чем Фин смеется, и они продолжают говорить, несомненно, пытаюсь игнорировать очевидные звуки, издаваемые моими устами.

— Тай... — хнычу я, когда он отпускает мой сосок, а затем пощипывает другой и зажимает его, превращая в твердую пику. Он отрывает свой рот от моего и опускает голову, всасывая один сосок в рот. Откинувшись на камень, я закрываю глаза, когда удовольствие проносится по мне, переходя от соска к клитору. У меня все еще болит после Риггса, но я бы не остановилась ни за что на свете. Я представляла себе это в течение трех лет — как снова окажусь в его объятиях, почувствую, как он прикасается ко мне, целует меня... вводит в меня свой член.

Словно он знает направление моих мыслей, его рука медленно скользит по моему животу, по тому месту, которое, как он знает, расслабляет меня, как желе, прежде чем он опускается ниже. Медленно поглаживая мои половые губы, он нежно дразнит меня, даже когда его зубы терзают мой сосок.

— Пожалуйста, — умоляюще шепчу я, хотя сама не знаю, о чем прошу. Но Тайлер всегда знает, потому что он знает мое тело лучше меня. Он точно знает, что нужно погладить, ущипнуть, щелкнуть и потереть. Он знает, как сильно и когда. Тай — мастер доставлять мне удовольствие, и всегда им был, ведь он потратил годы на изучение каждого изгиба и точки, но очевидно, что он намерен изучить их снова, стерев те годы между нами.

Его пальцы раздвигают мои половые губы и проводят по моей влажной киске, затем возвращаются назад и медленно обводят мой пульсирующий клитор.

— Пожалуйста что, детка? — хрипит он, отпуская мой сосок и целуя грудь, когда его глаза встречаются с моими. — Трахнуть тебя? Попробовать тебя на вкус?

— Все это, — я стону и выгибаюсь, когда он покрывает поцелуями мои соски, настойчиво втягивая их в рот.

— Мне нужно наверстать три года, Пейтон. Ты не будешь меня торопить, — властно заявляет он. Мой сильный, уверенный парень вернулся, тот самый, который пробовал меня на вкус и прикасался ко мне часами, не позволяя мне кончить, пока он не будет готов.

— Нам нужно выбраться отсюда, из пещер, — начинаю я, и он поднимает голову. Он до боли сжимает мой подбородок, заставляя меня посмотреть ему в глаза.

— Нет ничего такого, что не могло бы подождать. А теперь прекрати выдумывать

отговорки, или я трахну твою киску, пока сам не кончу, после чего оставлю тебя мокрой и нуждающейся. Поняла, детка? — рычит он, заставляя меня дрожать от силы его тона. Он улыбается, зная, что мне нравится, когда он все контролирует. Его вторая рука, наконец, опускается ниже, и он вводит в меня один палец, затем другой. Он не сводит с меня глаз, растягивая меня. Мой рот открывается в стоне, а глаза стремятся закрыться от удовольствия, но его контроль не позволяет мне этого сделать.

— Я скучал по этой киске, — рычит он, облизывая губы, наблюдая за мной.

— Да? — простонала я. — Тогда покажи мне, как сильно.

Усмехаясь, он наклоняется и снова целует меня, в то время как его пальцы сгибаются во мне, поглаживая мои стенки, прежде чем отстраниться и снова войти, медленно, чертовски медленно. Он держит меня на краю пропасти, пока его язык переплетается с моим.

Я приподнимаю бедра, подстегивая его, и он отстраняется, обхватывая меня рукой за талию.

— Держись за камень, — инструктирует он. Я послушно хватаюсь, и вовремя, поскольку он отпускает меня и опускается на колени. Он раздвигает мои бедра, хватая их, и смотрит на мою киску жадными глазами, и как раз когда я готова сорваться, он наклоняется и сосет мой клитор. От неожиданности я дергаюсь, и чуть не падаю, прежде чем впиться пальцами в камни и удержаться на ногах, закинув ноги ему на плечи, пока он ласкает мою киску.

Он ест меня так, как я люблю — быстро и грязно.

Его язык скользит по моей сердцевине, прежде чем погрузиться внутрь. Он пронзает меня им, затем скользит вверх и ласкает мой клитор снова и снова, и так до тех пор, пока я на грани оргазма, но затем он отстраняется и ухмыляется мне, его подбородок и губы блестят от моих соков.

— По-прежнему такая предсказуемая, — пробормотал он, обсасывая свои пальцы. — Первый раз, когда ты снова кончишь со мной, будет вокруг моего члена, Пейтон Эндрюс, где ты сможешь смотреть в мои глаза и вспоминать, как нам было чертовски хорошо вместе.

Встав на ноги, он обхватывает мои бедра и наклоняется, целуя меня еще раз. Я чувствую вкус моих соков на его губах, когда он тянется вниз, освобождает свой твердый член и прижимается к моей киске. Он двигает моими бедрами вперед-назад по своему члену, смазывая его моими соками, а я стону ему в рот и кусаю в качестве наказания за то, что он не позволил мне кончить.

— Пейтон, — огрызается он, отстраняясь. — Веди себя хорошо, или вообще не кончишь, — угрожает он, а затем, как и обещал, подводит головку своего члена к моей киске и одним плавным толчком входит в меня, заставляя меня кричать. Я слышу стон одного из парней, впиваясь ногтями в плечи Тайлера, и держусь, пока он вырывается и снова входит в меня. Мне никак не удастся избежать его огромного члена, пока он трахает меня жестко и быстро. Это наказание за то, что испытывала его.

Он прижимает меня к камню, до боли вдавливая меня в него. Его пальцы пощипывают мой клитор, доводя меня до грани, а затем я с криком кончаю на его члене. Он стонет и пробивается сквозь мою сжимающуюся киску, трахая меня на протяжении всего оргазма, пока наслаждение не проходит, а затем снова начинает нарастать.

— Один, — он ухмыляется. — Сколько я смогу выжать из тебя, прежде чем они придут проверить, убиваем ли мы друг друга или трахаемся здесь? — интересуется он вслух.

— Боже, надеюсь, что хотя бы три, — хрипло отвечаю я, впиваясь ногтями в его спину и

обхватывая его задницу. — Двигайся быстрее, трахай меня так, будто ты меня ненавидишь.

Со стоном он обхватывает рукой мою шею и сжимает, вонзаясь в меня. Его не волнует, больно ли мне или приятно, он просто вводит и выводит свой член из моей тугой дырочки. Шлепки наших тел громко звучат в пещере, и мои соки стекают из моей киски вниз по его члену, когда я закрываю глаза и задыхаюсь.

Наслаждение слишком велико, словно экстаз, пронизывающий мои вены.

Для кого-то, кто может задержать дыхание на одиннадцать минут, Тайлер никак не может лишиться меня его. Он вытягивает из меня очередной оргазм, требуя его, подталкивая меня дальше. Его большой палец давит на мою шею, удовольствие и боль проносятся сквозь меня, создавая электрический шторм, до тех пор, пока еще одна искра не взорвет меня.

— Считай, — приказывает он сквозь стиснутые зубы, зная, что я близко. Со злостью он зажимает мой клитор, и я кричу о своем освобождении. Он трахает меня сквозь оргазм, слегка замедляясь, пока я не вспоминаю, что должна была считать.

— Два, — говорю я, и тут мое дыхание сбивается, когда он выходит из меня.

Ухмыляясь, он разворачивает меня и прислоняет к скале, потираясь своим влажным членом о мою задницу.

— Думаешь, мы сможем выжать еще два, трахая твою задницу? — спрашивает он, раздвигая мои ягодицы и поглаживая пальцем мою вторую дырочку.

— Думаю, сможем. Какой был наш рекорд?

— Семь, — выдыхаю я, толкаясь назад.

— Семь? Черт, мне нужно улучшить свою игру, — он стонет и наклоняется вперед, проводя языком по моему позвоночнику. Мурашки бегут по моей коже, а его пальцы массируют мои ягодицы.

— Тебе не помешает, — дразню я, отталкиваясь, призывая его взять мою задницу. Мне уже нужно кончить снова. Я жадная гребаная сучка, и мне плевать.

— Черт, я когда-нибудь ел эту задницу? Потому что я так чертовски искушен, — бормочет он.

— Потом, — пыхчу я. — Мне нужен твой член.

Он опускает свою руку на мою спину, прижимая головку своего истекающего влагой члена к моей дырочке.

— Такая чертовски требовательная, Пейтон, ничего не изменилось.

— Некоторые вещи изменились, — бормочу я, и он замирает, прежде чем сжать мои волосы в кулак и откинуть мою голову назад.

— Что это было? — спрашивает он медленно, сердито.

— Я сказала, что некоторые вещи изменились. Ты больше дразнишься, ты стал более терпеливым, чтобы ввести в меня свой член, — шепчу я.

— У меня три года практики, — рычит он. — Чтобы ждать и быть нуждающимся.

Он вводит свой член, начиная медленно и заставляя меня расслабиться, затем отстраняется и снова толкается. Из-за такого угла он проникает в меня так глубоко, что я растянута так сильно, что это почти больно. Он показывает мне, что все еще злится из-за моего ухода и вымещает это на мне, но наша любовь всегда была такой.

— Три года я хотел тебя. Вспоминал тепло твоего тела, звуки твоих криков. Три долбанных года, детка, сделали меня терпеливым, блять, человеком. Особенно когда дело касается твоей киски и удовольствия.

Он замолкает и начинает трахать меня. Каждый толчок все быстрее и сильнее, чем

предыдущий. Он почти разрывает меня на части своим толстым членом. Он трахает меня так, будто ненавидит, как я и просила.

Он удерживает меня на месте, обхватив меня своей рукой, а другой впиваясь в бедро. Используя мое тело, он берет его, но на этот раз, когда я кончаю, я хочу, чтобы кончил и он. Я хочу чувствовать, как его сперма вытекает из меня, знать, что он хочет этого так же сильно, как и я, поэтому я толкаюсь назад, встречая его толчки и подталкивая его вперед. Он стонет, звук получается придушенным, так как он борется с моей тугой задницей.

— Бля, детка, — рычит он, и его бедра замирают в знакомой манере. Я усмехаюсь, зная, что он близок к развязке, как бы сильно он ни пытался сопротивляться. Не желая кончать без меня, он погружает свои пальцы в мою киску, просто удерживая их там, пока его большой палец тербит мой клитор, повергая меня в третий оргазм с тихим криком.

Он вскрикивает, когда снова входит в мою задницу, а затем я чувствую, как его освобождение заполняет меня, когда он крепче сжимает мое бедро. Мгновение спустя он прижимается головой к моей спине, и его неровное дыхание обдувает мою потную кожу, пока он держит меня — хорошо, потому что мои ноги дрожат. Усталость наваливается на меня, и я закрываю глаза, купаясь в блаженстве.

— Скажите мне, что вы закончили, — зовет Фин, его голос звучит болезненно. — Мне чертовски тяжело слушать вас двоих, а Кален, по сути, держит голову под водой.

Мы оба смеемся, и Тайлер покрывает поцелуями мой позвоночник.

— Даже после стольких лет, детка, каждый раз все равно кажется первым.

— Ты говоришь о том времени, когда мы были неуклюжими, глупыми подростками? — поддразниваю я.

— И это тоже, но тогда мы впервые ощутили всю глубину эмоций между нами. Это никогда не изменится. Я люблю тебя так чертовски сильно, — шепчет он.

— Я тоже тебя люблю, Тайлер, — отвечаю я. — Хотя я и люблю других, но ты всегда будешь первым мужчиной, который завладел моим сердцем.

Это правда, я люблю других, но Тайлер... Тайлер был моей первой любовью, и я знаю, что он будет и моей последней. Так получилось, что сейчас эта любовь преобразилась, повзрослела и выросла вместе с нами.

Как и должно быть.

КАЛЕН

Игнорируя звуки, доносящиеся из-за скалы, я сообщаю Майклу и наземной базе о текущих событиях. Он радуется, что с Пейтон все в порядке, и требует поговорить с ней, но мне приходится отмахнуться от него, не говоря ему, что она сейчас трахается с моим братом. От звуков, которые она издает, во мне вспыхивают зависть и похоть.

Я также начинаю собирать вещи. Мы собираемся остаться здесь еще на одну ночь, чтобы Пейтон полностью отдохнула и пришла в себя, прежде чем мы начнем погружение обратно на передовую базу. Так она будет в состоянии держаться на ногах и отбивать любые атаки. Не то чтобы она нуждалась в этом, я больше не планирую оставлять ее одну.

Затем я начинаю готовить еду, зная, что она будет нуждаться в ней, чтобы восстановиться после испытания и всего этого траха. Фин помогает мне, пока Риггс чертит карту, ища возможные пути нападения и лучшие выходы. Мы выберемся из этой гребаной пещеры, как только Пейтон сможет двигаться.

Как раз к тому времени, как еда заканчивает готовиться, они с Тайлером возвращаются, рука об руку. Я поднимаю бровь на широкую улыбку на его лице. Я не видел его таким счастливым с тех пор, как она ушла. Это помогает притупить мой гнев и ревность, и когда она поднимает глаза и встречается с моими, ее взгляд наполнен той же любовью и счастьем — не только по отношению к нему, но и ко мне. Я успокаиваюсь и улыбаюсь ей в ответ, что только усиливает ее улыбку.

Тайлер помогает ей одеться в новое термобелье и костюм, чтобы согреться, а потом мы все садимся есть. Фин, конечно же, должен нарушить молчание.

— Итак... кто же был лучше?

Я бросаю в него своей шпажкой, а он уворачивается и смеется.

— Что? Мне просто любопытно! Мы должны завести что-то вроде таблицы со звездочками для тех, кто доставил ей лучший оргазм в тот день, — дразнит он, ухмыляясь, и откидывается назад напротив меня.

Пейтон хихикает слева от меня, прильнув ко мне, ничуть не стесняясь, ее вторая рука опускается на ногу Тайлера.

— Они оба получают звездочки, — говорит она.

Он наклоняется ближе, шевеля бровями.

— Да? Выкладывай подробности, детка. Это были руки...

На этот раз Тайлер швыряет в него чем-то.

— Заткнись, Фин.

— Или в следующий раз это будет мой кулак, — ворчу я.

Не пугаясь, он смеется и подмигивает Пейтон.

— Он просто злится, что не получил сегодня твою киску.

— Вот и все, — я начинаю подниматься на ноги, стараясь не потревожить Пейтон, готовый надрать ему задницу. Она смеется и хватает меня, дергая обратно вниз, прежде чем плюхнуться мне на колени. Я моргаю, не в силах пошевелиться, чтобы не причинить ей боль или не ударить. Глядя поверх ее головы на Фина, я обхватываю ее руками и притягиваю к себе, сохраняя ее в тепле, а Фин начинает завывать.

— Она так легко остановила твою атаку, — поддразнивает он. — Большой плохой Кален был сражен девочкой на его коленях.

— Малышка, предупреди своего парня, чтобы он остановился, пока я его не убил, — шепчу я ей на ухо, вдыхая ее запах, пока она расслабляется в моих объятиях, и улыбка скривила мои губы. Я не сомневаюсь, что она чувствует ее на своей коже.

— Фин, если ты не прекратишь, я не буду сосать твой член никогда, — говорит она ему.

Он замирает, его глаза расширяются.

— Детка, не говори подобных глупостей, — он смотрит вниз на свой член. — Она не это имела в виду. Я обещаю, дружок.

— Господи, я убью его, прежде чем мы выберемся из этих пещер, — пробормотал Тайлер.

— Я присоединюсь к тебе, — предлагаю я, встретившись с ним взглядом. Он улыбается мне, прежде чем его взгляд опускается к его девочке на моих коленях — моей девочке тоже — и он смягчается, не в силах отвести от нее взгляд. Мне знакомо это чувство.

Интересно, отдаст ли он ей кольцо и успокоит ли это его? Может, это даже смягчит Фина и снимет тревогу Риггса. Она способна помочь всем нам. Пейтон вздыхает и прижимается ближе, не зная о моих мыслях.

— Так какой план, мальчики?

— Сегодня мы отдыхаем здесь. База пакует вещи, так что как только мы прибудем туда завтра, мы быстро, но безопасно пройдем по туннелям, по которым мы попали сюда, а потом свалим нахрен. Об этих местах сообщат как о небезопасной среде, — серьезно объясняет Тайлер.

— Мы можем отправиться сегодня...

Я поднимаю и поворачиваю ее так, чтобы она сидела лицом ко мне на коленях, а затем беру ее за подбородок, заставляя посмотреть мне в глаза.

— Не заканчивай это предложение, мать твою. Позволь нам хоть раз позаботиться о тебе. Сегодня ты будешь отдыхать, — я сужаю глаза. — Я имею в виду отдыхать, не трахаться, а завтра мы отсюда уйдем. Поняла, малышка?

Она наклоняется и целует меня, чем ошеломляет меня, а затем откидывается назад с усмешкой, зная, что она все равно выиграла, потому что она уступает только потому, что хочет этого.

— Хорошо.

— Это было слишком легко, — комментирует Риггс. — Нам нужно запомнить, как он

этого добился.

Она закатывает глаза и собирается что-то сказать, когда мы все слышим шум. Нахмурившись, я отодвигаю ее в сторону, встаю и оглядываюсь. Годы тренировок дают о себе знать, заставляя меня реагировать мгновенно. Они пытаются что-то сказать, но я поднимаю руку, заставляя их замолчать, и сканирую окрестности на предмет угрозы для моей семьи и девушки.

И тут воздух раскалывает крик — знакомый вопль.

Я резко вскидываю голову и хватаю нож, толкая Пейтон за спину.

— Черт, — бормочу я.

— Это они, — рычит она.

— Черт, ты хочешь сказать, что эти ублюдки-монстры приближаются? — вопит Фин, вскакивая на ноги.

— Не приближаются, они здесь, — бормочу я, наблюдая, как они выползают из небольшой расщелины в верхней части пещеры, которую мы пропустили.

— Дерьмо! — кричит Тайлер.

Довольно точно.

ПЕЙТОН

Я подхватываю палку из костра, один конец которой пылает, и сжимаю нож. В жопу этих монстров. Они не смогут причинить боль моей семье. Я наблюдаю, держась наполовину позади Калена, тело которого вибрирует от едва сдерживаемого насилия, как они выползают из щели над нами, а затем поднимаются в воздух. Они летают вокруг вслепую, выискивая нас. Мы все затихаем, наполненные напряженным ожиданием. Я могу чувствовать сосредоточенность Калена, в отличие от нервозности, которая наполняет всех нас.

Он привык к этому, привык быть готовым к атаке в любой момент. Переходить от расслабленного состояния к обороне. Мы все просто смотрим, стоя спиной друг к другу, пока существа кружат над нами, стараясь сохранять тишину, ведь именно так они и охотятся.

Однако огонь все еще шипит, и они сосредоточены на нем, их вопли усиливаются по мере того, как они спускаются. Черт. Подойдя ближе, я начинаю медленно тушить огонь, бросая взгляд на монстров каждые несколько секунд, пока костер не гаснет, а затем снова отхожу, возвращаясь к Калену, когда пещера погружается в темноту. Я неохотно гашу свою палку, не желая, чтобы треск огня выдал нас. Вместо этого я крепче сжимаю свой нож. Наши фонари все еще горят, но отбрасывают тени. Я наблюдаю, как они садятся на камни и стены вокруг нас, наклоняют головы, прислушиваясь и выжидая.

Они, несомненно, могут нас переждать.

Я смотрю на Калена, чтобы понять, что мне делать. Он наблюдает за ними, кажется, совершенно безразлично. Секунды превращаются в минуты, сердце колотится, адреналин бьет через край, мышцы напряжены, я стараюсь не переминыться с ноги на ногу.

Вдруг раздается звук скользящих камней. Мои глаза расширяются, и я оборачиваюсь, и вижу, как Фин с открытым ртом смотрит себе под ноги, прежде чем монстры с криком пикируют на нас. Я готовлюсь, сосредоточившись на их спуске. Один из монстров приближается, я наношу удар, он вопит и ныряет назад, когти другого впиваются мне в руку, но я продолжаю резать и колоть, отбиваясь и теряя самообладание.

Я слышу, как остальные сражаются вокруг меня, кто-то вскрикивает от боли, и наше намерение отбиться от них продолжается, как мне кажется, уже несколько часов. Мои руки

тяжеленют, и я начинаю замедляться, когда раздается громкий треск, и монстры мгновенно разлетаются в стороны.

Задыхаясь, я оглядываюсь и вижу, как Риггс отходит от края бассейна, куда он только что бросил камень. Он прижимает палец к губам, и мы все замираем, едва дыша. Монстры летят прямо в воду, плывя вниз, навстречу шуму. Мы все остаемся неподвижными и тихими, и по мере того, как проходят минуты, мы начинаем расслабляться.

— Они могут вернуться в любой момент, нам нужно двигаться, — шепчу я.

— Мы не можем, — бормочет Тайлер. — Ты истекаешь кровью, и Фин тоже.

В панике я поворачиваюсь и вижу, как он слабо улыбается мне со следами когтей на лице. Черт, они не слишком глубокие, но все же достаточно серьезные, чтобы кровь стекала по его лицу струйками.

— Кален, Риггс, караульте. Пейтон, принеси сумку и помоги мне очистить рану, — я поспешно выполняю приказ, пока Фин присаживается. Я передаю ему воду и держу его за руку, пока Тайлер начинает промывать его раны и распаковывать сумку. Я не обращаю внимания на свою кровоточащую руку, зная, что все не так плохо.

— Детка, у тебя снова идет кровь. Тай, займись сначала ею, — настаивает Фин, но я сужаю глаза.

— Заткнись, ты, большой ребенок. Чем быстрее он очистит и перевяжет тебя, тем скорее он сможет заняться мной, — говорю я, а затем смягчаю голос и целую его в другую щеку, а затем в губы. — Пожалуйста?

— Блять, — бормочет он. — Хорошо, но только быстро, мне не нравится, что у нее идет кровь.

Я отвлекаю его, тихонько разговаривая ни о чем и обо всем. Я рассказываю ему истории о скалах, с которыми я плавала, и об острове, где в воде плавали свиньи, пока Тайлер перевязывает раны. Как только он заканчивает, они оба очищают мою руку и перевязывают. Я знаю, что рана не слишком глубокая, так что все в порядке, и после перевязки я ее почти не чувствую.

Закончив, мы огляделись, понимая, что здесь небезопасно, но мы пока не можем войти в воду, если они все еще там, а нам с Фином нужно отдохнуть. Потеря крови, может быть, и невелика, но в наших телах полно адреналина и страха, поэтому нам нужно успокоиться, иначе во время погружения может случиться самое худшее.

Мы все устраиваемся, чтобы немного отдохнуть.

Мы почти не спим. Всю ночь мы держим оружие наготове, стараясь не шуметь. Фин дремлет, и я тоже, понимая, что нам нужна энергия, но после нескольких часов отдыха Тайлер сдается и соглашается, что мы можем возвращаться. Здесь мы не в безопасности.

Нервные, но счастливые, мы начинаем собирать оставшиеся вещи. Все идет гладко и быстро, потому что мы все привыкли к этому. Это рутина, норма, когда мы функционируем лучше всего, даже в худшие времена. Как раз когда мы застегиваем ласты, в рации раздается треск, крики и вопли.

— База атакована, — связь прерывается. — Не возвращайтесь! — кричит Майкл.

Я хватаю рацию.

— Майкл? — кричу я в панике.

— Минноу, не возвращай... — он прерывается, а затем возвращается, задыхаясь. — Не возвращайся сюда. Это резня. Минноу, оставайся там!

Помехи громко звучат в тихой пещере. Я смотрю на микрофон, мои глаза расширены, страх пронизывает меня насквозь.

Я пытаюсь снова вызвать его, переключая частоту каналов и крича, но Тайлер выхватывает рацию из моих цепких пальцев и поднимает мой подбородок.

— С ним все будет хорошо. Доверься ему, как он доверился тебе, но он прав — если они там, мы не можем вернуться.

— Так что же нам делать?

Тайлер рычит, дергая себя за волосы в отчаянии, пока я смотрю на Калена. Я чувствую, как мое сердце раскалывается, и страх вызывает у меня дрожь. Я не могу потерять Майкла... но это и наш единственный выход.

Мы в ловушке.

— Мы выживем, — пробормотал он. — Это единственное, что мы можем сделать.

О Боже, Майкл, пожалуйста, будь в порядке.

ТАЙЛЕР

Они все смотрят на меня в поисках плана. Они не говорят открыто, но паники, написанной на их лицах, достаточно, чтобы понять их мысли. Я не могу позволить себе растеряться, я должен сохранять спокойствие. Риггс проводит инвентаризацию того, что у нас осталось. Кален проверяет снаряжение и устанавливает систему предупреждения у входа в воду на случай, если они вернуться. Фин отдыхает, а Пейтон проверяет снаряжение вместе с Каленом. Я? Я смотрю вниз на виртуальную карту, которую Риггс нарисовал, выискивая что-нибудь — другой путь внутрь, другой выход... но в глубине души я знаю.

Мы должны следовать этому, другого пути пока нет. Эта система не нанесена на карту, но здесь есть океанские воды, а значит, где-то должен быть другой выход. Мы просто должны найти его, пока эти долбаные монстры не нашли нас. И именно я должен вести их. Один неверный шаг, и моя семья погибнет. Это значит, что каждое гребаное решение должно быть просчитано и продумано, потому что я не собираюсь терять никого из них.

Ни сейчас, ни когда-либо.

Я говорю себе, что это просто еще одно погружение в пещеру, еще одно препятствие, которое нужно преодолеть. Мы уже были в пещерах раньше, и нас окружали хищники и угрозы — не вместе, но, как и тогда, мы переживем это. Они — животные, вот и все, а мы — чертовски разумные существа. Мы выберемся из этого. Мы делали это раньше, мы можем сделать это и сейчас.

Крепче сжимая в руках компьютер, я вздыхаю и закрываю глаза. Если мы пойдем дальше, нам нужно будет вернуться через туннель, в который влетели эти существа, но, как бы жестоко это ни звучало, сейчас они явно заняты на другой базе. Это дает нам время, чтобы пройти и выбраться.

Пейтон придвигается ближе, прислоняясь к моей руке. Она знает, что я нуждаюсь в ней, не спрашивая, что позволяет мне сохранять спокойное, невозмутимое выражение лица.

— Каков план? — она спрашивает не для того, чтобы поторопить меня, а для того, чтобы помочь. Она хороша, умна, она может увидеть лучший путь. Это старая традиция — работать вместе, и мне становится грустно, когда я смотрю в эти светлые, любящие глаза.

Возможно, мы делали это раньше, но сейчас все изменилось, и мы начинаем все с чистого листа. Значит, нужно впустить ее обратно.

По одному шагу за раз.

— Мы не можем вернуться назад, я думаю, нам нужно зайти глубже. Я знаю, это звучит...

— Умно, — перебивает она, улыбаясь мне. Ее улыбка сразу гаснет, а взгляд сосредотачивается на экране.

Она поворачивает карту, закусив губу, как это обычно бывает, когда она сосредоточена. Я сглатываю, чувствуя, как сжимается мое сердце, и пытаюсь отогнать внезапно вспыхнувшую любовь.

— Я тоже так думаю. Должен быть другой выход.

Она поднимает глаза и моргает, когда видит, что я смотрю на нее. Прочистив горло, я опускаю взгляд на карту, но ловлю ее улыбку.

— Я тоже так думаю. Они все еще должны быть... на базе. Нам нужно двигаться быстро, но не терять бдительности. Необходимо найти другой выход. Мы не продержимся до прибытия спасателей, — я вздохнул.

— Неа, пайка хватит только на два дня, — говорит Риггс, приближаясь. — Так что нам нужно выдвигаться сейчас.

— Похоже на то, тем более, надо двигаться, пока мы не начали уставать и голодать. Это было бы плохо, — бормочу я, снова вертя карту и проводя пальцем по линии. — Мы возьмем этот путь и пойдем по нему. Держимся тихо. Наши костюмы создают шум, но, надеюсь, течение и скалы внизу его скроют. Мы плывем столько, сколько сможем, останавливаясь только при необходимости. Это будет утомительно.

Я поднимаю глаза и вижу, что к нам присоединились Фин и Кален.

— Но это наш единственный путь. Мы выберемся отсюда, и начнем прямо сейчас, — я закрываю карту. — Есть возражения?

— Никаких, боссмен, — Фин салютует.

Кален качает головой.

— Давайте убираться отсюда на хрен, а потом я хочу выпить и поспать, — ворчит он.

— Я присоединяюсь к тебе, — дразнит Пейтон, а затем подмигивает мне.

— Тогда давай, детка, одевайся, — я наклоняюсь и целую ее. Частично это делается для того, чтобы доказать им, что я могу, но с другой стороны, она просто слишком чертовски мила, чтобы сопротивляться. Отстранившись, я улыбаюсь ей, когда мы вдруг слышим всплеск.

В бассейне что-то есть.

Кален мгновенно оказывается там, с ножом в руке, а остальные замирают, храня молчание. Мы с тревогой ждем, пока шум становится громче. Вода бурлит, и я тяну Пейтон за спину, хотя она пытается оставаться рядом со мной. Я бросаю на нее взгляд и не обращаю внимания на ее кипящий гнев, пока Кален придвигается ближе к краю, готовый остановить чудищ, как только они всплывут.

Но голова, вынырывающая из воды, не чудовищная.

Это голова человека.

ПЕЙТОН

У меня перехватывает дыхание, когда из воды появляется голова в маске, и через мгновение я понимаю, кто это. Я вырываюсь из рук Тайлера и мчусь вперед по земле, мое сердце бешено колотится, когда Майкл снимает маску.

— Майкл! — кричу я и бросаюсь к нему, когда он забирается на выступ, кашляя и отплеываясь, я кидаюсь в его объятия. Он ловит меня с шокированным смехом.

— Привет, Минноу! — бормочет он, на мгновение крепко обнимая меня.

Я чувствую, как слезы стекают по моему лицу, когда я смотрю на него.

— Я думала, что потеряла тебя, — шепчу я.

— Нет, я слишком упрям, чтобы умереть. Совсем как ты, малыш, — он хихикает.

Я не могу удержаться от ухмылки, когда отступаю назад и смотрю на него.

— Как ты, старик? Что случилось?

— Дай мне выбраться, и я тебе расскажу, — отвечает он. Вздрогнув, я отступаю назад, и тут я замечаю огромную рану, идущую по всей длине его руки.

— Тайлер, аптечка! — кричу я, подхватывая Майкла под руку и помогая ему сесть спиной к сталагмиту. Его лицо бледное, а глаза слегка налиты кровью, но в остальном он выглядит нормально. Ему нельзя нырять, но когда я прижимаю голову к его груди, я не слышу ничего необычного. Это было лишь короткое погружение, так что, надеюсь, все в порядке. Я откидываюсь назад, когда Тайлер и остальные окружают нас. Мои руки дрожат, поэтому Риггс перехватывает инициативу и начинает промывать и перевязывать рану Майкла.

— Кто-нибудь еще выжил? — спрашиваю я. По его хмурому лицу мне все понятно.

— Нет. Эти ублюдки ударили по нам из ниоткуда, у нас не было ни единого шанса, — ворчит он. — Я пытался спасти их...

— Я знаю, — я сжимаю его руку. Если бы существовал способ спасти их, он бы это сделал. Майкл не из тех, кто оставляет кого-то позади. Я просто рада, что он жив, даже если мое сердце разрывается из-за всех тех, кого мы потеряли. В конце концов, они спустились сюда ради нас.

— Минноу, мы даже не заметили их приближения. В одну секунду мы собирали вещи и

проверяли мониторы, а в следующую — они были там, атакуя то из воды, то сверху. Их было так много, что мы едва могли видеть. Я сражался со всеми, с кем мог, но мы были окружены. Другие хватали снаряжение, чтобы нырнуть, и я побежал к ним, но их утащило в воду, и она стала красной. Я понял, что у меня нет выбора. Я схватил снаряжение и ушел под воду, убив поджидавших меня существ, и скользнул в снаряжение. Я переждал и высунул голову наружу, но... никого в живых не осталось.

Он тяжело вздыхает, и я ненавижу уязвимость, которую вижу в его глазах. Этот человек через многое прошел, и теперь к списку его ужасов добавился еще один.

— Я плыл прямо сюда, надеясь, что вы еще не уплыли.

Он переводит взгляд с меня на Тайлера.

— Мы не можем вернуться тем путем, их было слишком много.

— Мы согласны, нам нужно двигаться вперед. Как только ты отдохнешь и... — начинает Тайлер.

— К черту отдых, я в порядке. Нам нужно двигаться, пока они не пришли за нами, — его суженный взгляд переходит на меня. — Может, я и стар, но я в состоянии не отставать. Нам нужно быстро плыть и опередить этих ублюдков в поисках выхода.

— Старик, — начинаю я, но он еще больше сужает глаза и смотрит на меня взглядом, требующим не спорить с ним.

— Я не собираюсь умирать здесь, если я и умру, то с гребаной бутылкой водки в руке на могиле моей семьи. И ты тоже не умрешь здесь, Минноу, так что перестань беспокоиться обо мне, ладно? — он сжимает мою руку. — Ты забыла, почему ты меня наняла? Я гребаная машина. Давай-ка уже поторопимся, чтобы мы могли убраться подальше от этих крылатых ублюдков и вернуться на поверхность.

Я пробегаю глазами по его лицу. Я чувствую, как остальные смотрят на меня, зная, что это мое решение.

— Хорошо, раз ты говоришь, что все в порядке, но ты скажешь мне, если или когда тебе понадобятся перерывы, или я сама их устрою, понял? — огрызаюсь я своим властным тоном.

— Понял, — соглашается он.

Я смотрю на Тайлера.

— Тогда давайте шевелиться и убираться из этого места.

Он кивает и смотрит на остальных.

— Одевайтесь, мы уходим.

Я снова смотрю на Майкла, и мы обмениваемся взглядом, который бывает только у тех, кто провел много времени вместе. Я молча спрашиваю, все ли у него в порядке, а он отвечает, что да, без всяких слов.

— Тогда ладно, — я сжимаю его руку и встаю. — Давай посмотрим, реальны ли те рекорды по плаванию, которыми ты хвастаешься.

— Будет сделано, Минноу. Я покажу вам, детишки, как нужно нырять, — поддразнивает он, поднимаясь на ноги с моей помощью.

Я улыбаюсь, хотя нервозность переполняет меня. Он не должен нырять, но у нас нет выбора. Надеюсь, выход не слишком далеко. Мы найдем его и выберемся отсюда.

Мы больше никого не потеряем.

Мы — гребаные дайверы, а не эти ублюдки.

Покончим с этим.

ФИН

Не теряя времени, мы заходим в воду. Если Майкл говорит, что с ним все в порядке, мы должны ему верить. Как дайвер, он знает, как важно быть честным, даже если это не очень хорошие новости. Каждый дайвер понимает, как важно говорить правду и знать пределы возможностей своего тела, поэтому, если он говорит, что справится, мы должны ему верить.

Мы быстро одеваемся, проверяем снаряжение друг друга. Прежде чем Пейтон надевает маску, я украдкой целую ее, и она ухмыляется. Майкл бросает на меня взгляд. Смеясь, я отступаю назад, подняв руки, и подмигиваю старику. Он мне нравится. Он защищает ее, и я хочу, чтобы я тоже ему нравился. Он важен для нее, это точно.

Он — семья, как и мы.

Когда мы все готовы, мы образовываем круг у бассейна, и Тайлер отдает распоряжения.

— Я пойду первым, Кален будет замыкающим. После меня — Фин, Риггс, потом Майкл и Пейтон, понятно?

Я почти протестую против того, что он ставит Пейтон в хвост, но в этом есть смысл. Она самая быстрая и сильная пловчиха, так что если что-то пойдет не так, она и Кален будут в порядке. Мы знаем это, и он показывает, что доверяет ей.

Тайлер погружается первым, а мы ждем, храня молчание, не желая привлечь внимание этих существ. Как бы плохо это ни звучало, они могут отдыхать после... пиршества. Даже от этого слова меня едва не стошнило, но срывы и переживания не изменят того, что случилось с нашей командой, а сейчас мне нужна ясная голова. Я отодвигаю мысли в сторону, готовый разобраться с ними, когда мы покончим с ситуацией «жизнь или смерть».

Когда мы все оказываемся в воде, мы крепимся к направляющему тросу и начинаем плыть. Каждый держит в руках нож, и мы освещаем весь путь фонариками. Вода сейчас мутная, и это затрудняет видимость, поэтому нам приходится плыть медленно. Тайлер направляется к выбранному нами туннелю, единственному, который мы еще не исследовали. Это рискованно, но мы знаем, куда ведут другие, кроме этого.

У нас есть один шанс, я просто надеюсь, что он верный.

Туннель поначалу широкий, а затем сужается. По ходу движения Тайлер устанавливает

веревку, чтобы остальные могли за нее зацепиться, и мы держим друг друга в курсе нашего положения, натягивая ее, не разговаривая, чтобы не привлечь внимание монстров. Наши регуляторы и так создают достаточно шума, но без них мы бы погибли, так что у нас нет выбора.

Мы плывем, кажется, несколько часов, но на самом деле прошло около сорока или пятидесяти минут. Мы маневрируем на поворотах, на пиках, где можно почти стоять, и в узких туннелях, где приходится снимать снаряжение, чтобы пройти, и все это время молчим.

Готовы, вооружены.

Мы не потеряем еще одного члена нашей команды. Мы выберемся отсюда, и когда мы выберемся, мы снова станем семьей и сделаем Пейтон нашей навсегда.

Тайлер дважды быстро дергает за веревку, показывая, что мы приближаемся к концу туннеля. Я медлю, предоставляя ему пространство, если ему нужно будет отступить или повернуть, мой фонарь освещает его спину и задницу, пока он продолжает плыть. Свет начинает проникать внутрь... Это выход? Здесь может оказаться не так просто, поэтому я не питаю особых надежд, пока он доплывает до конца и высовывает голову наружу. Мгновение спустя он оборачивается и жестом просит меня остановиться. Я показываю ему знак «ОК», и он начинает плыть. Он всплывает, и мы все нервно ждем его возвращения. Проходят минуты, и я начинаю беспокоиться, хотя ничего не слышу. Вдруг его лицо появляется на выходе, и он жестом приглашает нас следовать за ним.

Я так и делаю, и как только я оказываюсь в открытой воде, он показывает вверх, говоря мне, что все в порядке. Я плыву, оглядываясь назад, чтобы убедиться, что все благополучно выбрались. Свет становится все ярче и ярче, и когда я всплываю на поверхность, я снимаю маску и осматриваюсь.

Твою мать.

Возможно, мы и нашли выход, но воспользоваться им будет чертовски сложно.

Почему в этой пещерной системе ничего не дается легко?

ПЕЙТОН

Я выныриваю на поверхность, подплывая к остальным, и присвистываю. *Гребаный ад.* Перед нами, простираясь до самого верха пещеры, возвышается чертова стена, и, поскольку другого выхода нет, похоже, что мы поднимаемся вверх. Скала блестит, и я почти ухмыляюсь.

Это то, в чем я хороша, то, в чем я преуспела. Я смогу с этим справиться. К черту монстров, к черту пещеры, — мы выберемся отсюда, и начнем с этого восхождения.

Рядом есть участок суши, ведущий от воды к скале, так что мы плывем туда и быстро выбираемся. Бесшумно мы начинаем снимать ненужное снаряжение, убираем его и переходим к нашему альпинистскому снаряжению. Я цепляю кошки³⁰, веревку и кирки, а затем надеваю каску, перчатки и страховочную привязь³¹. У нас нет времени, чтобы полностью обезопасить все, так что это будет рискованное восхождение, но мы профессионалы.

У нас все получится.

Тайлер подходит и прижимается головой к моей, его яркие глаза смотрят на меня, говоря миллион слов, хотя его рот не двигается. Он просит меня быть в безопасности, быть умной, следовать, слушать и не превышать пределов своих возможностей. Он говорит мне, что любит меня.

Я улыбаюсь и целую его.

— Минноу, серьезно? — Майкл кашляет, и когда я отстраняюсь с тихим смехом и оглядываюсь, я замираю, увидев его.

Он бледный, действительно бледный, и он дрожит. Я бросаюсь к нему, и он пытается оттолкнуть меня.

— Я в порядке, — хрипит он, несмотря на то, что пытается подавить кашель, который, кажется, эхом разносится по пещере. Парни обступили нас, их ножи наготове на случай, если звук привлечет монстров, но я сосредоточилась на нем.

Он слишком бледный и вспотевший, а кашель звучит хрипло. Звучит довольно глубоко, будто у него проблемы с легкими. Я отталкиваю его руки и прижимаюсь ухом к его груди,

пытаясь прислушаться. Слышится определенный треск. Я отступаю назад, собираясь заговорить, но он отворачивается и кашляет так сильно, что кровь разбрызгивается по камням.

Яркая, свежая красная кровь.

— Майкл, — шепчу я. Он не должен был нырять, я знала это. Почему я позволила ему? Мы должны были найти другой выход.

— Я в порядке, — хрипит он, вытирая рот и слабо улыбаясь. — Ничего такого, что не может исправить хороший подъем.

Это ложь. Он знает это. Я знаю это. Он умирает. Его губы посинели, на руках сыпь, а тело дрожит от истощения. Как долго он это скрывал? Я знала о риске, так почему я позволила ему? Он перенес баротравму легких³² много лет назад и не должен был больше нырять.

Черт!

— Мы должны дать ему кислород, — почти кричу я.

— Минноу, — Майкл вздыхает, берет меня за руку и сжимает. Глаза у него затуманены, но он улыбается. — Это не поможет, мы это знаем. Дай мне немного воды и пять минут, а затем начнем.

— Но...

— Лучший способ помочь мне — это уйти отсюда, — рассуждает он. Я знаю, что он делает, но он прав. Понимаю это, даже когда мое сердце колотится, а в горле поднимается желчь при мысли о том, что я оставляю его страдать.

Я сижу с ним, помогаю ему пить воду, пока он переведет дыхание. Остальные готовятся, но через несколько минут Кален кладет руку мне на плечо.

— Фин хочет, чтобы ты помогла ему найти лучший путь вверх. Я останусь с ним, детка.

Тяжело сглотнув, я слабо улыбаюсь Майклу и поднимаюсь. Я бросаю взгляд на Калена, и он кивает, давая мне понять, что позовет меня, если ситуация ухудшится. Немного расслабившись, я направляюсь к Фину, который ждет вместе с Риггсом, уставившись на стену.

Рассчитывает лучший маршрут, без сомнения.

Взглянув вверх, я упираю руки в бедра, пытаюсь вернуться в игру. Я не могу позволить себе отвлекаться. Достаточно одной ошибки, и мы все можем погибнуть. Они полагаются на меня, Майкл тоже. Я слышу, как он снова кашляет, и вздрагиваю. На мгновение закрыв глаза, я дышу и успокаиваюсь, а когда снова открываю, то снова в форме. Фин и Риггс обеспокоенно наблюдают за мной, но я улыбаюсь и сканирую стену.

— Вот, — бормочу я. — Видишь, она идет зигзагами? Она не так уж прочна, чтобы преодолеть ее с киркой, но достаточно тверда, чтобы мы смогли закрепить в ней веревку. Мы полезем по одному. Я пойду первой и закреплю веревку.

— Ты уверена? — с обеспокоенным видом спрашивает Риггс.

Я приближаюсь к нему и целую в губы.

— Я справлюсь.

— Черт, да ты справишься, детка! — отзывается Фин и шлепает меня. — Покажи этой стене, кто здесь хозяин.

Я отстраняюсь, усмехаясь, а его глаза сверкают, и я знаю, что он специально это сделал.

— Ну ладно, тогда поехали.

Я была права — это лучший маршрут. Мне удастся зацепиться киркой за камень и подтянуться. Найдя щель, я хватаю закладку, устанавливаю ее и дергаю, убеждаясь, что она надежно закреплена. Как только я убеждаюсь, что все в порядке, я продолжаю подниматься в быстром, но безопасном темпе. Остальные находятся ниже меня, привязанные к веревке и прокладывая себе путь наверх. Майкл держится за мной, чтобы парни могли следить за ним. В середине подъема я слышу, как он кашляет, и смотрю вниз: его лицо прижато к стене, руки хватаются за камень, и он надрывается от кашля.

Он задыхается от скопившейся жидкости в легких и нехватки воздуха.

Я жду, пока он поднимет голову и даст мне знак «ОК», прежде чем снова начать подъем, двигаясь теперь быстрее. Мне нужно вытащить его отсюда. Я подтягиваюсь, креплю закладку и проверяю, снова и снова, прокладывая себе путь вверх по восьмидесятифутовой³³ стене. Между мной и парнями остается хороший промежуток, я оставляю им веревку для подъема и обеспечиваю безопасность пути.

Примерно на три четверти пути вверх я сталкиваюсь с проблемой. Скала не надежна, и я не могу установить здесь закладки. Подъем по ней равносителен самоубийству. Она обвалится, и мы сорвемся вниз. Взглянув влево и вправо, я понимаю, что теперь нам нужно двигаться по диагонали, чтобы добраться до вершины. Слева камень тоже выглядит слишком мягким, но я проверяю его, вытянув руку, и камень ломается под моим прикосновением, так что я отступаю назад на свою позицию.

Значит, направо.

Посмотрев вниз, я свистнула и указала направо, и они кивнули в знак понимания. Риггс осматривается снизу, прежде чем дать мне добро, что означает, что он считает это возможным. А это всегда хорошо, поскольку я доверяю его мнению больше, чем своему собственному.

Я начинаю двигаться вправо, медленно тащась по скале. Поскользнувшись, я теряю опору, но мои пальцы цепляются за острые края, заставляя меня шипеть, когда я повисаю, прежде чем я подтягиваюсь и продолжаю двигаться. Я помещаю еще несколько закладок, сосредоточившись на следующем моменте, следующем движении... но потом я останавливаюсь. Там, с наклоном внутрь, так что мы никогда бы не увидели ее с земли, находится расщелина.

Не просто расщелина, а гребаная бездна, уходящая вверх. До противоположной стены не меньше десяти футов. Твою мать. Я смотрю вверх, и хотя я не верю что скала выдержит, я подтягиваюсь и рывком втыкаю кирку, но она застревает, и стена рушится вокруг нее. Я пытаюсь вытащить ее, дергаю и дергаю, но она за что-то зацепилась.

Черт, черт, черт.

Лучше не паниковать. Мой пульс действительно замедляется, а разум гиперфокусируется, как это бывает в подобных ситуациях, пока я анализирую и обдумываю свои дальнейшие действия. Я могу закончить подъем без кирки, я могу использовать свое тело как рычаг, чтобы вытащить ее...

Раздается вопль.

Мое сердце замирает, когда я бросаю взгляд на открытую пещеру, как раз в тот момент, когда монстры начинают вылетать из воды. Черт! Я смотрю вниз и прижимаю палец к губам. Все молча прижимаются к стене.

Мы не сможем провисеть здесь вечно. Даже сейчас у меня болят пальцы и руки, а ноги слегка дрожат от усталости после погружения, но у нас нет выбора. Если я попытаюсь пошевелиться и подниму шум, это приведет к нашей гибели.

Минуты идут, пока они кружат по пещере, визжат и нападают друг на друга. Звуки терзают мои уши, они сталкиваются в воздухе и сражаются. Звук подобен скрежету ногтей по школьной доске. В этот момент я слышу приглушенный шум и опускаю взгляд. Майкл прижался к стене с паническим выражением на лице. Его тело сотрясается, пока он пытается остановить кашель.

Время замирает, когда кашель вырывается из груди, останавливая все вопли. Я перевожу взгляд вверх и вижу, как все монстры разворачиваются в воздухе и начинают лететь к нам, готовые напасть, привлеченные шумом. Майкл смотрит на меня, его глаза расширились, и в его взгляде я вижу принятие. Он знает, что они придут за ним. Его губы кривятся в легкой улыбке, когда он тянется к своему крюку на веревке.

Я качаю головой, пытаюсь найти другой вариант. Любой выход, любой.

Остальные начинают карабкаться, взбираясь по стене, чтобы добраться до нас. А я? Я хватаю свою кирку и с силой, о которой не подозревала, дергаю. Она вываливается, и я поворачиваюсь и начинаю карабкаться вниз. Майкл пытается остановить меня, но я не обращаю на него внимания. Когда я добираюсь до него, я отбиваюсь от существ, когда они приближаются к нам, однако они налетают на него, и из его горла вырывается крик.

Ребята уже почти добрались до нас, и я вижу, как на Риггса нападают, как он пытается подняться, беззвучно отбиваясь от них. Его лицо сосредоточено, он пытается добраться до меня, помочь, даже когда на него нападают. Одному почти удается сорвать его со стены, и я принимаю решение в долю секунды.

Я бросаю свою кирку.

Она пролетает по воздуху, и Риггс прижимается к стене, когда кирка попадает в монстра и отбрасывает в сторону. Риггс поднимает голову, его глаза встречаются с моими. Он знает, что я только что пожертвовала своим оружием, чтобы спасти его.

Мне приходится немного подвигнуться, чтобы избежать когтей монстра, но потом я смотрю вниз на Майкла. Все происходит так стремительно, настоящий хаос. Он встречает мой взгляд, когда на него надвигаются новые чудовища. Их слишком много, чтобы бороться. Мое сердце сжимается. Мой обычно спокойный, собранный разум не видит выхода из этой ситуации.

Я не знаю, как помочь, но он знает.

Он удерживает мой взгляд, и я вижу принятие в его глазах, любовь и понимание. Он кивает мне, на миг широко улыбаясь, и мои губы раздвигаются, пытаюсь остановить то, что он собирается сделать.

Открыв рот, он кричит.

Парни быстро огибают его, проносятся мимо меня и пытаются оттащить меня, но я остаюсь на месте, даже когда они продолжают искать путь вперед. Наблюдаю, как все чудовища слетаются к нему, облепляют его, а он все еще кричит, привлекая к себе столько, сколько может. Он дает нам выход, шанс.

Слезы стекают по моему лицу, мои собственные крики и вопли застревают в горле,

когда я слышу, как они вгрызаются в него. Из меня вырывается приглушенный крик, и один из монстров поднимает голову, прежде чем начать карабкаться ко мне. Мои глаза расширяются. Я бросаю взгляд вверх, но затем оно оказывается рядом, впиваясь когтями в мою лодыжку прямо над Майклом.

Я пинаю чудовище, пытаюсь удержаться на стене. В какой-то момент я вижу окровавленное, изрезанное лицо Майкла, а затем его рука поднимается и хватается монстра.

Его глаза встречаются с моими.

— Я люблю тебя, Минноу! Позволь мне спасти тебя так, как я не смог спасти свою семью. Иди! Убирайся отсюда! Я люблю тебя! — его рев наполнен агонией, а затем он разжимает руки и бросается вниз.

— Нет! — шепчу я.

Я протягиваю руку, когда мой собственный задушенный крик застревает у меня в горле. Я сокрушенно смотрю, как он летит вниз, его тело словно невесомо и окутано чудовищами. Он не борется, не пытается остановить свое падение, он просто забирает с собой столько, сколько может.

Он знал, что умирает, знал, что задержит нас, и знал, что нам нужен выход. Поэтому Майкл сделал то, что он всегда делал лучше всего — защитил меня. Я отворачиваюсь, не в силах больше смотреть, как они разрывают его на куски, как в воздухе клубится кровавый туман. Прижавшись лицом к стене, я подавляю рыдания, мое зрение затуманено от слез, а мое сердце разбивается и падает вместе с ним.

Я хочу кричать, убить их, но я застряла здесь.

Раздается всплеск, когда Майкл падает в воду.

— Поднимайся! — шипит кто-то, и я поднимаю голову и вижу, что все они ждут меня. Кален собирается спускаться, так что я начинаю подниматься. Мое сердце разбито, тело дрожит, а горло забито болью, но я не обещаю его жертву, оставаясь застывшей.

Я карабкаюсь, несмотря на то, что ничего не чувствую и не вижу, пока чья-то рука не хватается меня и не тянет за край в их ждущие объятия. Я рыдаю у них на груди, не в силах больше терпеть. Не могу дышать, не могу думать. Мы сидим так, прислушиваясь к воде и крикам, и когда я наконец могу вдохнуть, я поднимаю голову.

Я смотрю через край на окровавленную, бурлящую воду.

Он ушел.

Майкл мертв.

КАЛЕН

Я наблюдаю за Пейтон. Она дрожит от рыданий, и ее глаза переполнены слезами. Она смотрит на бурлящую воду, и я притягиваю ее к себе, поворачиваю ее голову и прижимаю к своей груди.

Я встречаю взгляд Тайлера поверх ее головы. Он неуверенный, ему больно и тревожно за нее, но я знаю, что такое потеря, знаю, что такое горе — возможно, именно поэтому нас с Пейтон всегда тянуло друг к другу, — поэтому он позволяет мне справиться с этим, даже когда наклоняется и целует ее в плечо.

— Я люблю тебя, детка. Я собираюсь найти выход, возьми столько времени, сколько тебе нужно, — шепчет он, оставаясь тихим, на случай, если существа услышат нас. Он забирает Фина, губы которого поджаты. Он быстро обнимает Пейтон, прежде чем последовать за Тайлером.

Риггс придвигается ближе, поглаживая ее спину и плечи, пока ее руки сжимают мой костюм. Она прижимается лицом к моей груди, чтобы заглушить рыдания. Даже сейчас, когда ей больно, она осознает обстановку, пытаюсь защитить нас.

— Шшш, принцесса, — шепчу я ей в волосы, прижимая ее к себе. — Я держу тебя, выпусти все наружу.

Так она и делает. Мы сидим молча, пока она плачет. Риггс тоже обнимает ее, и она ломается между нами. Мой взгляд переходит с нее на окружающую обстановку, охраняя ее. В конце концов, она поднимает голову. Ее глаза красные, слезы все еще текут, нос розовый, а губы приоткрыты.

Я наклоняюсь и глажу ее по щекам, а затем прижимаюсь лбом к ее лбу. Я бы хотел, чтобы все сложилось лучше, чтобы я мог изменить то, что произошло, и вернуть все назад. Я хочу сказать ей слова, которые ей нужны, но я не Фин и не Тайлер. Она грустно улыбается и закрывает глаза.

— Нам нужно двигаться, — сокрушенно пробормотала она.

— Это может подождать, — говорит Риггс.

— Нет, — шепчет она и морщится от того, как громко это прозвучало. — Он сказал нам выжить, и он прав. У меня будет время погоревать, когда мы выберемся отсюда. Я не

позволю ему... умереть, — она запнулась на слове, — просто так. Нам нужно выбираться отсюда.

В этот момент возвращаются Тайлер и Фин, и опускаются на колени рядом с ней. Фин зачесывает назад ее волосы и говорит, что любит ее, а Тайлер осматривает ее, а затем целует.

— Мне жаль, детка, но ты права — мы нашли выход. Ты можешь двигаться?

Она кивает и начинает подниматься на ноги, мы все вскакиваем и помогаем ей. Она вытирает лицо, зачесывает волосы назад и расправляет плечи, но в том, как она себя ведет, видна какая-то сломленность.

— Пойдемте.

Мы обмениваемся взглядами, понимая, что нам всем нужно присматривать за ней. Нет смысла бежать из этого места, если с нашей девочкой не все в порядке. Она — единственное, что имеет значение, всегда.

Мы молча помогаем упаковать ее вещи, после чего упаковываем свои, и заставляем ее выпить немного воды. Я осматриваю ее, пока мы идем. У нее несколько царапин на лодыжке, но в остальном она в порядке, и спасибо, черт возьми. Я держу ее за руку. Тайлер идет первым, потом мы, а затем Риггс и Фин. Они прикрывают наши спины, их ножи наготове, пока она держится за меня. Выражение ее лица строгое и решительное, но ее рука слегка дрожит в моей. Я сжимаю ее, предоставляя ей свою силу.

Даю ей все, в чем она нуждается.

Она поднимает взгляд, сглатывает и произносит:

— Спасибо.

— Я люблю тебя, — говорю я в ответ, и она слабо улыбается, прежде чем повернуться и последовать за Тайлером через узкий проход, который он нашел — уводя нас подальше от Майкла и воспоминаний о его смерти, которые она никогда не забудет.

Моя девочка потеряла так много — маму, папу, а потом мужчину, который принял ее и обеспечил семьей, — но она никогда не потеряет нас. Больше никогда.

Мы — хищники по жизни, а она — наша королева.

ПЕЙТОН

Я даже не могу представить свою жизнь без Майкла. При одной мысли о его имени у меня перехватывает дыхание. Я хочу сдаться, упасть на колени и кричать от того, насколько все это несправедливо, кричать и выпустить все это наружу, но я не могу, поэтому я прячу свое горе в глубине горла, чтобы защитить нас.

Чтобы больше не потерять никого, кого я люблю.

Горе разъедает меня изнутри, пока мое дыхание не становится учащенным и резким, а каждый шаг вперед дается с трудом. Единственное, что помогает мне идти вперед, — это те, кто позади и впереди меня. Мои мужчины, моя семья. Я должна выжить и выстоять ради них. Как только мы выберемся из этого кошмара, из этого гребаного погружения, я смогу сломаться. А до тех пор я должна отодвинуть Ма... его на задворки сознания. Я должна сосредоточиться на следующем моменте, следующем вдохе, следующем шаге, пока не станет немного легче.

Туннель петляет и поворачивает и, кажется, снова уходит вниз. Я чувствую, как они беспокоятся, что это просто лабиринт, который водит нас по кругу, но мы зашли так далеко. Мы не можем вернуться назад, мы слишком много потеряли, мы должны двигаться дальше, пока не найдем выход. Тайлер не останавливается, он продолжает идти, даже когда мы все больше устаем и начинаем терять надежду.

Нам приходится делать перерывы на воду и еду, и все это время мы молчим. Кален следит за тем, как мы идем, а Тайлер охраняет путь, по которому мы двигаемся. Если мы не найдем выход в ближайшее время, то останемся без припасов. Наша ситуация становится все более и более тяжелой с каждым часом. Я знаю, что нас будут пытаться вытащить сверху, но мы слишком глубоко. К тому времени, как люди проберутся через обвал и сеть туннелей — если они выживут среди монстров — мы будем мертвы.

Часть меня надеется, что они не придут. Мне невыносима мысль о том, что люди заберутся в эту пещеру и найдут то, что нашли мы. Смертей станет только больше.

— Готова? — шепчет Фин, и я киваю, упаковывая свою сумку. Когда я поднимаюсь, то спотыкаюсь, чувствуя холод и усталость, не говоря уже о том, что шок и горе берут свое. Мне нужен отдых, но у нас нет времени. Он смотрит на меня с беспокойством, но я отмахиваюсь

от него.

— Я в порядке, давайте двигаться дальше, — бормочу я. Когда я поднимаю голову, надев снаряжение, они все смотрят на меня, поэтому я раздраженно сужаю глаза. — Я не вру, шевелитесь, — приказываю я.

Тайлер кивает, но бросает взгляд поверх моей головы, и я понимаю, что он говорит им присматривать за мной. Меня это раздражает, поэтому я проталкиваюсь мимо него и беру инициативу в свои руки. Мне не нужна нянька, даже если они просто пытаются позаботиться обо мне. Я просто хочу выбраться из этой гребаной пещеры.

Я продолжаю идти, даже когда он догоняет и позволяет мне взять лидерство, вероятно, понимая, что мне это необходимо, иначе я могу сойти с ума.

Мы идем еще несколько часов, почти не разговаривая, пока я не слышу скрип. Мы не можем повернуть назад, но если мы пойдем вперед, монстры будут там. Тайлер передает мне нож, и, решительно стиснув зубы, я медленно шагаю вперед, плавно поднимая и опуская ноги.

Еще через несколько минут туннель заканчивается еще одной пещерой, но эта отличается от других. Она огромная. Я едва могу разглядеть потолок, здесь нет ни стен, ни воды, которую я могу разглядеть отсюда, и она заполнена этими ублюдками и их жертвами.

Скелеты усеивают пол, свисают с потолка и сталактитов, располагаются на земле и выступах. Они покрывают почти каждый дюйм пространства, а там, где их нет, торчат старые, серые грязные кости. Чьи они — животных или людей, не знаю.

Я просто смотрю, не зная, что делать и куда идти.

Потом я вижу.

Свет.

РИГГС

Остановившись, с широко раскрытыми глазами я осматриваю комнату. В голове всплывают цифры, когда я прикидываю размер, высоту, диаметр и даже количество убийств, которое должно было потребоваться, чтобы заполнить такую пещеру. Однако все это не очень-то помогает. Пейтон слегка поворачивается, осторожно, стараясь не задеть и не поцарапать камни под ногами, и показывает пальцем. Я слеую взглядом за ее пальцем и вижу искру света в правом дальнем углу. Это может быть фокусом. Такое иногда случается в пещерах, но мы не можем рисковать, если это не так. Возможно, это наш единственный шанс выбраться отсюда.

Все смотрят на меня, ожидая, что я найду решение.

Как мы пройдем по полу? Это будет слишком шумно. Здесь нет никакой тропинки. Значит, если нельзя пройти по полу... пройдем по стенам. Потолок заполнен ими, а стены — нет. Вдоль острых выступов и стен, однако, есть опоры для ног и рук. Если нам удастся вскарабкаться как можно тише, у нас есть шанс добраться до отверстия и выбраться из этой кишасей монстрами пещеры.

Слева тихо капает вода, а из другого отверстия вытекает медленно движущийся ручей. Звон и шум от них должны перекрыть наше дыхание и некоторые движения, так что если мы будем вести себя как можно тише и пользоваться жестами рук, то, *возможно*, у нас получится.

Шансы невелики, даже с моей точки зрения, но у нас нет другого выбора. Цифры и статистика хороши для оценки, но даже я знаю, что иногда в дайвинге и исследовании пещер нужно бросить все шансы на ветер и просто плыть по течению.

Движение — это жизнь.

Я поворачиваю голову и начинаю рассказывать им план, жестикулируя. Пейтон хмурится, даже Кален, кажется, против, но я сужаю на них глаза.

— Это единственный способ, — говорю я. — Пол — гибель, потолок — гибель.

Пейтон смотрит через комнату, ее взгляд твердеет, а затем она снова поворачивается ко мне с кивком, явно понимая, что я хочу сказать. Она медленно опускает руку в карман, чтобы вытереть пыль с рук, но Фин останавливает ее и плавно проходит мимо нее, явно

намереваясь пойти первым, чтобы защитить ее, защитить нас.

Он быстрый и тихий, но Пейтон — лучший скалолаз, однако мы все знаем, что она не пойдет первой после того, что только что произошло. Вместо этого она идет второй, Тайлер — третьим, потом я и, наконец, Кален. Он самый крупный и может сорваться с любого рыхлого камня, поэтому, хоть это и жестоко, он знает, что должен дать нам как можно больше времени на опережение.

Все нервничают. Я? Я боюсь, но, будучи дайвером, я знаю, как победить страх и использовать его в своих целях. Страх может остановить вас, если вы позволите ему, но когда вы направляете его в нужное русло, вы становитесь неудержимым. Это то, чему мы научились в прошлом, и сейчас нам всем нужно помнить об этом.

Зная, что это может стать концом, мы прижимаемся головами друг к другу и беремся за руки, как во время нашего первого погружения. Тогда мы больше всего беспокоились о том, чтобы выделиться как новая компания, чтобы хватало работы на наши расходы, но сейчас речь идет о нашей жизни, о выживании. Любой неверный шаг, любая ошибка, и мы можем погибнуть.

Но мы делаем то, что делаем всегда — работаем умно, быстро и вместе, чтобы выполнить работу.

Безрассудство, бесстрашие — то, что делает тебя сверхсильным. У Фина это есть, и когда мы расходимся, он без колебаний ступает на уступ и прижимается к стене. Крошечные кусочки камня, используемые в качестве опоры, слегка проседают, но не сильно. Он не бросает на них взгляда, его поведение спокойное, но решительное. Он всегда был таким, не было ничего, с чем бы он не мог справиться, во всяком случае, до Пейтон. Она показала ему, что такое настоящий страх, да и любовь тоже, и сейчас он выживает, снижая риски, чтобы быть уверенным, что будет рядом с ней всегда.

Но сейчас нам нужен человек, который перемахнул одной рукой через край шестидесятифутового³⁴ обрыва. Кто плавал с белыми акулами без клетки. Кто однажды боролся с крокодилом и нырял в кишацие угрями воды, чтобы достать ожерелье, которое обронила Пейтон. Нам нужна именно эта его версия, и я вижу, как она проступает в его глазах, когда он тянется по затемненной стене к следующей опоре.

Пейтон подходит к краю и ждет, пока он переставляет ногу вперед, усаживаясь на маленький выступ, одной рукой хватаясь за камень в поисках следующего шага. Улыбнувшись нам, она перебирается на стену, и они медленно начинают двигаться по стене, время от времени останавливаясь, чтобы убедиться, что они находятся на правильном пути, пока она молча указывает на участки. К тому времени, как Кален оказывается на стене, они опережают нас по крайней мере на четыре шага. В какой-то момент им приходится повиснуть на одной опоре, держась за нее пальцами, и перебраться на другую опору. Нам приходится подниматься по диагонали, чтобы избежать скользких участков и громких мест. В то же время моя спина горит от осознания того, что я нахожусь рядом с этими существами, зная, что они могут наброситься на нас в любой момент.

Мы уязвимы.

Пейтон останавливается, и я наблюдаю, как она смотрит на нас. Она стучит Фина по плечу, наклоняется, что-то шепчет ему, а затем делает шаг назад. Фин перепрыгивает через проем, с тихим стуком ударяется о стену и хватается за следующую опору.

Мы все замираем, оглядываясь через плечо, не услышали ли они, но шум воды перекрыл звук, и на том спасибо.

Глубоко вздохнув, она делает то же самое, и мы снова ждем.

Процесс идет медленно, и когда я перехожу на другую сторону, мы слышим крошечный писк. Мы замираем, ждем, пока чудовища снова успокоятся, а Фин забирается выше, слишком близко к потолку, но это единственный другой выступ. Пейтон следует за ним, а затем снова спускается. Я делаю то же самое, а Тайлер ждет, пока мы не окажемся рядом, чтобы двинуться вперед, не желая разбудить их. Он делает прыжок и быстро взбирается и опускается рядом с ней. Кален следующий. Его удар самый громкий, и он замирает, его рука тянется к ножу, а я качаю головой.

Раздается хлопанье крыльев, но они, похоже, не знают, что мы здесь. Мы продолжаем двигаться, слушая звуки капающей воды и их тихие крики. В конце концов, мы проходим примерно половину комнаты и входим в ритм, думая, что у нас все получится.

Можно подготовиться ко всему, продумать все возможные варианты, придумать решения... но все равно что-то может пойти не так.

И с нашей удачей так и происходит.

Тайлер тянется вверх, чтобы зацепиться за щель между крошечными уступами, но камень отрывается от стены. Его рука срывается, и он ловит себя, прежде чем упасть в воду, но он не может остановить камень, который со звонким шлепком падает в воду.

Мы все замираем, прижавшись к стене и затаив дыхание.

Затем просыпаются они.

ПЕЙТОН

Кален оборачивается, повиснув на одной руке, пока мы смотрим, как они хлопают крыльями, взлетая в воздух. Некоторые из них с криком бросаются вниз, приземляясь на камни и воду, и ищут источник звука. Тайлер с грустью смотрит на меня.

— Иди, — беззвучно говорит он, когда они взмывают прямо к нему, следуя за эхом. Проследив за моим взглядом, он отпускает руку и отступает назад, прыгает на скалу внизу и достает нож. Он держит его так, чтобы лезвие находилось под углом к руке, и приседает, ожидая их. Фин пытается схватить меня, потащить за собой, но я не могу этого сделать. Я не оставлю кого-то еще позади, никто больше не умрет.

Не сейчас, не тогда, когда мы так близки.

Тайлер — мой, моя любовь, и я не брошу его. Если мы умрем, то умрем вместе. Я прыгаю и приземляюсь на ноги, слегка спотыкаясь от удара. Тайлер, конечно, слышит это и поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Беги! Уходи! Сейчас же! — кричит он, приказывая мне бежать, пока он пригибается и наносит удары по существу, которое кружит вокруг него, играя с ним.

— Черта с два я это сделаю! — кричу я в ответ и бегу, скользя по полу, чтобы добраться до него, пока они пикируют на меня. — Я тебя, блять, не брошу! — рычу я, когда достигаю его, прижимаясь спиной к его спине и нанося им удары ножом и ногой. — Больше никогда, так что смирись уже, блять!

Один ползет ко мне, и я бью его ногой в морду, остальные существа кружат над головой. Он поворачивается и встречает мой взгляд, задыхаясь.

— Живем или умираем вместе, помнишь? — говорю я.

Он улыбается, а затем качает головой, его глаза печальны. Тайлер знает, что проиграл эту битву. Я не оставлю его, а это значит, что мы должны победить, иначе мы все здесь умрем. Кален опускается рядом со мной, Фин бросается следом, Риггс тоже, пока мы не образовываем круг.

Мы все смотрим друг на друга, понимая друг друга. Это наша последняя схватка, мы против них. Либо мы все выберемся, либо никто из нас. Больше не получится уйти, не получится спрятаться или убежать.

Больше нет.

Смерть Майкла сильно давит на меня, а мысль о том, что кто-то из моих мужчин умрет... Нет. Немыслимо. Я не переживу их смерти, даже если выберусь отсюда. Так что вместо этого мы готовы. Кален достает сигнальную ракету и запускает, Фин тоже, освещая комнату красноватым свечением, когда они подлетают ближе к нам.

— Хищники, сука! — кричу я на приближающуюся к нам массу, их когти широко вытянуты, а клювы распахнуты, чтобы проглотить нас целиком. Тайлер тянет меня вниз, когда они пикируют, с визгом пролетая мимо нас, когда одни ударяются о стену, а другие взмывают к потолку и снова кружат.

— Какой план? — рычит Кален. — Потому что стоять здесь и умирать мне не нравится, — он бросает свою кирку, в результате попадает в одного из них, появившегося из воды, отделяющей камни — чего мы не заметили раньше — и сбивает его обратно, а кровь заливает некогда темную жидкость.

— Двигаемся вместе к свету, — огрызаюсь я. — Давайте убираться отсюда и уберем по пути как можно больше.

Один летит прямо мне в лицо. Кален прыгает передо мной, нанося удар и увлекая его с собой в воду. Я смотрю ему вслед, широко раскрыв глаза, но у меня нет времени паниковать, когда на нас летит еще один. Мне приходится сосредоточиться на том, чтобы удержать монстра своим ножом. Через секунду я слышу тихий вздох, и Кален прорывается сквозь воду и карабкается обратно к нам, мокрый, рычащий и весь в крови. Своей или их, не могу сказать.

— Шевелитесь, — рявкает он.

По мне, так это хорошая идея. Пригнувшись, мы мчимся по скалам, перепрыгивая через участки воды. Мы двигаемся так быстро, как только можем. Ускользя, пригибаясь и уклоняясь, чтобы избежать монстров, нанося удары, чтобы убить как можно больше.

Одно из чудищ ударяет Риггса и валит на камень, а он отбивается от него, пытаясь защитить свое горло от клюва. Я бью ногой изо всех сил, отбрасывая чудище в сторону, а потом тянусь вниз и помогаю ему подняться. Он задыхается, но кивает, что все в порядке, и, рука об руку, мы следуем за Финном, который задает темп и путь к свету.

Нашей конечной цели.

Я бегу так быстро, что не различаю темную воду, едва освещаемую красным светом сигнальных ракет. Я прыгаю и промахиваюсь мимо уступа, моя нога погружается в воду. Ворча, Риггс вытаскивает меня, пока Тайлер и Кален прикрывают нам спины, но как только моя нога выходит из воды, ее хватают когти. Мои глаза расширяются, встречаясь с испуганным взглядом Риггса, когда меня вырывает из его хватки и затягивает под воду. У меня есть секунда, чтобы сделать глубокий вдох, как вдруг все вокруг становится темным.

Вода становится почти абсолютно черной с оттенками красного, когда я погружаюсь все глубже. Я бью ногой по когтям, и меня отпускают, а затем медленно поворачиваюсь, пытаюсь найти виновное существо, и хватаюсь за нож. Когти пронзают мою спину, и я вздрагиваю от боли, вспыхивающей в моем теле. Я чувствую, что оно пытается ползти вверх по моей спине, поэтому я разворачиваюсь и наношу удар, пока оно снова не отпускает меня.

Красный цвет преломляется в воде, придавая жуткую атмосферу, я поворачиваюсь и жду. Если я поплыву, оно меня схватит.

Давай, маленький ублюдок, пора заканчивать.

Мгновение спустя я замечаю его, плывущего прямо ко мне. Я выпрямляюсь, и как раз в

тот момент, когда оно уже почти достигло меня, я поднимаю ноги, ловлю его и вонзаю нож сверху снова и снова. Кровь вихрится в бурлящей воде, крик звучит громко, даже здесь, внизу. Пузыри вырываются из чудовища, пока я колю и рублю, и когда оно наконец затихает, я отпускаю его и смотрю, как оно падает на дно.

Получи, крылатая сука.

Оглядываясь по сторонам, я пытаюсь определить, какой путь наверх — в темной воде все бывает так запутанно, — но тут я замечаю угасающие сигнальные ракеты. Крепко сжимая нож, я рассекаю воду, плывя к свету. Я выныриваю на поверхность со вздохом, принимая протянутую руку, а затем меня выдергивают на скалу вместе с Каленом, который быстро осматривает меня. Откидывая назад волосы, я чувствую, как что-то гуще воды стекает по моему лицу, и замечаю, что мои руки розовые от запекшейся крови, но я не придаю этому значения.

Тайлер, Кален и я работаем вместе, чтобы оттеснить монстров достаточно далеко, чтобы снова преодолеть расстояние и догнать Фина и Риггса. Фин машет нам рукой.

— Это туннель. Мы должны проползти! — кричит он, перекрывая визг.

В этот момент кричит Тайлер, и я оборачиваюсь, видя, что он лежит на земле, а на нем не менее восьми тварей, которые извиваются и дерутся. Кален наступает первым, нанося удары и пинки, но я уже за ним. Я пытаюсь оторвать одну тварь от его бока, но когда я тяну ее, оно впивается когтями, разрывая кожу. Кровь хлещет из раны, но Тайлер, спотыкаясь, поднимается на ноги. Я в панике смотрю на Калена, зная, что он не сможет идти.

— Я не донесу его!

— Черт! — кричит он, обхватывая Тайлера и оттаскивая его назад, а я медленно двигаюсь за ними, прикрывая их спины, пока мы идем. Я паникую, задаваясь вопросом, насколько сильно он ранен, но я не могу проверить, пока мы не достигнем туннеля. Фин лезет туда, как только мы оказываемся рядом. Риггс проскальзывает следом, а я осматриваю Тайлера, пока они продвигаются. У него сильное кровотечение, но он выкарабкается.

— Будет жутко больно, но ты должен ползти, малыш! — кричу я. Он кивает и стискивает зубы, когда Кален начинает опускать его на пол. С каждой секундой мое сердце бьется все быстрее, и я оглядываюсь назад, чтобы проверить монстров.

Они почти настигают нас, поэтому я отхожу в сторону, отмахиваясь от всех, кого могу. Один выбивает нож из моей руки, и я слышу, как Кален выкрикивает мое имя, а затем я вижу, чего он так боится.

В эту чертову палату из каждого уголка стекаются все новые и новые чудовища, а на меня все еще продолжают пикировать. Я оглядываюсь и смотрю на Тайлера, который лежит на земле и ждет меня.

У нас нет шансов. Они последуют за нами внутрь, и у Тайлера не будет возможности сбежать. Он ранен. Я оглядываюсь обратно и смотрю на них. Кален настроен решительно, а Фин и Риггс выкрикивают мое имя, недоумевая, что происходит. Они, по крайней мере, прошли, но я должна дать Тайлеру фору. И Калену тоже. Если я этого не сделаю, мы все погибнем. Они заблокируют этот туннель, и у нас не останется возможности ни бежать, ни сражаться.

Я не могу позволить им умереть здесь, не тогда, когда я только что вновь обрела их. Они вернули мне мое сердце, мою жизнь. Я разрушала их так долго, они заслуживают шанс. Шанс на лучшую жизнь.

Я встречаю взгляд Калена. Он знает. Его глаза расширяются, когда он протягивает руку,

чтобы остановить меня, но я молча смотрю на него, заставляя его пообещать спасти их, защитить так, как я никогда не могла.

— Иди! — кричу я, а затем, не дожидаясь, пока они смогут меня остановить, я бегу к чудовищам, подхватывая кирку, которую, должно быть, кто-то из парней уронил.

Я слышу их крики, но верю, что Кален их вытащит. Он вернется за мной, но сначала выведет их.

Даже несмотря на то, что возвращаться будет не к чему.

ПЕЙТОН

Я сдерживаю их, сколько могу, а когда оборачиваюсь, меня начинают царапать и кусать, но я вижу, как Кален прокладывает себе путь через туннель. Я знаю, что он планирует вывести Тайлера, а потом вернуться за мной, но я также знаю, что уже не буду жива, когда он вернется. В пещеру проникает все больше и больше существ, влекомых запахом крови и криками.

Я должна защитить их.

Повернувшись, я бегу к туннелю, полагаясь на то, что они пролезли достаточно далеко, и со всей силы ударяю по камню, сдвигая его. Мои мышцы напрягаются, пока я сдерживаю крик. Зубы стиснуты, когда существа атакуют мою спину, царапают и пинают, пока мне удастся поставить валун у входа, блокируя его. Как только дело сделано и они в безопасности, я падаю на землю и ползу, избегая монстров, как только могу, пытаюсь найти выход. То, что я осталась позади, не означает, что я планирую умереть. Нет, если я в состоянии помочь. Я не из тех, кто сворачивается в клубок и сдается. Я буду сражаться до последнего вздоха, и если не останется другого выхода... то я заберу с собой столько, сколько смогу.

КАЛЕН

Я пинаю монстров позади себя. Мое сердце кричит, моя голова тоже, призывая меня вернуться, но я должен доверять ей, и я должен вывести своего брата. Мне удастся убить тварей и подтолкнуть Тайлера вперед, побуждая его идти дальше. Чем быстрее он доберется до другой стороны, тем быстрее я смогу вернуться.

Мы выходим в пещеру на другой стороне туннеля. Риггс и Фин смотрят мимо меня, ищут ее, зовут ее по имени, и как только Тайлера поднимают, я ныряю обратно в туннель, ползу так быстро, как только могу. Я режу руки, лицо, ноги и бока о камень, но мне все равно. Каждая прошедшая секунда — это секунда, когда я могу потерять ее. Я едва могу дышать в панике. Я знаю, почему она так поступила, но это не имеет значения. Я не буду в порядке, пока не доберусь до нее. Возвращение назад означает, что я, скорее всего, умру вместе с ней, но мне плевать.

Я перелезаю через трупы существ с сердцем в горле. Когда я подбираюсь ближе, я слышу ее крик, и мое сердце разрывается на части. С ревом я прыгаю вперед... и врезаюсь в стену.

Моргнув от удивления, я начинаю колотить кулаками по камню, которого раньше здесь не было. Он расположен слишком идеально, чтобы он сдвинулся или упал, и он перекрывает туннель с ее стороны. Значит, это ее рук дело. Она поставила его здесь.

Чтобы помешать нам вернуться.

Чтобы помешать нам спасти ее, чтобы она могла спасти нас.

Я таращусь, широко раскрыв глаза, и мое сердце замирает в груди. Нет, нет, нет!

Только не она!

Кто угодно, только не она. Нет, я не могу потерять ее. Я снова и снова бью кулаками по валуну, рассекая кожу. Это не помогает. Я поворачиваюсь и использую ноги, вкладывая всю свою силу в каждый толчок.

— Пейтон! — реву я снова и снова.

Я не потеряю ее, я не могу!

Она — любовь всей моей жизни.

Она обещала мне вечность. Она не может оставить меня вот так.

— Не смей, мать твою! Ты слышишь меня? Ты уже бросила нас однажды! Никогда снова! Тащи свою задницу сюда, детка, и сдвинь этот камень. Не смей, блять, так с нами поступать, ты, эгоистичная сука! Блять, Пейтон! — я тяжело дышу, паникую, и на глаза наворачиваются слезы.

— Детка, — шепчу я. — Детка, пожалуйста, не делай этого.

Всхлип вырывается из моей груди, я продолжаю пинать камень, мое зрение мутнеет.

— Пожалуйста, не оставляй меня. Я не могу делать это без тебя. Я не могу жить без тебя. Ты — весь мой гребаный мир. Пожалуйста, детка, сдвинь камень, это все, что ты должна сделать, остальное сделаю я. Давай, детка, пожалуйста!

Я умоляю, слова льются непрерывным потоком.

— Я так люблю тебя, я не могу потерять тебя снова, пожалуйста! Я могу спасти тебя, позволь мне спасти тебя.

Я задыхаюсь, мольбы словно щепки вонзаются в мое и без того раздраженное горло.

Никогда в жизни я не испытывал такого ужаса.

Я думал, что смотреть, как она уходит, было плохо.

Я думал, что жить без нее тяжело.

Я думал, что если увижу ее снова, то это уничтожит меня.

Я думал, что снова отдать ей свое сердце будет страшно.

Все это не сравнится с настоящим моментом. С каждой секундой шанс, что я доберусь до нее, уменьшается. А потом все стихает за камнем. Никаких существ... никакой Пейтон.

Я смотрю на камень, широко раскрыв глаза, неподвижно, как статуя.

— Детка? — тихо шепчу я. — Детка, поговори со мной.

— Кален, что происходит? — я слышу крики остальных. — Черт, они пытаются пройти сквозь стены. Кален, притащи ее обратно, нам нужно уходить!

Я оборачиваюсь, чтобы увидеть свет в конце туннеля, но я хочу остаться здесь, в темноте, ожидая, пока она снова спасет меня. Но я нужен им, и я обещал ей.

Так что, несмотря на то, что отворачиваться мне мешает рвотный позыв, я заставляю свои руки и ноги двигаться, выползая из туннеля. Я встаю и встречаю их обеспокоенные взгляды, когда они смотрят мимо меня. Даже Тайлер с трудом поднимается на ноги, его лицо бледное, он смотрит на меня, его брови нахмурены.

— Она ушла, — прохрипел я. — Она заблокировала туннель. Я не могу пройти. Я слышал ее... Черт!

— Должен быть путь назад, мы можем найти его! — огрызается Риггс.

— Да-да, мы должны, — Фин начинает бегать вокруг, ища способ добраться до нее, но я просто смотрю на Тайлера. Мы знаем, что его нет, и мы знаем, что вероятность того, что она еще жива, крайне мала.

Пока я наблюдаю за своими братьями, мое сердце разбивается на куски. Сломанные, темные кусочки органа, который она собрала обратно и вдохнула в него жизнь.

Я могу думать только об одном — я подвел ее. Она заслуживает большего, чем умереть в одиночестве.

Пейтон Эндрюс заслуживала всего мира и даже больше. Она жила, исследуя самые темные, самые дальние уголки этой земли, изучая неизвестное, любя тех, кто слишком ожесточился для любви, и спасая тех, кто в этом нуждался.

Она покинула нас снова.

ТАЙЛЕР

— Нет, — шепчу я, глядя на пораженное лицо брата. Он выглядит разбитым, причем больше, чем после войны, больше, чем после того, как она бросила нас.

Он выглядит... безнадежным.

— Нет, — повторяю я громче, даже когда мой мозг цепляется за тот факт, что ее больше нет. Раз даже у Калена нет надежды...

— Нет! — кричу я и ковыляю к нему. Он позволяет мне подойти и даже не пытается остановить меня, когда я бью кулаками в его грудь. Он принимает это смиренно, слезы стекают по его лицу. Кален думает, что он заслужил это, он винит себя, терзает себя.

Я знаю, он думает, что потерял женщину, которую любил, но я не могу остановиться. Не могу.

— Нет! — завываю я, и он, наконец, обхватывает меня руками, когда я начинаю заваливаться от полученной раны. Он поддерживает меня, а я прижимаюсь лицом к его груди и рыдаю.

Мое сердце разрывается от боли, и я не могу перевести дыхание без нее. Кольцо на моей шее жжет кожу. Оно принадлежит ей, как и я. Всегда. Я не могу потерять ее.

Не могу.

Я всхлипываю сильнее, когда он помогает мне опуститься, раскачивая меня взад и вперед, пока он тоже плачет. Ее имя на наших устах и напечатано на наших сердцах. Наша любовь к ней глубже любого океана, любой пещеры.

Фин и Риггс продолжают поиски, пока я не слышу, как они начинают рыдать, понимая, что пути нет. Их руки обхватывают нас, и мы прижимаемся друг к другу, сопя, всхлипывая... сломленные.

Не в состоянии двигаться. Не в состоянии думать.

Мы разбиты вдребезги без нашего сердца.

Без нашей девочки.

Мы слышим, как твари приближаются к нам.

Пусть они убьют нас. По крайней мере, в следующей жизни я снова буду со своей любовью.

ПЕЙТОН

Мне удастся броситься прочь от камня, в попытке увести существ, но одно из них ударяет меня сзади, посылая в воду. Я погружаюсь под воду, а они ныряют, преследуя меня. Вода бурлит вокруг нас, когда они нападают, но я изворачиваюсь и уплываю, почти не видя.

Некоторые цепляются за мои ноги, пока я гребу вверх, вверх и вверх, и ударяюсь о камень, когда всплываю на поверхность.

Я хватаюсь за шершавый край, бью ногами по существам, вцепившимся в мои ноги, и наконец отталкиваю их. Я выбираюсь из воды и, задыхаясь от холода, бросаюсь на скользкий уступ, ударяясь левой рукой о что-то острое и твердое.

Затем они снова хватают меня.

Я не кричу, когда меня снова тянут под воду, нет, я делаю глубокий вдох и хватаюсь за какой-то предмет. Я хватаю его с собой и успеваю разглядеть, прежде чем меня затягивает вниз... Это острый конец кости.

Я опускаюсь все ниже и ниже, на меня нападают со всех сторон. Моя кровь загрязняет воду, когда я наношу удары и режу, отказываясь сдаваться. Я использую каждую унцию силы и энергии, которая у меня есть. Если я смогу, я вернусь к своим мужчинам, а если не смогу, заберу с собой как можно больше этих ублюдков. Один вцепился мне в волосы, чуть не заставив меня закричать, когда он вырвал пряди и потянул меня за собой.

Он плывет вверх.

Черт.

Мы выныриваем на поверхность, и он взмахивает крыльями, поднимая нас в воздух. Мы поднимаемся все выше и выше, я извиваюсь, тянусь вверх, чтобы ухватиться за его когтистую лапу, чтобы уменьшить боль, пока слезы стекают по моему лицу. Над нами с визгом кружат другие, пока он летит через пещеру, направляясь к большому участку скалы, заполненному скелетами. Моя рука с зажатой в ней костью болтается в воздухе, и я крепче сжимаю ее, несмотря на усталость и боль.

К черту.

Я замахваюсь своим оружием, крича так громко, как только могу, и мне удастся пронзить его лапу. Он тут же отпускает меня, уносясь по воздуху, но мы не успели

преодолеть скалу, и я падаю в другую часть воды, и тону...

Тону.

Мои глаза широко раскрыты, пока я высматриваю другого монстра, готовясь к атаке.

Пока я ищу, мой взгляд останавливается на темном отверстии, возможно, входе в пещеру с течением воды. К черту. Не обращая внимания на шум, я плыву вниз изо всех сил. Мои легкие горят, тело болит, в глазах черные точки от потери крови, истощения или недостатка воздуха, не знаю, чего именно, но я продолжаю плыть. Мое внимание полностью сосредоточено на этом темном гребаном входе. Я плыву, пока не приближаюсь к нему...

И тогда меня засасывает внутрь.

Не знаю, через сколько времени я очнулась, но я жива... кажется.

Я плаваю в мелководном бассейне, раскинув руки и ноги, а мои волосы развеваются позади меня. Потолок освещен крапинками света, а тихий плеск воды, попадающей в комнату, звучит довольно громко, пока вода толкает и тянет меня по пещере.

Мне нужно двигаться, искать выход, путь назад к ним, но я так устала.

Мое тело сильно болит, и черные пятна все еще застилают мое зрение, давая понять, что я ранена сильнее, чем думала. Двигаться будет мучительно, а выживать еще хуже. Я опускаю взгляд вниз, и вижу, как моя кровь окрашивает воду вокруг меня. Я вздрагиваю и откидываю голову назад, пытаюсь собраться с силами.

Давай, Пейтон.

Они нуждаются в тебе, двигайся, мать твою.

Но это бесполезно. Болит все, от ног до макушки, и я так устала... так чертовски устала. От борьбы, от боли. Вода мирно плещется возле моего уха, пытаюсь погрузить меня в темноту своим обещанием мира. Покоя. Онемения.

Пока я лежу здесь, дрейфуя в луже собственной крови, все, о чем я могу думать, — это мои мужчины. О их губах, улыбках, их любви и о том, что заставило меня влюбиться в них с самого начала.

Я бы с радостью умерла за них, но мысль об их боли, о том, что они снова будут скорбеть и страдать, заставляет меня бороться. С внутренним криком я заставляю себя двигаться. Стиснув зубы, я встаю на колени и, тяжело дыша, опускаю голову. Мое тело кричит на меня, говоря, чтобы я отступила, что этого достаточно. Но я не могу сдаться.

Я должна бороться за них.

За себя.

Умереть легко, жить сложнее.

Стиснув челюсти, я чувствую вкус крови, когда, спотыкаясь, поднимаюсь на ноги. Зрение затуманивается от боли, и я шурюсь, чтобы избежать головокружения, пока не поднимаю одну ногу и опускаю ее, затем другую. Снова и снова. Я сосредотачиваюсь на следующем шаге, следующем вдохе, следующем моменте. Я слышу в голове их возгласы, подбадривающие меня, и знаю, что их сердца со мной и требуют, чтобы я вернулась к ним.

Один шаг.

Кален.

Один шаг.

Тайлер.

Один шаг.

Риггс.

Один шаг.

Фин.

Я повторяю их имена снова и снова, чтобы помнить, почему я продолжаю идти, за что я всегда борюсь. За то, как они заставляют меня смеяться. За то, что они заставляют меня чувствовать себя в безопасности и в то же время волноваться. За то, что они любят меня, доверяют мне, подталкивают меня и помогают мне.

Я дохожу до стены и прижимаюсь к ней, пытаюсь отдышаться.

Давай, Минноу, — призывает Майкл, его голос наполняет мою голову, как будто он здесь, рядом со мной. Я качаю головой, подавляя слезы от чистого, грубого голоса.

— Я так чертовски устала, — шепчу я, признаваясь ему в своей слабости.

Я знаю, малышка, но раньше тебя это никогда не останавливало. Именно тогда, когда ты слабее всего, у тебя появляется больше всего возможностей стать сильнее всего. Это самое дно, малыш, и есть только один путь. Не смей сдаваться. Ты никогда не сдавалась ради меня, как и я никогда не сдамся ради тебя. Ты нужна этим мужчинам. А теперь заводи свою задницу!

С тихим криком я отталкиваюсь от стены и поворачиваюсь, пытаюсь найти выход. Слева от меня есть туннель, и я медленно двигаюсь к нему. Оказавшись внутри, я волочу руку по камню. Я не знаю, куда он меня приведет, но я продолжаю двигаться вперед с решимостью в каждом шаге.

Вот так, Минноу, двигайся, мать твою. Ты справишься, я буду с тобой на каждом шагу. Ты не одна, я рядом.

Я знаю, что он не настоящий, но мне помогает слышать, как он подбадривает меня, как всегда. Его голос придает мне сил, необходимых для того, чтобы двигаться вперед. Мое дыхание вырывается из сжатых легких, и я чувствую, как кровь сочится из моих порезов, оставляя дорожку на камне, пока я иду. Я пригибаюсь, когда проход сужается, а затем открывается, переходя в перекресток с тремя туннелями. Я выбираю один из них наугад, спотыкаясь в темном пространстве. Становится все темнее и темнее, и мне приходится держать руки перед собой, чтобы ориентироваться.

Не бойся темноты, Минноу. В забвении ты узнаешь, из чего ты сделана.

Мое дыхание звучит громко в тишине, и мое сердце колотится, когда я думаю, не находится ли одно из этих существ прямо передо мной, но я все равно продолжаю идти. Хотя мне страшно, я иду дальше и дальше, не останавливаясь, даже когда мое тело пытается обмякнуть.

Затем я слышу голоса.

С криком я бросаюсь вперед в темноту и проваливаюсь в дыру, падая вниз... вниз... и прямо на кого-то. Мы с грохотом падаем на землю. Я открываю глаза и смотрю в широкие, налитые кровью, опухшие глаза Риггса.

— Привет, — хриплю я и тут же теряю сознание.

РИГГС

— Пей? — шепчу я, не совсем понимая, что теплое, кровоточащее тело на мне — моя любовь, пока ее глаза не закрываются.

— Пейтон! — кричу я, подхватывая ее и садясь, обнимая ее, пока остальные толпятся вокруг меня. Они все разговаривают и проводят по ней руками, проверяя ее. Кален даже шлепает ее, пытаюсь разбудить, его паника вступила в полную силу.

Мы думали, что потеряли ее.

Черт, я становлюсь слишком старым для этого дерьма.

Мое сердце не выдерживает, когда я прижимаю ее к своей груди.

— Черт, — бормочу я, дрожа. Я думал, что потерял ее, действительно потерял. Я мог выжить, зная, что она находится где-то в этом мире, если это был ее выбор... но когда я подумал, что она умерла, покинула этот мир, и мы больше никогда ее не увидим... я едва мог держать себя в руках. Я знал, что должен был позаботиться о своей семье, и единственный способ, которым я мог это сделать, был подсчет цифр. Мы с Финном вытащили Тайлера и Калена из той пещеры спасая их, как она хотела бы, чтобы мы это сделали, даже когда мы разбились.

Мы едва могли ставить одну ногу перед другой, наши мысли были захвачены последним моментом, когда мы видели ее.

— Принцесса? — умоляет Кален, пока Тайлер крутит и переворачивает ее тело, осматривая.

— Фин? — огрызаюсь я, желая получить ответы.

— Порезы и царапины, некоторые глубокие, но не требующие наложения швов. Речь идет скорее о их количестве, и у нее снова открылась боковая рана. Я очищу и закрою ее, а также продезинфицирую столько, сколько возможно, — мгновенно отвечает он. — Пожалуйста, положи ее на спину.

Я мягко опускаю ее, смахивая волосы с ее лица, нуждаясь в том, чтобы прикоснуться к ней, пока он приступает к работе. Когда я смотрю вниз на ее отрешенное, бледное лицо, я не могу не улыбнуться.

— Я знал, что ты не можешь быть мертва, — шепчу я. — Неважно, что говорят цифры,

ты слишком чертовски сильна. Ты слышишь это, Пей? И когда мы выберемся отсюда, мы будем отдыхать так долго, что ты начнешь скучать.

— И напиваться, — добавляет Фин с ухмылкой, — и ласкать тебя, детка.

— И будем вместе, — клянется Тайлер с трепетной улыбкой.

— Теперь от нас никуда не деться, принцесса, — комментирует Кален, целуя тыльную сторону ее руки и прижимая ее к своей щеке.

— Ты слышишь это, Пейтон Эндрюс? Ты наша, так что просыпайся и задай нам жару.

Мы обнимаем ее, пока Фин работает, разговариваем с ней все это время, делимся историями о нашем прошлом — некоторыми историями после того, как она ушла. Мы смеемся, плачем, и на протяжении всего этого я чувствую, как мое сердце начинает заживать, и когда ее глаза открываются и смотрят на меня, последний кусочек становится на место.

Пейтон Эндрюс контролирует мое сердце, и так было всегда. Без нее больше нет меня.

— Эй, — прошептала она. — Я что-то слышала о том, как Фин пытался побороть крокодила?

Я смеюсь так сильно, что начинаю плакать. Фин откидывается назад, его руки в ее крови, но я никогда не видел, чтобы он так широко улыбался или выглядел таким облегченным.

— Ты же знаешь, детка, и когда все закончится, я поборюсь с тобой тоже.

— Романтично, — поддразнивает она и опускает глаза. — О, смотрите, я не умерла.

— Ты, принцесса? Никогда. Ты слишком сильна для этого, — пробормотал Кален, и она усмехнулась.

— Никогда, блять, больше так не делай, — рычит Тайлер, подползая ко мне и смотря ей в лицо. — Ты, блять, слышишь меня? Никогда снова не жертвуй собой ради нас. Живем или умираем вместе, помнишь?

— Я тоже тебя люблю, — шепчет она, и он вздрагивает, наклоняясь и нежно целуя ее.

— Никогда снова, — пробормотал он, отстраняясь.

— Может, уже свалим отсюда? — ворчит она, пытаюсь сесть. Я быстро прижимаю руку к ее спине, как и Тайлер, и она пытается прислониться к нему, но он морщится, когда она задевает его рану, поэтому вместо этого она прислоняется ко мне. Я с радостью обхватываю ее руками.

Мне нужно чувствовать ее рядом, нужно чувствовать что она жива. В безопасности. С нами.

— Да, детка, по-моему, это хороший план.

— Вы нашли выход? — спрашивает она.

— Возможно, мы, эээ... отвлеклись, — Фин неловко кашляет.

Она вскидывает бровь и оглядывается по сторонам, пока мы все отводим взгляд.

— Риггс, — требует она, фокусируясь на моем лице, так как оно ближе всего, и я вздыхаю. Я не могу лгать ей.

— Мы возможно потеряли голову, когда не смогли вернуться к тебе и не искали выход — пока.

Я ожидаю, что она рассердится, даже разочаруется, но вместо этого она обхватывает мое лицо, пока я не встречаюсь с ней глазами, и нежно целует меня.

— Я люблю тебя, — шепчет она, прежде чем посмотреть на остальных. — Всех вас. Мне жаль, что я осталась позади, я думала, что это единственный выход, но мы должны

двигаться дальше. Я не умру здесь, и вы тоже, так что отложите эмоциональное дерьмо на потом и пошли.

— Вот она, — Кален ухмыляется. — Моя гребаная сучка Эндрюс.

— Ты же знаешь, Кей, — она подмигивает. — А теперь помогите мне, блять, подняться и давайте надерем задницу этой пещере.

— Вы слышали ее, — Тайлер смеется.

— Да, черт возьми, пора идти, — соглашается Фин.

— Вместе, — добавляю я.

ФИН

Пейтон права. Как бы я ни хотел прижать ее к стене и оттрахать в наказание и одновременно в радость за то, что она бросила нас и осталась жива, но времени у нас нет. Нам нужно двигаться, пока монстры не нашли способ добраться до нас. Те двое, что уже добрались, лежат мертвые в углу.

Больше нет времени, чтобы разваливаться. Тайлер ранен, и наша девочка тоже. Это лишь вопрос времени, когда чудовища начнут пробиваться и ранят еще одного из нас, и тогда нам точно придет конец. Решив убратся отсюда к чертям собачьим, мы проверяем оставшееся у нас снаряжение, поскольку часть его была сброшена при побеге из другой пещеры.

Когда мы понимаем, как мало у нас осталось, мы обмениваемся грустными взглядами, но это нас не останавливает. У нас есть три баллона с воздухом, две маски, одна веревка, одна кирка, два ножа, немного воды и еды. Это скудно, но мы должны использовать это и надеяться, что этого хватит.

Мы перегрузили все, что могли, в сумки Калена, Риггса и мою, прежде чем отправиться в путь. Тайлера держит Риггс, я иду впереди, Пейтон за мной, а Кален идет сзади. Я знаю, что она ненавидит, когда я иду первым, но она ранена, и мы не позволим ей снова подвергнуться нападению. Ее раны могут быть небольшими, но если мы не вытащим ее, они могут усугубиться или воспалиться.

Существует только один туннель из секции, в которой мы оказались. Нам приходится пригибать голову, но нам удастся пройти. Он извивается и сворачивает, и в какой-то момент нам приходится двигаться боком: Пейтон помогает Тайлеру с одного конца, а Риггс — с другого.

Даже когда Тай выбивается из сил и пот ручьями льется по его лицу, он не произносит ни единой жалобы. Он продолжает двигаться, продолжает идти. Как и наша девушка. Оба они чертовски живучие, и они такие чертовски сильные, что это заставляет меня хотеть делать лучше, быть лучше, найти выход отсюда, чтобы им больше не было больно.

Вот почему я заставляю себя двигаться быстрее, идти впереди, чтобы, если я столкнусь с какими-то проблемами, у них было достаточно времени, чтобы сбежать, пока я буду разбираться с ними. Мое безрассудство может пригодиться прямо сейчас, потому что если это спасет жизнь моей девочки, жизнь членов моей семьи, то так тому и быть. Мы не можем

рассчитывать ни на кого, кроме себя — никогда не могли и никогда не сможем, а здесь, внизу, удача может быстро обернуться против нас. Но если кто и может выбраться из этой пещеры, так это мы.

Хищники высшей категории, детка.

Мы продолжаем двигаться, останавливаясь только для того, чтобы попить воды и проверить рану Тайлера. К счастью, кровотечение остановилось. Он не задел ничего важного, но потерял много крови, плюс кто знает, что было в когтях монстров или в воде. Он бледный и потный, но решительный, а Пейтон игнорирует наши опасения и уверяет, что с ней все в порядке.

Убедившись в этом, мы идем дальше. Туннель ведет вверх, и нам приходится с трудом подниматься по склону. Тайлер ворчит от усилий, а Пейтон пыхтит, но заставляет себя идти вперед. Когда мы оказываемся на вершине, я замираю и смотрю вниз.

Да вы, блять, издеваетесь надо мной.

ПЕЙТОН

Проход достаточно большой, чтобы мы могли встать бок о бок, что мы и делаем, а затем озираемся.

Черт, почему в этой пещере ничего не дается легко?

Знаю, обычно говорят, что жизнь бросает тебе только то, с чем ты можешь справиться, но, черт возьми, я уже достигла своего предела.

Под нами бассейн, и отсюда мы можем видеть выход. Свет проникает в воду, яркий солнечный свет. Это подводный туннель, ведущий из пещеры. Там наш выход, но он также находится по меньшей мере в тридцати³⁵ футах под нами и заполнен водой, и кто знает, насколько длинный этот проход. У нас только три баллона и одна веревка, не говоря уже о травмах Тайлера.

Я обмениваюсь взглядом с Каленом, а Тайлер сужает глаза на меня.

— Не надо, — огрызается он. — Мы уходим отсюда. Мы умеем решать проблемы, мы справимся.

— Хорошо, — я кусаю губу, обдумывая наши варианты, и прихожу к тому же пониманию, что и они, вероятно. — Черт, у меня есть план, но он безумный.

— Самый лучший, — замечает Фин, заставляя Ригтса ухмыльнуться.

— Ладно, кто-то ныряет туда с веревкой, привязывает ее внизу, чтобы мы могли спуститься. Нам понадобится человек перед Тайлером и после него, если он не справится...

— Я справлюсь, — он серьезно кивает.

— Затем мы проплывем по туннелю с баллоном на двоих.

— Черт, — ворчит Кален.

Это точно. Дыхание в паре уже опасно, но отправляться в незнакомый туннель и разделять баллон? Это гребаное самоубийство, но у нас нет выбора, особенно когда мы слышим кваканье монстров совсем рядом.

— Хорошо, тогда я разделю с Пейтон... — начинает Кален, а я качаю головой.

— Нет, тебе нужно защищать наш тыл, а это значит, что самым медленным нужно больше воздуха. Тебе нужен баллон, — говорю я ему. — Фин должен идти первым, так как он самый быстрый после меня, но я слишком ранена, чтобы плыть достаточно быстро. Ему

нужен баллон, и он может дышать в паре с Риггсом.

Они кивают, и я переглядываюсь с Тайлером.

— Мы самые раненые, больше всего шансов потерпеть неудачу, поэтому нам нужно разделить воздух.

— Детка, — простонал он, и я обхватила его голову и прижалась лбом к его лбу.

— Ты знаешь, что я права. Это наше решение для нашей команды. Если мы не справимся, то лишь убьем друг друга, а мы и так уже ранены. Мы делимся воздухом, любовь моя.

— Ты все равно всегда была моим воздухом, — отвечает он, даже когда Фин притворно охает. — Ты права.

Мы оба знаем, что такое самопожертвование, что такое лидерство. Мы не вправе убивать нашу команду из-за наших слабостей. Мы ранены, а это значит, что у нас больше шансов запаниковать или лишиться воздуха и задохнуться. Мы делимся, чтобы не навредить здоровым членам нашей команды. С закрытыми глазами мы киваем в знак согласия, зная, что если один из нас пострадает, умрет, то и другой тоже. Мы принимаем это.

— Не надо так драматизировать. Мы все выберемся, — фыркнул Кален.

— В точку. Независимо от расстояния, мы погрузимся и вынырнем, — Риггс кивает. — Все получится, и мы видим свет, так что выход не может быть слишком далеко. Никакой паники, дышим медленно. Два через два.

— Два через два, — Фин кивает. — Доберемся до поверхности и найдем помощь, после чего выспимся навек, а после — сплошной секс.

Это заставляет нас смеяться, даже когда я передаю веревку, а наши руки соприкасаются.

— Ты вытащишь нас отсюда, любимый, и получишь вознаграждение, — я подмигиваю.

— Да, блять. А теперь смотри, детка. Ты намокнешь как черт от моих впечатляющих навыков, — дразнит он с ухмылкой.

Обвязав веревку вокруг талии, Фин ныряет за край. Он погружается в воду, через мгновение всплывает и ухмыляется мне.

— Мокрый, — произносит он, заставляя меня со смехом покачать головой.

— Ладно, Риггс первый, чтобы помочь Тайлеру, — инструктирую я. Он начинает протестовать, но я сужаю глаза. — Риггс, ты, я, Кален. Не спорь, блять. Мы все еще в состоянии нырнуть вниз, если понадобится, а ты — нет. А теперь тащи свою сексуальную задницу вниз. Ты должен мне оргазмы, и когда мы выберемся отсюда, я планирую на них претендовать.

Он настойчиво целует меня.

— Обещаю, любимая.

Мы вместе работаем над тем, чтобы он зацепился за веревку подо мной. Я прислоняюсь к краю зубчатой стены и помогаю ему сверху, пока Риггс помогает снизу, удерживая на веревке как можно больше его веса. Мы с Каленом помогаем Тайлеру спуститься, двигаясь спиной вперед. Я вижу, как сильно он ненавидит это, но мы все проходили через это, и единственное, что имеет значение, это то, что мы живы и все еще вместе.

— Ты справишься, — говорю я, когда Кален поворачивается, чтобы прикрыть наши спины. Я удерживаю веревку на вершине, стоя на коленях, наблюдая, как он медленно спускается вниз с помощью Риггса. Он тяжело дышит, его зубы стиснуты, но ему это удастся, и он плавно погружается в воду, а затем всплывает, и Риггс не отходит от него.

Они кивают мне, чтобы я спускалась, я смотрю на Калена и поднимаюсь на ноги. Он

смотрит в ответ, его темные глаза, как обычно, крадут мое дыхание. Встав на цыпочки, я крепко целую его.

— Я знаю, что ты вернулся за мной, и я люблю тебя за это. Спасибо, что спас их, — шепчу я, пытаюсь отстраниться, но он прижимает ладонь к моему затылку, углубляя поцелуй.

— Если ты еще раз попытаешься покинуть меня, я прикую тебя к себе, — рычит он в мои губы, предупреждаяще покусывая их, пока я дрожу от желания.

— Да, Кей, — я хихикаю. — Держись прямо за мной.

— Всегда, — обещает он, когда я отстраняюсь и хватаюсь за веревку.

Возвращаюсь к краю и начинаю медленно спускаться, не обращая внимания на боль в теле. Мы почти у цели, я знаю это. Адреналин пронизывает меня, вытесняя усталость и боль, давая мне достаточно энергии, чтобы довести дело до конца.

Я достигаю подножия и отпускаю веревку, погружаюсь под воду и всплываю рядом с остальными, пока Кален, поморщившись, отвязывает веревку — его руки немного разодраны, но он их перевязал — и бросает ее нам вниз на случай, если она нам понадобится. Риггс сматывает веревку и закрепляет ее, когда Кален прыгает и плавно погружается в воду рядом с нами. Мы подплываем ближе, когда он всплывает на поверхность, образуя круг, пока мы держимся на воде.

— Ладно, мы готовы? Все помнят план? — они кивают. Наши баллоны уже распределены, уровни проверены. Они наполнены на пятьдесят процентов, но мы не обращаем внимания, зная, что можем сбросить их и заняться фридайвингом, если понадобится.

Я позволяю Тайлеру первому взять наш баллон, и мы обмениваемся взглядами, плывя так близко, как только можем. Это ритуал, который мы не проводили уже много лет.

— Почему мы занимаемся этим?

— Чтобы исследовать неизвестное, — машинально отвечает Фин, зная порядок. Я научила их этому после смерти отца. Это была традиция, и тот факт, что мы продолжаем ее, заставляет меня чувствовать себя ближе к нему.

— Зачем мы здесь?

— Чтобы найти себя, — отвечает Риггс с улыбкой.

— Что мы делаем?

— Работаем вместе, как команда, — отвечает Кален.

— Потому что кто мы?

— Хищники, — говорит Тайлер, и мы все закрываем глаза и опускаем пальцы в воду, чувствуя моего отца и всех тех, кого мы потеряли. Когда я снова открываю глаза, мы готовы начинать.

Мы готовы выбраться из этой пещеры раз и навсегда.

Я обмениваюсь взглядом с Финном и Риггсом.

— Я люблю вас, — говорю я им, нуждаясь в том, чтобы они знали.

— Не говори так, будто это прощание, Пейтон, — Фин погрозил пальцем. — У нас впереди еще много секса и отдыха, — после этого он подмигивает, втягивает воздух и ныряет под воду. Риггс целует меня, делает вдох и следует за ним.

Я обмениваюсь взглядом с Каленом.

— Никаких геройских выходов.

— Заткнись и ныряй, детка, — он закатывает глаза.

Тайлер вдыхает и погружается, а я бросаю взгляд на Калена.

— Если выбор встанет между мной или им, выбирай его.

Не желая давать ему время разозлиться, зная, что прошу невозможного, я делаю глубокий вдох и ныряю. Кален выжидает мгновение, прежде чем последовать за мной.

К счастью, у нас все еще есть фонарики, и по мере углубления мы включаем их. Мы с Тайлером плывем бок о бок, и он держит баллон в руке на случай, если он ему понадобится. Фин и Риггс плывут впереди нас, пробираясь через какие-то подземные сооружения с отверстиями. Мы пробираемся через них и огибаем сталагмиты, растущие со дна, пока они не сужаются в туннель, который, кажется, идет прямо.

У меня хорошее предчувствие. Точно такое же предчувствие я испытываю, когда мы находим что-то новое, когда я вижу пещеру, которая, как я знаю, будет невероятной, меняющей жизнь. Я чувствую. Это должен быть выход.

Я просто знаю это.

Мы следуем за ними, и немного углубившись в туннель, Тайлер делает первый вдох из баллона. Я в порядке, поэтому не тянусь за ним, позволяя Тайлеру держать его, пока Риггс и Фин передают друг другу свой баллон. Пузырьки надуваются в воде и поднимаются к потолку.

Тайлер делает еще один вдох и протягивает руку, передавая баллон мне. Обхватывая его губами, я вдыхаю и передаю обратно, зная, что он нуждается больше. Чем дальше мы плывем, тем сильнее нагревается вода, свет становится все ярче. Возбуждение наполняет нас, мы ускоряемся, плывем так быстро, как только можем, даже Тайлер, но когда я оглядываюсь, то вижу, что за ним тянется кровавый след. Это заставляет меня нервничать, зная, что эти монстры способны учуять кровь, но сейчас мы ничего не можем с этим поделать.

В воде усиливается течение, и даже Фин и Риггс начинают активней работать ногами, понимая, что это значит. Тайлер делает вдох из баллона и передает его мне. Я делаю один вдох, как раз когда мы все медленно тормозим позади Фина и Риггса.

Туннель закончился.

Открытая вода.

Свобода.

Мы сделали это.

Мы находимся на краю туннеля, перед нами солнечный свет. Океан простирается перед нами, обещая нам воздух и свободу... затем я слышу ворчание.

Я поворачиваюсь и вижу, что Кален сражается с тремя монстрами. Оглянувшись, я вижу Тайлера, который готов помочь, но мы оба знаем, что он не в форме, чтобы сделать это. Я делаю глубокий вдох из баллона, прежде чем передать его ему, зная, что он будет нуждаться в нем, чтобы выбраться на свободу. Я киваю головой Фину и Риггсу, и, не оглядываясь назад, поворачиваюсь и плыву так быстро, как только могу, обратно к Калену.

Я доверяю Тайлеру следовать за Фином и Риггсом, но я не хочу оставлять Калена здесь, в темноте. Он видит, что я приближаюсь, и качает головой, прежде чем они снова набрасываются на него, закрывая мне обзор. Я вижу кровь, окрашивающую воду, и почти рычу, стараясь максимально ускорить свое тело, чтобы добраться до него.

К черту этих монстров и их дурацкую пещеру. Они сгниют здесь.

Как только я достигаю Калена, я хватаю одного из монстров за шею и отбрасываю, пиная другого, чтобы Кален мог справиться с третьим. Тот, которого я отбросила, бросается на меня, царапая лицо, но я хватаю его, уворачиваясь от когтей, и впечатываю в стену.

Снова и снова.

В конце концов, он перестает двигаться, и когда я оборачиваюсь, Кален обхватывает рукой заднюю часть одного из существ, которое пытается дотянуться до меня, пока он без труда ломает шею другому. Я смотрю широко раскрытыми глазами, как он поворачивается, подхватывает второго, разрывает его на две части и отпускает. Он оседает на дно в кровавой дымке. Я смотрю на Калена, и он ухмыляется. Он шарит руками по воде и в панике оглядывается на меня, жестом показывая на свой рот.

Баллон.

Черт!

Должно быть, он потерялся во время боя.

Не имея другого выхода, он подплывает ко мне, хватая меня и тащит за собой, пока мы изо всех сил пытаемся выбраться из туннеля на воздух, пока не утонули. Мы плывем так быстро, как только можем, но мои легкие начинают истошно вопить. Не только от того, как долго мы здесь пробыли, но и от того, что из-за борьбы я лишилась ценного воздуха. Я касаюсь его руки, и он все понимает, вероятно, сам мучается.

Я ищу решение и нахожу его над нами.

Я указываю, и он следует за моим взглядом, кивая. Мы оба плывем вверх, к крыше туннеля. Надеюсь, остальные уже выбрались, но мы не остановимся, пока не выберемся и мы.

Там, на поверхности потолка, находятся пузырьки воздуха. Кто знает, как долго они здесь находятся, но либо это, либо утонуть. Мы прижимаем лица к потолку и всасываем столько, сколько можем, прежде чем нырнуть и поплыть снова.

У нас есть последняя попытка выбраться.

Он ни на секунду не отпускает мою руку, пока мы не прорываемся через туннель. Фин находится там со своим баллоном, как раз собираясь заплыть внутрь. Он передает баллон мне, но я передаю его Калену, зная, что он не может задерживать дыхание так долго, как я. Солнце проникает в воду, и я плыву изо всех сил. Мое сердце колотится так быстро, что я слышу только его, а потом я выныриваю на поверхность.

Прямо на открытый воздух и солнечный свет.

Я вдыхаю свежий воздух впервые за несколько недель, мои глаза слезятся, когда солнце попадает мне на лицо, мгновенно согревая его. Океан омывает меня, нежно притягивая мое тело своим течением. Кален всплывает рядом со мной, Фин тоже, и я кручусь, в поисках Тайлера, но Фин останавливает меня.

— Никакого плескания, осторожные движения, — мягко предупреждает он.

— Подожди, что? — спрашиваю я, все еще ища Тайлера. Я нахожу его неподалеку с Риггсом, и я уже собираюсь плыть туда, игнорируя совет Фина, когда вижу, что он имел в виду. Недалеко от нас плавник.

Однозначно акулый плавник.

Блять.

Я ныряю под воду и осматриваюсь. Вокруг нас акул нет, поэтому я всплываю и осторожно подплываю к парням.

— Ты в порядке, — Тайлер вздыхает с облегчением и обнимает меня. Я обхватываю его руками и держу на плаву, наблюдая за кровью в воде. Я обмениваюсь обеспокоенным взглядом с остальными. Мало того, что он потерял много крови, он плохо выглядит... и теперь у нас здесь еще и акулы.

В открытой воде.

Черт.

— По крайней мере, мы выбрались из пещеры, — шутит он, пока мы плаваем по кругу, защищая его, наблюдая за плавниками. Они не очень близко, но мы все знаем, как быстро ситуация может измениться, и если мы попали на кормовую площадку, то нам пиздец.

— Похоже, это большие белые, — отмечает Кален, и я киваю.

— Наверное, это их территория. Есть лодки? Люди? Что-нибудь? — спрашиваю я.

Риггс качает головой, пока мы осматриваем горизонт. Океан уносит нас все дальше в море и все дальше от скалы, где находился вход в пещеру. Остров там есть, но он крутой, и мы никак не сможем взобраться на него, особенно в нынешнем состоянии Тайлера.

— Что же нам делать? — беспокоюсь я, поддерживая его. Вопреки мнению большинства людей, акулы не нападают, если им не угрожает опасность или они приняли вас за тюленя... но в наших гидрокостюмах это трудно определить.

— Мы ждем. Кто-то должен искать нас в океане. Если в ближайший час или около того мы никого не увидим, Риггс или я заберемся наверх и попробуем найти помощь, — предлагает Кален.

— Хорошая идея. А до тех пор, давайте не шуметь и не привлекать к себе внимания. Следите за ними, если они подплывут ближе.

Мы плывем по нагретой солнцем воде. Я никогда не думала, что буду так благодарна за то, что выбралась из пещеры. Акулы кружат возле нас, но ни одна не подплывает слишком близко. Тайлер слабеет, его окровавленные, мокрые пальцы поднимаются и пытаются схватить ожерелье на шее.

Кольцо.

— Все будет хорошо, оставайся со мной, — бормочу я, осыпая поцелуями его соленые волосы.

— Оно твое, носи его, — бормочет он.

— Нет. Когда тебе станет лучше, ты сам сможешь отдать его мне, — отвечаю я, толкаясь ногами, наблюдая за плавниками вокруг нас. — А до тех пор оставайся со мной, слышишь? Мы так близки, Тай, так чертовски близки.

— Мне нужно, чтобы ты знала, что я люблю тебя, — хрипит он.

— Я знаю, что любишь. Я знаю, малыш, но, пожалуйста, держись, хорошо? Ты нужен нам, ты нужен мне, — шепчу я.

Гул двигателя прорывается сквозь мои тревожные мольбы.

Мы отчаянно сканируем воду, пока не замечаем маленькую рыбацкую лодку, рыскающую по водам. Мы ждем, когда она приблизится, и начинаем кричать, вопить и размахивать руками, стараясь не расплескать воду. Лодка останавливается рядом, и Кален, не испытывая ни капли страха, ныряет под нее и плывет прямо в кишашую акулами воду.

Я смотрю, в ужасе ожидая, когда он всплывет. Он всплывает, прямо рядом с лодкой, и забирается на борт, как раз когда акула делает выпад. Я вижу, как он разговаривает с растерянным мужчиной и жестом указывает на нас, после чего отталкивает его с дороги и забирается в кабину лодки. Мгновение спустя лодка разворачивается и с ревом несется к нам, и я плачу, когда вокруг брызгами разлетается вода от акул.

Одна из них почти достает нас, но лодка пронесется мимо нее и затем останавливается рядом с нами. Кален подходит к бортику и тянется вниз, пытаясь вытащить нас из воды так быстро, как только может. Я перебираю ногами в воде, пока он тянется, помогая Тайлеру

забраться внутрь. Кален вытаскивает меня, потом Риггса и Фина. Я падаю на грязное днище рядом с Тайлером, Фин и Риггс падают с другой стороны от меня, а Кален сидит у наших ног, пока человек, владеющий лодкой, кричит в рацию. Я поворачиваю голову и чувствую, как вода стекает по моему лицу, а солнце нагревает каждый измученный кровью дюйм моего тела. Я встречаю взгляд Тайлера и улыбаюсь.

— Мы сделали это, малыш, мы в безопасности, — шепчу я и, используя последние силы, тянусь рукой по дереву к его руке. Он хватает мою руку и переплетает наши пальцы.

Улыбаясь, я закрываю глаза и снова поворачиваюсь лицом к небу, когда чувствую, как еще одна рука хватается мою свободную. На мою ногу ложится ладонь Калена, на бок — Фина или Риггса. Все они прикасаются ко мне, пока мы молчим.

Мы свободны, но мы лишились очень многого на этом пути.

ПЕЙТОН

Как только мы оказываемся на корабле, события развиваются довольно быстро. Нас везут на остров, где собрались те, кто был наверху. Там царит возбужденная болтовня и раздаются множество вопросов, но мы все слишком измотаны и изранены, чтобы отвечать на них. Я приветствую Стива и рассказываю ему, что произошло, пока мы ждем прибытия вертолета. Он прилетает через тридцать минут, и Тайлера эвакуируют по воздуху. Я отправляюсь с ним, так как он не хочет отпускать мою руку. Остальные сразу отправляются на катере на материк с ближайшей больницей, куда нас доставляют по воздуху.

По дороге я опускаю голову ему на грудь, пока они ставят капельницу и проверяют его показатели, одновременно зашивая его раны. Они пытаются осмотреть меня, но я качаю головой. Он нуждается в них, не я. Когда мы приезжаем в больницу, его увозят на операцию, а меня принудительно осматривают. Мне делают несколько уколов и заставляют принять антибиотики. Они также вынуждены зашить некоторые раны от монстров. Когда они спрашивают, от чего они появились, я просто смотрю в сторону, зная, что вероятность того, что они мне поверят, довольно мала.

Два часа спустя я лежу в кровати и под капельницей от обезвоживания, когда приходят остальные. Мы вместе ждем новостей о Тайлере.

Странно чувствовать себя на свободе, я чувствую себя... нервно рядом с ними, словно не зная, как себя вести. Действительно ли они все еще мои, как тогда, в пещере? Или они снова откажутся от меня под солнечным светом? Но затем Кален подходит и берет мою руку так же легко, как раньше, может быть, даже проще, будто так и должно быть. Фин опускается на кровать рядом со мной, прижимаясь ко мне, а Риггс кладет голову мне на ногу.

Я начинаю плакать обо всем, что мы потеряли, но также и обо всем, что мы приобрели.

Майкл... Я даже не могу начать горевать о нем, но усталость и боль переполняют меня, и я рыдаю. Они держат меня все это время. Его имя на моих устах, и, наконец, мой разум отключается, и я проваливаюсь в сон.

Меня окружают те, кого я люблю, мое сердце тянется к другому, которого нет с нами, надеясь, что удача изменится и с Тайлером все будет хорошо.

И что мы оставили все эти плохие моменты там, в темноте.

Меня разбудил врач. Мой разум затуманен, и доктор любезно ждет, пока я выпью воды и полностью преодолю дымку, прежде чем сесть и начать говорить. Он объясняет, что им пришлось немедленно оперировать Тайлера, чтобы закрыть внутреннюю травму. К счастью, его органы не были повреждены, но он потерял много крови. Ему сделали два переливания крови, а все остальные раны были обработаны. Он находится в отделении на внутривенной капельнице, как и я, и мы можем увидеть его, если захотим. Я пытаюсь встать на ноги, а доктор вздыхает и помогает мне подняться, чтобы я могла опереться на шест для капельницы, а затем вскоре усаживает меня в инвалидное кресло и везет на другой этаж и в другую палату. Мои мужчины следуют за мной.

Я вижу его через стекло, он выглядит чистым и кажется почти маленьким на белой кровати под ярким освещением. Он такой неподвижный, рядом с ним пищат мониторы. Кален входит, Фин тоже, но Риггс ждет со мной, пока я колеблюсь, размышляя, захочет ли он, чтобы я была там.

Когда он очнется... что если он снова начнет меня ненавидеть?

— Ты — семья, Пейтон. Ты та, кого он хочет видеть, слушать, больше всех нас. Ты нужна ему сейчас, Пей, больше, чем когда-либо. Не делай ему больно снова, — он наклоняется и нежно целует меня. — Избавься от этих сомнений. У нас было несколько трудных недель, так что давай просто... будем. Все, о чем мы сейчас просим, это чтобы ты осталась, была здесь для него... и для нас.

Я киваю и беру его за руку, встаю с инвалидного кресла и позволяю ему провести меня внутрь. Фин выдвинул стул, и я жестко уселась, вздрогнув, и протянула руку, чтобы схватить теплую ладонь Тая. Подняв его руку, я целую тыльную сторону, глядя на него.

— Я здесь, Тай, — шепчу я, прежде чем прочистить горло. — Мы все здесь. Ты в порядке, мы все в порядке. Просто отдыхай, а мы будем здесь, когда ты проснешься... Я буду здесь. Обещаю.

Я снова целую его и смотрю, как поднимается и опускается его грудь, задаваясь вопросом, достаточно ли этого на сей раз, достаточно ли меня.

Я не хочу больше никогда причинять им боль. В пещере мы нашли любовь, мы нашли вечность, но это легкая часть. Самое трудное — бороться за любовь, сохранять ее. Но если кто и сможет, так это мы.

Вместе.

ФИН

Как только нам разрешили, мы отправились в палату Тайлера. Мы проводим в ней весь день и ночь, даже когда врачи пытаются вернуть Пейтон в ее собственную палату, утверждая, что она нуждается в отдыхе. Я наблюдаю, как она загорается, когда смотрит на них, бросая им вызов попытаться увести ее и заявляя, что она будет отдыхать только рядом с ним. После этого они оставляют ее в покое.

Мы все еще не обсудили, что мы собираемся сказать. Как объясним, что произошло там внизу — кто поверит, что на нас напали монстры? — но если мы не дадим им что-то, кто-то снова отправится вниз и закончит с теми же проблемами, что и мы. Однако это проблема для другого дня. Сегодня, когда солнце встает и начинает пробиваться сквозь окно больничной палаты, наступает день праздника.

Особенно когда Тайлер открывает глаза.

Правда, лишь на мгновение. Он оглядывается вокруг, встречаясь с нашими глазами, а затем со взглядом Пейтон. Небольшая улыбка искривляет его губы. Его маску сняли вчера поздно вечером, и он дышит сам.

— Ты осталась, — шепчет он, прежде чем снова потерять сознание.

Я смотрю, как слезы стекают по ее лицу, когда она целует его руку.

— Я никуда не уйду, Тай, слышишь? Я буду здесь, просто отдыхай. Я присмотрю за ними для тебя.

— Можешь попробовать, — поддразниваю я. — С нами не так просто справиться.

Она смеется, утирая слезы, и благодарно улыбается мне за попытку подбодрить ее. Я готов на все ради этой улыбки, на все, чтобы моя девочка была счастлива... или, лучше сказать, *наша* девочка. Она никогда не будет принадлежать только мне, но мне все равно. Пока я получаю частичку ее сердца, пока я могу участвовать в ее жизни, почему меня это должно волновать? Ее любовь к ним не мешает ей любить и меня, любовь не ограничена. Это не процент, который ты отдаешь, она бесконечна и может растянуться на всех. Мы и так уже были влюблены в нее, мы просто больше не боремся с этим.

Может быть, ей пришлось уйти, чтобы найти путь обратно к нам, чтобы мы были готовы к этому, готовы к ней и к жизни, которую нам предстоит прожить, потому что одно я знаю

точно — Пейтон Эндрюс больше никогда не покинет нас. Куда бы она ни пошла, мы последуем за ней.

Семья. Всегда.

РИГГС

Мы все время находимся рядом с Тайлером. Стив заходит проведать нас, уверяя, что никто не будет лезть в пещеру, пока мы не будем готовы к разговору. Он оградил ее от любых расследований и изо всех сил сдерживает полицию. Он также оплатил частный уход и услуги лучших врачей, а также номер в отеле, когда мы будем готовы покинуть больницу. Он обещает, что достанет все, что нам нужно или чего мы хотим, стоит нам только попросить.

Его беспокойство искренне, печаль тоже, и Пейтон доверяет ему, уверяя, что это не его вина. От этого мое уважение к нему растет. Для него это была не просто работа. Он такой же, как и мы, искатель приключений, и он явно чувствует себя ужасно из-за того, что произошло.

Но откуда ему было знать? Как вообще кто-то мог знать?

Как только он уходит, мы снова отдыхаем. Врач вновь осматривает Пейтон врач и дает положительное заключение, хотя ей велено отдыхать и не нырять по крайней мере четыре месяца. Было видно, как она хотела возразить, но в конце концов согласилась.

Несмотря на то, что произошло, никто из нас не может игнорировать зов воды — это у нас в крови, это то, кем мы являемся, и эта пещера нас не остановит.

Тайлер начинает просыпаться все чаще и чаще, становясь все более осмысленным с каждым морганием глаз, прежде чем снова заснуть. Ему нужно отдохнуть, и то, что сказала Пейтон, правда — мы все будем здесь, когда он проснется.

Хищники на всю жизнь.

КАЛЕН

Наблюдение за братом на больничной койке заставило меня волноваться. Он самый сильный человек, которого я знаю, и видеть, как он страдает, а я ничего не могу сделать, — это душераздирающее зрелище. Мои собственные переживания всплывают на поверхность, моя собственная тьма, и я опускаю голову на руки.

Я знаю, что с ним все будет в порядке, доктор так сказал, но каковы будут душевные последствия того, через что он прошел? Через что нам всем пришлось пройти? Я знаю последствия ПТСР⁶, я страдал от него. Я всегда хотел защитить свою семью от того, чтобы им никогда не пришлось пройти через подобное. И вот мы здесь, мой брат лежит на

больничной койке, другие мои братья изрезаны и измождены, а моя девушка...

Черт, любовь всей моей жизни ранена, устала и истощена.

Нам всем нужно время, чтобы восстановиться, как физически, так и психически, но пока этого не произойдет. У нас есть дела, которыми мы должны заняться, когда выберемся отсюда, например, предотвратить, чтобы кто-то еще когда-либо спускался туда. Мне бы хотелось взвалить все это бремя на себя, но они никогда мне этого не позволят.

Как будто зная мои мысли, Пейтон поднимает голову и улыбается мне. Сжав руку Тайлера, который снова спит, она встает и направляется ко мне. Риггс занимает ее место и рассказывает Тайлеру о цифрах и животных. Один из нас всегда рядом с ним, чтобы он знал, что он не один и что с нами все в порядке.

— Привет, малыш, — бормочет она, забираясь ко мне на колени. Я сажусь и крепко обнимаю ее, уткнувшись головой в ее плечо и вдыхая аромат моей девочки. Откуда она всегда знает, когда я в ней нуждаюсь?

— Веди себя хорошо, Эндрюс, не порви снова свои швы, — предупреждаю я.

— Заткнись, — она смеется и целует меня в лоб, заставляя меня дрожать, когда она прижимает меня к себе, обеспечивая мне комфорт, о котором я не знал, как попросить.

— Как скажешь, принцесса, — обещаю я и прижимаюсь ближе, позволяя ее теплу, ее запаху и ощущению ее объятий успокоить меня так, как ничто другое никогда не могло.

— Просто дыши, — шепчет она. — Принимай по одному моменту за раз, по одному дню за раз.

Она почти слово в слово повторяет то, что она говорила мне, когда я мучился перед ее уходом, когда воспоминания о зарубежных командировках были слишком сильны и подавляли меня. Это помогало тогда и помогает сейчас. Я дышу, позволяя звуку ее ровного сердцебиения направлять меня, ставить на якорь и возвращать меня к жизни, как она всегда это делала.

— С ним все будет хорошо, Кей. Со всеми нами все будет хорошо, ты отлично справился. Без тебя мы бы не выжили, — бормочет она и приподнимает голову, обхватывает руками мою челюсть и тянет к себе, пока я не встречаюсь с ней глазами. — Я серьезно, Кален, ты спас нас.

Она наклоняется и целует меня нежно, с любовью, выражая своими действиями все, что мне нужно знать.

Именно тогда, когда я думал, что уже не смогу любить эту женщину сильнее, она крадет последнюю разбитую частичку моего сердца.

ТАЙЛЕР

Мужской голос шипит:

— Клянусь, если ты не прекратишь совать свой член мне в лицо...

Застонав, я открываю глаза, борясь с дымкой и оцепенением. Боль мгновенно вспыхивает во мне, но она меньше, чем в прошлый раз, когда я приходил в себя, почти тупая боль. Я моргаю, проясняя глаза, когда на меня падает яркий свет. Тот, кто спорит, слишком занят, чтобы заметить это, поэтому я вздыхаю и пытаюсь поднять голову, но чувствуя слабость, опускаю ее обратно.

Меня раздражает собственное тело.

— Не кричите в больнице, люди пытаются поспать, — укоряю я их скрипучим голосом. Наступает тишина, а потом они все окружают меня, задавая вопросы. Я усмехаюсь и смотрю на Пейтон, которая трясущейся рукой помогает мне приподнять голову, чтобы я мог глотнуть воды, а затем помогает мне устроиться поудобнее.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спрашивает она, ее большие глаза, как всегда, смотрят прямо в мою душу.

— Да, теперь когда я знаю, что ты здесь, — быстро отвечаю я, и она усмехается, даже когда Фин притворно хмыкает. Находясь под воздействием лекарств, я запаниковал, опасаясь, что она снова ускользнет от меня, что ее не будет, когда я проснусь, но она здесь. Я вижу, как она вздрагивает от напоминания, и я морщусь, желая забрать слова обратно. Нам потребуется время, чтобы не беспокоиться о ее исчезновении, но я не хотел бросать ей это в лицо и причинять боль... даже если она улыбается мне, делая вид, что это не так.

— Что врачи сказали о тебе? — требую я.

Она закатывает глаза, пока Риггс пересказывает все, заставляя меня нахмуриться.

— Тогда тебе следует отдохнуть.

— Я в порядке, — она вздыхает.

— А пещера? — требую я, вопросы так и сыплются из моего рта, теперь, когда я очнулся. Фин смеется, и даже Кален присоединяется. — Что?

— Ничего, просто приятно, что ты вернулся. Здесь было почти слишком тихо, — Фин ухмыляется мне.

— Засранец, — бормочу я и откидываюсь назад, вздрогнув. Я чертовски ненавижу быть раненым или больным, но это меня не остановит. Я планирую как можно скорее выбраться из этой койки и вернуться обратно к моей семье, к моей девочке, убедиться, что те, кого мы потеряли, удостоены чести, а их семьи уведомлены — мы должны разработать план, чтобы объяснить, что же произошло.

Но мое тело вынуждает меня ждать, так как боль пронзает меня. Пейтон, конечно же, замечает это и нажимает на кнопку, вводя мне обезболивающие препараты, пока я снова не начинаю чувствовать себя парящим. Взяв ее за руку, я снова закрываю глаза.

— Не уходи, — прошу я перед тем, как потерять сознание.

Через пять дней меня выписывают, и я соглашаюсь отдохнуть в отеле. Моя семья тоже нуждается в отдыхе. Проводить каждый день у моей кровати на тесных стульях не помогает, а они отказываются покидать меня. Другие члены экипажа тоже приходили навестить меня, как и полиция, которая собрала наши отчеты, прежде чем Стив увез их.

Меня даже вывозят на инвалидной коляске через заднюю дверь, чтобы избежать прессы, а затем вместе с семьей везут в фургоне с тонированными стеклами в отель. Однако я отказываюсь от инвалидного кресла и беру Пейтон за руку, пока мы поднимаемся на верхний этаж и идем в наш номер — любезно предоставленный Стивом. Там она раздевает меня и насильно укладывает в постель, и не ради веселья.

Она осматривает мои раны и суетится по комнате, пока я не закатываю глаза.

— Фин, — рявкаю я.

Он перестает бить Риггса подушкой, смотрит на Пейтон и улыбается.

— Понял, босс, — отзывается он и бросается на нее, подхватывая ее, несмотря на ее протесты. Она брыкается и отбивается, защищаясь, а он смеется и передает ее Калену, который смотрит на нее сверху вниз, заставляя ее остановиться. Мягко, несмотря на мрачное выражение лица, он укладывает ее рядом со мной и старательно укутывает ее.

— Тебе нужно отдохнуть, — огрызается он. — Веди себя хорошо, Эндрюс, — он идет к дивану и опускается на него, почти мгновенно погружаясь в сон.

Я хватаю ее за руку и не даю ей встать.

— Полежи со мной, детка, — бормочу я, зная, что она так и сделает, когда она вздыхает и поворачивается ко мне, положив голову мне на плечо.

— Я просто хочу все проверить...

— Знаю, — пробормотал я и провел рукой по ее разбивающему сердцу лицу. — Но сейчас тебе нужно отдохнуть, и мне тоже, и я не могу сделать это без тебя рядом со мной. Закрой эти прекрасные гребаные глазки и уложи свою милую задницу спать, чтобы мы все могли отдохнуть.

— Люблю тебя, — шепчет она, даже когда вздыхает и устраивается поудобнее. Ее глаза закрываются, и я наблюдаю, как она почти сразу же засыпает. Все выдохлись, их храп наполняет комнату, пока я смотрю на свою девочку.

— Я тоже люблю тебя, Пейтон Эндрюс, — шепчу я, притягивая ее ближе. — Мы все любим. Пожалуйста, не разбивай наши сердца снова... пожалуйста, не разбивай мое. Оно твое, всегда было твоим, — я нежно целую ее приоткрытые губы.

Пожалуйста, будь здесь, когда я проснусь.

ПЕЙТОН

Мы просыпаемся от стука в дверь. Кален открывает, и в номер вкатывают три тележки с едой, от которой исходит аппетитный запах. Мы заваливаемся на кровать и едим, разговаривая и смеясь, предаваясь воспоминаниям. Мы намеренно не поднимаем тему того, что произошло, и не будем, пока Тайлеру не станет лучше. После еды Тайлер засыпает, а я расслабляюсь вместе с Риггсом и Финном... пока снова не раздастся стук.

Это Стив. Он выглядит серьезным, когда приглашает нас всех сесть. Тайлер с трудом перебирается на диван, отказываясь оставаться в постели, как бы я на него ни смотрела. У меня болит сердце от того, каким уставшим он выглядит. Ночью он постоянно просыпался, словно проверяя, на месте ли я. Теперь я сижу рядом с ним и держу его за руку, глядя на своего старого друга.

— Я хотел воспользоваться моментом, чтобы выразить свои искренние извинения за то, что произошло...

— Ты не мог знать, — перебиваю я, не желая позволять ему винить себя. Его плечи сгорблены, он бледен и выглядит усталым. Я готова поспорить, что он обвиняет себя и несет на себе груз всех этих смертей, как и мы.

— И все же я никогда не прощу себе, что не защитил вас. Это было мое погружение, и я подвел вас. Я хочу, чтобы вы знали, что тех... тех, кого мы потеряли там, никогда не забудут, я позабочусь об этом. Их будут называть героями. Их семьи будут обеспечены на всю жизнь, а их похороны будут оплачены. Это самое малое, что я могу сделать, это не так много, но... — он проводит рукой по лицу. — Майкл...

Он смотрит на меня, и я вздрагиваю.

— Мне так жаль, Пейтон. Я знаю, как много он значил для тебя.

— Он умер, занимаясь любимым делом, рядом с семьей. Это все, о чем может мечтать дайвер, — пробормотала я, с трудом сглатывая слезы.

Он кивает, вероятно, понимая, что я не готова говорить об этом.

— У меня есть и другие новости. Я не знаю, хочешь ли ты это услышать, но ты должна знать раньше других, — я киваю, и он делает глубокий вдох, прежде чем продолжить: — Мы спустились к выходу, по которому вы выбрались, чтобы проверить его, и нашли несколько...

тел монстров.

Он запинаяется на словах.

— Мы можем использовать их для исследований и доказательств, чтобы изолировать пещеру. Я позабочусь о том, чтобы никто никогда снова туда не спускался, но это подкрепит вашу историю, и, конечно, я тоже, если вы когда-нибудь захотите ее рассказать. Если нет, то и это не страшно. Вы все получите двойную плату за то, что сделали, и все остальные расходы будут покрыты. Я не могу купить ваше прощение, но надеюсь, что это облегчит ваши переживания, — он встает и грустно улыбается мне. — Если я тебе понадобится, ты знаешь, где я.

Он поворачивается и начинает уходить, его плечи опускаются.

Поцеловав Тайлера, я поднимаюсь на ноги и спешу за ним, останавливая его у двери.

— Спасибо, что доверился нам и позаботился о том, чтобы никто больше не пострадал. Мне невыносима мысль о том, что их тела могут быть оставлены там, внизу, на съедение этим монстрам, но я... — я сглотнула. — Я не могу позволить умереть кому-то еще. Ты не просил у нас прощения, потому что в глубине души ты знаешь, что оно тебе не нужно. Это была плохая ситуация, и никто не виноват. Мы тебя ни в чем не виним, поэтому, пожалуйста, постарайся поспать и поесть. Скоро увидимся.

Он кивает и уходит, а я смотрю ему вслед.

Это самое лучшее из плохой ситуации. По крайней мере, я знаю, что никто никогда больше не пострадает там, внизу. Это не компенсирует ни их смерти, ни их влияния на этот мир, ни утрату их семей.

Но возможно, просто возможно, этого будет достаточно.

После ужина я помогаю Тайлеру вернуться в постель и отправляюсь принимать долгожданную ванну. Я быстро приняла душ, как только мы вернулись, чтобы смыть с себя кровь и ощущения пещеры, но я должна была быть осторожна со своими ранами. Мне не следует принимать ванну сейчас, но мне нужно вымыться, чтобы избавиться от последнего слоя грязи и впечатлений от того, что произошло там, в темноте.

Мой желудок поджимается, когда я наклоняюсь, чтобы включить кран. Но я отказываюсь от мечты о ванной, и со вздохом включаю душ, позволяя воде нагреться, пока пар клубится в огромной ванной комнате. Душ занимает почти всю заднюю стену, с тремя лейками и сиденьем. Повернувшись к зеркалу, я раздеваюсь и смотрю на себя.

Я похудела, у меня появилось больше шрамов... но дело в моих глазах. Они выглядят по-другому. В них больше боли, больше призраков. Как человек может так много страдать, так много терять и при этом снова обрести любовь? Внутри меня идет борьба между скорбью по Майклу и страхом перед тем, что произошло.

Но в то же время я чувствую настоящее счастье от того, что я снова с моими мужчинами, живая.

Раздраженная сама собой, я захожу в кабинку и закрываю стеклянную дверь. Опираясь руками на кафельную стену, я опускаю голову и позволяю воде стекать по моему телу. Мои волосы рассыпаются по спине и плечам, а из глаз текут слезы — слезы, которые я не могу позволить им увидеть. Это встревожит Тайлера, а сейчас ему нужно сосредоточиться на

выздоровлении, но я потеряла человека, которого любила так глубоко, что в моем сердце образовалась дыра, и горе наконец-то вылилось из меня. Рыдания застревают в моем горле, сопли текут из носа, когда я падаю на кафельный пол и обхватываю себя руками. Я зарываюсь головой в руки, надеясь, что это заглушит звук, пока я выплакиваю все это.

Лицо Майкла стоит у меня перед глазами, его прикосновения, его крики, даже его шутки и храп. Я уже скучаю по нему, скучаю больше, чем могу объяснить. Это напоминает потерю отца. Тогда я была в замешательстве и думала, что ничто не сможет избавить меня от боли. Я пережила это, но потеряла часть себя. Неужели все повторится?

Сколько человек может вынести и потерять, прежде чем останется лишь пустая оболочка? Пустая скорлупа там, где должен быть человек?

Руки касаются меня, и я подпрыгиваю. Я поворачиваю голову и встречаю печальные глаза Фина. От одного взгляда на него я икаю, прежде чем броситься к нему. Мне нужен он, нужны они, чтобы держать меня, пока я ломаюсь. Я не должна справляться одна, и он напоминает мне об этом, держа меня на коленях. Он гладит меня по спине, обнимает меня, целует мои волосы и шепчет мне на ухо ласковые слова.

Фин обещает мне, что все хорошо, я в безопасности. Он напоминает мне, что они здесь, и что это нормально — скорбеть.

Еще больше рук обхватывают меня, и когда я смотрю сквозь мокрые ресницы, я вижу обеспокоенное лицо Риггса. Он улыбается мне и целует мое плечо, помогая Фину держать меня. Мы все сидим в тишине под теплыми брызгами, мои рыдания — единственный звук, кроме биения их сердец.

— Это нормально — не быть в порядке, Пей, — шепчет Риггс, прижимаясь ко мне. — Возможно, его больше нет, но он так сильно любил тебя.

— Ты вернула ему жизнь, подарила цель, — бормочет Кален, и я поднимаю голову, видя, как он приседает перед нами. Его глаза темные и печальные, а губы поджаты, когда он рассматривает меня. — Он рассказал мне о своем прошлом. Он рассказал мне, как ты спасла его, как ты заставила его снова захотеть жить. Он умер, чтобы спасти тебя, принцесса, чтобы спасти единственного человека в этом мире, которого он любил. Он был счастлив, и теперь он снова может быть со своей семьей.

— Но... но я его семья, — всхлипываю я. Он наклоняется и гладит меня по щеке.

— Да, и он будет ждать тебя на другой стороне, но твое время еще не пришло. Он знал, что с тобой все будет хорошо, что у тебя есть мы, остальные члены твоей семьи. Ты дала ему такую хорошую жизнь, принцесса. Я знаю, потому что ты вернула и мою тоже. Выплачься, дай волю боли, но не смей винить себя. Майкл был великим человеком, но у него были призраки. Ты спасла его, любовь моя, как спасла нас... спасла меня, — прохрипел он и тяжело сглотнул. — Он знал, что мы нуждаемся в тебе, и я буду вечно в долгу перед ним за это. Я не могу жить в мире без тебя. Раньше я выживал только потому, что знал, что ты где-то рядом, но без тебя нет нас, Эндрюс.

— Что, если я снова причиню тебе боль? Что, если меня недостаточно? — шепчу я.

— Пейтон, гребанная, Эндрюс, — рычит он. — Не позволяй этому дерьму даже прийти тебе в голову, слышишь меня? Тебя более чем достаточно, никого другого и быть не может. Ты — все, и даже если бы ты снова разбила мое сердце. Разбила вдребезги, оно все равно было бы твоим, я все равно был бы твоим, потому что некоторые люди стоят боли, стоят борьбы, а ты, малышка? Ты стоишь каждого сантиметра, который мы выстрадали.

— Ты не сделаешь нам больно снова, — шепчет Риггс. — Я знаю, что не сделаешь. Мы

доверяем тебе, детка.

— Больше, чем кому-либо. Мы сможем сделать это, мы сможем разобраться во всем, на этот раз вместе. Мы обещаем не лгать и не сдерживать свои чувства, а ты обещаешь не убегать, — добавляет Фин.

— Всегда, — зовет Тайлер, и я поднимаю глаза, чтобы увидеть его, прислонившегося к двери — он бледен, но он там. — Я не могу дотащить туда свою разбитую задницу, иначе я бы отшлепал тебя за то, что ты сомневаешься в себе.

Я смеюсь, ничего не могу с собой поделаться. Фыркаю, вытирая слезы и пытаюсь взглянуть на него.

— Ты должен быть в постели.

— Да, но ты должна была быть рядом со мной, — огрызается он и сужает глаза на всех нас. — Вымойте ее, перевяжите и верните в постель.

Он поворачивается и спотыкается.

— Черт, один из вас, идиотов, должен мне помочь.

Кален закатывает глаза и нежно целует меня, прежде чем отправиться на помощь брату, оставляя за собой мокрый след.

— Мы займемся ею, — окликает Риггс и помогает мне встать на ноги.

— Вы оба промокли насквозь, — поддразниваю я.

— Это легко исправить, — Фин подмигивает и быстро сбрасывает свою одежду, бросая ее в мокрую лужу на полу возле душа. Риггс кивает с серьезным видом и делает то же самое, так что они оба оказываются передо мной голыми.

Блять.

Моя боль перерастает в похоть, в неистовую потребность почувствовать их. Мое дыхание все еще прерывисто из-за слез, но теперь я задыхаюсь совсем по другой причине, наблюдая за ними. Риггс не замечает, поскольку поворачивается, его мышцы напрягаются от движений. Его упругая задница изгибается, когда он тянется, чтобы повернуть лейку и взять мыло. Мои глаза жадно скользят по его телу. Теперь, когда мне все позволено, когда над нами не висит угроза смерти, я оцениваю его по достоинству. Я просто смотрю, упиваясь мужчиной, в которого влюблена уже много лет.

Я поворачиваюсь, встречаясь со сверкающими глазами Фина, когда он наклоняется ко мне, заставляя меня дрожать, пока он шепчет мне на ухо. Его томный голос зажигает меня, мои соски твердеют, а клитор пульсирует.

— Не собираешься осмотреть и меня, сладкие щечки? Как грубо.

Я отталкиваю его, пока он дуется, и целенаправленно скольжу взглядом по его телу. Это начинается как шутка, но когда мой взгляд скользит по его прессу, а затем по его полустоячему члену, он становится серьезным. Я закусываю губу зубами. Мне может быть больно, мне может быть грустно, но я все еще жива, и двое мужчин, о которых я мечтала долгие годы, находятся прямо здесь. Хотят меня, любят меня.

Он стонет.

— Черт, детка, я пошутил. Не смотри на меня так, когда мы должны заботиться о тебе.

Я смотрю, как его член все больше твердеет, чем дольше я смотрю, и я выбрасываю слова Тайлера в окно. Он прав — они мне нужны, но не в том смысле, о котором думает он.

Мне нужно напоминание о том, что мы живы, что мы в безопасности и вместе, а что может быть лучше, чем вытрахать им мозги? Самыми грязными вещами, о которых они шептались в пещере?

Мы собираемся проверить, действительно ли они могут справиться с тем, чтобы разделить меня.

Я знаю, что Фина сломать проще всего. Риггс подсчитает и решит, что не стоит причинять мне боль, даже если его член тверд и он смотрит на меня темными, голодными глазами. Он всегда ставит меня на первое место, даже перед своими собственными потребностями. Его голова контролирует его эмоции, но если я сломаю Фина... Риггс последует примеру. В данный момент мне не нужны его мозги, мне нужны его руки, рот и член. Переведя взгляд обратно на Фина, я подхожу ближе. Он отступает, его глаза расширяются, а дыхание учащается. Он знает, чего я хочу, но все еще пытается играть в хорошего парня, заботиться обо мне, но это не то, что мне нужно.

— Детка, — предупреждает он, когда я останавливаюсь перед ним. Он прижимается к кафельной стене, отступая. Я провожу рукой по его блестящей груди, когда он вздрагивает, и обхватываю его твердый член, сжимая, когда я встаю на цыпочки и провожу губами по его губам.

Интересно, чувствует ли он отчаяние на моих губах, ведь он больше не протестует. Он стоит неподвижно, пока я целую его, до тех пор, пока я не провожу рукой по его члену, и тогда он, наконец, срывается. Он стонет мне в рот, сжимая в кулак мои волосы и притягивая меня ближе.

Мое мокрое тело врзается в его, когда он захватывает мой рот, претендуя на него. Он погружает свой язык внутрь, на этот раз не дразня. Нет, он напоминает мне, что я здесь, с ним, поддерживает меня, когда его руки спускаются по моей спине и касаются моей задницы.

Прервав поцелуй, я опускаюсь на колени, не обращая внимания на его протесты, и втягиваю головку его члена в рот. Его глаза на мгновение закрываются, а голова падает вперед, так что он может наблюдать за мной. Облизывая кончик, я сосу и отпускаю, пока он не отталкивает меня, его грудь вздымается, а с головки стекает предэякулят.

— Будешь продолжать в том же духе, и я кончу на твое лицо еще до того, как получу шанс войти в твою маленькую киску.

Ухмыляясь, я поворачиваю голову, чтобы взглянуть на Риггса. Он наблюдает за нами, его кулаки сжаты по бокам. Член пульсирует, но он не двигается. Полностью развернувшись, я ползу по полу душевой к нему. Его адамово яблоко подпрыгивает, а глаза следят за мной, но он не отстраняется, когда я останавливаюсь перед ним. Я скольжу руками по его ногам, и он вздрагивает от неожиданного прикосновения.

— Тебе нужно отдохнуть, — бормочет он — то ли он напоминает об этом себе, то ли мне, не знаю.

— Я могу отдохнуть позже. Сейчас я хочу вас обоих во всех смыслах, как обещал Фин. Я хочу чувствовать себя живой, — я встаю на колени, мое дыхание обдувает его член, когда я поднимаю глаза на него. — Помоги мне забыть, Риггс, пожалуйста, — умоляю я.

— Тебе никогда не придется умолять, — рычит он, словно раздражаясь, а затем наклоняется, поднимает меня и поворачивает. Он прижимает меня к стеклянной двери душевой кабины и, взяв за подбородок, встречается со мной взглядом. — Ты делаешь то, что мы говорим. Если ты навредишь себе еще больше, я буду чертовски раздражен.

— Да, сэр, — поддразниваю я, выпячивая грудь, чтобы потереться о него. Я обхватываю ногами его талию, упираясь пятками в его задницу, чтобы подстегнуть его, но он игнорирует это, доминирующая сторона Риггса выходит на сцену. Я получаю только его член, смогу

кончить только тогда, когда он скажет. Не тогда, когда я захочу. Может, я и начала эту игру, но он, черт возьми, собирается закончить ее, когда будет готов.

Фин прав — Риггс уничтожит меня... но только в самом лучшем чертовом смысле.

Я перевожу взгляд с него на Фина и вижу, что он ухмыляется. Он обхватил рукой свой член, наблюдая за шоу. Риггс сильнее сжимает мой подбородок, возвращая мой взгляд к нему.

— Будешь сморгать на него, когда я тебе скажу. А пока сосредоточься на мне.

Не дожидаясь ответа, он наклоняется и жестко целует меня, наши зубы сталкиваются, и я хнычу ему в рот. Он засасывает мой язык, захватывая контроль, и обхватывает мои бедра, чтобы удержать меня неподвижной, пока я покачиваюсь и трюсь о него. Его твердый член прижимается к моей киске и животу, и я нетерпеливо ерзаю на нем, моя киска капает, когда я представляю его внутри себя, пока Фин наблюдает.

Он отстраняется, оставляя меня бездыханной, а затем поворачивает меня. Фин мгновенно оказывается рядом, прижимаясь к моей спине. Он скользит руками между нами, когда я откидываюсь назад к его груди. Фин проводит губами по моему плечу, его зубы впиваются в кожу, а руки скользят вверх по моему животу, чтобы накрыть и сильно сжать мои кольшущиеся груди.

— Сильнее, — приказывает Риггс, нахмурившись. — Она хочет пожестче.

Фин хихикает мне в кожу, сильнее сжимая мои груди, а затем пощипывает мои соски. Он тянет и выкручивает до боли, но эта боль встречается с онемением, эмоциональной агонией внутри меня и взрывается в душе отчаянной потребностью.

В них, в этом.

— Откинись еще дальше назад, — приказывает Риггс, и я делаю то, что мне велено. Я снова расслабляюсь на Фине, доверяя им держать меня. — Хорошая девочка, — мурлычет он, и по какой-то причине похвала заставляет мою киску сжиматься, когда я представляю, как он говорит это, пока вводит в меня свой огромный член.

— Ты хочешь взять ее первым? — Риггс смотрит на Фина, а затем наклоняет голову, его глаза на мгновение становятся отрешенными, пока он думает. — Или ты можешь взять ее задницу. Я как-то читал книгу, где один был у нее во рту?

— Черт, — пробормотал Фин. — Не говори такого дерьма. Я и так близок к тому, чтобы кончить от одного только этого гребаного рта.

— Тогда я возьму ее рот, — решает Риггс. — Так я буду контролировать ее, не позволю ей навредить себе. А ты можешь взять ее киску.

— Договорились, — соглашается Фин, и тот факт, что они так непринужденно обсуждают, как будут трахать меня, приводит меня в неистовство. Я выгибаюсь от прикосновений Фина, трюсь своей киской о твердый член Риггса, облизывая губы.

— Мы принимаем ставки на то, кто продержится дольше всех? — я дразнюсь, стараясь держать себя в руках, насколько это возможно. — Потому что я считаю, что Фин наполнит меня своей спермой раньше, чем ты.

Фин дрожит позади меня, выкручивая мои соски так сильно, что я вскрикиваю, даже когда боль направляется прямо к моему пульсирующему клитору.

— Вы двое убьете меня на хрен.

— С вероятностью в шестьдесят процентов? Я приму ставку. Что получит победитель? — бесстрастно спрашивает Риггс, жонглируя мной одной рукой и проводя другой по бедру к моей киске. Наконец, он прикасается ко мне, скользит длинными

пальцами вниз по центру, обводит мою дырочку и снова скользит вверх, проделывая то же самое с моим клитором. Он ласкает меня безумными круговыми движениями, наблюдая, как я пытаюсь подобрать слова, как во мне борются разочарование и потребность кончить.

— Все, что угодно, — прохрипела я, приподнимая бедра, чтобы попытаться направить его туда, куда мне нужно, но он только усмехнулся. Терпеливый, как всегда.

— Договорились, — его пальцы наконец-то щелкают по моему клитору, прежде чем он проводит ими обратно вниз и вводит кончик одного пальца в меня. Фин все еще целует и облизывает мое горло, пробуя на вкус мое биение сердца, а я закрываю глаза и трепещу, оказавшись между ними и наслаждаясь каждой секундой.

Риггс вводит в меня два пальца, заставляя меня вскрикнуть. Мои глаза распахиваются, встречаясь с его взглядом, когда он начинает трахать меня пальцами. Сначала он двигается медленно, вытаскивая и снова вставляя, и каждый раз все заканчивается тем, что он выгибает пальцы внутри меня и оглаживает внутренние стенки. Но когда Фин ускоряет свои поцелуи, Риггс усиливает свои толчки, трахая меня сильнее и быстрее, раскачивая меня между ними. Фин ухмыляется, замедляясь, и Риггс тоже.

Они дразнят меня, наращивая напряжение, доводя меня до грани, но лишь для того, чтобы остановиться, когда я уже вот-вот готова кончить.

— Гребаные засранцы, — шиплю я, хныкая, когда Риггс проводит ладонью по моему клитору.

— Что это было? — спрашивает Фин.

— Я сказала... — мои слова обрываются криком, когда Фин щипает мои соски в то же время, когда Риггс сжимает мой клитор. Это переводит меня через край, оргазм накатывает на меня волна за волной наслаждения. Я кричу и дергаюсь между ними, мое тело напряжено, ноги дрожат. Когда оргазм проходит, я падаю, полагаясь на то, что они поддержат меня. Моя кожа блестит от пота и воды из душа, а губы дрожат, когда я открываю глаза и встречаюсь с наглым взглядом Риггса.

— Дерьмо, — все, что я могу прошептать, и они оба заливаются смехом.

Риггс отпускает мои ноги, и я повисаю на руках у Фина.

— На спину, мы не хотим задеть ее бок, — инструктирует Фин, и Риггс кивает. Я замираю, пока они маневрируют мной, как хотят. Они могли бы трахнуть меня в задницу прямо сейчас, и мне было бы все равно. Я плаваю в таком блаженстве... Вообще-то, это звучит как отличная идея.

Риггс берет полотенце и сворачивает его, а Фин осторожно укладывает меня спиной на мокрую плитку. Риггс приподнимает мою голову и подкладывает полотенце под шею, чтобы мне было удобнее.

Даже в муках страсти, когда они выплескивают на меня все свои сдерживаемые желания, страх и беспокойство, они берегут меня, заботясь о моих травмах. Фин нежно держит меня, чтобы я не травмировалась еще больше. Они всегда защищают меня, всегда заботятся о моих интересах. Сейчас от этой мысли мне хочется плакать. Я так долго заботилась о себе, что приятно быть слабой, но только с ними, моими любимыми.

Фин приседает и поднимает мои ноги, и я обвиваю его талию. Опершись на локти, он нежно целует меня, делает паузу, чтобы усмехнуться, прежде чем снова опуститься и поцеловать меня.

Я ухмыляюсь.

— Я выигрываю это пари, и тогда ты будешь должна всегда оставаться голой, —

пробормотал он.

— Теперь я вроде как хочу, чтобы ты выиграл, — комментирует Риггс.

— А если выиграю я, то заставлю Калена ходить голым все время, — поддразниваю я, и они оба стонут в насмешливом ужасе.

— Да трахни ты уже ее рот и заткни, а? — бормочет Фин, откидываясь на пятки, поднимая мою нижнюю половину в воздух и просто держит меня в таком положении.

— С удовольствием, — отвечает Риггс, и я поворачиваю голову, наблюдая, как он становится на колени рядом со мной, с членом в руке. Фин прижимает свой член к моей киске, потираясь вверх и вниз, дразня меня.

Синхронно, Фин подается вперед в то же время, что и Риггс. Риггс захватывает мой рот, заставляя меня открыть его, когда твердый член проникает между моих губ. Фин входит в меня, заставляя меня вскрикнуть, когда он проталкивает свой огромный член через мою тугую, трепещущую киску. Риггс проталкивается дальше в мой рот, заставляя меня задыхаться, пока я не начинаю дышать через нос. Я хватаюсь пальцами за его основание, чтобы было за что держаться, когда он вырывается и снова входит, проталкивая свой член полностью в мое горло. Я сосу, но вскоре понимаю, что должна просто держаться, когда Фин выходит и толкается внутрь твердыми, быстрыми толчками. Он хватается за задницу, поднимая выше, наклоняя мои бедра так, что каждый раз, когда он толкается в меня, его член проходит по моей внутренней стенке, заставляя меня вскрикивать вокруг члена Риггса.

Звук получается приглушенным, и я скольжу взглядом по влажным, загорелым мышцам Риггса, чтобы встретиться с его темными, суженными глазами. Его губы перекошены в рычании, когда он борется с собственным желанием, беря мой рот так долго, как только может. Он намерен победить, но я хочу нарушить этот контроль, поэтому заглатываю его глубже, до самого основания. Он кричит, его член пульсирует у меня во рту, и, наконец, сдержанность ломается, и он безжалостно погружается в меня. Риггс берет мой рот так сильно, что я знаю: потом мне будет больно.

Обхватив Фина ногами, я сжимаю его член. Его толчки замирают, и он с рычанием начинает трахать меня еще сильнее, с силой насаживая меня на член Риггса. Пальцы Фина впиваются в мои бедра, так что я знаю, что у меня останутся синяки, так как он с силой сжимает меня после каждого толчка.

Я чувствую себя хорошо и по-настоящему использованной, и мне это нравится. Они вытесняют из моей головы все мысли и ощущения, кроме вкуса их кожи и ощущения их желаний, пока я могу лишь держаться и дышать. Моя собственная разрядка нарастает внутри меня, но тут Фин сильно и быстро поглаживает мой клитор и снова бросает меня в пропасть.

Я кричу вокруг члена Риггса, когда кончаю, моя киска сжимает Фина, а он рычит и пытается сопротивляться. Риггс не сопротивляется, он кончает с хрипом, вонзаясь в мой рот и кончая мне в горло. Фин делает еще один толчок и, наконец, расслабляется, наполняя меня своей спермой, как я и просила.

Мы все вспотели и тяжело дышим, когда Риггс выходит из моего рта и, не заботясь о том, что его сперма заполнила весь мой рот, наклоняется и целует меня. Фин наклоняется и целует мой живот, пока я лежу на полу.

— Я победил, — бормочет Фин, заставляя меня смеяться, пока я глотаю, все еще ощущая вкус Риггса.

— Я выиграю у тебя в следующий раз, — отвечает Риггс.

Они лежат здесь со мной, обнимая меня и поглаживая мою кожу, пока мы приходим в себя. Я бесполезна, остаюсь вялой, пока они заставляют себя подняться. Фин моет мои волосы, а Риггс — мое тело. Каждое прикосновение мягкое и нежное и вызывает слезы на моих глазах. Они даже помогают мне выйти из душа и методично вытирают каждый сантиметр, прежде чем Фин проверяет мои раны, перевязывает их и одевает меня в одну из своих больших, удобных рубашек, не обращая внимания на мой протест. В конце концов, он победил, но при одном взгляде в эти любящие глаза я понимаю, что он заберет этот приз позже.

То, как заботливо, с любовью они прикасаются ко мне и смотрят на меня, снова делает меня слабой. Но мне надоело плакать, и я позволяю им подхватить меня на руки и отнести в другую комнату.

К моим другим мужчинам.

ПЕЙТОН

Мы проводим в отеле неделю, прежде чем начинаем сходить с ума. Мы так много отдыхаем, а для людей, которые любят все время находиться в движении, это утомительно. Тайлер идет на поправку и уже может ходить. Мне все еще нельзя нырять, но я чувствую себя намного лучше. Мы встаем с рассветом и идем завтракать, после чего решаем разыскать Стива, проверить нашу локацию и нырнуть.

Мы все чувствуем необходимость покинуть это место.

Мои мысли на этой неделе были беспокойными. Я виню во всем горе и беспокойство, но из-за этого я стала тише, чем обычно, и я знаю, что они это заметили. Они пытаются рассмешить меня, утешить, вытащить меня из скорлупы. Черт, вчера вечером Кален вышел из себя и сказал, что я могу избить его, если нужно, и перестать отстраняться.

Это то, что я делаю?

У меня бывают моменты чистой ясности, и я нахожусь там в этот момент вместе с ними, но потом я теряюсь в темноте, снова наполняюсь беспокойством и болью. Я виню себя за то, что привела с собой Майкла, все очень просто. Его смерть — груз на моих плечах. Кажется, что все вокруг меня умирают... Сколько времени пройдет, прежде чем они тоже умрут?

Я знаю, что это говорит моя собственная неуверенность и страх, но я не могу избавиться от этих мрачных мыслей.

Хуже всего осознавать, что я снова причиняю им боль, заставляю их волноваться — то самое, что я обещала себе никогда снова не делать, но ничего не могу с собой поделать. Я злюсь на свою голову, раздражаюсь на свое больное сердце. Тот факт, что они страдают из-за меня, только усугубляет ситуацию.

Стив радостно приветствует нас, а я стою и молчу. Я до сих пор не чувствую себя правильно, до сих пор не чувствую себя собой. Тайлер пытается взять меня за руку, но я вздрагиваю, заставляя его нахмуриться, и он отстраняется. Я смотрю на море рядом с лодкой, на которой мы находимся, и думаю, находятся ли они все еще там, плавает ли Майкл там внизу.

— Идемте, вот что я хотел вам показать, — говорит он нам, ведя нас на камбуз. Мы все

следуем за ним, и я сажусь на подлокотник кресла рядом с Финном. Он смотрит на меня с беспокойством, но я игнорирую его и сосредотачиваюсь на Стиве.

— Показать нам что?

Он нервно облизывает губы и морщится.

— Пожалуйста, не пугайтесь и не злитесь, — он снимает со стола брезент, и я вскакиваю на ноги, отшатываясь при виде одного из монстров, лежащего там.

Его пасть открыта, показывая клыки, а кровь покрывает его облезлую кожу. Оно выглядит таким... чертовски маленьким и безобидным.

— Оно мертво, я обещаю. Я упоминал, что мы ходили проверить выход из пещеры, чтобы убедиться, что они не смогут выбраться, и нашли некоторых из них плавающими. Мы доставили их для изучения и чтобы иметь доказательства вашей истории. Обещаю, это хорошие новости, это значит, что к пещере больше никогда не будут подходить, я в этом убедился. Но вам необходимо было знать, а мне нужно было убедиться... это то самое существо, верно?

Я беззвучно киваю, обхватывая себя руками, удивляясь, как такая ужасающая тварь из пещер может находиться здесь и обсуждаться так непринужденно.

— Да, — отвечает Тайлер, даже когда Кален поднимается и начинает вышагивать, постоянно поглядывая на меня, а я опускаю взгляд в пол.

— Хорошо, — Стив накрывает его, и я вздыхаю от облегчения. — Команда... выразила заинтересованность в похоронах погибших сегодня днем. Я понимаю, если ты не сможешь прийти, но мы хотели почтить их память...

— И Майкла тоже? — спрашиваю я, поднимая глаза, мой голос звучит хрипло.

— Конечно, Пейтон, — говорит он с грустной улыбкой, и я киваю.

— Мы будем там.

— Пейтон... — начинает Фин, но я бросаю на него взгляд.

— Это Майкл, — огрызаюсь я, а затем перевожу взгляд на Стива. — Мы будем там.

— Хорошо, не стесняйтесь оставаться здесь, если хотите, или вы можете осмотреться в течение следующих нескольких часов, пока я подготовлю все, что смогу, — он встает. — Мне жаль, я хотел бы сделать больше. Все, что я могу сделать, это дать вам гарантию, что никто и никогда не пройдет через то, через что прошли вы.

Я смотрю ему вслед, когда он исчезает, медленное движение стоящей на якоре яхты заставляет меня тосковать по моей лодке, по смеху Майкла. Я жду, что он вот-вот выглянет из-за угла с усмешкой и грязной шуткой. Всё это слишком. Я поворачиваюсь и бросаюсь прочь от яхты, когда они окликают меня. Они преследуют меня, и когда они догоняют меня, я делаю глубокий вдох.

Я пытаюсь отогнать темноту, пока они все что-то говорят.

— Я в порядке, — говорю я, заставляя их вздрогнуть. — Давайте просто прогуляемся, — убедительно говорю я.

Они хмурятся, но соглашаются, а Риггс обхватывает меня за плечи и начинает медленно идти в город по мощеным улочкам. Фин идет рядом со мной, болтая обо всем и ни о чем. Тайлер и Кален идут позади нас. Я чувствую на себе взгляд Калена, и когда я оглядываюсь, его глаза сужаются и смотрят прямо в меня, требуя правды, поэтому я отворачиваюсь.

Я боюсь бури, нарастающей внутри меня.

Мы гуляем всю вторую половину дня, пока не наступает время церемонии. Она проходит на пляже. Собирается вся команда, присутствуют и местные жители, которые знали некоторых погибших. Это хорошая церемония. Солнце светит на нас, и мы находимся близко к океану, пока люди рассказывают истории, прощаются и чтят память погибших. Майкла в том числе. Стив спрашивает, не хочу ли я что-нибудь сказать, и ничего хуже я придумать не могу, но все же решаюсь. Я делаю шаг вперед, отдавая человеку, который был моим лучшим другом в течение трех лет, больше, чем свою молчаливую боль.

Повернувшись лицом ко всем, я сканирую полные поддержки и грусти лица своих мужчин, прежде чем быстро отвести взгляд.

— Майкл был хорошим человеком. Он совершал ошибки в своем прошлом, но он делал все возможное и боролся каждый день, чтобы стать лучше. Он нашел меня, когда у меня не было ничего и никого. Он всегда говорил, что я спасла его, дала ему дом и работу, но все было с точностью до наоборот. Я дрейфовала, совершенно одна в море, пока не встретила его. Он заставил меня снова смеяться, вернул меня к жизни и дал мне стремление стать лучше. Он научил меня любить себя, и я смогла стать той, кем являюсь на самом деле. Он доверял мне, он верил в меня, и самое главное... он любил меня. Бескорыстно.

Мое дыхание сбивается, когда я сдерживаю слезы.

— Мы вместе исследовали этот мир. Некоторыми из моих любимых наших моментов были просто прогулки по океану после погружения с пивом в руке и его смех, окружающий меня, когда мы рассказывали истории, чтобы скоротать время. Мы оба потеряли семью, но нашли друг друга.

Слезы градом текут из моих глаз. Я не прогоняю их, зная, что они должны пролиться, зная, что каждая из них — память обо мне и человеку, которого я любила.

— Он стал моим всем. Я не знаю, как жить дальше без него, если честно, — я горько смеюсь. — Но сейчас он бы надрал мне задницу, — я улыбаюсь. — Сказал бы: «Минноу, не плачь, это пустая трата времени. Выпей пива от моего имени и возвращайся в воду».

Остальные смеются, зная, что это правда.

— Он был храбрым, всепрощающим, несовершенным человеком, и без него этот мир стал темнее, — я не могу больше говорить. У меня щемит в груди, рыдания застряли в горле, поэтому я быстро мчусь по песку. Тайлер раскрывает свои объятия, и я скольжу в них, позволяя ему обнять меня.

Остальные берут меня за руки и держат, пока мы читаем молитву и молчим. Мы все поворачиваемся к океану. Как и любой дайвер, я хочу быть там... но сейчас я вижу только место, где лишилась большей части себя и своей семьи.

И несмотря на то, что рядом со мной мои мужчины, я чувствую себя совершенно одинокой.

Потерянной.

Дрейфующей.

КАЛЕН

Я замечаю, как она отстраняется, становясь тихой. Я не могу этого допустить, только не снова. Я был милым, сладким Каленом для нее, пока она поправлялась. Я был любящим, в чем мы оба нуждались, но я зол на нее, на себя... но в основном на нее за то, что она снова разозлила меня. За попытку сбежать от меня.

Вернувшись в отель, я перекидываю ее через плечо, не обращая внимания на ее удивленный возглас, и иду в ванную, чтобы уединиться, потому что то, что я планирую, требует приватности. Я пинком закрываю за собой дверь, сбрасываю ее на ноги и прижимаю спиной к стене. На мгновение я замечаю вспышку моей девочки, которая сопротивляется мне.

— Какого хрена, Кей? — огрызается она, прежде чем отвести взгляд, пытаюсь создать дистанцию. Не получится. Я видел, как это происходило в прошлый раз, и теперь я не буду стоять в стороне.

Моей принцессе нужно напоминание о том, каким засранцем я могу быть, когда дело касается ее.

— Не отворачивайся от меня, Эндрюс, — рычу я и тяну ее за подбородок, возвращая взгляд ко мне. Я прижимаю ее к стене своим телом, давя вперед, пока она не почувствует каждый мой твердый дюйм. Дверь открывается, но мы не отрываемся друг от друга.

— Кей, может, сейчас не самое подходящее время, — начинает Риггс, который всегда защищал ее, даже если это вредило нам. Ну и хрен с ним. Разве они не видят, что она не справляется? Она отстраняется, и в результате мы снова потеряем ее.

Как обычно, все зависит от меня. Никто из них не хочет делать то, что нужно сделать, чтобы вернуть ее.

— Убирайся отсюда на хрен, — рычу я.

— Кей... — он вздыхает, и я поворачиваюсь к нему, хмурясь. Это моя девушка, и моя гребаная любовь тоже. Он знает, что я не причиню ей вреда, но сейчас ей нужно напоминание, что она наша.

— Убирайся. Отсюда. На. Хрен.

Он кивает и закрывает дверь с толикой страха в глазах.

Я наклоняюсь ближе и смотрю на свою девочку.

— Теперь они тебя не спасут, принцесса, — дразню я. — Так это все, а? Даже не собираешься бороться со мной? Просто будешь дрожать и смотреть на меня голубыми глазками? Ты бесполезна, куда, блять, подевалась моя Пейтон? Ты просто собираешься выдержать все это и позволить этому разрушить тебя?

— Заткнись, — шепчет она, ее глаза расширены и охвачены паникой. Ей не удастся изобразить из себя невинную и ранимую, чтобы избежать этого.

— Нет. К черту, ты не сможешь повторить это дерьмо. Мне плевать, что это чертовски больно или тяжело. Тебе не удастся спрятаться из-за этого. Сражайся, блять, — требую я.

— Заткнись, мать твою! — кричит она.

— Заставь меня, Эндрюс, — рычу я. — Потому что сейчас, я не думаю, что ты сможешь. Ты не та женщина, которую я люблю. Ты всего лишь пустая оболочка, снова причиняющая боль тем, кого ты любишь больше всего.

— Пошел ты! — кричит она и отталкивает меня, но я не сдвигаюсь с места. Хотя смеюсь.

— Это все, что у тебя есть, Эндрюс?

Теперь я вижу гнев, жизнь возвращается в ее глаза и тело. Спасибо, черт возьми. Я хочу отступить, но не отступаю. Я продолжаю играть свою роль, выводя ее из себя. Часть меня даже наслаждается этим, как и всегда, когда мы ссоримся.

— Отъебись от меня! — требует она, надавливая на меня сильнее, пока я почти не сдвигаюсь с места.

— Или что? — спрашиваю я, облизывая губы. Она повторяет движение, хотя и злится на меня. Я вскидываю руку и обхватываю ее горло, сжимая, и откидываю ее голову назад. — Собираешься плакать? Убегать? Притвориться, что ничего не происходит? Потому что это ведь все решит, правда, Эндрюс?

Это жестоко, чертовски жестоко. Она страдает и запуталась, но и мы тоже. Добавьте к этому страх, что мы снова теряем нашу девочку, и вот, мое терпение к ней лопнуло.

— Никогда, — рычит она, сопротивляясь, пока я хихикаю.

— Правда? — бормочу я. — Потому что я даже не узнаю тебя больше. Где та девушка, которая сражалась со всеми этими монстрами, чтобы добраться до нас? Девушка, которая преследовала нас, пока не получила то, чего хотела? Где та женщина, в которую я влюбился, которая не просто лежала сложа руки и принимала мое дерьмо? Она кричала на меня, она боролась, пока мы не взорвались. Она та, кого я люблю.

— Значит, мне нельзя быть слабой? — огрызнулась она.

— Ты всегда можешь быть слабой, принцесса. Плачь, кричи, ломайся... но только не сдавайся, мать твою, как сейчас.

— Я не сдаюсь, — мягко возражает она. Даже она знает, что это ложь.

— Нет, сдаешься, и я тебе не позволю, слышишь меня, блять? — я сжимаю ее сильнее, впиваясь в ее лицо. — Я потерял тебя в тот день на лодке, я почти потерял тебя в тех пещерах, но я не потеряю тебя здесь, когда у нас наконец-то есть шанс быть счастливыми. Так что бушуй, бей меня. Используй меня, блять. Сделай все, что тебе нужно, все, что ты не можешь показать им или сделать с ними, потому что они не знают тьмы, как мы, сделай это, но не смей, блять, лгать мне в лицо. Не смей больше пытаться ускользнуть от нас. Если я оставлю тебя здесь с красивой ложью на губах, то ты потеряешь и меня тоже, ты понимаешь?

— Кей, — шепчет она.

— Я всегда буду бороться за нас, даже когда ты не сможешь... но я не буду заставлять тебя любить меня. Любить нас. Ты все еще этого хочешь? — требую я, когда она сглатывает, прижимаясь к моей руке. — Ответь мне, Эндрюс.

— Да, — шипит она.

— Тогда, блять, докажи это, — приказываю я. — Перестань быть слабой пиздой и дерзай.

Я вижу, как она возвращается, как держит мой взгляд, и я едва не падаю от облегчения, но не даю ей этого увидеть.

Я остаюсь неподвижным, требуя, ожидая.

Но она продолжает сдерживаться. Презрительно усмехнувшись, я отпускаю ее и отхожу, собираясь уходить.

— Не смей, блять, уходить от меня, — огрызается она, и я замираю. — Я не выжила в том дерьмовом шоу. Я не отдавала свое сердце, не теряла вас всех однажды, чтобы потерять снова. Мне больно, ясно? Я борюсь с гребаной тьмой внутри меня. Мой разум работает против меня, заманивая меня в забвение. На этот раз я борюсь не с монстрами, а с собой. С собственными сомнениями, болью и страхом. Ты нужен мне, разве ты не видишь? Ты нужен мне, чтобы быть моим светом, весь ты, чтобы держать меня здесь, вместо того, чтобы погружаться глубже. Мне чертовски страшно, Кей, — ее тирада заканчивается шепотом, и я оборачиваюсь, видя слезы в ее глазах. Ее губы дрожат, но голова демонстративно откинута.

— Я чертовски боюсь, что каждый мой выбор будет неправильным, и самое ужасное, что я пытаюсь защитить тебя от этой непроглядной боли внутри меня, но делаю тебе еще больнее. Я вижу это и ничего не могу с этим поделать, словно туман окружает меня, — она ударяет себя рукой в грудь. — Разве ты не видишь, как мне тяжело?

— Я вижу, — огрызаюсь я, наклоняя голову, чтобы встретиться с ее глазами, когда я подхожу ближе, становясь с ней лицом к лицу, как в старые добрые времена. — Но я не могу спасти тебя, принцесса, это можешь сделать только ты. Я верю в тебя, даже когда ты не веришь. Как и они. Ты можешь бороться с этим, ты можешь победить, но ты не должна делать это в одиночку. Мы здесь, так что используй нас. Поговори с нами.

— Я не знаю как, — шепчет она.

— Вот так, — шепчу я и прижимаюсь губами к ее губам, напоминая ей, что она здесь, со мной. С нами. Я позволяю ей почувствовать мое отчаяние, гнев и страх. Я показываю своей принцессе, что буду сражаться в этой тьме вместе с ней до конца жизни. Я буду бороться со всеми ее демонами. Я погружусь так далеко в эту тьму, что она больше не сможет меня видеть, лишь бы только она осталась. Она судорожно втягивает воздух из моего рта, и я отстраняюсь настолько, чтобы говорить ей в губы.

— Борись, Эндрюс, — я целую ее снова, прежде чем отстраниться, оставляя ее следовать за моими губами. — Сражайся, мать твою.

Ее руки хватают мои, заставляя меня усмехнуться ей в губы.

— Хорошо, вот так, принцесса, — мурлычу я и кусаю ее губы, пока она не дает мне сильную пощечину. Я стону, когда моя голова дергается в сторону. Повернувшись обратно, я вижу ее вздымающуюся грудь, кровоточащую губу и дикие глаза.

Вот она, моя принцесса.

Ухмыляясь, я впечатываю ее в стену. Ее ноги обвиваются вокруг моей талии, ее губы опускаются на мои, кусая и целуя, пока я рву ее платье, задирая его вверх, чтобы обнажить ее киску в трусиках. Я хватаю ее поверх ткани и стону ей в рот, когда чувствую, какая она уже

влажная. Повернув ее голову, я кусаю ее за ухо, прежде чем прошептать.

— Ты хочешь трахаться, пока мы ругаемся, принцесса? Я даже буду спорить с тобой, как в старые добрые времена. Я знаю, как это тебя возбуждает, — дразню я, поглаживая ее киску.

Ее голова откидывается назад к стене, и она толкается в мою руку, побуждая меня продолжать.

— Спорить о чем? — спрашивает она, задыхаясь.

— Обо всем, о чем блять ты захочешь, Эндрюс.

— Либо я твоя принцесса, либо зови меня гребаной Пейтон, — рычит она, заставляя меня хихикать ей в ухо. Она дрожит против меня, когда я сдвигаю ее нижнее белье в сторону и ласкаю ее киску, предупреждаяще щелкая ее клитор. Она задыхается, содрогаясь в моих руках, когда я прижимаю ее к себе.

— Я буду называть тебя так, как захочу, — бормочу я и целую ее в горло, чувствуя, как ее пульс подскакивает под моим языком. — Мы оба знаем, что через пять минут ты все равно будешь кончать и выкрикивать мое имя.

— Наглый мудака, — огрызается она.

— Ты, блять, любишь это, — отвечаю я и покусываю ее шею, пока она млеет от моих прикосновений. Я скольжу пальцами по ее смазке к пульсирующей отверстию и обвожу его, дразня ее, пока она рычит и сопротивляется в моих руках. Когда ей надоедает, что я ее дразню, она наклоняется и кусает меня за шею, заставляя меня зарычать. Я поворачиваюсь, опускаю ее на ноги, толкаю вниз и раздвигаю ее ноги. Она чуть не падает, но ловит себя на раковине. Она поднимает глаза и смотрит на меня через зеркало, пока я держу ее прижатой и согнутой над раковиной.

— Ты хочешь вести себя как гребаное животное? Я оттрахаю тебя как животное, — рычу я.

Скручивая заднюю часть ее платья, я срываю его, оставляя ее в одних крошечных трусиках. Я хватаю их и отступаю назад, стаскивая их с ее тела, оставляя ее упругую попку в воздухе. Затем стягиваю с себя рубашку и отбрасываю в сторону, после чего сбрасываю шорты, обнажаясь так же, как и она. Ее глаза расширяются от вожделения, когда они пробегают по мне. Ее восхищение моим телом только распаляет мой и без того твердый член.

Двигаясь вперед, я впиваюсь пальцами в ее бедра, удерживая ее на месте, пока провожу языком по ее спине, пробуя на вкус соль ее пота.

— Это то, чего ты хочешь, принцесса? — насмехаюсь я, когда добираюсь до ее шеи. Скользнув другой рукой вниз между ее раздвинутых бедер, я шлепаю ее по клитору, вызывая стон.

— Да, — огрызается она. — Трахни меня, заставь меня чувствовать.

Это я могу сделать.

Вернувшись к ее дырочке, я ввожу в нее палец. Она дергается и выкрикивает мое имя, а я быстро добавляю еще один и начинаю трахать ее пальцами. Второй рукой я отпускаю ее бедро и провожу вверх по спине к шее, сжимая ее, пока удерживаю на месте.

— Я хочу, чтобы ты кричала так громко, чтобы они тебя услышали, — я ухмыляюсь. — Чтобы они точно знали, что я делаю с тобой здесь, — ее киска сжимается от моих слов, и я ухмыляюсь еще шире. — Грязная, гребаная сучка, тебе нравится эта идея. Тебе нравится идея, что они будут слушать, как я слушал твои стоны на нашей лодке.

Ее глаза закрываются, и она вздрагивает, ее бедра подаются назад, навстречу моим настойчивым пальцам, но этого недостаточно, чтобы она кончила. Я убеждаюсь в этом, и она стонет от разочарования.

— Кален, — требует она.

— Да, принцесса? — дразню я.

— Хватит, блять, болтать, или я пойду и трахну твоего брата вместо тебя. Или Риггса, или Фина, или всех сразу.

Я замираю, а затем даю ей именно то, чего она хочет.

Меня.

Добавив еще один палец, я загибаю их внутри нее, поглаживая ее внутреннюю стенку, а потом опускаюсь на колени, отпуская ее шею, и втягиваю ее клитор в рот. Она громко вскрикивает, когда я без устали трахаю ее пальцами и впиваюсь зубами в ее клитор. Это доводит ее до предела, ее киска сжимается вокруг меня, бедра тоже, и она кричит о своем освобождении, чтобы они услышали. Я вытаскиваю пальцы и поднимаюсь, затем хватаю ее за шею другой рукой и поднимаю ее выше, пока она не открывает глаза — только тогда я обсасываю свои пальцы, заставляя ее стонать.

— Ты можешь попробовать, — бросаю я и раздвигаю ее ноги еще шире, пока она не начинает шататься, пока ей не становится больно. Пока она не сможет убежать от меня. — Ты покинешь эту комнату только с моей спермой, вытекающей из этой жадной пизды.

Я сжимаю ее шею, когда она пытается заговорить, останавливая любое оскорбление, которое она могла бы бросить в мой адрес, пока я прижимаю свой твердый член к ее киске. Позволяю ей почувствовать огромную длину, точно ту же, блять, длину, которая будет внутри ее дерзкого гребаного тела, напоминая ей, с кем именно она связалась.

Она трется об меня, подстегивая меня. Я позволяю ей, мой член скользит между половыми губами ее киски, увлажняя его для меня. Ее мускусный аромат раздувает мои ноздри, доводя меня до бешенства.

Только когда я достаточно подразнил ее, я отпускаю ее шею, хватаю за бедра и отрываю ее ноги от пола. Ей приходится ухватиться за стойку, чтобы удержаться, когда я пристраиваюсь и вхожу в ее тугую маленькую пизду. Я вбиваюсь в ее киску, пока она кричит, дергается и борется в моей хватке. Я выхожу и снова вхожу в нее, снова и снова, до тех пор, пока не окажусь в ней по самые яйца.

И тогда я демонстрирую ей то, что сдерживал. Я вонзаюсь в нее снова и снова. Звуки шлепков нашей кожи друг о друга довольно громкие, но не такие громкие, как ее стоны. Я трахаю ее так, словно я владею ею. Слово каждый ее сантиметр принадлежит мне, и я показываю ей, почему она должна бороться, по какой причине она должна остаться.

С каждым толчком я показываю ей, как сильно я ее люблю.

Ее киска такая мокрая, что с нее капает, и этот влажный звук возбуждает меня как ничто другое, как может только моя принцесса. Она нужна мне так сильно, что я даже не могу перевести дыхание, будто умру, не побывав в ней. Я смотрю, как мой огромный член входит и выходит из ее маленькой тугой дырочки, растягиваясь вокруг меня. Ее клитор набух, умоляя о большем.

Она принимает все, что я предлагаю.

Я встречаюсь с ее глазами в зеркале, на моих губах возникает рычание, когда я смотрю на нее.

— Я хочу увидеть твое лицо, когда ты будешь кончать на мой член.

Она стонет, облизывая губы, когда я поднимаю ее бедра выше, новый угол наклона сводит ее с ума и отправляет за край. Она кричит во время оргазма, ее глаза закрываются в блаженстве, а киска сжимается вокруг моего члена. Мне приходится с трудом входить и выходить из ее киски, пока она практически заливает меня.

— Кален! — кричит она, когда я протягиваю руку вниз и шлепаю ее по клитору.

Резко выйдя из ее трепещущей киски, я поворачиваю ее лицом к себе, поднимаю и заставляю ее обхватить меня ногами. Ее глаза все еще закрыты, когда я снова вхожу в нее, пробиваясь внутрь ее киски, пока снова не оказываюсь глубоко в ней. Она кричит, остальные, несомненно, слышат, но мне похуй. Я спорил с ней, потому что мне не все равно, и теперь я пожиная плоды. Она поднимает руки и обхватывает меня за плечи, когда я разворачиваю нас, вжимаю ее в стену и жестко трахаю.

Я выплескиваю весь свой гнев, страх и беспокойство через ее тело, заставляя ее принимать все это. Ее стоны становятся все громче и громче. Ее соки стекают по моему члену и яйцам.

— Кей, — кричит она, ее киска сдавливает меня. Ворча, я пытаюсь сдержать свою разрядку, желая, чтобы это не кончалось, чтобы смотреть в эти ошеломленные, полные похоти глаза с ее тугой киской, обхватившей меня. Но я не могу, особенно когда она наклоняется и целует меня, словно я нужен ей, чтобы дышать.

Она кончает, увлекая меня за собой. Ее киска сжимается вокруг меня, высасывая мою разрядку, пока я хриплю в ее рот. Я продолжаю кончать в нее, упираясь рукой в стену, чтобы удержать нас, так как мои ноги трясутся от силы моего оргазма.

Мы вынуждены отстраниться друг от друга, чтобы отдышаться, и она прижимается губами к моему потному плечу, ее тело дрожит, когда она крепко обнимает меня.

— Не теряй веры в меня, — умоляет она.

— Никогда, принцесса, — задыхаясь, отвечаю я.

ТАЙЛЕР

Они наконец-то притихли в ванной. Риггс и Фин ушли около десяти минут назад, не в силах сосредоточиться и находиться здесь с ее криками в другой комнате. Я понимаю, я тоже хотел уйти. Во мне бурлит ревность, и грусть тоже, хотя мой член тверд от звуков, которые она издает, но она нуждается во мне.

Она также нуждается и в нем, но когда она выходит, с покрасневшимся лицом, и смотрит на меня, я уже наготове, с распростертыми объятиями. Она бросается в мои объятия, забирается в кровать и прячет лицо в моей груди, когда я укрываю нас обоих. Я знаю Пейтон лучше, чем себя, и сейчас она изо всех сил борется. Точно так же она боролась после потери отца. Я видел, как она теряла себя тогда, и вижу это сейчас.

У нее настолько большое сердце, что когда оно разбивается, ей нелегко восстановиться. Именно поэтому я люблю ее, но это также и причиняет ей боль. Я просто надеюсь, что в этот раз она не убежит, чтобы попытаться все исправить.

Кален выходит, кивает мне и, не говоря ни слова, уходит. Я благодарен. Я люблю этого ублюдка, но мне хочется врезать ему за то, что он заставил ее плакать, хотя я знаю, что это было необходимо — мы снова потеряли ее. Он вернул ее так, как никто из нас не смог бы, надавив на нее, поэтому, хоть я и ревную и раздражен, я расслабляюсь и обнимаю свою девочку. Может, она и трахалась с ним, но сейчас она в моих объятиях, и этого достаточно.

— Я с тобой, детка. Всегда, — обещаю я, целуя ее в макушку, и так мы засыпаем, завернувшись в объятия друг друга. Ее слезы увлажняют мою грудь, когда она плачет во сне.

Я просыпаюсь через несколько часов, растерянный, согретый и твердый. Я приоткрываю глаза, когда чувствую губы. Они прижимаются к моей груди в мягких, целомудренных поцелуях. Моргнув, я встречаю взгляд Пейтон, когда она переводит глаза на меня. Она устроилась на моей талии, и ее голая киска прижата к моему животу. Ее волосы сухие и волнистые, и она обнажена, пока трется об меня. Я наблюдаю, полусонный и возбужденный, как она целует мой пресс и стягивает боксеры, но затем я останавливаю ее. Я протягиваю руку и глажу ее по щеке.

— Детка, нам не нужно... — начинаю я, мой голос груб после сна.

— Я хочу, — настаивает она и прерывает меня, засасывая мой член в рот, заставляя

меня застонать. Мои бедра приподнимаются, даже когда я пытаюсь бороться с дымкой похоти, в которой я проснулся благодаря ей. Она нуждается во мне прямо сейчас. Ей нужна реальность, исцеление и любовь, но ее глаза бросают мне вызов попробовать остановить ее, пока она втягивает меня глубже, до самого горла.

— Детка, я обещаю, что с нами все в порядке. Давай вернемся ко сну... — простонал я, когда она выпустила мой член изо рта и сжала его другой рукой, продолжая поглаживать меня. Мое дыхание учащается, пока я борюсь с желанием.

— Я не хочу спать, а ты? — она вскидывает бровь. — Я хочу забыться, я хочу трахнуть мужчину, которого люблю.

— Пейтон.

— Ты хочешь меня? — спрашивает она.

— Всегда, — я хмурюсь, когда она сжимает меня сильнее, заставляя меня задыхаться.

— Тогда в чем проблема?

Я изучаю ее глаза, желая знать, что она делает это не из чувства вины, но все, что я вижу в ее глазах — это грусть, любовь и желание. Поджав губы, я наблюдаю за ней, прежде чем опустить голову обратно на подушку. Она ухмыляется, покачивая попкой, извивается между моих ног и всасывает мой член обратно в рот. Я протягиваю руку вниз, вцепившись в ее волосы и притянув ее ближе, погружаясь в ее горячий маленький ротик. Она гудит вокруг меня, покачивая головой, пока отсасывает мне.

Мое сердце колотится, а тело пылает от желания. Мир сужается лишь до нее и ее талантливого рта. Снова отстранившись, она облизывает мой член, поддразнивая меня, пока мне не надоест. Я притягиваю ее за волосы и прижимаюсь губами к ее губам. Она хнычет и извивается на моем члене, потираясь об меня. Проводя руками по ее изгибам, я прослеживаю каждый сантиметр ее тела, заново изучая ее, заставляя ее задыхаться и стонать. Я сжимаю ее твердые соски, глажу ее живот и обхватываю ее задницу, прежде чем остановить ее движения на моем члене.

— Я люблю тебя, — бормочу я ей в губы, прежде чем насадить ее на свой член.

Она вскрикивает, ее голова запрокидывается назад.

— Я тоже тебя люблю!

Действуя вместе, мы занимаемся любовью. Она скачет на моем члене, крутит бедрами, поднимается и опускается, бережно заботясь о моих травмах. Я смотрю, как ее невероятные сиськи подпрыгивают от усилий. Проведя рукой по ее бедру и животу, я захватываю одну из грудей и сжимаю, заставляя ее киску сжиматься вокруг меня, пока я усиливаю хватку. Приподнявшись, я начинаю трахать ее.

Это похоже на старые времена, но только лучше. Теперь между нами нет невысказанных секретов, только жизнь, много желания и воспоминаний.

Я смотрю, как она скачет на мне, каждое движение ее бедер, каждое движение ее грудей сводит меня с ума, пока я не хватаю ее за горло и не притягиваю к себе. Я настойчиво целую ее, пока мы занимаемся любовью. Красота моей девочки крадет мои слова, как ничто другое. Мы сливаемся воедино, словно не в силах больше дышать друг без друга. Наши тела синхронизированы, так идеально подходят друг другу, а наши поцелуи медленные и одурманивающие. Мы даем обещания нашими телами, а наши сердца исцеляются. Речь идет не об удовольствии или отчаянии, а о любви.

Это медленный оргазм, который нарастает между нами, тот, который нарастает так мягко, накатывая, как нежная волна, пока не достигнет своего гребня. Мы задыхаемся, когда

кончаем, глотая крики наслаждения и любви друг друга, пока не валимся в потную, удовлетворенную, спутанную кашу. Я не могу не улыбнуться, чувствуя, что она снова находится в моих объятиях, где она и должна быть.

Так я и засыпаю, наполненный такой любовью и счастьем, что не могу представить, чтобы что-то могло это разрушить.

ПЕЙТОН

Я наблюдаю, как он спит. Каждое равномерное поднятие его груди заставляет мое сердце биться еще сильнее. На его лице появляется улыбка, когда он прижимает меня к себе. Слеза капает на его грудь, когда я отворачиваю голову.

Он любит меня, я знаю. Он счастлив и доволен... в то время как я борюсь. Когда он рядом, смотрит на меня, я чувствую себя счастливой, чувствую, что могу дышать, но в тишине сна мне тяжело. Это приходит, когда я остаюсь одна. Тьма возвращается. Крики Майкла стоят у меня в ушах, возвращая тех демонов, с которыми Кален приказал мне бороться.

Я выскользываю из его объятий и подхожу к окну. Глядя на океан, я вспоминаю, как все было. Как он пожертвовал собой ради меня. Его крики и последние слова заполняют мою голову до отказа. Я закрываю глаза, но перед глазами стоит его лицо с тем выражением, которое было у него, когда он упал. Я пытаюсь дышать, пытаюсь сбежать.

Я не могу. Мне нужен воздух.

Я открываю глаза и вижу, что окно запотело. Слеза выступает из глаза и катится по щеке, я быстро пишу что-то на запотевшем окне прежде чем отвернуться.

Схватив первую попавшуюся на глаза одежду, я одеваюсь. Я застываю у двери, держа руку на дверной ручке. Я должна остаться, разбудить его... но это не его битва. Кален прав — я должна справиться с этим в одиночку, и сейчас я могу думать только о том, что мне нужен воздух и нужно убежать от демонов, пробирающихся сквозь тьму, а не о любви всей моей жизни, мирно спящей в помятой постели. Я даже не могу ясно мыслить — единственное, о чем я думаю, это о том, что воздух поможет.

Я нуждаюсь в воздухе.

Стремительно выбегаю из комнаты, закрывая за собой дверь. Я не хочу ждать лифт, мое сердце колотится слишком быстро. Я спускаюсь по лестнице и спешу из отеля.

Оказавшись на улице в лучах раннего солнца, я отчаянно глотаю воздух. В голове мутно, туманно. Я знаю, что Тайлер проснется и запаникует, и знаю, что остальные вернутся, куда бы они ни пошли, и будут волноваться, но мой мир сужается до необходимости сбежать, скрыться от собственных воспоминаний, собственных демонов. Я даже не задумываюсь о

том, куда иду. Я просто начинаю идти, все быстрее и быстрее, пока не перехожу на бег трусцой, а затем на спринт.

Я убеждена, что если буду двигаться достаточно быстро, то смогу убежать от тьмы, но как бы быстро я ни бежала, в глубине души я знаю, что она никогда не исчезнет. Единственный способ остановить тьму — остаться и бороться.

Но я не могу, пока не могу... поэтому я бегу.

Я бегу не от своих мужчин, а от себя.

Улицы расплываются, люди смотрят мне вслед, пока я не оказываюсь на пристани, мое сердце колотится, а легкие сжаты. Даже в своей боли, в свой самый темный час я бежала к океану. Я смотрю на бушующие волны, и мне хочется оказаться там, почувствовать их, забвение и покой, которые они предлагают. Я ищу в гавани маленькую лодку, которая собирается в путь. Босыми ногами я осторожно ступаю по причалу и нахожу туристическую лодку. Мужчина хмуро смотрит на меня, когда я быстро протягиваю ему деньги из своего кармана. Он протягивает руку, чтобы помочь мне сесть, но я игнорирую его и запрыгиваю на борт, двигаясь вперед. Я прислоняюсь к поручням, когда двигатель заводится, и мы отъезжаем от причала и выходим в океан. Я оборачиваюсь и смотрю через плечо, чтобы увидеть, как берег и город становятся меньше, пока мы несемся по воде.

Чувство вины наполняет меня, когда паника начинает спадать. Они будут сильно волноваться. Черт! Они подумают, что я снова их бросила, а я никогда не собиралась этого делать. Мне просто нужен был воздух, мне просто нужно было убежать от демонов, бурлящих во мне.

Но это не помогло. Я не могу обогнать свой собственный разум. Я могу заглушить его звуками, волнами, музыкой и фильмами. Я могу игнорировать его с помощью алкоголя и наркотиков. Я могу заставить его на время исчезнуть в телах моих любовников, но в конце концов он настигнет меня, когда я останусь одна или буду слаба. Когда я не буду отвлекаться. Я знаю это, но все еще испытываю все эти эмоции внутри себя. Бегство не исправит ситуацию.

Я облажалась.

Я оглядываюсь на причал и замечаю там четыре фигуры, и мое сердце разбивается.

Нет.

Блять.

Я не могу снова причинить им боль. Я не подумала... но это не оправдание. То, что мне больно, не дает мне права бросать других, причинять им боль.

Я спешу на корму, прежде чем обратиться к мужчине за штурвалом.

— Мне нужно вернуться, — восклицаю я, мое сердце колотится уже по другой причине.

Он поворачивается, хмурится и начинает говорить на другом языке. Я жестом показываю на берег.

— Назад, мне нужно вернуться, — быстро требую я. Я больше не буду разбивать их сердца. Никогда.

Он глушит двигатель и поворачивается ко мне лицом, пока я смотрю то на него, то на берег, но когда я оглядываюсь, их уже нет.

Нет.

Черт.

Нет!

РИГГС

После завтрака и сна на яхте Стива мы все трое отправляемся обратно, смеясь и шутя, взволнованные тем, что снова увидим Пейтон. Даже после нескольких часов, проведенных вдали от нее, я уже скучаю по ней. Прошлой ночью она нуждалась в Тайлере, и им нужно было пространство, так что мы дали им его, но я не могу дождаться возможности снова обнять мою девочку и пообещать ей, что все будет хорошо. Мы все видели, как ей было тяжело в последние несколько дней, но я знаю, что все наладится. Ей станет лучше, она слишком сильная, и мы будем рядом на каждом шагу, пока мы открываем нашу новую жизнь и выбираем новый курс для нашего будущего.

Я в восторге от мысли, что мы будем вместе. Нам больше не больно, и мы вместе, как в старые добрые времена. Мы можем купить лодку побольше и исследовать океан. Мы можем исцелиться вместе и создать свое собственное счастье.

Мы снова станем семьей.

Вернувшись в отель, мы заходим в номер. Тайлер все еще спит, но кровать рядом с ним помята и пуста. Я хмурюсь, когда Фин хватается бутылку воды. Кален меняет свою рубашку, пока я проверяю другие комнаты и ванную, но они все пусты. Возвращаясь в другую комнату, я ищу какой-нибудь знак, пока не замечаю слегка запотевшее окно.

— Что случилось? — зовет Фин, разбудив Тайлера. — Йоу, детка, тащи свою сладкую задницу сюда и дай мне получить мой завтрак. Это кстати ты.

Я молчу, уставившись на окно и написанные на нем слова. Мое сердце падает и разбивается на миллион осколков от одного простого слова. Всего шесть букв, но они перехватывают дыхание и разрушают будущее, которое я только что представлял.

— Принцесса? — хмуро зовет Кален, проходя дальше в комнату.

На окне наспех выведено «прости».

Почему это похоже на прощание? Словно мы пытаемся удержать ее, но чем сильнее мы цепляемся за нее, тем быстрее она ускользает?

Я снова теряю свою жизнь, и на этот раз я знаю, что если я отпущу ее, она не вернется.

Я поворачиваюсь к ним, мое сердце раскалывается еще больше.

— Она ушла.

ФИН

— Нет, она не могла уйти, — хмурюсь я. — Она, наверное, пошла прогуляться или позавтракать, — предлагаю я, даже когда мое сердце бешено колотится от душераздирающего выражения Риггса.

Только не снова.

— Ее здесь нет, — огрызается Риггс, пока Тайлер быстро одевается.

— Давайте найдем ее, — мы выходим из комнаты через несколько минут. Мы выбегаем на улицу, разглядывая лица, идем так быстро, как только можем. Мы спрашиваем у прохожих, и один мужчина указывает на доки, так что мы спешим туда и обыскиваем лодки. Как мы могли упустить ее? Мы были прямо здесь...

— Лодка, — шепчет Тайлер, указывая на маленькую лодку в океане.

Прикрыв рукой глаза, я смотрю туда и вижу одинокую женщину на заднем борту, которая смотрит на нас.

Пейтон.

Лодка становится все меньше и меньше, и у меня возникают воспоминания о прошлом разе. Я наблюдаю, как она уплывает в океан, и мы больше не увидим ее в ближайшие годы. Она забрала мое сердце тогда, и заберет сейчас.

Только я знаю, что на этот раз она не вернется. Мы потеряем ее в глубинах навсегда. Она боролась, но я не думал... Черт, как она могла это сделать? Как она могла снова оставить нас? Она обещала! Она знала, как это больно. Как она могла?

— Блять! — кричу я и отворачиваюсь, пока остальные просто смотрят. — Блять!

— Нет, — бормочет Тайлер.

— Что? — я срываюсь, поворачиваясь к нему лицом. — Ты что, не видишь? Она снова уходит!

Я дергаю себя за волосы, пока он качает головой.

— Нет, на этот раз она не уйдет. Я ей не позволю, — он смотрит на нас. — Не знаю, как вы, но я жалею, что не преследовал ее каждый день своей жизни. Но больше этого не повторится, — он ныряет под воду в гавань.

Мы смотрим, прежде чем броситься к краю. Он всплывает и начинает плыть, преследуя ее.

— Он прав, — Риггс кивает и прыгает за ним.

— Черт, — рычит Кален и тоже уходит, оставляя меня здесь одного.

Я не верил в любовь, но она заставила меня. Неужели я действительно могу вернуться к пустой боли? Оцепенению? К тому, чтобы наблюдать, как мои братья страдают и разрушают себя?

Нет.

Поэтому я тоже ныряю в воду, решив бороться за нее, даже когда она не хочет бороться за нас.

ПЕЙТОН

Я спорю с капитаном, и тут слышу, как над волнами выкрикивают мое имя. Повернувшись к краю лодки, я хватаюсь за поручень и всматриваюсь в волны — и тут я замечаю, что все четверо плывут ко мне.

Они... они плыли за мной.

Они рассекают воду, на этот раз преследуя меня.

Кален первым добирается до лодки. Он вытаскивает себя из воды, мокрый и взбешенный.

— Какого хрена ты думаешь, что делаешь, Эндрюс? — требует он.

— Я не убегала, честное слово. Я проснулась и не могла дышать, мне нужен был воздух. Я шла...

Тайлер подоспел, и Кален помогает ему подняться, а за ним Риггс и Фин. Тайлер смотрит на меня, но в выражении его лица я вижу обиду. Риггс выглядит опустошенным... а Фин? Мой покладистый Фин выглядит таким сердитым.

— Какого хрена, Пейтон? Неужели одного раза было недостаточно? Что? И все, никакого прощания? Ничего? Просто потрахались, а потом снова разошлись? — кричит он.

Я отшатываюсь назад, с широко раскрытыми глазами, понимая, что облажалась.

— Я не хотела... — начинаю я, но он игнорирует меня, его лицо подобно громовой туче.

— Нет, ты не хотела, и вообще никогда не хотела! Ты уже однажды разбила наши сердца, ты больше никогда этого не сделаешь! Ты обещала!

— Я не уходила! — кричу я, но он не дает мне и слова вставить.

— Конечно, блять, ты никуда не уходила.

Я поворачиваюсь к Тайлеру, умоляя.

— Клянусь, я не уходила, Тай. Я не могла дышать, мне нужен был воздух. Я даже ничего не понимала, пока не оказалась на воде, а потом запаниковала. Я пыталась вернуться, пыталась, но он не говорит по-английски, — торопливо объясняю я. Он делает шаг вперед, хмурясь.

— Ты любишь меня? — требует он.

Слезы текут, когда я киваю.

— Слова, — огрызается Кален.

— Да, да, я люблю тебя.

— Ты любишь Калена? — спрашивает он, подходя ближе.

— Да, — мгновенно отвечаю я.

— Ты любишь Фина? — спрашивает он.

— Да, да, — киваю я.

— И Риггс, ты любишь его?

— Да, я люблю каждого из вас! — кричу я в беспокойстве, встречаясь с их глазами. —

Да, я люблю вас всех. Я не хотела делать вам больно, — прохрипела я, едва не всхлипывая. — Мне жаль.

Тайлер останавливается передо мной, поднимает мой подбородок, заставляя встретиться с его глазами.

— Однажды я уже видел, как ты уезжала на лодке, и это уничтожило меня. Я сказал, что этого никогда снова не повторится. Я проснулся, а тебя не было, и мое сердце разбилось, — я вздрогнула от боли в его голосе. — Но я должен был увидеть, должен был знать. Ты говоришь, что любишь нас... ты хочешь быть с нами?

— Да, — мгновенно отвечаю я, зная, что это правда.

Неважно, как сильно я страдаю и борюсь, это то, чего я хочу. Они — то, чего я хочу.

— Больше всего на свете.

— И ты не собиралась уходить?

— Нет, — пробормотала я. — Я клянусь.

— Это не имеет значения, — я вздрагиваю, когда он улыбается мне.

— Однажды я наблюдал, как ты уходишь, и пообещал себе больше никогда этого не повторять, — пробормотал он. — Ты никогда не уйдешь, Пейтон. Мы всегда будем преследовать тебя, даже когда ты потеряна, обижена или зла. Мы всегда будем следовать за тобой.

— Ты не злишься? — спрашиваю я.

— О, я зол как черт, и ты заплатишь за это, — я дрожу от доминирования в его тоне. — Но если ты уверена, если ты не убегаешь, тогда ладно, но попробуй еще раз повторить это дерьмо, и я спущу на тебя Калена.

— Не только Калена, — огрызнулся Фин. — Я прикую тебя к себе, поняла?

Я киваю, улыбаясь сквозь слезы.

— Прости, я не хотела сделать тебе больно, — говорю я ему, когда он придвигается ближе. Кален вздыхает и тоже подходит, целуя меня в макушку.

— Мне жаль, я должен был быть там, принцесса.

Я поднимаю голову и вижу Риггса, стоящего на корме, его лицо осунулось. Я выскальзываю из их объятий и останавливаюсь перед ним.

— Риггс, мне жаль...

Он хватает меня, притягивает ближе и крепко целует, похищая мое дыхание. Когда он отстраняется, его глаза опасно сужаются.

— Уйдешь еще раз, и окажешься под замком в моей постели, — рычит он, а потом смягчается, когда я тяжело вдыхаю. — Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — шепчу я.

— Хорошо, тебе же лучше, — он целует меня в лоб и вздыхает. — Боже, ты такая заноза

в заднице.

Он хихикает, заставляя меня тоже рассмеяться.

Он нежно целует меня и разворачивает. Я прижимаюсь к нему, когда вижу, что Тайлер, Фин и Кален пристально смотрят на меня.

— Поможешь мне? — спрашивает Тайлер, и я хмурюсь, когда Кален помогает ему опуститься на колени передо мной. Он снимает кольцо со своей шеи и смотрит мне в глаза.

— Пейтон Эндрюс, я уже спрашивал однажды, но ты была права — тогда все было не идеально, но сейчас все так как и должно быть. Мы были правильными людьми, но время было не то. Теперь я знаю, что время пришло. Я люблю тебя больше всего на свете, ты мой лучший друг. Моя семья, моя родственная душа. Ты выйдешь за меня замуж?

— Тайлер, — шепчу я с широко раскрытыми глазами. Фин опускается следом.

— Да, детка, ты выйдешь за нас замуж? — спрашивает он и выхватывает кольцо, чтобы показать мне. Тайлер хихикает и закатывает глаза. Кален шлепает Фина по голове и подходит ко мне, становится передо мной на колени, его темные глаза устремлены на меня.

— Принцесса, будешь моей?

Риггс вырывает кольцо из его пальцев и поворачивает меня, падая на колени с довольной ухмылкой.

— Пейтон Эндрюс, ты выйдешь за нас замуж? Привяжешь себя к нам на всю оставшуюся жизнь?

— Да... да! — кричу я, и тут же меня окружают руки. Меня передают по кругу и целуют, пока кольцо не надевают на мой дрожащий палец.

— Если ты когда-нибудь снимешь его, я приклею его суперклеем. Оно всегда принадлежало тебе, как и мы, — клянется Тайлер, а я смеюсь.

Здесь, под солнцем, мое сердце исцелилось.

Тьма все еще кружит на заднем плане, но я знаю, что с ними, любящими меня, я смогу победить ее, как и всегда. Я буду сильнее, чем когда-либо, с четырьмя мужчинами, которые любят меня безоговорочно. Каждый сломанный, поврежденный, уязвленный кусочек меня.

Мы должны двигаться вперед. Мы не можем заикливаться на том, что случилось в прошлом, и воспоминания ничего не изменят. Эти воспоминания не причиняют боли никому, кроме нас. Мы должны научиться отпускать, исцеляться и двигаться вперед, в будущее. Иначе мы навсегда застрянем на одном месте, оказавшись на полпути между нашим прошлым и нашим будущим.

Мы не можем поддаваться сомнениям, гневу и боли. Стыд, отвращение или даже ненависть к тому, кем мы были тогда, не делают нас лучше сейчас. Мы должны извлечь из этого уроки, использовать их и стать теми, кем мы хотим быть. В этот момент, с ними, я понимаю, что пришло время нам всем исцелиться.

Пещера могла быть местом настоящего ужаса, но там, среди руин и воды, через кровопролитие и безнадежность, мы обрели друг друга. Мы нашли любовь, которая у нас была раньше, и сейчас она сильнее, чем когда-либо.

Возможно, я исчезла в прошлый раз, потому что знала, что тогда не заслуживала их. Наверняка они часто задавались вопросом, почему я ушла, но правда в том, что я не уходила, не на самом деле, не на всегда. Меня оторвало от них, потому что тогда я их еще не заслуживала.

Теперь заслуживаю, и буду бороться за них каждый день до конца своей жизни.

Этот мир — широкое, неизведанное место. Моя любовь к ним такая же, она как океан.

Мы можем видеть лишь его вершину, но его корни уходят гораздо глубже. Эта любовь составляет всю меня, и она течет так глубоко, что я могла бы утонуть в ней, но они держат меня на плаву, как и всегда.

Хищники высшего порядка.

ПЕЙТОН

Нам удастся развернуть лодку, и на берегу Фин перекидывает меня через плечо. Он игнорирует мой протест и шлепает меня по заднице, когда я извиваюсь. Я ожидала этого от Калена, но, похоже, я обидела своего обычно веселого лучшего друга, и он вымещает это на мне. Меня это устраивает, я приму все, что он — или любой из них — даст мне, лишь бы они простили меня за то, что я снова чуть не бросила их.

Я поворачиваю голову, и кольцо сверкает на моем пальце, заставляя меня усмехнуться, когда я встречаюсь с голодными глазами Тайлера и темными глазами Калена, которые следуют за нами. Риггс рядом со мной, тихо разговаривает с Финном. Я улавливаю некоторые слова, хотя они и звучат тихо, и то, что я слышу, заставляет меня дрожать от желания.

Задница. Связанная. Наказание.

Риггс не слишком грубо обращался со мной. Фин предупреждал меня о его доминирующей стороне, и я видела это воочию, но теперь кажется, что я взломала его контроль. Очевидно, что сегодня я — их добыча, и я чертовски счастлива быть ею.

Я едва различаю улицы, когда мы спешим по ним, на этот раз с другой целью — собраться вместе, воссоединиться навсегда, чтобы напомнить мне, что я принадлежу им, а они — мне. Мое сердце бешено колотится, и все мои тревоги и паника улечиваются вместе с их прикосновениями и обещанием в их глазах. Моя киска разгорается с готовностью, желая позволить им исцелять меня, причинять мне боль, любить меня. Все мое тело оживает так, как возможно только для них.

Ничто другое не имеет значения, кроме как быть в их объятиях и показать им, как сильно я их люблю.

К тому времени, как мы добираемся до номера, я почти задыхаюсь, мое дыхание сбивается от предвкушения. Меня бросают на кровать, и, подпрыгивая, я встречаюсь с ними взглядом. Я слышу, как закрывается замок на двери, и тут появляются они. Все четверо стоят у изножья кровати и смотрят на меня. Фин ухмыляется, Риггс усмехается, Тайлер облизывает губы, а Кален пробегает своими темными, голодными глазами по моему телу. Опираясь на локти, я наклоняю голову и улыбаюсь им.

— Ну, чего же вы ждете... женихи?

Волоски на моих руках встают дыбом, когда Фин делает шаг вперед, и этот шаг наполнен силой и целью. Сегодня я не буду командовать, и, честно говоря, меня это устраивает. Меня необходимо заставить отпустить себя. Сфокусировать меня лишь на удовольствии, которое они мне подарят. В это время руки Калена сжимаются, а Тайлер скрещивает руки на груди.

— Ты не против, чтобы я был первым, боссмен? У меня есть несколько... вещей, о которых я должен напомнить нашей девочке, — рычит Фин, протягивая руку вниз и хватаясь за постельное белье. Вены на его руках выступают от силы его захвата. Это зрелище заставляет меня стонать и извиваться, когда я представляю, как его пальцы обхватывают мое бедро или горло, черт возьми, даже мою киску.

— Не знаю, я думаю, у нас у всех могут быть некоторые... вещи, — ухмыляется Тайлер, новый, злой Тайлер, а не мой некогда мягкий любовник, — Которые нужно решить с *нашей* девушкой.

— Или ты можешь перестать болтать и наконец-то трахнуть меня, — дразню я, раздвигая ноги. Кален вдыхает, когда взгляд Риггса падает на мои раздвинутые бедра, его плечи напрягаются.

— Раздень ее, — приказывает Тайлер, игнорируя мой комментарий, хотя его голос стал более темным, рычащим, а не безразличным, как он пытается изобразить. Он пытается сохранить контроль, остаться главным, чтобы не быть слабым передо мной. Не так, как прошлой ночью, когда мы занимались любовью и он отдал мне свое сердце. Сейчас ему все еще больно, даже если он не говорит об этом, и его способ справиться с этим — отстраниться. Но я не могу позволить этому случиться, не сейчас, не тогда, когда мы так близки к тому, чтобы получить все, чего так хотим.

Поэтому я делаю то, что сделал со мной Кален — я выманиваю его наружу. Поднявшись на колени, я стягиваю с себя рубашку и отбрасываю в сторону вместе с лифчиком, прежде чем опуститься на руки и подползти к нему. Его глаза сужаются, но он не отступает, даже когда я настигаю его и опускаюсь на пол. Я протягиваю руки к его джинсам и расстегиваю их. Он хрипит, когда я обхватываю рукой его твердый член и вытаскиваю его на свободу, обдав дыханием истекающий кончик. Второй рукой я скольжу по его бедру, которое дрожит от моих прикосновений, показывая мне, что он не равнодушен.

— Трахни меня, Тайлер, — бормочу я. — Никаких приказов, никакого отчуждения, я желаю все. Ты зол, я понимаю. Используй это, вытрахай все это, чтобы мы могли начать все сначала, — шепчу я, мое дыхание обдувает его член с каждым словом, пока он слегка не подается вперед, надвигаясь так, что его член касается моих губ.

— Пейтон, — предупреждает он, и хихикнув, я облизываю его кончик.

Это ломает его. Он наклоняется, поднимает меня и бросает на кровать. Через мгновение он уже на мне, срывает с меня шорты и трусики, пока я не оказываюсь голой, мокрой и требующей. Его кулаки опускаются по обе стороны от моей головы, пока он держит себя надо мной.

— Хочешь, чтобы тебя трахнули, детка? Тебе лучше держаться, потому что мы не остановимся, пока ты больше не сможешь убежать, — угрожает он, прежде чем слегка опуститься и поцеловать меня. Поцелуй получается жестким, его зубы ловят мою губу, заставляя боль пронзить меня, прежде чем его язык проскальзывает мимо моего приоткрытого рта и спутывается с моим. Он отстраняется, оставляя меня задыхающейся и ошеломленной, смотрящей на него снизу вверх.

— Обещания, обещания, — хрипло пробормотала я.

— Я возьму ее первым. Если она не заснет после... что ж, вы трое сможете повеселиться, — Тайлер ухмыляется, и я слышу стоны остальных, когда он отступает назад и сбрасывает джинсы.

— Похоже, мы пока наблюдаем, — бормочет Фин.

— Мне нравится наблюдать, — комментирует Риггс.

— Я знаю, что нравится, ты, больной ублюдок, — с насмешкой говорит Фин, но я полностью сосредоточена на Тайлере, который ползет по кровати и моему телу. Он останавливается над моими дрожащими бедрами и целует каждое из них, прежде чем двинуться выше. Его язык проникает в мой пупок и кружится вокруг него, а затем проходит между грудей. Я хнычу, не в силах сдерживаться, и его голодные глаза встречаются с моими, когда он поворачивает голову и быстро кусает нижнюю часть моей груди достаточно сильно, чтобы оставить след. Он успокаивает укус языком, а затем втягивает мой сосок в рот. Мои глаза закрываются, и я выпячиваю грудь, пока он сосет и лижет. Наслаждение нарастает от его талантливого языка, пока вдруг он не отстраняется, а затем делает то же самое с другой грудью, мучая меня. Когда я начинаю задыхаться, он снова кусает меня, на этот раз сбоку от груди, почти разрывая кожу.

— Ты собираешься снова попытаться уйти от нас? — требует он, когда отпускает меня. Я качаю головой, облизывая губы, но его глаза резко сужаются.

— Этого недостаточно, — он проводит рукой по моей груди, обхватывает шею и крепко сжимает. — Ты попытаешься уйти от нас снова?

Задыхаясь, я отвечаю.

— Нет.

— Я все еще не верю ей, а вы? — спрашивает он остальных, и раздается хор «нет».

Он ухмыляется мне.

— Думаю, мне придется заставлять ее выкрикивать свой ответ снова и снова, пока мы ей не поверим.

Отпустив мое горло, он проводит зубами по моей груди, животу и киске, вклинивая свои плечи между моими бедрами. Он раздвигает их шире, ложась, его взгляд устремлен на мою мокрую киску.

Он хочет, чтобы я кричала? Ему придется поработать для этого.

Словно догадываясь о моих мыслях, его руки обхватывают мои бедра, сильно сжимая их. Пальцы вдавливаются в нежную кожу, пока я не вздыхаю от боли, и только тогда он вылизывает длинную линию вниз по моему ядру, словно хваля меня за этот звук.

Я снова издаю этот звук, и он вознаграждает меня, щелкая языком по моему клитору, так что я продолжаю испускать звуки. Я позволяю им вырваться из моего горла, пока его пальцы глубже впиваются в мою кожу, а его талантливый язык ласкает мой клитор и проникает в мою киску, погружаясь внутрь меня, чтобы попробовать мои соки. Он проделывает подобный путь несколько раз, прежде чем втянуть мой клитор в рот, и я кричу в экстазе.

Мой оргазм нарастает, и я так близка к нему, как вдруг он отстраняется.

— Я не расслышал твоего ответа, — рычит он, его губы, подбородок и щеки покрыты моими соками. В раздражении я откидываюсь назад, а он усмехается, проводя пальцами по моей киске, но избегая клитора, а затем повторяет все снова и снова. Он снова доводит меня до грани, но на этот раз добавляя свои пальцы. Он вводит их в меня и трахает меня сильно и

быстро.

— Не уйду, не уйду, — напеваю я, вжимаясь в его лицо, вращая бедрами, трахая себя об него. Мне так сильно нужно кончить, что я не могу ни думать, ни даже видеть. Есть только потребность. Наслаждение слишком велико, а боль лишь усиливает его.

— Не уйду! — кричу я, когда он наконец позволяет мне кончить, покусывая мой клитор, одновременно двигая пальцами внутри мой киски. Я срываюсь с края, ожидая, пока они поймают меня.

Он поднимается надо мной, раздвигая мои бедра шире, пока я дрожу и моя киска продолжает сжиматься от оргазма. Он не дает мне передышки, прижимая свой твердый член к моему входу, и одним плавным движением погружает его в мою пульсирующую киску. Он упирается руками в кровать, удерживая себя надо мной. Его глаза дико горят, когда он выходит и снова входит в меня. Он трахает меня жестко и быстро, давая мне то, в чем я нуждалась сейчас, после того, как я дала ему свой ответ.

— Никогда снова, — рычит он, двигаясь в моей тугой дырочке. Наконец я оживаю, обхватываю его ногами за талию, подстегивая его продолжать. Наслаждение, которое превратилось в слабое кипение, снова начинает нарастать от его толстого, твердого члена, скользящего по чувствительным нервам внутри меня. Эти темные глаза приковывают меня к месту, и ощущение его твердого, гладкого тела, движущегося надо мной, заставляет меня стонать, откидывать голову назад, но я стараюсь не сводить с него глаз. Мне нужно видеть его, видеть любовь и гнев на его лице, когда он вымещает их на мне. Он не останавливается, не дает мне перевести дыхание. Он использует свое тело, чтобы показать, как он зол, но и как сильно он любит меня. Тайлер опускает голову, облизывает и покусывает мою челюсть и горло, ловя зубами яремную вену на шее и впиваясь в нее. Резкая боль заставляет меня вскрикнуть, когда мои глаза закрываются, и я поднимаю бедра, встречая его жесткие толчки. Я принимаю все, соглашаясь на все, что у него есть, и даже больше. Мне нужно, чтобы он знал, что я здесь, что я люблю его и никогда снова не покину их.

— Никогда, — обещаю я, мой голос срывается на последнем слове, когда очередной оргазм пронзает меня. Он стонет, когда я кончаю на его члене. Он замедляет свои толчки, когда моя киска доит его, и с последним толчком он хрипит и наполняет меня своим освобождением.

Он прислоняется ко мне, дыша так же тяжело, как и я. Я сжимаю ноги вокруг его талии, спускаясь с вершины. Я закрываю глаза, и улыбка появляется на моих губах. Тайлер нежно целует меня, прежде чем выйти из меня и опуститься рядом со мной, чтобы не раздавить меня.

Его сперма вытекает с меня. Моя кожа покрыта розовыми пятнами от его рта и рук, и все же я хочу большего. Я открываю глаза, когда кровать проседает, и вижу, что Фин движется ко мне. Я — главное блюдо, и они чертовски голодны. Даже после того, как Тайлер трахал и наполнял меня, их это не беспокоит, они хотят меня так же сильно, и это отбрасывает последние сомнения.

— Она не заснула, ты недостаточно хорошо ее обработал, — шутит Фин. — Не волнуйся, нас осталось трое, так что она не сможет ходить, когда мы закончим. Правда, детка?

— Она даже не сможет двигаться, если мы трахнем каждую дырочку, — размышляет Риггс. — Задница, киска, рот. Наполним каждую и жестко оттрахаем, и тогда она потеряет сознание, наполненная нашей спермой, не имея возможности уйти.

— Гребаный ад, Риггс, — рычит Кален. — Но, дерьмо, да, мне нравится эта идея. Вчера у меня была ее киска, так что сейчас я хочу ее тугую маленькую попку.

— Тогда я получу ее киску, — Риггс ухмыляется. — Я хочу почувствовать, как она кончает вокруг меня, и посмотреть, как вы оба ее трахаете.

Черт возьми. Я почти кончаю от одного только этого визуального образа, мое дыхание сбивается от обещания в его голосе.

— Значит, я получу ее горячий маленький ротик? — поддразнивает Фин, наклоняясь и нежно целуя меня. — Этот рот? Тот, который годами дразнил меня? Договорились, блять.

— Ты когда-нибудь принимала член в свою задницу, принцесса? — спрашивает Кален, и я содрогаюсь, встретившись с его глазами.

— Да, — невозмутимо отвечаю я. Его глаза вспыхивают от ревности, и он бросает взгляд на Тайлера. Я поворачиваюсь и смотрю на Тайлера, откинувшегося на подушки с наглой ухмылкой на лице.

— Хорошо, значит, я не разорву тебя своим огромным членом, — заканчивает Кален и оглядывается на меня. — На колени.

Я переворачиваюсь и встаю на колени, склонив голову, чтобы посмотреть на Фина, когда он устраивается рядом со мной. Я чувствую, что глаза Риггса внимательно наблюдают за мной, когда Кален наконец-то прикасается ко мне, лаская мою задницу, прежде чем его твердый член прижимается к моей киске.

— Мне нужно, чтобы ты смочила мой член, принцесса, — пробормотал он, поглаживая мое плечо. — Смочила настолько, чтобы я мог войти в эту попку, не причинив тебе... слишком много боли.

— Тогда тебе лучше сделать меня мокрой, — я ухмыляюсь, виляя задницей и толкаюсь назад, чтобы попытаться насадиться на его член. Он не дает мне этого сделать, обхватывая мои бедра и удерживая меня неподвижной, пока он проводит своим членом вверх и вниз по моей киске, покрывая его моими соками. Он ударяет головкой своего члена по моему клитору снова и снова, пока я не вздыхаю и не толкаюсь назад изо всех сил, пытаюсь ввести его в себя.

Когда я останавливаюсь, он входит в меня, заставляя меня вскрикнуть от толчка. Его член растягивает мой и без того чувствительную, влажную киску. Он проникает глубже, его бедра шлепаются о мою задницу, а он держит меня неподвижно, то выходя, то снова входя. Он трахает меня жестко и быстро, не позволяя мне двигаться. Ощущения слишком сильные, его член слишком большой, и удовольствие нарастает, пока я не вскрикиваю и не сжимаю в кулак простыню, а мои соски трутся о постельное белье. Затем он уходит, вырываясь из моего тела так же быстро, как вошел в него.

Оставляя меня холодной и пустой.

— Ты будешь двигаться, когда я скажу, принцесса, — огрызается он, сильно шлепая меня по заднице. Я дергаюсь от боли, а затем его большая рука ласкает место удара, убирая боль, прежде чем он раздвигает мои ягодицы.

Я чувствую, как его огромный, влажный кончик прижимается к моему заднему входу, и напрягаюсь, прежде чем заставить себя расслабиться, зная, как хорошо это будет ощущаться. Тайлер любит анал, но у Калена член больше, поэтому я опускаю голову и закрываю глаза, пытаюсь выровнять дыхание.

— Хорошая девочка, расслабься для меня, — воркует он, медленно проталкивая головку через кольцо мышц.

Он проникает глубже, прежде чем выйти. Боль становится резкой и внезапной, когда он проталкивает свой член глубже в мою задницу, похищая мое дыхание и слова. Мои легкие кричат, прежде чем он окончательно входит в мою задницу. Он замирает и осыпает поцелуями мою спину и плечи, пока я не расслабляюсь все больше вокруг него.

— Блять, ты бы видела, как сексуально ты выглядишь, принимая мой огромный член так глубоко в своей попе.

Его слова заставляют меня хныкать. Боль слишком сильна, мне нужно, чтобы он двигался, и Кален, всегда зная, что мне нужно, начинает двигаться. Он выходит и снова входит, сначала медленно, превращая боль в низкое, кипящее желание. Моя киска начинает капать при звуках его ворчания, когда он пробивает себе путь в мою тугую попку, его пальцы сжимают мои бедра, притягивая меня к себе и толкая вперед.

Я начинаю отвечать на его толчки, и он ускоряется. Мой клитор пульсирует, а киска сжимается от соприкосновения наших тел, от его резкого дыхания, твердого члена и клацанья зубов.

Он толкается в меня, вгоняя свой огромный член все глубже в мою задницу, пока я не начинаю задыхаться, извиваясь под ним.

Он неустанно трахает меня жесткими, быстрыми толчками. Боль от того, что он заполняет мою задницу, сменяется чистым наслаждением. Оно проникает в меня, пока он ворчит мне в ухо. Шлепки его яиц звучат громко, когда он снова и снова входит в мою задницу. Я вскрикиваю и выгибаюсь навстречу ему, почти кончая от его члена, но он вдруг замедляет темп. Его толчки становятся почти нежными.

Размеренными.

— Подними ее, — приказывает Риггс, и Кален обхватывает меня руками и притягивает к себе на колени. Я неподвижно сижу на огромном члене Калена, и мне остается только стонать и извиваться, нуждаясь в продолжении движения. Мне нужно больше и в то же время меньше. Необходимо все, что они предлагают.

Он приподнимает меня, не давая отстраниться, пока Риггс устраивается подо мной. Он наблюдает за тем, как Кален медленно трахает меня, а затем кивает ему через мое плечо.

— Опусти ее, я хочу войти в нее.

Кален опускает меня, пока моя киска не оказывается прижатой к твердому члену Риггса. Кален делает толчок, насаживая меня на свой член, и я стекаю по нему, такая мокрая, что почти неловко. Риггс стонет, скользит руками по моему телу, хватаясь за мою киску, прежде чем шлепнуть по ней, шлепнуть по моему клитору, заставляя меня дергаться.

— Остановись, пока я не войду в нее. Я не хочу, чтобы пока кончала, — бормочет он, и Кален замирает позади меня. Риггс направляет свой член в мою киску, не сводя с меня глаз, пока я хнычу.

— Пожалуйста, — прохрипела я, и он с рычанием вошел в меня, заставив меня вскрикнуть от ощущения.

Я так полна, слишком полна, растянута между ними, их члены заполняют меня так, как я никогда не была заполнена раньше.

— Я почти чувствую, как ты растягиваешь ее, — спокойно говорит Риггс Калену. — Она такая тугая, — затем его голос становится глубже, он моргает и встречается с моими глазами. — Это приятно. Двигайся, когда двигаюсь я, тогда один из нас будет постоянно находиться внутри нее.

— Вот дерьмо, — хнычу я, опуская голову вперед, когда Кален медленно выходит из

меня и снова входит. Риггс на мгновение замирает, пока я не понимаю, что он анализирует, как лучше меня трахнуть. Затем он начинает двигаться во мне, когда Кален отстраняется, проникая в мою киску и наклоняя меня вперед, пока не начинает задевать нужную точку снова и снова. Они трахают меня жестко и быстро, и я снова взрываюсь, когда внезапный оргазм прорывается сквозь меня, оставляя меня истекающей и сжимающейся вокруг них, пока я кричу.

Они продолжают трахать меня, пока я глотаю воздух... пока другой член не прижимается к моему рту, покрывая мои губы предэякулятом.

— Заглоти меня, детка, больше никаких разговоров, никаких лишних слов. Позволь мне заполнить этот дерзкий ротик, пока я не взорвусь в твоём горле, и ты ещё несколько дней будешь чувствовать только мой вкус, — рычит Фин.

Я высунула язык, слепо облизывая его член, и со стоном он погрузил кончик в мой рот. Я беру его глубже, прежде чем он перестает стараться быть милым и мягким и просто вонзается в мой рот, глубоко проникая внутрь, а затем выходит и проникает до самого горла. Я чуть не задыхаюсь, из глаз у меня текут слезы, они стекают по щекам и смешиваются со слюной, вытекающей из моего широко открытого рта. Я цепляюсь ногтями за грудь Риггса, заставляя его хрипеть, одновременно впиваясь ногтями в член Фина.

Фин быстро входит в ритм парней, пока все мои дырочки не оказываются тщательно оттраханными. Я наслаждаюсь этим ощущением, зная, что все они находятся в моем теле, делят меня, любят меня. Наконец я расслабляюсь, закрываю глаза, чувствуя, как блаженство и наслаждение разливаются по мне.

Я зажата между ними, не в силах пошевелиться, не в силах думать или говорить, пока они долбят меня, трахают жестко и быстро, как и обещали. Я больше не смогу ни ходить, ни думать, ни убежать от них. Каждый толчок — напоминание о том, что они здесь, мы здесь, и мы живы.

Каждое прикосновение, ласка и поцелуй наполнены любовью.

Я привязана к ним, но мне не хватает какой-то части... пока Тайлер не протягивает руку и не гладит меня по плечу, давая понять, что он здесь, со мной. С нами. Когда он придвигается ближе и поглаживает мои соски, я полностью отпускаю себя.

— Люблю тебя, принцесса, — рычит Кален, и каждое слово сопровождается толчком. Толчками, которые погружают член Риггса глубже в мою киску, в то время как Фин проникает в мое горло и снова выходит, и они вместе трахают меня.

Все это слишком сильно, и, хотя я не думала, что это возможно, я кончаю снова. Я кричу вокруг члена Фина, и он вскрикивает, толкаясь глубже в мой рот, когда наступает его собственное освобождение, взрываясь в моем горле, как он и обещал. Моя киска плотно сжимает член Риггса, и он стонет, борясь с этим, сопротивляясь своему освобождению, чтобы продлить мое собственное. Кален отключает контроль. Укусив меня за плечо, он рычит и вонзается в мою задницу до глубины яиц, а затем взрывается внутри меня, наполняя мою задницу своей спермой.

Риггс выходит из моей киски и снова входит в меня, трахая меня до тех пор, пока я снова не сжимаюсь вокруг него, и он рычит. Он замирает, когда его собственный оргазм взрывается в нем, его сперма выплескивается внутрь меня, когда он делает толчок.

Я обессиленно падаю. Они держат меня, так как я не могу двигаться — в точности как они обещали.

Я не двигаюсь, когда они выходят из моего тела, но вздрагиваю. Фин усмехается и

наклоняется ко мне, нежно целуя, не обращая внимания на то, что его сперма покрывает мой язык.

— Не мойте ее, пусть она спит с нашей спермой внутри нее.

Черт, от этой мысли я снова покрываюсь мурашками, и Кален шлепает меня по заднице.

— Нет. Спи, пока не убила нас, — он застонал и опустился рядом со мной.

Риггс снимает меня со своего размякшего члена и позволяет мне свернуться калачиком на его груди, не обращая внимания на стекающие с меня пот и сперму. Тайлер тянется ко мне и гладит меня по волосам.

— Я люблю тебя, — бормочет он, и я расслабляюсь еще больше, зная, что он не против того, что только что произошло.

Фин прижимается к моему левому боку, и к Риггзу тоже, а Кален обхватывает мою ногу, прижимаясь к ней, отдыхая.

Я улыбаюсь, прижимаясь к ним, их руки и ноги окружают меня, заземляют, защищают от тех демонов, которые заставили меня бежать в первую очередь. Завтра они все еще будут поджидать меня, но я знаю, что справлюсь с этим. Пока они рядом со мной, я все смогу.

Я не идеальна, но я принадлежу им. Я уже не та семнадцатилетняя девушка, которая влюбилась в четырех мужчин. Я стала старше, сильнее, но я все еще учусь. Несомненно, я снова сделаю им больно, и они будут злиться, но мы простим друг друга, потому что такова настоящая любовь. Она всепрощающая, прочная, способная расти и меняться и... настоящая.

Даже в самые лучшие и самые темные времена.

Любовь — надежный маяк.

ПЕЙТОН

Спустя три месяца

Голубая вода вокруг меня безмятежна, когда я свободно погружаюсь на дно. Мы закончили основное погружение два дня назад и решили бросить якорь у бухты, чтобы отдохнуть и исследовать окрестности. Стив хорошо заплатил нам за это погружение — первое, которое мы совершили после пещеры.

Слава Богу, все прошло гладко. Там не было никаких неизведанных морских чудовищ, просто какие-то старые сокровища, потерянные при крушении корабля.

Пещера, которую мы исследовали тогда, была надежно закрыта и ограждена, как он и обещал. Новость стала вирусной, и многие не обратили на нее внимания, сказав, что все это ложь, но некоторые все-таки верят.

Нам все равно, мы знаем правду.

После всего случившегося мы отправились на берег на несколько месяцев, чтобы восстановиться. Я похоронила Майкла под деревом на скале с видом на океан, чтобы он всегда мог быть рядом, когда я вернусь домой, и чтобы он следил за мной. Я также побывала на могилах отца и матери и показала им кольцо, которое ношу до сих пор.

Мы — одна семья.

Я улыбаюсь, глядя, как мимо меня проплывает осьминог, светясь от счастья, пока солнце пробивается сквозь воду. Остальные поднялись несколько минут назад, но я остаюсь внизу до тех пор, пока могу.

Я счастлива.

Больше, чем когда-либо. Тайлер был прав — я ушла, чтобы потом снова быть найденной. Иногда люди правильные, но время не подходящее. Они были моими людьми, но мне пришлось найти себя в глубинах этого мира и научиться любить себя, прежде чем я смогла полностью полюбить их.

Теперь я полностью принадлежу им, а они полностью принадлежат мне. Мы никогда не планируем останавливаться. Мы — семья, и мы будем исследовать этот мир вместе, пока физически больше не сможем.

Повернувшись в воде, я проплываю сквозь рыб, прежде чем подняться на поверхность. Я с ухмылкой выныриваю на поверхность, откидывая волосы назад, и замечаю Тайлера, который ждет меня на корме лодки с протянутой рукой. Я хватаюсь за нее, и он без труда вытаскивает меня. Он полностью исцелился, только шрамов стало немного больше. Тайлер машинально целует меня и держит за руку, пока мы продвигаемся дальше по лодке — нашей новой лодке.

Мы назвали ее «Минноу».

Остальные уже там, с едой и напитками. Риггс смеется над тем, что сказал Фин, а Кален закатывает глаза на их выходки, но он улыбается, когда замечает меня, и мое сердце трепещет, как всегда, когда они поворачиваются ко мне. Они все улыбаются, их лица наполнены любовью.

Как мне так повезло?

Жизнь не всегда легка. Мне приходилось бороться, на мою долю выпало много мрачных испытаний, и я потеряла многих дорогих мне людей, но в данный момент это того стоило. Возможно, мы не самые богатые люди с точки зрения денег, но деньги — это далеко не главное. Я богата любовью и счастьем, и именно здесь, в море, с ними, мое место.

Здесь мой дом и счастье — с ними.

Я больше никогда не оставлю и не обижу их, а они всегда поддержат меня. Мы будем расти вместе, и с каждым днем мы будем влюбляться все сильнее.

— Мы слушали радио и только что услышали о каком-то шторме, из которого спасли несколько человек, это звучит безумно. Странное происшествие, — говорит Риггс, когда я останавливаюсь и усаживаюсь на полотенце, прислонившись к боку Фина.

Странное происшествие... Они и наше так назвали. Будем надеяться, что с ними все в порядке.

— Правда? — спрашиваю я, хватая яблоко и надкусывая его.

— Ага, так или иначе, Стив прислал нам сообщение и предлагает еще одно погружение, когда мы будем готовы.

Я киваю и устраиваюсь поудобнее лицом к солнцу, улыбаясь, пока они разговаривают и отдыхают. Взглянув на небо, я улыбаюсь еще шире, зная, что мои родители и Майкл смотрят на нас сверху вниз. Они гордятся нами и всегда наблюдают.

Куда бы ни отправились мы, они будут с нами.

Мой взгляд устремляется к моим мужчинам. Мое сердце всегда принадлежало океану, но потом появились они и украли его, и теперь мое сердце принадлежит и им.

Этим мужчинам, этим хищникам.

Моим возлюбленным.

Жизнь состоит из мелочей. Возможно, вы никогда не станете знаменитым, не откроете несметных богатств, но для счастья этого и не требуется. Все, что вам нужно, — любовь. Если бы жизнь была легкой, то это была бы не жизнь. Жизнь — это путешествие, и, подобно лодке в океане, иногда вы попадаете в шторм, набегающую волну, но именно в бурю вы узнаете, на что способны.

Вы обретаете свою силу.

Моя сила заключается в них.

Моей семье.

Это наша история.

Это и есть мое сердце дайвера.

КОНЕЦ.

Notes

[

←1

]

прим. ред. Деко-стоп, или декомпрессионная остановка — это обязательная остановка безопасности. Такие остановки осуществляются после декомпрессионных погружений.

[

←2

]

прим. ред. Отстойник или сифон — проход в пещере, погруженный под воду. Отстойник может быть статическим, без входящего и выходящего потока, или активным, с непрерывным потоком.

[

←3

]

прим. ред. Minnow (с англ.) — малек. Воблеры класса минноу, самые распространенные в среде спиннингистов.

[

←4

]

прим. ред. Мокрые гидрокостюмы проще по конструкции, в них легче двигаться и они подходят для более теплой воды.

Сухие костюмы лучше всего подходят для холодной воды, но требуют дополнительной подготовки и обслуживания.

[

←5

]

прим. ред. Упряжь — используется для соединения веревки с альпинистом. Обычно состоит из усиленного поясного ремня с мягкой подкладкой и ножных петель, которые соединены с поясным ремнем усиленной страховочной петлей. Упряжь имеет множество различных функций, каждая из которых предназначена для разных стилей лазания.

[

←6

]

прим. ред. Дайв-компьютеры рассчитывают бездекомпрессионное время, используя внутренние алгоритмы, которые учитывают информацию в реальном времени, такую как глубина, время погружения, повторные погружения, температура воды, бездекомпрессионное время и многое другое.

[
←7
]

прим. ред. Компенсатор или жилет плавучести позволяет аквалангистам регулировать плавучесть под водой и обеспечивать положительную плавучесть для отдыха и плавания по поверхности.

[
←8
]

прим. ред. Этот набор шлангов, соединяющих дайвера с его баллоном с дыхательным газом и компенсатором плавучести, называется регулятором.

[
←9
]

прим. ред. Подводный буксировщик (DPV), называемый также «подводным скутером» — современное, компактное подводное транспортное средство для дайверов, имеющее электромотор и питание от батарей, которое позволяет осмотреть большую территорию на дне в течение короткого времени.

[
←10
]

прим. ред. Три мили — около 3,2 км.

[
←11
]

прим. ред. Свободное погружение (Free Immersion, FIM) — фридайвер погружается под воду без использования дополнительного снаряжения на задержке дыхания

[
←12
]

прим. ред. Одна миля — около 1,6 км.

[
←13
]

прим. ред. 1 фут — около 0,30 м.

[
←14
]

прим. ред. Китобои — люди работающие на китобойном промысле.

Китобойный промысел — коммерческая охота на китов. Целью китобойного промысла является прежде всего добыча ворвани, служащей как топливо и использующейся в промышленности.

[
←15

] прим. ред. Три мили — около 4,8 км.

[
←16

] прим. ред. 60 футов — около 18,2 м.

[
←17

] прим. ред. 20 футов — около 6 м.

[
←18

] прим. ред. Сленговое выражение «дробовик» используют, как правило, для того, чтобы сделать что-то первым/первым занять очередь/сесть на переднее сиденье в автомобиле и т. д.

[
←19

] прим. ред. Три мили — около 4,8 км.

[
←20

] прим. ред. 10 футов — около 3 м.

[
←21

] прим. ред. Две мили — около 3,2 км.

[
←22

] прим. ред. Лазание, при котором скалолаз не применяет страховку.

[
←23

] прим. ред. Риг — распространенный сленг для обозначения компьютера, в частности изготовленного на заказ.

[
←24

] прим. ред. Buddy Breathing — дыхание из одного лёгочника (баллона) с партнером.

[
←25

] прим. ред. Ребризер — аппарат, позволяющий обрабатывать отработанную при дыхании дайвера дыхательную смесь химическим поглотителем, для удаления углекислого газа, и добавлять в нее кислород, для того чтобы осуществлять повторное дыхание.

[
←26

] прим. ред. Закладка — приспособление, применяемое в [альпинизме](#) и [скалолазании](#) для организации [страховки](#).

[
←27

] прим. ред. Нооah (с англ.) — ура. Боевой клич, используемый военнослужащими армии США.

[
←28

] прим. ред. Гипотермия — это критическое переохлаждение организма, когда температура тела падает до 35 °С и ниже. Тяжелая гипотермия приводит к остановке сердца и смерти.

[
←29

] прим. ред. 60 футов — около 18,2 м.

[
←30

] прим. ред. Кошки (кошки альпинистские) — металлические приспособления для увеличения противоскольжения, обычно, при передвижении по снежно-ледовому рельефу.

[
←31

] прим. ред. Страховочная привязь — элемент личного снаряжения. Предназначена для страховки, а так же, благодаря специальным «разгрузочным петлям», дает возможность иметь под рукой специальное снаряжение. Состоит из прочных строп и силовых пряжек..

[
←32

]

прим. ред. Баротравма — физическое взрывание органов тела, вызванное разницей давления между внешней средой (газ или жидкость) и внутренней полостью. Баротравма обычно возникает при изменении давления окружающей среды, например, при осуществлении водолазного спуска, занятии фридайвингом, при взлёте или посадке самолёта, при взрывной декомпрессии, а также в некоторых других случаях.

[

←33

]

прим. ред. 80 футов — около 24,3 м.

[

←34

]

прим. ред. 60 футов — около 18,2 м.

[

←35

]

прим. ред. 30 футов — около 9,1 м.

[

←36

]

прим. ред. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) — это тревожное расстройство, вызванное очень стрессовыми, пугающими или неприятными событиями. Человек с болезнью ПТСР часто переживает травматическое событие через ночные кошмары и воспоминания и может испытывать чувство изоляции, раздражительности и вины.